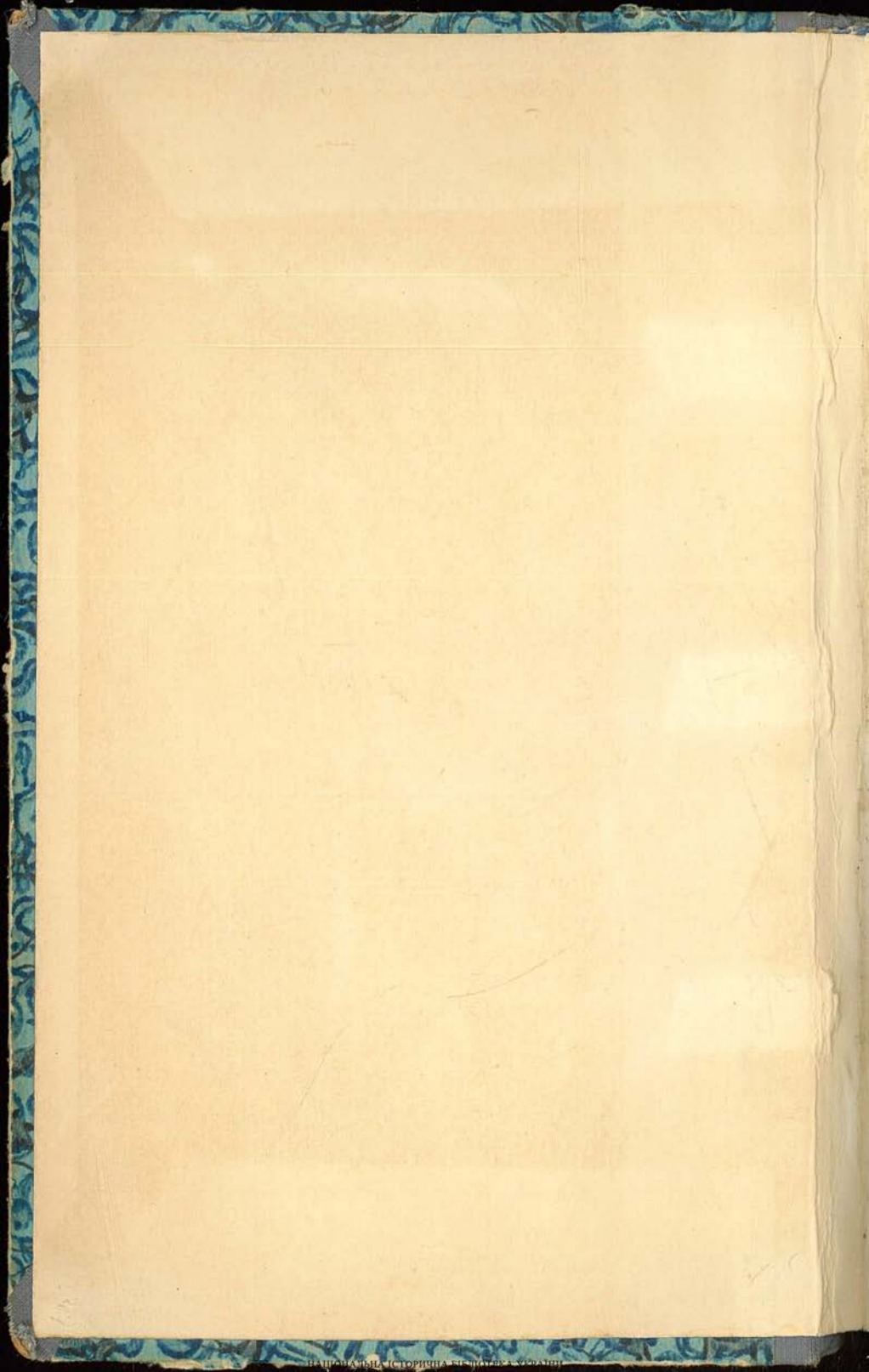

g(c2) i

K90

1041

40

ЗАПИСКИ

О

ЮЖНОЙ РУСИ.

І.

157482

АВОН.

ЗАКОН

(1877 г.)

ЮЖНО-РАС.

ЗАКОН

ЮЖНО-РАС.

ЮЖНО-РАС.

ЮЖНО-РАС.

ЮЖНО-РАС.

ЮЖНО-РАС.

1877

Р

ЗАПИСКИ

9(02)1
К90

0

ЮЖНОЙ РУСИ.

ИЗДАЛЪ П. КУЛИШЪ.

157782

157782

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

1964

157782

С. - ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

91041 + 81044 + 7251.75.

ИЗДАНИЕ

ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ
узаконенное число экземпляровъ. Москва, 21 Марта 1856 года.

Цензоръ Н. Фоль-Крузе.

1856
30
2

Въ Типографіи Александра Рквсона.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ЦѢЛЬ И СОСТАВЪ КНИГИ.

Съ нѣкотораго времени въ образованномъ классѣ Сѣверно-Русскаго населенія пробудилось особенное желаніе узнать поближе Малороссію, или Южную Русь, эту богатую дарами природы и историческими воспоминаніями страну, о которой такъ много говорятъ и пишутъ. Съ другой стороны, уроженцы Малороссіи начали чувствовать живѣе прежняго жажду самопознанія, которая выражается множествомъ книгъ по предмету мѣстной исторіи и этнографіи, изданныхъ въ послѣднее время въ Кіевѣ, Одессѣ, Харьковѣ и другихъ Южно-Русскихъ городахъ. Удовлетворяя этому двойному требованію, я предпринялъ издать, въ неопредѣленномъ количествѣ томовъ, *Записки о Южной Руси*, въ которыхъ бы каждый просвѣщенный Русскій человѣкъ имѣлъ энциклопедію разнообразныхъ свѣденій о народѣ, говорящемъ языкомъ

Южно-Русскимъ. Эти свѣдѣнія собраны и обработаны, какъ мною самимъ, такъ и другими лицами. Первый томъ этихъ Записокъ занять преимущественно историческими воспоминаніями Малороссійскаго, или Южно-Русскаго народа, которыя представлены въ томъ видѣ, въ какомъ они передаются изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и снабжены необходимыми поясненіями. Съ одной стороны, это — лѣтопись былого, незаписаннаго старинными людьми; съ другой — это вѣрное отраженіе внутренняго образа Южно-Русскаго племени, какимъ оно было въ-старину и какимъ видимъ его теперь.

О ПЕРЕВОДѢ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ДУМЪ И ПРЕДАНІЙ.

Такъ какъ языкъ нашихъ Малороссійскихъ думъ и преданій доступенъ не всѣмъ Великорусскимъ читателямъ, то я счелъ нужнымъ приложить къ нимъ возможно точный переводъ. Я говорю *возможно точный* потому, что передать въ-точности характеръ Южно-Русской рѣчи на Сѣверно-Русскомъ языкѣ нѣтъ никакой возможности, по недостатку многихъ соотвѣтственныхъ формъ въ языкѣ Сѣверно-Русскомъ. Часто то, что по-Малороссійски выражается нѣжно и живописно, по-Великорусски выходитъ грубо и вяло. Поэтому многое надобно было оставлять безъ перевода, а иное переводить оборотами, далекими отъ дословной точности. Вообще я долженъ сказать, что весь мой переводъ есть только средство къ

уразумѣнію подлинника, но никакъ не замѣна его для людей, незнающихъ по-Малороссійски. Многое въ Малороссійскомъ языкѣ рѣшительно непереводаемо на языкъ Великорусскій; въ этомъ сошлюсь на людей, родившихся на сѣверѣ и изучившихъ нашу южную рѣчь изъ просвѣщенной любознательности. Но, какъ Сѣверный и Южный Русскій народъ есть одно и то же племя, при всемъ различіи своихъ характеровъ, прозведенномъ различіемъ мѣстности и общественной жизни; то, при нѣкоторомъ вниманіи и навыкѣ, Великорусскому уроженцу не трудно понимать смыслъ и красоту Малороссійскаго языка, особенно на бумагѣ.

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ.

Въ предлагаемомъ изданіи я старался упростить, сколько возможно, Малороссійское правописание и приспособить его къ легчайшему произношенію словъ. До сихъ поръ въ Малороссійской грамотѣ глазъ непривычнаго читателя непріятно поражала буква *ы*, которою литераторы наши выражали мягкое южное *и* (напримѣръ, въ словахъ *прійшли*, *мишлі*). Но она до такой степени несвойственна Южно-Русской рѣчи, что Полтавецъ, или Чигиринецъ не можетъ даже въ Великорусской книгѣ произнести звуковъ *вы*, *мы*, и. т. п. Онъ будетъ произносить нѣчто подобное словамъ *ми*, *ви*, но никогда не скажетъ *вы*, или *ми*, такъ твердо, какъ выговариваетъ его сѣверный уроженецъ. Въ Малороссійскомъ языкѣ, котораго образ-

помъ служить для меня наиболѣе общее Малороссіянамъ нарѣчіе, именно Полтавско-Чигиринское, — вовсе нѣтъ звука *ы*, а потому я и исключилъ его изъ своего правописанія. Напримѣръ слово *волы* произносится Малороссіянами похоже на то, какъ еслибы написать это слово Французскими буквами (*voly*). Мягкое *и*, заключающееся въ этомъ словѣ, я выражаю, за неимѣніемъ въ Русскомъ алфавитѣ болѣе соотвѣтствующаго ему звука, осьмеричнымъ *и*; а острое *и* (напримѣръ въ словахъ *коми*) я выражаю десятиричнымъ *і*.

Буква *е* въ Малороссійскомъ языкѣ произносится послѣ согласныхъ не такъ, какъ, напримѣръ, въ Великорусскомъ словѣ *дерево*, а близко къ тому, какъ во Французскомъ словѣ *délecter*; и потому слово *дерево* по-Малороссійски надобно произносить такъ, или почти такъ, какъ еслибы оно было напечатано Французскими буквами (*dé-révo*). Но есть въ Малороссійскомъ языкѣ и острое *е* послѣ согласныхъ, точно такое, какъ въ Великорусскомъ словѣ *денегъ*. Это *е* я выражаю буквою *є* (напримѣръ въ словѣ *зілє*).

Къ этому надобно еще прибавить, что буква *о* никогда не произносится какъ *а*, но всегда такъ чисто, какъ во Французскомъ языкѣ.

Многія Малороссійскія слова различаются отъ Великорусскихъ только удареніемъ, и потому Великороссіянинъ, взявшись читать по-Малороссійски, безпрестанно

впадаетъ въ такія непріятныя для слуха ошибки, какъ еслибы кто по-Великорусски читалъ такимъ образомъ: *Прішла служанка отъ сѣсѣда*. Для устраненія этого важнаго неудобства, я ставлю надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ острое удареніе. А чтобы показать повышение и пониженіе голоса разскащика, или декламатора (пѣвцы, читая свои думы, декламируютъ ихъ какимъ-то особеннымъ, какъ-бы заученнымъ способомъ), я ставлю надъ нѣкоторыми словами удареніе тяжелое. Если въ словахъ, имѣющихъ букву *i*, удареніе не поставлено, это значить, что его надобно сдѣлать на этой буквѣ. Но въ словахъ, имѣющихъ два раза букву *i*, я ставлю надъ одной изъ нихъ удареніе.

ИЗДАТЕЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

Важность изученія народной словесности. Стр. 1.

Старосвятскіе нищі-пѣвцы и нищі нашего времени. Стр. 2.

Кобзарь Архипъ Никонѣнко 'Оржицкій. Стр. 7 — 14.

Нищі въ Малороссійскомъ простонародьи занимаютъ первое мѣсто по развитію поэтическихъ и философскихъ способностей. Стр. 43. *Они играютъ роль воспитателей народа.* Стр. 45.

Кобзарь Андрей Шутъ Александровскій Стр. 43—51, 63—65.

Разсказчикъ Семенъ Юрчѣнко Мартыновскій. Стр. 65—73.

Лирникъ Дмитръ Позорльмій Звенигородскій. Стр. 81, 95.

Думы уцѣльмъ только на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Это объясняется не столько событіями Колійвщини, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра. Стр. 82.

Заселеніє праваго берега Днѣпра стараніями Польскихъ пановъ. (Народонаселеніє начало быстро уменьшаться во время войнъ Хмѣльницкаго. — Два послѣднія переселенія. — Запустѣніє западной Украйны. — Новыя поселенія: старосты и магнаты; дворяне; права шляхтѣ на »заложеніє осадѣ«; военные колонизаторы. — Зазывы на »слободу«. — Повинности. — Чѣмъ обогащалась шляхта. — Враждебные жизненные элементы. — Сосѣдство Запорожцевъ. — Набѣги гайдамакъ.) Стр. 82 — 93.

Тождество гайдамацкихъ набѣговъ съ войнами Богдана Хмѣльницкаго. Стр. 94, 245, 285.

Когда жилъ и умеръ сотникъ Харкѣ? Стр. 96 — 99.

Разсказчикъ Кондратъ Таранѣха Смилянскій. Стр. 99.

Трудность собираія пьсень и преданій. Стр. 100.

Равнодушіє народа къ исторіи Малороссіи. (Загадочность настоящего состоянія его духа.) Стр. 121 — 122.

Сбивчивыя понятія нашихъ историковъ о Паліи. (Опѣ былъ одинъ изъ колонизаторовъ западной Украйны.) Стр. 128 — 131.

Думы, забытыя народомъ, продолжаютъ иногда существовать въ формѣ прозаическихъ расказовъ, со стихотворными отрывками. Стр. 169 — 170.

Воспоминанія народа объ отдаленнѣйшей Кіевской старинѣ. (Преданіе о морскихъ походахъ первыхъ Кіевскихъ князей, сохрани вшеесея въ формѣ думы.) Стр. 171 — 172.

Историческія думы и пьсни складываемы были не по воспоминаніямъ о старинѣ, а по свѣжимъ слѣдамъ событій. (Одиссей слушала рапсодію о себѣ самомъ. — Рапсодіи народовъ новаго образованія. — Невѣста Тимооєя Хмѣльницкаго слушала думу о немъ. — Епископъ

Львовскій сложилъ думу о гетманѣ Самойловичѣ. — Пѣсня о Паліи въ Сибири выражаетъ моментъ сочиненія.) Стр. 178 — 180.

Поэтическое творчество Малороссійскаго народа перешло къ его литературнымъ представителямъ. (Аналогія между Гомеровыми ропсодіями и Малороссійскими думами. — Гомеръ и Вальтеръ Скоттъ. — Раздѣленіе народа цивилизаціею есть залогъ высшаго духовнаго развитія. — Въместо бандуристовъ, цивилизованному Малороссійскому обществу нужны поэты.) Стр. 180 — 185.

Сочинителями историческихъ думъ и пѣсень были не нищіе слѣпцы, а очевидцы и участники воспѣтыхъ происшествій. (Разборъ думы о смерти козака бандуриста. — Палій въ Сибири игралъ на бандурѣ. — Популярное изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ. — Слепцы — нищіе учились думамъ у козаковъ — воиновъ.) Стр. 185 — 193.

Эпосъ былъ въ большемъ ходу въ княжеской, а потомъ и въ козацкой Южной Руси. (Молчаніе лѣтописцевъ о думахъ и пѣсняхъ. — Памятникъ эпическаго развитія народной Южно-Руской поэзіи, «Слово о Полку Игоревѣ». — Кѣмъ онъ могъ быть написанъ и какимъ измѣненіямъ могъ подвергнуться. — Остатки славословія князьямъ уцѣлѣли донныѣ въ «щедривкахъ». — Высокое совершенство языка Малороссійскихъ женскихъ пѣсень. — Старосвѣтскіе бандуристы пѣли послѣдовательно рядъ историческихъ думъ, подобно Гомеру. — «Послѣдній менастрель» козацкій продаетъ слѣпцу свою бандуру и учитъ его думамъ.) Стр. 193 — 199.

«Невольницкія» думы сложены самими невольниками. (Въ Турціи образовалась какъ-бы пѣлая нація невольниковъ. — Они безпрестанно мѣнялись ролями съ вольными козаками.) Стр. 211 — 215.

Заслуги собирателей народныхъ пѣсень. Стр. 221.

Самъ народъ есть лучшій памятникъ своей прошедшей жизни. Стр. 135.

Малороссіяне — простолюдины не называютъ себя иначе, какъ «люде». Стр. 235.

Неумные нашихъ этнографовъ взяться за допросъ народа о его умственныхъ сокровищахъ. Стр. 236.

Разсказикъ Василь Суддѣнко Черкасскій. Стр. 238 — 240.

Разсказикъ Харко Цехмістеръ Черкасскій. Стр. 240, 251, 267.

Путешествіе пшикомъ изъ Чигирина въ Сѹботово. Стр. 268. 270.

Разборъ пѣсни о войнахъ Хмѣльницкаго, записанной въ Сѹботовѣ. Стр. 271 — 273.

Разсказикъ Омѣлько Каплауѣхій Сѹботовскій. Стр. 274 — 275.

Монастырскій разсказикъ. Стр. 279.

Старосвѣтскіе Малороссійскіе балагуры-самонасмѣшники. Стр. 288.

Старики и старухи, разсказывающіе, подобно Данту, о видѣніяхъ своихъ на томъ свѣтѣ. Стр. 303 — 304.

2.

ПРЕДАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ И ПОВѢРЬЯ.

О Золотыхъ Воротахъ. (Кіевскія Золотыя Ворота перенесены «лицаремъ» Михайликомъ въ Цареградъ; но будетъ такое время, когда они вернутся на прежнее мѣсто.) Стр. 3.

Жидовскіе откупы до Хмельницькаго. (Церковные ключи хранились у Жида-откупщика.) Стр. 166.

Пограничные схватки жолтировъ съ козаками. (Жолтиры и Запорожцы сходились въ одинъ шинкъ и, заспоривъ между собой, дрались на сабляхъ. Отсюда началась козацкая война.) Стр. 110.

Хмельницкій и Барабашъ. (Ляхи притѣняли козаковъ. Козаки жаловались королю. Король далъ козакамъ »права«; но Барабашъ утаилъ ихъ отъ земляковъ. Хмельницкій хитростью добылъ отъ Барабаша »права« и ушелъ съ ними въ Сѣчь.) Стр. 166.

Хмельницкій въ Запорожской Сѣчи. (Жолтиры стояли на Запорожьи и брали десятую рыбу на рыбныхъ козацкихъ ловляхъ. Хмельницкій истребилъ ихъ.) Стр. 275.

Плата Хмельницкаго за пльннихъ. (За Ляха платилъ онъ по рублю, а за ксенза по три полтины.) Стр. 276.

Хмельницкій надъ Случью. (Отобралъ у своихъ козаковъ все деньги.) Стр. 148.

Легенда о Богданѣ Хмельницкомъ. (Прогнавши Ляховъ за Случь, онъ поставилъ надъ Случью, на страхъ имъ, вѣтряные барабаны, а самъ поѣхалъ къ королю просить прощенія. — Онъ долженъ былъ узнать короля между двѣнадцатю палачами. — Свиданіе съ королемъ.) Стр. 114.

Преступленія и казни Юрія Хмельницкаго. (За разореніе отцовой церкви, онъ осужденъ, до второго пришествія, скитаться въ горахъ и питать своею кровью змѣю.) Стр. 277.

Легенда о Мазепѣ и Паліи. (Мазепа заложилъ Палія кирпичомъ въ столбъ. Царь Петръ освободилъ Палія, и Палій очаровалъ Мазепино войско.) Стр. 115.

Вторая легенда о Мазепѣ и Паліи. (Степанъ Плаха [Палій]

предсказавъ Царю Петру возстаніе Мазепы. — Петръ заключилъ Палія въ темницю. Если правду онъ пророчилъ, то будетъ жить тридцать лѣтъ однимъ нюхательнымъ табакомъ. — Когда Мазепа дѣйствительно оказался врагомъ Царя Петра, Царь освободилъ Палія изъ темницы, и тотъ очароваль приверженцевъ Мазепы. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Малороссіи.) Стр. 117.

Третья легенда о Мазепѣ и Паліи. (Царь Петръ освободилъ Палія изъ Сибири. — Палій ввелъ Царя въ непріятельскій лагерь, и они подслушали, о чемъ совѣщается Мазепа съ Шведомъ и Туркомъ. — Потомъ Палій такъ зарядилъ пушки, что непріатели тотъ-часъ были разбиты. — Палій испрашиваетъ у Царя пощаду Гетманщинъ.) Стр. 123.

Преданіе о сотникѣ Харкѣ. (Онъ обнаружилъ въ своихъ поступкахъ нѣчто, напомнившее Полякамъ Хмѣльницкаго. Его вызвали въ Паволочъ и казнили). Стр. 96.

Легенда о сотникѣ Харкѣ. (Поляки сперва приковали коня Харькова цѣпами и тогда только осмѣлились лишить его жизни. Но и тутъ должны были рубить ему голову собственною его саблею, потому что никакое другое орудіе не взяло его.) Стр. 95.

Вербовка въ гайдамаки и развязка Уманской трагедіи 1768 года. (Изъ Запорожской Сѣчи вышло сперва трое гайдамакъ: Шелестъ, Лусконігъ и Гніда. Они поселились въ Украинскихъ монастыряхъ, и каждый составилъ свою партію между поселянами. — Появленіе «Сѣчи» въ окрестностяхъ Мотренинскаго монастыря. — Взятіе Уманя. — Прощанье Зализняка съ чурою. — Гайдамаки захвачены въ-расплохъ. — Воспоминаніе о казни гайдамакъ.) 293.

Максимъ Шило. (Гайдамаки казнили своего товарища за убіеніе Черкасскаго «губернатора». — Прїѣздъ Максима Шило въ Черкасскій замокъ. — Униженіе предъ нимъ губернатора. — Смѣлость городского козака.) Стр. 241.

О гайдамакѣ Швачкѣ. (Гайдамаки атакованы въ болотѣ близъ Смилой. — Пѣсня о Швачкѣ.) Стр. 135.

Ночной набѣгъ гайдамакъ. (Отаманъ, предъ вступленіемъ въ городъ, «характеретвоваль» на успѣхъ. — Вторгнувшись въ домъ Дрѣги, гайдамаки пыткой заставили его выдать имъ червонцы.) Стр. 246.

Наймуть-гайдамака. (Выраженіе благодарности къ бывшему хозяину.) Стр. 249.

Похожденія гайдамакъ въ Смилой. (Въ первый набѣгъ разграбили замокъ и увели съ собою «панну» и «хлопца», но потомъ отпустили. Во второй—разбили, подъ предводительствомъ Вовчка. Польскій отрядъ.) Стр. 132.

Встрѣча пасичника съ гайдамакою. (Пасичникъ отдалъ гайдамакъ свою сорочку и накормилъ его. За это гайдамака указалъ ему зарытыя въ землѣ деньги.) Стр. 133.

Местъ за имя Жида. (Одинъ гайдамака назвалъ Жидомъ другого и былъ убитъ имъ за это. Товарищи нашли убійцу правымъ.) Стр. 284.

Гайдамаки въ Мотренинскомъ монастырѣ. (Устройство Съчи. — Поляки ищутъ гайдамакъ въ монастырѣ. — Гайдамаки отвлекаютъ ихъ слухами о нападеніи на села. — Трусость Польскаго намѣстника при извѣстіи, что гайдамакъ не беретъ пуля.) Стр. 279.

Пребываніе Максима Зализняка въ Черкасахъ. (Наружность Зализняка. — Въѣздъ въ замокъ. — Гайдамаки разливають водку по базару. — Зализнякъ требуетъ «сапѣйцевъ.» — Гайдамака овладѣваетъ чужими сапогами.) Стр. 251.

Бѣгство гайдамакъ. (Довцы захватываютъ гайдамакъ въ-расплохъ. — Гайдамаки, уходя по Днѣпру на Запорожье, казнятъ Черкаскаго писаря.) Стр. 259.

О Золотой Грамотѣ. (Преслѣдованіе «благочестія» и сожженіе ктитора въ Маіевѣ. — Игуменъ Мотренинскаго монастыря пишетъ Золотую Грамоту). Стр. 149.

Походженія гайдамакъ въ Каневъ. (Гайдамака овладѣваетъ ко-
немъ поселанина. — Неживый вознаграждаетъ его мѣднымъ котломъ. —
Крещеніе Жидовки въ Каневѣ.) Стр. 151.

Происхожденіе и конецъ гайдамаки Неживого. (Онъ былъ Сѣ-
ботовскій горшечникъ. — Его схватилъ обманомъ панъ Шѣрба.) Стр. 278.

Гайдамаки въ Жаботинь. (Причиною гайдамачества въ Жабо-
тинѣ былъ Жидъ-арендаторъ, насчитавшій на городовыхъ козаковъ плу-
товскіе проценты.) Стр. 285.

Гайдамаки въ Умань. (Передъ началомъ »Уманской рѣзни«, гай-
дамаки велѣли Базиліянамъ пройти по улицамъ и отправить торжествен-
ныя похороны.) Стр. 285.

Воспоминанія о религіозныхъ смутахъ въ Украинь. (Като-
лики обращаютъ »благочестиваго« священника въ уніятство. — »Бла-
гочестивые« монахи внушаютъ народу, какъ уничтожить унію. — Жа-
лобы Переяславскому архіерею. — Поляки пыткой принуждаютъ »бла-
гочестиваго« священника къ Уніи. — Возвращеніе »благочестія« на
мѣсто уніи.) Стр. 261.

Объ уніи и »благочестіи.« (Гоненія противъ »благочестиваго«
духовенства. — Принужденіе народа къ уніи.) Стр. 137.

*Взглядъ простолюдина на ярмарки по воскреснымъ днямъ и
праздникамъ.* (Посредствомъ ярмарокъ лукавый отвлекаетъ народъ отъ
»благочестія«, такъ точно, какъ прежде посредствомъ уніи.) Стр. 138.

Обезоруженіе поселянъ послѣ Камивщины. (Десяти хатамъ
позволялось имѣть одинъ ножъ и одинъ топоръ.) Стр. 139.

О Базиліянахъ. (Они преподавали по-Польски катихизисъ; а паны
поощряли учениковъ деньгами.) Стр. 101.

Воспоминанія о Запорожцахъ, объ ихъ правахъ и обычаяхъ.
(Запорожцы возвратились изъ Турціи потому, что ихъ мертвецовъ не
принимала земля. — Надпись Царя Петра на камнѣ близъ Савурь-Моги-

лы. — О томъ, какъ возили изъ Украйны въ Сѣчь для продажи горилку, и какъ Запорожцы покупали. — Возвращеніе Запорожцевъ съ добычею изъ Польши. — Разбой Запорожскихъ «гультаевъ на шляхахъ.» — Воровство вмѣнялось въ обязанность Запорожцу, разумѣется, не дома. — Казнь за волокитство. — Насмѣшливость. — Судъ за насмѣшки. — О томъ, какъ Запорожцы ѣли въ Польшѣ сметану, не пачкая усевъ, и какъ одинъ Запорожець натянулъ лукъ, присланный Полякамъ отъ непріятелей, въ знакъ вызова на войну. — Запорожцы были великіе силачи. — Слухъ о томъ, что Запорожье «зруйи́ють». — Предсказанія самихъ Запорожцевъ. — Бѣгство въ Турцію.) Стр. 154.

О комышникахъ. (Вариантъ разсказа о разбояхъ Запорожскихъ гультаевъ на шляхахъ.) Стр. 75.

О Запорожцѣ Васюринскомъ. (Вариантъ разсказа о томъ, что Запорожцы были великіе силачи.) Стр. 141.

Искусъ предъ вступленіемъ въ Запорожское братство. (Запорожцы испытывали сметливость новичковъ въ пониманіи ихъ настоящаго, а не кажущагося, характера.) Стр. 286.

Поедики у Запорожцевъ. (Стрѣлялись изъ пистолетовъ черезъ бурку.) Стр. 302.

Запорожское щегольство. (Появляясь въ Украйнѣ, Запорожцы расточали весь блескъ нарядовъ, для привлеченія къ себѣ новичковъ. — Вельтижерскіе штуки. — Лукавое сватовство для пооекъ и постоевъ gratis.) Стр. 139.

Запорожцы на своихъ рыбныхъ ловляхъ. (Каждо, кто приходилъ къ нимъ, сперва кормили и пойли, а потомъ уже распрашивали, кто и зачѣмъ. — Сидя въ палаткахъ, пировали, играли въ карты и въ шашки; слушали игру на кобзѣ; танцовали и катались колесомъ.) Стр. 111.

Запорожское цѣломудріе. (Запорожская совѣть позволяла любезничать только съ молодцами, но отнюдь не съ дѣвухами.) Стр. 113.

Торговля невольницами на Запорожьи. (Запорожцы увозили иногда изъ Украины дѣвушекъ и потомъ, не зная, куда съ ними дѣваться, продавали Татарамъ). Стр. 102.

О Запорожскихъ хѣмородникахъ, или каверзникахъ. (Нѣсколько Запорожцевъ сидѣло въ Кіевѣ подъ арестомъ за переманиваніе къ себѣ карабинеровъ. Отъ скуки, они дурачили своихъ сторожей разными фокусъ-покусами, которые принимались за колдовство. — Отъ томъ, какъ Запорожець рыдалъ, услышавъ отъ сторожа пѣсню о гайдамакахъ.) Стр. 77.

Преданіе о Козарахъ. (Народъ, въ своихъ преданіяхъ, производитъ Запорожцевъ отъ Козаръ.) Стр. 150.

Хлѣбосоольство на Запорожьи. (Никто не смѣлъ попрекнуть пришельца тунеядствомъ.) Стр. 151.

Очаковская бѣда. (Юмористическій разсказъ о томъ, какъ у козаковъ не стало сала, и какъ они воевали, подъ предводительствомъ Потемкина съ Турками.) Стр. 289.

О Татарскихъ плѣнникахъ. (Татары гоняли плѣнныхъ, привязавъ руками къ длинной жерди по нѣскольку чѣловѣкъ. — Лѣсъ Перегонь.) Стр. 5.

Преслѣдованіе Татаръ послѣ набѣга. (Воспоминаніе объ Артипармакѣ, который выводилъ въ Украину Орду. — Поселяне гнались за Татарами; козаки, встрѣтивъ ихъ, ограбили по-непріятельски.) Стр. 102.

Тревога по случаю Татарскаго набѣга. (Народъ бросился изъ Черкасъ уходить за Днѣпръ. Сторожевые козаки не пустили его на Русскій берегъ.) Стр. 267.

О козацкомъ ополченіи въ 1790-хъ годахъ. (Воспоминаніе о Потемкинѣ, Кречетниковѣ, Нащокинѣ и Леонидовѣ. — Погребъ Выдубицкаго монастыря, подрѣзанные Днѣпромъ. — Утайка трети жалованья.) Стр. 67.

О войнѣ съ Польшею въ 1793—1795 годахъ. (Костюшка былъ волшебникъ. — Умыселъ Поляковъ противъ постояльцевъ. — Плянные Поляки въ Кіевѣ на работахъ.) Стр. 73.

О новомъ козацкомъ героѣ, Гладкомъ. (Когда онъ родился, земля затрепетала.) Стр. 165.

Объ урочищахъ въ Звенигородкѣ. (Воспоминаніе о древнемъ Звенигородѣ. — Битвы между помѣщиками за границы. — «Грець» въ видѣ кулачнаго боя.) Стр. 104.

Объ урочищахъ въ Смилой. (Юрась, Домна и Мотря, старинные колонизаторы Украины. — Турецкое поселеніе.) Стр. 142.

Воспоминанія о прежнихъ повиностяхъ, урожайхъ и цѣнахъ въ западной Украинѣ. Стр. 143.

Страствованіе по тому свѣту. (Обмиравшая старуха видѣла на томъ свѣтѣ, въ раю, дѣтей своей госпожи. — На ея распросы, рассказываетъ рядъ другихъ видѣній. — Братья-чумаки, превращенные за вражду въ собакъ. — Всѣ подаянія и пожертвованія, сдѣланныя на этомъ свѣтѣ, возвращаются «помершимъ душамъ» на томъ. — Богатые и бѣдные люди, превращенные въ тощихъ и жирныхъ воловъ. — Грѣшникъ, страдающій отъ холода посреди пламени. — Грѣшникъ, томящійся жаждою въ источникѣ. — Скупая богачка въ кипящей смолѣ. — Грѣшникъ по поясъ въ раскаленныхъ угольяхъ — Разбойникъ переносящій змѣй изъ одной ямы въ другую. — Перекладина надъ бездною. — Завѣтъ возвращающейся на этотъ свѣтъ душъ.) Стр. 303.

З.

Думы и пѣсни.

О морскомъ походѣ «старшаго князя»-язычника въ «Христіанскую Землю». Записалъ А. Шишацкій-Иличъ. Князь предлагаетъ дружинѣ назначить по немъ преемника, на случай его смерти. — Дру-

жина совѣтуетъ князю ѣхать за море жениться. — Снаряженіе въ походъ. — Молитва богу Посвѣстачу. — Отплытіе Варяго-Русскаго флота. — Предчувствіе Князя. — Буря у Христіанскаго берега. — Сомнѣніе въ могущество и истинности языческаго Бога. — Увѣрованіе въ Бога Христіанскаго. — Возвращеніе домой. — Совѣтъ о принятіи Христіанской вѣры. — Посольство за море для познанія истинной вѣры. — Возвращеніе посольства и торжество.) Стр. 172.

Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ. Записаль Э. О. Руликовскій. Стр.

Дума о Фескѣ Андѣбѣрь, записанная П. Кулишемъ и дополненная варіантомъ М. В. Нѣговскаго. (Козакъ-нетяга гуляетъ одинадцать лѣтъ, а на двѣнадцатомъ году приходитъ къ степной кабачницѣ, Настѣ-Горовой. Тамъ застаеть трехъ Ляховъ, дукъ-срибляйниковъ. — Насмѣшки ихъ надъ козакомъ и совѣтъ прогнать его въ-зашей. — Настя, степная кабачница, исполняетъ этотъ совѣтъ въ-точности. Но козакъ ушрается, руками въ косяки, ногами въ порогъ, а головою въ полку для мисокъ надъ дверью, и даетъ понятіе о своей силѣ. — Двое изъ Ляховъ-дукъ простодушно смѣются надъ комикомъ-великаномъ, но третій хватился за умъ и покупаетъ для него кѣнву пива. — Степная кабачница велитъ служанкѣ принести самаго негоднаго пива; но та налила самаго лучшаго, называвшагося »пьяное чолó« и подала козаку, отворачивая носъ отъ кѣнвы съ притворнымъ отвращеніемъ. — Когда у него зашумѣло въ головѣ, онъ началъ гремѣть кѣнвою объ полъ такъ сильно, что въ кабакѣ развалилась печка и помрачила сажею весь воздухъ. — Насмѣшки Ляховъ-дукъ надъ необразованностью козака-нетяги. — Козакъ тѣснитъ ихъ изъ-за стола къ порогу и садится съ лаптами на покурѣ. — Потомъ вынимаетъ изъ-подъ полы »позолотѣтый недолимокъ«, гремитъ имъ объ столъ и поетъ пѣсню, на которую являются козаки съ богатыми одеждами. — Дуки поняли тогда, что передъ ними не козакъ-нетяга, а Фескó Ганжа Андѣбѣрь, гетманъ Запорожскій, и принялись его угощать. Но онъ проливаетъ напитки на свое дорогое платье, и велитъ козакамъ проучить ихъ по-козацки. Только пощадилъ того, который купилъ для него пива. — Козаки метять дукамъ-богачамъ за то, что они захватили все поля и »лѣвки.«) Стр. 200.

О козацкой жизни. Записаль М. В. Нѣговскій. (Козакъ идетъ на войну. — Жена проклинаетъ его. — Козакъ смѣется надъ ея проклятіями. — Въ домѣ у него между тѣмъ все приходитъ въ безпорядокъ и запустѣніе. — Онъ возвращается и обходится жестоко съ женою. — Сосѣдки смѣются надъ ихъ жизнью; но жена козака скрываетъ пороки мужа. — Онъ идетъ въ корчму и грустно смѣется надъ домашней жизнью козака.) Стр. 215.

О смерти козака-бандуриста. Записаль А. С. Аванасевъ. (Козакъ, вышедъ изъ битвы въ жалкомъ положеніи, выражаетъ свои чувства игрою на бандурѣ и пѣнею. Онъ тоскуетъ о своихъ товарищахъ, предчувствуетъ близкую смерть и прощается съ бандурою.) Стр. 185.

О Марусь Богуславкѣ. Записаль М. В. Нѣговскій. (Невольники томятся у Турокъ въ темницѣ. — Пльнная дѣвушка изъ Богуслава объявляетъ имъ, что сегодня праздникъ Воскресенія Христова. — Это извѣстіе усиливаетъ ихъ горестъ, и они проклинаютъ вѣстницу. — Но она обѣщаетъ освободить ихъ и, исполнивъ обѣщаніе, съ горестью рассказываетъ о своемъ отступничествѣ. — Молитва невольниковъ.) Стр. 210.

О бѣгствѣ трехъ братьевъ изъ Азова. Записаль П. Кулишъ. (Изъ Азова уходило трое братьевъ-невольниковъ, двое на коняхъ, а третій пѣшкомъ. — Этотъ послѣдній проситъ конныхъ взять его между лошадей; но старшій братъ сурово отвергаетъ просьбу. — Пѣшій братъ проситъ по крайней мѣрѣ лишить его жизни и похоронить его тѣло; но эта просьба такъ-же отвергнута. — Пѣшій братъ проситъ оставлять для него по степи примѣты. — Конные братья рубятъ по пути вѣтви съ терновника. — Пѣшій находитъ ихъ и перевозитъ доброту братьевъ. — Выѣхавъ изъ зарослей на голую степь, средній братъ предлагаетъ старшему бросать для примѣтъ куски одежды по пути. — Старшій отвергаетъ предложеніе. — Средній одинъ рветъ свою одежду и разбрасываетъ по степи. — Меньшой, пѣшій, подбираетъ ихъ и оплакиваетъ участь братьевъ, которыхъ полагаетъ изрубленными въ куски. — Отдыхаетъ въ изнеможеніи на Осавуръ-могилѣ. — Обращеніе его къ волкамъ и орламъ, которые собрались къ нему на «темный похоронъ». — Обращеніе къ своей участи и смерти. — Расканіе старшаго брата. —

Упрекъ середняго. — Ночлегъ надъ рѣчкою Самаркою. — Совѣщаніе, что говорить отцу и матери. — Погоня и смерть.) Стр. 32.

О бурѣ на Черномъ морѣ. Записаль П. Кулишъ. (Буря разбила козацкія суда на три части, изъ которыхъ въ третей потонають два брата и каются въ своихъ грѣхахъ. Богъ ихъ спасаетъ отъ смерти; они приплываютъ къ пристани, хватаются руками за камни и признають вліяніе молитвы отца и матери на судьбу дѣтей.) Стр. 28.

О козакѣ Голотѣ. Записаль П. Кулишъ. (Дополненія и отмѣны противъ списка г. Лукашевича: (1) Начало сходно съ началомъ думы Андрея Шута о Феськѣ Ганжѣ Андыбѣрѣ. — Въ городѣ Килии Татаринъ хвалится передъ Татаркою будущею побѣдою надъ козакомъ Голотою. — Козакъ не осмѣиваетъ, какъ въ спискѣ г. Лукашевича, наряда Татарина, потому что Татаринъ здѣсь по богатству одежды и вооруженія, представляетъ съ нимъ противоположность [швецъ г. Лукашевича очевидно потерялъ изъ виду это важное обстоятельство и смѣшалъ двѣ отдѣляющія одна другую фигуры.] — Хвастовство Татарина передъ козакомъ. — Битва. — Козакъ одѣвается въ богатая одежды убитаго врага и восхваляетъ хвалу Килиинскому полю.) Стр. 15.

О Жидовскихъ откупахъ и о войнѣ изъ-за нихъ. Записаль П. Кулишъ. Жиды взяли на откупъ все козацкіе шинки, шляхи, церкви и рѣчки. — Слухъ о Богданѣ Хмѣльницкомъ. — Походъ Хмѣльницкаго. — Бѣгство Жидовъ въ Полонне. — Хмѣльницкій требуетъ выдачи Жидовъ. — Отказъ. — Пушка-Сирота. — Взятіе и разграбленіе Полоцкаго. — Дѣлежъ добычи.) Стр. 56.

О побѣдѣ подъ Корсунемъ. Записаль М. В. Нѣговскій. (Отмѣны противъ списка г. Копытько (2): Упоминается Стеблевъ. — Козаки поймали Потоцкаго, связали какъ барана и привезли къ Хмѣльницкому. — Ему говорятъ: «Не вмѣвъ ти еси въ Камяньскімъ Подільці пробувати» и пр. — Ляхи упрекають Жидовъ въ возмущеніи козаковъ. — Жиды уходятъ за рѣчку Случь. На Случи обломился мостъ. — Жидь,

(1) У г. Максимовича этотъ списокъ перепечатанъ въ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень», на стр. 15.

(2) Въ «Сборникъ Украинскихъ Пѣсень», изд. М. Максимовичемъ, стр. 67.

торговавшій мелкимъ крамомъ, не съ зозаками, а «*козакамъ* пятами на-
квивавъ».) Стр. 223.

О Бьлоцерковскомъ мирѣ и о войнѣ съ Поляками. Записаль П. Кулишъ. (Отмѣны противъ списка г. Мурзакевича, напечатаннаго въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 74. Поляки присвоили себѣ козацкихъ женъ. — Хмѣльницкій откладываетъ войну до весны. — Ляхи называютъ козаковъ родными братьями и просятъ выпустить ихъ за Вислу хоть въ однихъ сорочкахъ. — На Вислѣ ломается подъ бѣгущими ледь. Козаки топятъ Ляховъ, посмѣваясь ихъ нѣжнымъ названіямъ родными братьями, и выражаютъ иносказательно невозможность братства между двумя враждебными политическими обществами.) Стр. 51.

Отрывокъ изъ пѣсни, проклинающей Богдана Хмѣльницкаго за предательство Татарамъ Украинскихъ поселянъ въ неволю. Записаль П. Кулишъ. Стр. 322.

О войнахъ Хмѣльницкаго. Записаль П. Кулишъ. (Слухъ о битвѣ за Дашевымъ подъ Сорокою. — Сравненіе Ляха съ козакомъ. — Рѣшимость не допустить Ляха господствовать самовластно въ Польшѣ.) Стр. 271.

О гайдамакѣ Швачкѣ. Записаль П. Кулишъ. (Запорожцевъ захватываютъ въ располхъ. — Швачка связанъ вмѣстѣ съ асауломъ. — Все имущество гайдамакъ разобрано по рукамъ.) Стр. 135.

О Васюринскомъ, по поводу разоренія Сьчи. Записаль П. Кулишъ. (Воззваніе къ спокойному великому гетману. — Напрасная просьба къ Царицѣ. — Горестъ Запорожцевъ. — Предложеніе Васюринскаго.) Стр. 321.

Надпись на популярномъ изображеніи Запорожца-кобзаря. Записаль П. Кулишъ. — Воззваніе къ струнамъ. — Неизвѣстность происхожденія Запорожцевъ. — Похвала Запорожской жизни. — Глубокая грусть, въ видѣ шутокъ.) Стр. 315.

О вдовѣ и трехъ сыновьяхъ. Записаль П. Кулишъ. (Отмѣны противъ думъ, помѣщенныхъ съ сборникѣ г. Метлинскаго: Достигнувъ

совершеннолѣтія, 'сыновья вдовы гуляютъ по Крыловскому рынку. — Вдова просить Бога покарать ихъ тремя несчастіями: неурожаемъ, неуваженіемъ и нелюбовью добрыхъ людей и несогласіемъ съ женами. — Все это исполняется.) Стр. 19.

О сестрѣ и братѣ. Записалъ П. Кулишъ. (Пополненія противъ думы, помѣщенной въ третьемъ сборникѣ г. Максимовича: Братъ иносказательно представляетъ невозможность пріѣхать къ сестрѣ въ гости. — Сестра объясняетъ иносказаніе. — Сравненіе тягости одиночества съ разными явленіями природы.) Стр. 24.

Книголюбца

Олександра
Завриловича
Аліоша

(А. Г. Алешо)

Книголюбца

Олександра
Завриловича
Аліоша

(А. Г. Алешо)

ЗАПИСКИ О ЮЖНОЙ РУСИ.

Въ наше время было бы излишнимъ толковать о томъ, какую важную роль въ народоописаніи играютъ языкъ описываемаго народа и все, что передается изъ поколѣнія въ поколѣніе на этомъ языкѣ. Простонародные рассказы и пѣсни составляютъ теперь предметъ изученія филологовъ, этнографовъ и историковъ, — не говоря уже о поэтахъ, для которыхъ это живой источникъ свѣжести, силы и разнообразія языка.

Подобно многимъ другимъ, я всегда былъ падокъ на простонародные рассказы; я рано началъ придавать имъ цѣну; но долго оставался въ заблужденіи, что для сохраненія ихъ достаточно одной памяти. Дѣло показало мнѣ не одинъ разъ, что въ памяти сохраняется только духъ и содержаніе рассказа, но формы уступаютъ въ ней мѣсто общимъ формамъ народной рѣчи, которую назывался слухъ, и теряютъ оттого свой самостоятельный характеръ. Мнѣ стоило иной разъ большого труда припомнить точное выраженіе давно невстрѣчаемаго мною рассказчика, которое могло бы служить для меня опорой въ извѣстномъ случаѣ; и наконецъ я убѣдился, что тутъ нечего полагаться на память, а надобно записывать каждый характерный оборотъ рѣчи въ рассказѣ и каждый переходъ отъ одной мысли къ другой.

Первыя народныя преданія записалъ я такимъ образомъ въ Кіевѣ. Я до сихъ поръ помню очень живо нищаго старика-слѣпца, который подходилъ къ моему окну съ улицы, держась за плечо *поводиря*-мальчишки, на которомъ только всего и было одежды, что остатки полотняныхъ шароваръ земляного цвѣта да

обрывки свитки, недопошенной его учителемъ. Обыкновенно слѣпецъ беретъ къ себѣ *въ науку* безроднаго сироту и даетъ ему практическіе уроки нищенства, то есть, учить его выпрашивать милостыню, терпѣть холодъ, зной и все неудобства безпріютной жизни, копить денежку на черный день, не встрѣчая ни одного свѣтлаго, и быть равнодушнымъ къ своему положенію. Между нищими-слѣпцами встрѣчаются люди съ необыкновенною памятью, удерживающею, безъ малѣйшей потери, множество пѣсень и разсказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, потолкавшись по свѣту и наживъ, какъ говорятъ, копейку, получаютъ охоту къ осѣдлой жизни, покупаютъ въ людномъ селѣ хату съ огородомъ и заводятъ у себя школу нищихъ пѣвцовъ. Иногда они достигаютъ между своею братією великой знаменитости. Многочисленные питомцы ихъ, разбредясь во все стороны по Малороссіи, прославляютъ ихъ имена на днѣпровскихъ рыбныхъ ловляхъ, въ Полѣсьи, на Волыни и въ Слободской Украинѣ. Встарину между учителями нищихъ были, говорятъ, даже такіе гении, которымъ присвоивалось титуло *старѣчихъ королей* и которые во всю жизнь получали дань отъ своихъ учениковъ, основавшихъ въ разныхъ концахъ Малороссіи собственныя школы. Но эти времена уже прошли. Слѣпые пѣвцы давно ужъ измельчали; вкусъ къ ихъ думамъ и пѣснямъ мало-помалу исчезъ въ народѣ, по мѣрѣ забвенія старинныхъ воспоминаній, или замѣнился грубымъ вкусомъ къ шуточнымъ стихотвореніямъ о *Хомь и Ерель*, о *Дворяникъ*, вышедшей замужъ за *хлѣбороба*, и тому подобнымъ. Мой кievскій нищій не зналъ ужъ ни одной исторической пѣсни, ни одной воинской, или поучительной думы. Я долго подозрѣвалъ въ немъ недовѣрчивость къ моему сочувствію и опасеніе какой-то хитрости съ моей стороны, какъ обыкновенно у нихъ бываетъ. Я долго пріучалъ его къ себѣ исправною подачею полновѣсной мѣдной монеты, которая рѣдко опускается въ сухую, изморщенную руку малороссійскаго *старца*, но наконецъ убѣдился, что онъ былъ нищій поколѣнія новаго, то есть — человекъ ниже своего ремесла. Старинные нищіе привлекали къ себѣ народъ не жалобами

на свое убожество, а звуками и содержаніемъ пѣсень, которыхъ не въ-силахъ была удержать память пѣвца-пахаря, пѣвца-работника, занятая иными заботами. Нищія нашего времени добываютъ себѣ подачу однообразнымъ канюченьемъ, которое надоѣдаетъ слушателю, не возбуждая въ немъ никакого благороднаго чувства.

Такъ перебивался на свѣтѣ и мой старикъ съ своимъ поводомъ. Но онъ не весь состоялъ изъ заученныхъ, скучныхъ фразъ своего ремесла и изъ заботъ о насущномъ хлѣбѣ; въ немъ таилось кое-что и лучшее, но только онъ не умѣлъ отыскать его между ненужнымъ хламомъ. Однажды я неожиданно услышалъ отъ него превосходную легенду о Кіевскихъ *Золотыхъ Воротахъ*, которой никогда ни прежде, ни послѣ ни отъ кого не слышалъ. Я заставилъ его повторить ее себѣ нѣсколько разъ; я слѣдилъ за его рѣчью съ карандашомъ въ рукѣ, и вотъ подлинный тонъ и складъ его рѣчи, безъ поправокъ.

ЛЕГЕНДА О ЗОЛОТЫХЪ ВОРОТАХЪ. (*)

.... Якъ лихоліте було, то прийшовъ чужоземець, Татаринъ, и отó вже на Вишгородъ бѣе, а далі вже й підъ Кіевъ підступає. А тутъ Михайликъ лицарь бувъ, да якъ зішовъ на башту да пустивъ зъ лука стрілу, то стріла и впала у миску томú Татарину. Той скóро сівъ коло скам'ї обідати, тілько що поблагословивъ їсти, ажъ та стріла такъ и ветром'їлась у печеню.

»Э«, каже, »се жъ тутъ е сільний лицарь!... Подайте«, каже, »мині тогó Михайлика, то я одетуплю.«

(*) *Переводъ.*—Какъ было *лихоліте*, пришелъ чужеземець, Татаринъ, и вотъ ужъ ударилъ на Вишгородъ, а потомъ подступаетъ и къ Кіеву. А тутъ былъ богатырь⁽¹⁾ Михайликъ. Какъ взошелъ на башню да пустилъ изъ лука стрѣлу, то стрѣла и упала Татарину въ миску. Только что сѣлъ онъ у скамейки и *благословился* обѣдать, какъ стрѣла и воткнулась въ *печеню* (жаркое). »Э«, говоритъ, »да тутъ есть могучій богатырь!... Выдайте«, говоритъ Кіевлянамъ, »выдайте мнѣ Ми-

(1) Великорусское слово *богатырь* не вполне соответствуетъ малороссій-

Отъ Кіяне шуму-шуму, и радятця: А щò жь? оддаймо!
А Михайликъ каже: »Якъ оддастè ви менé, то въ остáншій
разъ бóдете бáчить Золотїи Ворóта.«

Да сівши на коня, обернўсь до їх да й промóвивъ:

»Ой Кіяне, Кіяне, панòве громада!

Погàна вáша рáда:

Якъ-бóй ви Михайлика не оддавали,

Пóки світь сòнця, ворогї б́ Кїева не достáли!»

Да взявъ на рáтище ворóта, — такъ якъ отъ снїпъ святóго
жїта вїзьмешъ, да й поїхавъ у Царїградъ черезъ Татарське вїй-
сько. А Татаре ёго й не бáчять. Отъ, якъ одкрївъ ворóта, то
чужоземцї ввалились у Кїевъ да й пїшли пóтоптомъ.

А лїцарь Михайликъ и досї живé въ Царїградї; передь нимъ

хайлика, такъ отетуплю.« Вотъ Кїевляне шуму-шуму, и совѣтуюся:
»Чтò же? выдaдимъ!« А Михайликъ говорить: »Какъ выдaдите меня, то
въ послéдній разъ видѣтъ вамъ Золотыя Ворота.« Сѣлъ на коня, обер-
нулся къ нимъ и проговорилъ: »Ой *Кїяне, Кїяне, честнáя громада!* (1) *неразуменъ совѣтъ вашъ. Когдабъ вы Михайлика не выдaвали, — пока світъ солнца, не добытъ бы врагамъ Кїева!*« И поднявъ онъ кошемъ
ворота — такъ вотъ, какъ поднимешъ спонъ святаго *жїта* (2) — и по-
ѣхалъ черезъ Татарское войско въ Цареградъ. А Татары и не видятъ его.
И какъ открылъ ворота, то чужеземцы ввалились въ Кїевъ да и *пошли пóтоптомъ.*

И живеть богатырь Михайликъ доселъ въ Цареградъ. Передь нимъ
стаканчикъ воды да просфорка; больше ничего не ѣсть. И Золотыя Во-

скому *лїцарь* (рыцарь). Слово *витязь* подходитъ къ *лїцарю* ближе; но Ве-
ликорусскїй *витязь* не имѣетъ почти непремѣннаго свойства Малороссійскаго
физическаго *лїцаря*, именно — сверхъестественнаго могущества, независящаго отъ
физической силы и удачи.

(1) Мїръ, мїрская сходка. — (2) Житомъ называется въ Малороссїи рожь.

стоить стаканчикъ воды, и прѣскурка лежить; большъ нічого не ість. И Золотіи Ворѣта стоять у Царіграді. И бѣде, кажутъ, колись такѣ время, що Михайликъ вѣрнетца въ Кіевъ и поставитъ ворѣта на своѣ мѣсто. И, якъ, идучіи хто мимо, скаже: »О Золотіи Ворѣта! стоять вамъ изновъ тамъ, де стояли«, то зѣлото такъ и засяе: А якъ же не скаже, абѣ подѣумае: »Ні, вже не бѣуть вамъ у Кіеві!« то зѣлото такъ и помѣрхне. (1)

Вмѣстѣ съ легендой о временахъ отдаленнѣйшей Татарщины, въ умѣ моего Кіевскаго нищаго сохранилось воспоминаніе и о послѣднихъ Татарскихъ набѣгахъ на Южную Русь. Вотъ оно слово въ слово.

ПРЕДАНІЕ О ТАТАРСКИХЪ ПЛѢННИКАХЪ. (*)

Колісь-то, ще якъ Польша пановала, — бо теперъ ужѣ Польши тілько рукавъ, увесь свѣтъ — свѣта, а Польши тілько рукавъ, — Польша хѣторъ, — такъ Татарѣ набігали. Було на-

рота стоять въ Цареградѣ. И наступитъ, говорятъ, время, что Михайликъ воротится въ Кіевъ и поставитъ ворѣта на мѣсто. И, если, идучи мимо, кто-нибудь скажетъ: »О Золотыя Ворѣта! стоять вамъ тамъ опять, гдѣ стояли«, то зѣлото такъ и засяе. Если жѣ не скажетъ, или подумае: »Нѣтъ, ужѣ не бывать вамъ въ Кіевѣ!« то зѣлото такъ и померкнетъ (1).

(*) *Переводъ.* — Когда-то, еще какъ пановала Польша — теперь въдь отъ Польши остался только рукавъ: весь свѣтъ — свѣта, а Польша — только рукавъ, Польша — хѣторъ, — такъ набігали тогда Татары.

(1) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ слышалъ эту легенду близъ Кіева нѣсколько въ измѣненномъ видѣ, но не обратилъ на нее должнаго вниманія. Помнитъ только, что въ ней герой преданія называется *Михайломъ Семилѣткомъ*. Извѣстный польскій писатель Михаилъ Грабовскій говорилъ мнѣ, что онъ слышалъ эту легенду въ Гвѣздовѣ, подѣ Кіевомъ, почти слово въ слово такъ, какъ она у меня записана: обстоятельство весьма важное, какъ это увидимъ ниже.

вяже люде́й рука́ми до жёртки нізку да й женё. Отъ же есть и гай *Перегинъ*.

Такъ тоді-то разъ Тата́ринъ такъ нагна́въ того́ міру, що й землі ва́жко. Ото́ ночують вони́ въ степу́. Такъ ти́и вже до люде́й гово́рять: »Чи вжé жь міжъ на́ми нема́ тако́го си́льного, щобъ оцю́ сирі́цю порва́въ, або́ тако́го, щобъ ружжé замóвивъ, або́-що? Подава́ймо ми оцю́ мо́ву по все́му́ обществу́ изъ конца́ въ кінéць, щобъ такъ якъ оцé....« (1)

Подалі́ тую́ мо́ву, оди́нь по одному́, оди́нь по одному́. Ажъ оди́нь и ка́же: »Я«, ка́же, »розвяжу́ и собі́, й ва́мъ ру́ки, тілько не ви́дайте мене́«.

»Не бійся,« ка́жуть, »аби́ тобі Бо́гъ помага́въ.«

Ото́ вінъ ста́въ навко́лішки, стéнувся, — сирі́ця такъ и тріснула.

»Тепе́рь же«, ка́же, »оди́нь одному́ розвя́зуйте ру́ки да забі́гайте зъ усі́хъ бо́ківъ по частя́мъ та й кричіть: «Сюди́ наші́! сюди́ наші́! Забіра́й Ту́рка! бий Ту́рка!»

Коли́ такъ якъ наро́блять кри́ку, — Ту́рки не стя́мились да

Бывало́ Тата́ринъ навяже́ть къ жерди́ людей и гонить. Оттого́ и лъёв зовется *Перегонъ*.

Вотъ одна́жды Тата́ринъ нагна́лъ столько́ народу, что и землѣ́ было́ тяжко. Ночують они́ въ степи; плѣнники и говорятъ между собою́: »Неужели́ между нами́ нѣтъ тако́го, чтобъ разорва́лъ этотъ ремень, заговори́лъ ружье́, или́ что́ другое? Пустимъ - ка́ мы эту́ рѣчь по все́му своему́ обществу́, изъ конца́ въ ко́нecь, чтобъ такъ какъ вотъ...« (1) Пустили́ рѣчь оди́нь черезъ друго́го; вотъ и говори́тъ кто - то: »Я«, говори́тъ, »развяжу́ и себѣ́, и ва́мъ руки, только́ не ви́дайте меня.« — »Не бойся«, говори́тъ; »лишь бы тебѣ́ Бо́гъ помо́гъ.« Вотъ онъ ста́лъ на ко́лѣни, встряхну́лся — ремень такъ и тресну́лъ. »Ну, тепе́рь«, говори́тъ, »развязыва́йте оди́нь друго́му руки, забі́гайте со все́хъ сторо́нъ по частя́мъ да кричите: «Сюды́ наши́! сюды́ наши́! Бери́ Ту́рка! бей Ту́рка!» И какъ э́такъ подняли́ крикъ: го, го! го, го! какъ подняли́

(1) Разска́чикъ не наше́лъ здѣ́сь словъ́ для́ выраже́нія своей́ мысли.

въ-ростичь, а наші за ними; побили й порубали, а самі додому вернулись.»

Заговоривъ о нищихъ слѣпцахъ, я вспомнилъ о другомъ пріятелѣ моемъ изъ этого класса народа, объ Архипѣ Никонѣнкѣ. Бѣдный! его уже нѣтъ на свѣтѣ. Жизнь его была исполнена великихъ огорченій, и онъ не зналъ, онъ не могъ знать, что у него былъ человѣкъ, истинно его любившій. Я видѣлъ его не болѣе трехъ разъ въ одномъ степномъ хуторѣ, не вдалекѣ отъ его родного мѣстечка Оржицы (¹). Приводила его туда четырехлѣтняя хорошенькая, хотя запачканная, дѣвочка, его дочь отъ второго брака. Архипъ былъ чрезвычайно худоцавъ, имѣлъ правильныя черты лица и очень пріятный голосъ. Онъ аккомпанировалъ себя на *лирь* (родъ скрипки о трехъ струнахъ, съ колесомъ внутри вмѣсто смычка, какъ у петербургскихъ Савояровъ). Прежде онъ игралъ на настоящемъ національномъ инструментѣ украинскихъ пѣвцовъ, на *кѣбзль*, или *банду́ръ*; но съ нѣкотораго времени перемѣнилъ бандуру на лиру, находя, что лира громче голосить и что по-этому на ней можно играть во время свадебъ, гдѣ, какъ извѣстно, у простонародія всегда бываетъ шумъ и гамъ, заглушающій тихое рокотанье бандурныхъ струнъ. Архипъ имѣлъ ту особенность между пѣвцами, что часто останавливался посреди пѣнія и, перебирая струны, примѣнялъ пропѣтый стихъ къ собственному положенію, или извлекалъ изъ пѣсни нравоученіе и доказывалъ его практическими примѣрами.

Я не успѣлъ переслушать всѣхъ его думъ; а онъ зналъ ихъ шесть, или семь и пѣлъ очень медленно, потому что, кромѣ размышленій вслухъ, покиваній главою и глубокихъ вздоховъ, ино-

крикъ, — Турки не опомнились да въ разсыпную, а наши за ними; перебили и перерубили всѣхъ, а сами воротились домой.

(¹) Лубенскаго уѣзда Полтавской губерніи.

гда бывалъ сильно растроганъ содержаніемъ пѣсни; голосъ его дрожалъ всё болѣе и болѣе, и наконецъ рыданіе прерывало на нѣсколько минутъ пѣнье и музыку. Я не предвидѣлъ скорой разлуки съ этимъ прекраснымъ образцомъ Малороссійскихъ слѣпцовъ-музыкантовъ и не торопился выспрашивать у него все, что онъ зналъ, или помнилъ. Миѣ казалось, что будетъ сдѣлано очень хорошо, если я буду записывать его размышленія и рассказы по мѣрѣ того, какъ они будутъ произвольно высказываться передо мною; и это было бы дѣйствительно сдѣлано очень хорошо, еслибъ внезапная кончина Архипа не разорвала нашей только что начинавшейся дружбы. Теперь у меня отъ знакомства съ ѳрицкимъ бардомъ остались только отрывки изъ его разговоровъ да одна дума, *о козакѣ Голѣтѣ*, ненапечатанная еще ни въ одномъ сборникѣ. (1)

РАЗСКАЗЫ АРХИПА НИКОНЕНКА О СЕБѢ САМОМЪ. (*)

Я такой бувъ зъ-малечку, що разъ хай проспівавъ, то я й переймѣ.

Перше було нашому брату добре: якъ узавъ палицю да струментъ, то й пішовъ собі куди хочъ; ніхто не питавъ, хто ти такой и звідки. А теперъ, то вже за свій станъ не ходи, атó за калавуромъ приставлять. Тоді не було сего, щобъ женітьця,

(*) *Переводъ.* — У меня въ дѣтствѣ была такая память, что лишь только кто споетъ, тотъ-часъ и перейму.

Нашему брату было прежде хорошо: взялъ палку и инструментъ (т. е. кобзу) да и ступай себѣ, куда вздумалъ. Никто не спрашивалъ: кто ты таковъ и откуда? А теперь, такъ ужъ за свой станъ не ходи,

(1) Дума, напечатанная подъ этимъ заглавіемъ въ сборникакихъ г. Лукашевича и г. Метлинскаго, состоитъ только изъ нѣсколькихъ отрывочныхъ стиховъ.

абó-що : нашъ братъ увесь вікъ ходівъ ситиї и вкритиї. А теперъ хибá въ свою хату сховáеся...

Перша жінка въ менé булá добра люди́на. Булó, що зароблю́, то вона́ й заховáе. Отъ и назбіра́въ рублівъ півтора́ста (¹), та оцé хату и грóнтъ (²) купівъ. Хата въ менé добра...

При тій жінці одні́хъ сорочо́къ изъ три́дцять наживъ. И не пита́въ, и не знавъ, де вони́ и скількí. Скажешъ тілько булó : »Дай́ білу сорóчку« — вона́ знайде́ й дасть. А цé вже ледá-що ! (³) По́ки сижу́ дóма та стережу́, то й ціле ; а скóро горілки вкíнувъ, абó одлучивъ, такъ усé й переводить. Сорочо́къ изъ три́дцять булó — усé попропивáла, тó-що. Оцé чвэ́ртку со́ли купівъ (¹), то за недéлю й нема́. Богъ ёго́ зна́е, якъ минí й віку дожива́ть. Станешъ ля́ять, — »Я«, ка́же, »тебе́, сякий, такий́ си́ну, запалю́!« Такъ цу́рь тоби́ й пекъ ! »Я«, ка́же, »тебе́, сякий, такий́

ато представлять за карауломъ. Тогда не нужно было намъ ни жениться, ни что́ : нашъ братъ весь вѣкъ ходилъ сытъ и покрытъ. А теперь развѣ въ своей хатѣ укроешься отъ непогоды...

Первая жена была у меня добрая душа. Бывало, что заработаю, она и спрячетъ. Вотъ и собралъ рублей полтора́ста (¹), да вотъ и хату, и *грунтъ* (²) купилъ. Хата у меня славная...

При той женѣ оди́хъ рубахъ нажилъ я до тридцати. И не спрашивалъ, и не зналъ, гдѣ онѣ и сколько. Скажешь только бывало : »Дай́ чистую рубаху« — она сыщеть и дасть. А это ужъ такая дрянь ! (³) Пока сижу́ дома да сторожу, то все и цѣло ; а только лишнее выпьешь, или отлучишься, такъ и пошла транжирить. Рубахъ до тридцати было — все пропала, а не то — другимъ путемъ запропастила. Недавно вотъ купилъ четверку (⁴) соли ; смотрю — черезъ недѣлю ужъ и нѣту ! Богъ знаетъ, какъ миѣ и вѣкъ свой доживать. Станешъ бранить, — »Я«, говорить, »тебя́, сякой, такой́ сынъ, подожду !« Такъ ну тебя́ къ не-

(¹) Разумѣется, ассигнаціями. — (²) Земля подъ хатой, дворомъ, огородомъ и садомъ. Пахотная земля въ полѣ *грунто́мъ* не называется. — (³) Т. е. вторая жена. — (⁴) Четверть пуда.

сіну, погину!« Да й покіне ледациця. Отъ и теперъ ужé шість неділь нема. . . . А теперъ зновъ прителішуєтця до мене. Пришла оцé вчора: »Очині!«

»А що«, кажу »небого? ищé не все рознесла? Изновъ до мене, щобъ изновъ що потягти?«

Мовчить, якъ сатана.

Такъ я взявъ, двѣри очинивъ: »Дѣ ти була?«

»У дочки.«

»Що жъ ти тамъ робила? дѣ пробула, що ти своє время проходила? А теперъ на зиму до мене? Мині нема ні зими, ні літа — я завжди въ работі. Поздоровъ, Бóже, миръ — пропитає мене. А ти дѣ валасáлася?«

Прійде та овалашить що-небудь, та й пійде. Сижу самъ собі въ хаті, граю-граю — ніхто не слухає. Хибá віжечки, веревочку звить унесé. А теперъ, якъ одробились у полі, до й того немає.

Надобно замѣтити, что Архипъ Никоненко пособлялъ своему пѣнію ремесломъ, болѣе нужнымъ для поселянъ: онъ оцупью виль веревки. Узнавъ объ этомъ, я отпустилъ ему нѣсколько фунтовъ пеньки и заказалъ свить для меня длинную веревку. Когда работа была представлена, оказалось, что въ ней не до-

чистоу! »Я«, говоритъ, »тебя, сякой, такой сынъ, брошу!« П точно броситъ негодная. Вотъ и теперъ ужъ шесть недѣль, какъ ея нѣту. . . . А теперъ оцять присосѣживается ко мнѣ. Приходитъ вчера: »Отвори!« — »А что«, говорю, »голубушка? еще не все растаскала? Опять ко мнѣ, чтобъ оцять что-нибудь стащить?« Молчить, какъ сатана. Вотъ я дверь отворилъ: »Гдѣ ты была?« — »У дочки.« — »Что же ты дѣлала тамъ? гдѣ ты все это время пробродила? А теперъ на зиму ко мнѣ? У меня нѣтъ ни зими, ни лѣта — я всегда въ работѣ. Дай Богъ здоровье міру — прокормить меня. А ты гдѣ шлася?« Придетъ, стащить что-нибудь да и была такова. Сижу одинъ себѣ въ хатѣ, играю на кобзѣ — никто не слушаетъ. Развѣ кто-нибудь возжи, или веревку свить принесетъ. А теперъ, какъ покончили въ полѣ работу, такъ и того нѣту.

ставало одной трети вѣсу противъ пеньки. Бѣдный Архипъ былъ этимъ до-того встревоженъ, что не могъ пропѣть думы, безъ того чтобы не останавливаться и не размышлять для себя и для слушателя въ такихъ и подобныхъ выраженіяхъ :

(*) Хто жъ се въ менé ихъ підчистивъ? (¹)...Вонó й берé, да не заразóмъ, а потрóшку. Вíдно, берé, да не дúрень — розúмний: щобъ я й не пізнáвъ ще. Сáме мéнше, а жмíнь шíсть пропáло. Ой сýкиної шéльми собáки необáшної! Колибъ мині ёго піймáть да провчíть — вонó бъ тоді одсахнúлося. Одногó я провчíвъ. Отъ, якъ о святóму Миколáї... дай, Бóже, дождáть на той годъ... укράдено въ менé не багáто — пудъ три сáла! Давáй я ськать, давáй ськать, — людéй поíть та винíтувать; бо такъ нельзá: дúрно нíхтó не признáєтця.... Послédнi тенеткi розóбрано.... Отъ и найшóвъ. Такъ вíвъ хáту та горóдъ продáвъ, та ми нi й заплáтивъ....

Богъ ёго знáє, до чогó менé Богъ доведé. Якъ не зароблю, то лежáтиму, пóки й опúхну. На Бóга надíйся, а Богъ нiчогó не дасть. Прáвда, вонó й скáзано, шо, кáже, робí, небóже, то й

(*) *Переводъ.* — Кто жъ это ихъ у меня подчистилъ? (¹) Кто-то беретъ, да не разомъ, а понемножку. Не дуракъ, видно, беретъ, а умникъ: чтобъ я и не узналъ. По малой мѣрѣ, горстей шесть пропало. А, безсовѣстная собака! когдабы мнѣ поймать да проучить — такъ онъ бы отсталъ отъ меня. Одного этакого я проучилъ. Вотъ, дай Богъ дождать на тотъ годъ, о святомъ Николаѣ, украли у меня — пустяки — пуда три сала! Ну я искать, ну искать, людей поить да выспрашивать: даромъ, вѣдь, никто не признается.... Последнее рублище растаскали.... Ну, и нашегъ. Продалъ онъ хату да огородъ, и заплатилъ мнѣ....

Богъ знаетъ, до чего доведеть Онъ меня. Какъ не заработаю, то буду лежать, пока и опухну. Правда, оно и сказано: *Робí, небóже, то й Бóгъ помóже.* Было у меня небольшое хозяйство, и то распол-

(¹) Кто украсть *копóн.лі* (пеньку)?

Богъ помôже. Хазайствечко було, и тѣ ростеклôся.... Добре, якъ кому е приглѣдѣть, а якъ нема, то не трѣба тобѣ ничôго, якъ на тобѣ сорôчка. Ходѣ, пôки съ хребтá спадѣ, да тодѣ дрôгу сьгай....

Тутъ дѣтки малѣнькѣ, а тутъ ще й тѣмъ пристязáють: хлопѣць бувъ годъ чотирна́дцяти, тогô взяли, наняли за подôшне. Ось остáлась оцá Явдôшка; пѣтый годôкъ.... Малѣ, та якъ що гру́бе скажешь, то цѣлий день и немае. Вонô й тутъ бôде, два ступнѣ одъ мѣне, та не озвѣтця. Трѣба й тутъ терпѣть. Лôде сердитимъ менѣ рôблять. «Слипѣй», кáжуть, «та сердѣтий.» Пѣрше годъ двáдцять чужѣхъ наймáвъ, щôбъ водѣли; ну, а вонѣ не були такѣ, якъ свої. Хлопѣць було мѣй у рѣвъ у такѣй увопрѣ, що стану — сáжень косовѣй, та й рукою не достáну....

Чи вонô такъ и спѣршу було, якъ Христôсь не народѣвся? Кáжуть, тодѣ нѣ пѣсень, ничôго не знáли. А якъ народѣвъ Христôсь, то котôрѣ дога́дливи бувáли та христѣлись, такъ свѣтѣми стáли; котôрѣ жъ плôвáли, то кáмѣнемъ стáли. Звѣсно, жили якъ звѣрь; то якѣ тутъ пѣснѣ?.....

злôсь. Хорошо, когда есть кому присмотрѣть, а какъ некому, то не нужно челôвѣку ничего, кромѣ рубахи. Ходи, пока свалится съ хребта, а тогда ищи другой....

Тутъ малѣнькѣя дѣтки, а тутъ еще и тѣмъ прижимають: былъ мальчикъ лѣтъ четырна́дцати — взяли да наняли за подôшное. Тенерь остáлась вотъ Явдôшка; пѣтый годôкъ.... Малютка, а скажешь чтô-нибудь грубое, такъ и исчезнетъ на цѣлый день. Она здѣсь же будетъ, въ двухъ шагахъ отъ меня, да не откликнется. Надо и тутъ терпѣть. Люди меня сердитымъ считаютъ. «Слѣпой», говорятъ, «да сердитой.» Прежде, лѣтъ двáдцать нанимáлъ я чужѣхъ дѣтей водить меня, но тѣ не были такъ злы, какъ свои. Мой мальчикъ бывало зтащитъ меня въ такой ровъ, что стану, подниму руку — косая сáжень, да и рукою не достáну....

Такъ ли оно было и прежде, когда Христôсь не родился? Говорятъ, тогда не знали ни пѣсень, ничего. А какъ родился Христôсь, тогда — кто

Про всё мині байдуже, а кóбзи якъ-бі на неділю не було, такъ я и гóри топлó. А за жінкоюб айдуже. Иноді и вь-ночі ветáну — граю собі, граю.....

Теперь, бáчте, малі старці настáли — нічо́го не тямлять. Стáнь ёго вчítь, то вонó й слухать не хóче. »Се«, кáже, »все брехнѣ (¹). Вáші панотці брехáли, и вѣ брешете.« А якъ колі, то, попáвши нáшого брáта на шляхú, и попобьóуть. Якá жь вонó брехнѣ, колі вонó такъ и́менно булó? а воні не тямлять, та ще й насъ собивáють. Колісь тáкъ булó, що намъ кáзано на глúмъ, а ми беремó на умъ: що нáче бь то на шúтку, а ми всё замичáемо... А теперь прійде до тебé вчítьця... Якъ же ёго вчítь, колі вонó.....? Отó дóбре булó, якъ ми покірни булі: що намъ скáже на глúмъ, а ми беремó на умъ. Атó якъ вивчитця, якъ хлѣба вѣпросить, то й потягне собі... Посáдить булó коло се́бе ... такъ якъ оцé сидítь, такъ и я сяду. Хоть и не га-

понялъ дѣло да крестился, тотъ свѣтымъ сдѣлался; а кто плевалъ, тѣ обрãтились въ камни. Извѣстно, жили, какъ звѣри: какія жь тутъ пѣсни?

Все мнѣ ни по чемъ, а кóбзы пусть только недѣлю при мнѣ не будетъ, такъ я и гóры топлó (Богъ знаетъ что готовъ дѣлать). А о женѣ мало мнѣ заботы. Иногда ветану и ночью, и всё напгрываю себѣ....

Теперь, видите, малые нищіе настали — ничего не смыслятъ. Стáнешь его учить, а онъ и слушать не хочеть. »Это«, говоритъ, »все вздоръ (¹). Ваши отцы врãли, и вы врете.« А иной разъ, поймавши нашего брата на дорогѣ, и поколотятъ. Какой же это вздоръ, коли оно именно такъ было? А они не смыслятъ, да еще и бьютъ насъ. Когда-то водилось такъ, что намъ говорили шутя, а мы мотали на усъ.... А теперь придетъ учиться къ тебѣ.... Какъ же его учить, когда онъ...? Тò было хорошо, что мы были послушны: намъ скажутъ на глúмъ, а мы беремъ на умъ. Атó, лишь только выучится, кáкъ выпросить хлѣба, такъ и побрелъ себѣ... Посáдить бывало кобзарь меня возлѣ себя... такъ вотъ какъ Явдошка сидитъ, такъ и я сяду. Хоть и не хотѣлось тогда слу-

(¹) Говорится о думахъ и историческихъ пѣсняхъ.

раздъ було слухать (1), а теперъ и тѣ добре, и тѣмъ зарѣбишь копійку. Чи скаже що, чи ні — терпишь; а теперъ дитини рідної не навчишь, такъ у свѣті настало. Одинъ Богъ, одні люде, да не однаково становитця.»

Вотъ вамъ живая, хоть очень краткая, повѣсть объ одномъ изъ вымирающаго всё болѣе и болѣе поколѣнія пѣвцовъ, которыхъ Архипъ почитаетъ великими, называя своихъ современниковъ *малыми*. Смерть его нанесла великій ущербъ Малороссійской этнографіи. По немногимъ записаннымъ мною отрывкамъ его рѣчей можно предполагать, сколько добра скрывалось въ его голвѣ, сокрушенной горемъ и нуждою.

Я записалъ отъ него не одну, а нѣсколько думъ, но только всё онѣ, кромѣ одной, извѣстны уже печатно. Впрочемъ Архипъ пѣлъ ихъ съ весьма интересными измѣненіями и дополненіями, и потому я помѣщаю ихъ здѣсь всё.

1.

ДУМА О КОЗАКѢ ГОЛОТѢ. (*)

Ой полемъ, полемъ Килимськимъ,
То шляхомъ битимъ Гордінськимъ,
Ой тамъ гулявъ козакъ Голота.

шать, а теперъ и тѣ хорошо, и тѣмъ копійку зарабатываешь. Скажетъ ли суровое слово — терпишь бывало; а теперъ родного дитяти не научишь, — такъ стало на свѣтѣ. Всё тотъ же Богъ, всё тѣ же люди, да не попрержнему идетъ все на свѣтѣ.

(*) *Переводъ.* — По Килийскому полю, по Ордынской дорогѣ гулялъ козакъ Голота. Не боится онъ ни огня, ни меча, ни болота. На козакъ

(1) Т. е. скучно. Говорится о думахъ, которыя и для самого Архипа были уже темны, и потому казались чѣмъ-то страннымъ.

Не боїтця ні огня, ні мечá, ні третёго болота.

Правда, на козакові шати дорогії —

Три семирязі лихіі :

Однá недóбра, другá негóжа,

А третя й на хлїв незгóжа. ⁽¹⁾

А ще, правда, на козакові постолі вязові,

А унучи китайчані —

Щірі жіноцькі рядняні;

Волоки шовкові —

Удвоє жіноцькі щірі валові. ⁽²⁾

Правда, на козакові шапка бїрка,

Звѣрху дірка,

Травою пошита,

Вітромъ підбита,

Куді віє, туді й провіває,

Козакá молодого прохоложає.

То гуляє козакъ Голота, погуляє,

Ні гóрода, ні селá не займає, —

На гóродъ Килию поглядає.

У гóроді Килиі Татаринь сидить бородатий,

По гірницяхъ походяє,

одежа дорогая — три ветхія сермяги: одна негодная, другая дрянная, а третья и на хлѣвъ швырнуть не стóитъ. На козакъ лапти вязовые, а онучи китайчатя — изъ настоящей женской дерюги; оборы шелковыя — изъ чистаго женекаго *валу* вдвое. На козакъ шапка баранья — сверху дыра; травою шапка ешита, вѣтромъ подбита; куда дуетъ, туда и продуваетъ, молодого козака прохлаждаетъ.

Гуляетъ козакъ Голота, погуливаєть, ни гóрода, ни селá не трогаєть, на гóродъ Килию посматриваєть. Въ гóродъ Килиі Татаринь сидить бородатый. Онъ по горницамъ похаживаєть, съ Татаркой разровари-

(¹) Ужé й закинуть неспосóбна. *Прильчаніє п'яца.*

(²) Козакъ прибіравсь на прочѣдо; славу своєю пускаєвъ на весь свѣтъ. *Пр. п.*

До Татáрки слова́ми промовляе:

»Татáрко, Татáрко!

Ой чи ти думаєшь те, що я́ думаю?

Ой чи ти ба́чишь те, що я́ ба́чу?»

Ка́же: »Татáрине, ой, сідий, борода́тий!

Я́ тількі ба́чу, що ти передо мною по гірни́цях похожаєшь,

А не знаю, що́ ти думаєшь да гадаєшь.»

Ка́же: »Татáрко!

Я́ те ба́чу: вь чисті́мь полі́ не оре́ль літае:

То коза́къ Го́лота до́бримь коне́мь гуляе.

Я́ ёго́ хо́чу живце́мь у ру́ки взяти

Да вь го́родь Ки́лію запрода́ти,

Ище́ жь нимь передь вели́кими панáми башáми вихвалáти,

За ёго́ мно́го червоних не лі́чачи бра́ти,

Дорогі́і су́кна не мі́рячи почита́ти.»

То тее́ промовля́в, — доро́ге пла́тте наді́вае,

Чо́боти обу́вае,

Шлі́къ ба́рхотний на свою́ го́лову наді́вае,

На коня́ сідáе,

Безпече́но за козако́мь Го́лотою ганяе.

То коза́къ Го́лота до́бре коза́цький звича́й знае, —

Ой на Татáрина скр́ива, якъ во́вкъ, поглядае.

ваєть: »Думаєшь ли ты, Татарка, о томъ, о чемъ я думаю? видишь ли ты, что я вижу?» — »Нѣтъ, сѣдой, борода́тый Татаринъ, я вижу только, что ты по горницамъ похаживаешь, да не знаю, что́ замышляешь.»

»Я вижу, Татарка, не орелъ въ чистомъ полѣ летаетъ: то коза́къ Го́лота на добромъ конѣ гуляетъ. Хочу я живьемъ его́ взять и въ городъ Ки́лію продать, хочу похвастать имъ передь великими панами пашами и набрать за него червонцевъ безъ счету и дорогихъ суконъ безъ мѣры.»

Сказалъ, и въ дорогое платье одѣвается, въ сапоги обувается, на голову надѣваетъ бархатную шапку, садится на коня и безпечно гоняется за козакомъ Го́лотою.

А коза́къ Го́лота хорошо коза́цькій обыча́й знаетъ; онъ посмотри-

Каже: »Татарине, Татарине!
На віщо жь ти важишь:
Чи на мою ясенькую збрюю,
Чи на мого коня вороного,
Чи на менє, козакá молодого?«

»Я«, каже, »важу на твою ясенькую збрюю,
А ще лúчче на твого коня вороного,
А ще лúчче на тебє, козакá молодого.
Я тебє хóчу живцєм у рúки взáти,
Въ горóдь Килию запрóдати,
Передь великими панáми башáми вихвалáти
И много червóнихъ не лúчачи набрáти,
Дорогíи сýкна не мíрячи пощítати.«

То козакъ Голóта дóбре звíчай козáцький знає,
Ой на Татарина скрíва, якъ вóвкь, поглядáє.
»Ой«, каже, »Татарине, ой сíдий же ти, бородатíй!
Либóнь же ти на рóзумъ небагатíй:
Ще ти козакá у рúки не взавь,
А вже за ёго й грóші пощítавь.
А ще жь ти мíжь козакáми не бувáвь,

ваеть съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина и говорить: »На чтò ты, Татаринь, мѣтишь: на мою ли блестящую сбрую, на моего ли вороного коня, или на меня самого, козака молодого?«

»Я«, говоритъ, »мѣчу на твою блестящую сбрую, а еще больше на твоего коня вороного, а еще больше на самого тебя, козака молодого. Хочу я тебя взять живьемъ и продать въ городъ Килию, хочу похвастать тобой передь великими панами пашами и набрать за тебя червоцевъ безъ счету, а дорогихъ суконъ безъ мѣры.«

А козакъ Голóта хорошо козáцькíй обычаи знаетъ: онъ посматриваетъ съ-искоса, какъ волкъ, на Татарина: »Эй ты«, говоритъ, »сѣдой, борода-тый Татаринь! не богатъ, видно, ты умомъ-разумомъ: еще ты козака въ руки не взялъ, а ужъ и деньги за него сосчиталъ. Не бывалъ, вѣрно, ты еще между козаками, не ѣдалъ козáцькой каши и не знаешь козáцькихъ обычаевъ.«

157782. 89226

Козацької кáши не ідавъ
И козацькихъ звичáивъ не знáешъ.»

То тée промовлявъ,
На присішкахъ стáвъ,
Безъ мiри пороху підсипáе,
Татарину гостинця въ грúди послáе.
Ой ще козакъ не примiрився,
А Татаринъ якъ лихий мáтері съ коня покотився.
Винъ ёму вiри не донимáе,
До ёго прибувáе,
Кéлепомъ мiжнi плечи гримáе,
Коли жъ оглédитця, ажъ у ёго й дýху немае.
Винъ тодi дóбре дбавъ,
Чóботи Татарьскi истягáвъ,
На свої козацькi нóги обува́въ;
Оде́жу истягáвъ,
На свої козацькi плéчи надiва́въ;
Ба́рхотний шлiгъ издiймае,
На свою козацьку гóлову надiвае;
Коня Татарьського за поводi взи́въ,
У гóродъ Сiчi припа́въ, (¹)
Тамъ собi пье-гуляе,

Сказавъ и привставъ на стременахъ; подсыпавъ пороху не мѣрючи и послалъ въ грудь Татарину гостинець. Еще козакъ и не прицѣлился, а ужъ Татаринъ къ нечистому съ коня свалился. Тотъ однакожь ему не довѣряеть, приближается и бьетъ его чеканомъ въ спину; посмотрѣлъ— съ него и духъ вонъ. Тогда онъ принимается за дѣло: сапоги съ него стащилъ и на свои козацкія ноги надѣлъ; одежду съ него стащилъ и на свои козацкія плечи натянулъ; бархатную шапку снялъ и на свою козацкую голову надѣлъ. А Татарскаго коня взялъ за поводя и прибылъ въ въ городъ Сѣчь (?). Тамъ пьетъ, гуляеть и Килийское поле славить:

(¹) Боже! дѣ ті городі, не знаємо, а бачъ, слава ажъ отъ де ходить! *Пр. п.*

Поле Киліміське хвалить-вихваляє:

»Ой поле Киліміське!

Бодай же ти літо й зиму зеленіло,

Якь ти мене при нещасливій годіні сподобило!

Дай же, Боже, щобь козаки піли та гуляли,

Хороші мислі мали,

Одъ мене більшу дόбичу брали,

И неприятеля підъ нозі топтали!»

Слава не вмрє, не поляже,

Отвїні до віка!

Даруй, Боже, на многі літа!

2.

ДУМА О ВДОВѢ И ТРЕХЪ СЫНОВЬЯХЪ. (*)

Ой якь на славіній Україні,

Та въ славінімъ городі у Крилові,

Тамъ жила старá жена удовá

И мила въ себе три синї,

Якь ясні соколї.

Зъ малїхъ лїтъ до великого зросту (1) кохала-годувала,

»О, будь же ты, Килійское поле, лѣтомъ и зимою зелено, какъ мнѣ посчастливилось на тебѣ въ трудное время! Дай Богъ, чтобъ козаки піли да гуляли, добро замышляли, еще больше добычи добывали, неприятеля ногами топтали!»

(*) *Переводъ.* — На славної Україні, въ славному городі Крылові, жила старушка вдова, и было у ней три сына, какъ три ясныхъ сокола. Съ малыхъ и до совершенныхъ лѣтъ она ихъ лелѣяла, кормила, чужимъ

(1) Бачте, до совершенного умá бѣ то. Такъ попросту вонó. *Пр. п.*

Чужимъ рукáмъ на потиранне не давала,
Слави-пам'яти сподівалась.

Скóро си́ні порослі,
Усі три до рóзуму дойшли,
Усі три кóні посідлáli

И на рíнокъ Крилівський гулять поїжджали.
По рíнку Крилівському проїжджали.
Ні дóброго, ні худóго не видали; ⁽¹⁾

У до́мівку приїжджали,

Ой у до́мівці не вели́ку за́знобку счиніли —

Ма́тку старе́нську зъ двора вигоніли:

»Иди́ ти, ма́ти, де інде пробува́ти,

Хлі́ба-со́ли споко́йно вживати,

Бо бу́дуть, ма́ти, вь насъ, же́ни молоді́и,

Ді́тки мале́нкіи,

Бу́дешь ти їхъ проклина́ти —

Ой не бу́дуть вони́ щáст'я й до́лі собі ма́ти.

Ато́ ти йди́ де інде пробува́ти,

Хлі́ба-со́ли споко́йно вжива́ти.»

То ма́ти се зачува́є,

рука́мъ прикаса́ться кь нимъ не давала, надѣялась остави́ть по себѣ до́брую славу и пам'ять.

Когда сыновья выросли и все́ трое достигли полно́го разу́ма, сѣдлали они коней и выѣзжали гулять на Крыловскій рынокъ. Проѣхавъ по Крыловскому рынку, не видали ни добра, ни худа и воротились домой; а воротаясь, не больно старую мать огорчили — только со двора прогнали: »Ступай, матушка, вь иное мѣсто проживать и спокойно хлѣб-соль кушать: будутъ у насъ молодыя жены и малыя дѣти, а ты станешь ихъ проклинать, и не будетъ имъ ни счастья, ни доли. Такъ лучше ступай себѣ вь иное мѣсто проживать и спокойно хлѣб-соль кушать.»

Слышитъ это мать, идетъ со двора, спотыкается, за слезами Божьяго

(1) Не знайшли, видно, сь кимъ вѣ битьця, нѣ боротьця. *Пр. н.*

Іде зь двора, спотикаєтця,
За слезами світа Божого не видає,
Синівъ своїхъ кленє-проклинає:
Бодай же васъ, сині мої, бідні вдовиченки, у полі

Побило разомъ три недолі:
Щобъ васъ перва доля побіла —
Щобъ Богъ хліба не вродивъ;
А друга доля щобъ побіла —
Щобъ не стали васъ люде знати,
Добримъ словомъ покликати;
Третья доля щобъ побіла —

Щобъ ви у своїй домівці на промешканні щастя й долі не мали!»

То десь узівся близький сусіда,
Матку стареньку изъ землі підіймає,
Хустку свою зъ кишєні винімає,
Вдові старій слєзи втирає:
»Іди ти, мати, до мене пробувати,
Хліба-сєли спокійно вживати.
Будешъ ти насъ на все добре наущати,
Будемъ ми тебе шанувати й поважати.»

То мати йде, спотикаєтця,

свєта не видить, сыновой своихъ проклинаєт: »Пускай васъ, дєти мои бѣдныя, постигнуть въ полѣ три бѣды: первая бѣда — чтобъ вамъ Богъ хлѣба не уродилъ; другая — чтобъ люди перестали съ вами знаться и съ добрымъ словомъ къ вамъ отзываться; а третья — чтобъ вы дома въ своемъ житѣ - бытѣ счастья - доли не знали!»

Какъ воть откуда ни возьмись близкой сосѣдъ; онъ поднимаетъ старую мать съ земли, вынимаетъ изъ своего кармана платокъ и отираетъ ей слезы: »Поди, матушка, ко мнѣ на проживанье; ты будешъ у меня спокійно хлѣбъ - соль кушать, будешъ насъ учить всему доброму, а мы будемъ тебя почитать и уважать.»

Идетъ мать, спотыкается, за слезами Божьяго свєта не видить. А

За слёзами світа Божого не видає.

А синь сидить найменший, у кватірку поглядає,

Изъ мятки старенької насміхаєтця.

»Ой дивітця«, каже, »братця:

Либонь же наша мати старá поперёдъ насъ у Жіда-рандаря пробувала,

Добру горілку попивала:

Не дурно йде, спотикаєтця: (¹)

Підъ плечёмъ пляшку несé, або, може, й другу.« (²)

То живуть сині годь, або два, або й три.

Заразъ імъ Богъ погодивъ —

У полі хлѣбъ не вродивъ.

Заразъ друга їхъ доля побіла —

Не стали їхъ люде знати,

Добримъ словомъ поклика́ти.

Третья доля ихъ побіла —

Ой не стали вони въ домівці на промешканні зъ молодими жéнами щастя
й долі собі мати.

То въ неділю рано-пораненьку,

меньшой сынъ сидитъ да посматриваетъ въ *кватірку* (форточку) и подсмѣивается надъ старой матерью: »Посмотрите«, говоритъ, »братцы: видно, наша старуха прежде насъ гостила у Жіда-арендатора и пила добрую водку: не даромъ идучи спотыкается. Вѣрно, подъ мышкой тащитъ фляжку, а пожалуй и двѣ.«

Живутъ сыновья годь, два, или три. Тотъ-часъ Богъ ихъ наградила — въ полѣ хлѣбъ не уродилъ; тотъ-часъ другая бѣда ихъ постигла — не стали съ ними люди знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться; и третья бѣда ихъ постигла — не было у нихъ дома счастья съ молодыми жéнами.

И вотъ рано утромъ въ воскресенье не буйный вѣтеръ шумѣлъ, не

(¹) Вінъ-то думавъ, що до сусіди йде, то вже зъ пляшкою. *Пр. п.*

(²) Онъ за що ёму стало запно! *Пр. п.*

Не буйні вітри шуміли,
Не дрібні дощички накрапáли,
Якь бідні вдовиченки у сво́му дворі гомоніли.
»Ходімо,« ка́же, »ми, бра́тте, у чужій двір
Да упадемо́ ма́тері старе́нькій криже́мъ до нігъ.

По́ки ми ма́тиръ сво́ю поважа́ли,

По́ти намъ Бо́гъ годивъ;

А не ста́ли ми ма́тки старе́нької зна́ти,

За́разъ насъ пер́ва до́ля побі́ла —

Бо́гъ хлі́ба не вродивъ;

А дру́га до́ля насъ побі́ла —

Не ста́ли насъ лю́де зна́ти,

И до́бримъ сло́вомъ покликáти;

Тре́тя насъ до́ля побі́ла —

Не ста́ли ми въ до́мівці на променка́нні зъ молоді́ми же́нами ща́стя
й до́лі собі ма́ти.

То йди́ ти, ма́ти, до насъ, старáя, пробува́ти,

Споко́йно хлі́ба-со́ли вживáти.

Ми своі́х бу́демъ женъ науща́ти,

Що́бъ на тебé не нарі́кали.»

То ма́ти старáя, ой, до Бо́га рúки здійма́е:

«Ой не услы́шай, Го́споди, клятьби мо́єї,

частый дождикъ крошилъ: то бѣдные вдовицы сыновья на своемъ дворѣ говорили: »Пойдемъ, братцы, на чужой дворъ да падемъ старой матери крестомъ къ ногамъ. Пока мы свою мать уважали, до тѣхъ поръ и Богъ намъ помогаль; а какъ отреклись мы отъ своей матери, тотъ-часъ насъ первая бѣда постигла — Богъ хлѣба не уродилъ; и другая бѣда насъ постигла — перестали съ нами люди знаться и съ добрымъ словомъ къ намъ отзываться; а третья бѣда насъ постигла — нѣтъ намъ дома счастья съ молодыми женами. Такъ воротись ты, старушка матушка, къ намъ на проживанье, кушай спокойно нашу хлѣбъ-соль, а мы станемъ наставлятъ своихъ женъ, чтобъ тебя не попрекали.«

Тогда старушка мать къ Богу руки подымаеть: »Боже! не внимай

Що я своїх синів кляла-проклинала :
У своїй голові великий праєунокъ мала.»

Заразъ імъ Богъ погодивъ —
У полі хлїбъ уродивъ.
Заразъ їх стали люде знати,
Добримъ словомъ покликати.
Стали вони въ домівці на променкани щасте й долю собі мати.

3.

ДУМА О СЕСТРѢ И БРАТѢ. (*)

Ой у неділю рано-пораненьку,
Ой то ранніми зорями,
То не сіва зозулька закувала,
То не дрібна пташка щебетала,
Якъ сестра до брата на чужу чужину
Добримъ здоровьямъ поклонялася ;
Ой кватірочку очиняла,
Словами промовляла,
Слєзами ридала :
»Братіку мій рідний ,

моей клятвѣ, что проклинала я своихъ сыновей : у меня въ головѣ была тогда великая досада.»

И тотъ-часъ Богъ ихъ наградивъ—въ полѣ хлѣбъ уродилъ; тотъ-часъ люди стали съ ними знаться и съ добрымъ словомъ къ нимъ отзываться, и счастливо зажили они дома.

(*) *Переводъ.* — Въ воскресенье рано поутру, на зарѣ, не сърая кукушка куковала, не мелкая пташка щебетала: то сестра брату на чужую сторону привѣтъ посылала. Отворила окно и говоритъ со слезами: »Братецъ мой родной, голубчикъ мой сизокрылой! навѣсти меня на чужой сторонѣ, при моемъ горькомъ гореваньи.»

Якъ голубонько сізій!
Прибудь ти до мене,
Одвідай ти мене
На чужій чужині,
При злій хуртовині,
При нещастливій годині.»

»Сестро«, каже, »міла,
Родино сердешна!
Не могу я до тебе прибувати:
Я проживаю за темними лугами,
За широкими полями,
За бистрими ріками.»

»Братіку милий,
Якъ голубонько сізій!
Прибудь же ти до мене.

Темні луженьки ясенькимъ соколенькомъ перелеті,
Широкіі поля малімъ-невеликимъ перепелонькомъ перейді,
Бистрії річеньки й озера білимъ лебедонькомъ перепливи;
Сядь-паді у моімъ дворі сівимъ голубонькомъ,
Головку склоні,
Жалібненько загуди. (1)

»Сестра моя милая, сестра родная, сердечная! не могу я тебя на-
вѣстить: я живу за темными лѣсами (2), за широкими полями, за быст-
рыми рѣками.»

»Братецъ мой милой, голубчикъ мой сизокрылой! темные лѣса яс-
нымъ соколомъ перелети, широкія поля малымъ перепеломъ перейди,
быстрыя рѣки бѣлымъ лебедемъ перепливи; пади сизымъ голубемъ на

(1) Богъ ёго знае, якъ би то: затужить? *Пр. п.*

(2) Въ подлинникѣ *лугами*; но лугомъ называется въ Украинской народной поэзи и то, что мы разумѣемъ подъ Великорусскимъ словомъ *лугъ*, и лѣсъ, растуцій на низменныхъ, прирѣчныхъ мѣстахъ. Здѣсь слово *лугами* употреблено въ послѣднемъ значеніи.

Нехай я буду виходати,
Ой по голосу познавати,
Родиною сердешною називати,
И на хліб на сіль закликати,
И на здоров'є тебе, брате, буду питати.»

»Сестро«, каже, »мила,
Родино сердешна!

Ой сподівайся мене тоді в гості,
Як будуть о Петрі бистрій ріки-озера замерзати, (1)
Объ Різді калина в лузі процвітати.

Пойди ти, сестро, до тихого Дунаю,
Возьми ти, сестро, піску у білу ручку,
Посій ти, сестро, на каміню :

Коли той буде пісок на білому камені зіходити,
Синім цвітом процвітати,

Хрещатимь барвінкомь біленький камінь устилати,

Разними красними цвітами украшати,
Тоді, сестро, буду до тебе в гості прибувати,
Твого життя при бідности доглядати.»

»Братіку«, каже, »милий,

моемь дворѣ, головку склони, жалобно заворкуй. Я выйду, узнаю тебя по голосу, назову близкимь сердцу роднымь, зазову на хлѣбъ на соль и стану спрашивать тебя о здоровьи.»

»Сестра«, говорить, »милая, сестра родная, сердечная! тогда ожидай меня в гости, когда о Петрѣ быстрыя рѣки и озера стануть замерзать, а о Рождествѣ калина на лугу расцвѣтаеть. Поди, сестра, къ тихому Дунаю, возьми, сестра, вѣ бѣлую руку песку, посѣй его на камнѣ: какъ взойдетъ песокъ на бѣломь камнѣ, зацвѣтетъ синимь цвѣтомь, устелетъ камень крещатымь *барвінкомь* и украситъ разными цвѣтами,— тогда, сестра, прибуду я къ тебѣ в гости и стану заботиться о твоей убогой жизни.»

(1) А Богъ ёго знає, коли того й дождать. А будуть, кажуть, колись, замер-

Якъ голубонько сізій!
Не тепєрь я на ногàх стàла,
Одъ старіхъ людей приповісти такої не чувàла,
Щобъ о Пєтрї бистрій ріки-озєра замерзàли,
Щобъ объ Рїздві калїна въ лўзі процвітàла,
Щобъ жовтий пісокъ на білому каменї зіхожàвъ,
Щобъ синїмъ цвїтомъ процвітати,
Хрещàтимъ барвінкомъ біленький кàмїнь устлàти,
Рàзними красними цвїтати укрàшати:
А лишь, братїку, тебє до віку не сподівати!
Якъ на прàзникъ хвалєбєнь люде до цєркви йдуть,
Якъ бжїлкї гудуть,
Чужї братїки зіхожàютьца,
Братъ изъ брàтомъ,
Сватъ изъ свàтомъ, ⁽¹⁾
Кумъ изъ кумомъ,
Сестра зъ сестрòю,
Однò зъ однїмъ схожàютьца
И прàзникомъ хвалєбнимъ поздравляютьца;
А менє плечє зъ плечємъ, полà зъ полòю торкає,
И въ вічи не видàє. ⁽²⁾

»Братець мой милой, голубчикъ сизокрылой! не сей-часъ я встала на ноги, но не слыхала отъ старыхъ людей, чтобъ о Петрѣ быстрыя рѣки и озера замерзали, а о Рождествѣ каллина на лугу расцвѣтала, — чтобы желтый песокъ выходилъ на бѣломъ камнѣ, расцвѣталъ синимъ цвѣтомъ, устилалъ бѣлый камень крещатымъ барвинкомъ и укрàшалъ разными цвѣтами. Никогда мнѣ, мой братець, тебя не дождаться! На *хвалєбный* прàзникъ люди въ церковь идутъ, какъ пчелы гудуть, сходятся братъ съ братомъ, сватъ съ сватомъ, кумъ съ кумомъ, сестра съ сестрою и поздравляютъ другъ друга хвалєбнымъ прàзникомъ, а меня —

зàтъ рїчкї о Пєтрї. Бўде, та тїлько не за сїхъ людєй; тодї бўде, якъ свїтъ перемїнитця. Лїде перемїнятця, и свїтъ перемїнитця. *Пр. н.*

⁽¹⁾ Бачь, якà бь ужє тамъ — подумать — рїднїя: сватъ изъ свàтомъ! *Пр. н.*

⁽²⁾ Помїсь би то не бачить. *Пр. н.*

Ой якъ у нашого отця та й матки шлі та ідали,
Тоді насъ и куми, й побратіми добре знали;
А якъ насъ пришібла недобра година,
Одцуралась насъ близькая й далекая, вся названая, сердешная родина!
Тяжко«, каже, »братіку!...
Якъ птиці пернатій въ чистімъ полі безъ дрѣва почувати,
Якъ тяжко та важко живій рибі безъ води проживати,
Якъ тяжко та важко білий камінь зъ сирій землі проти себе изняти, —
Ой такъ тяжко та важко на чужій чужині безъ крѣвної родини помірати!«

4.

ДУМА О БУРЬ НА ЧЕРНОМЪ МОРЬ. (*)

Ой якъ на Чорному морі,
Та на білому камені,
Тамъ сидить ясенъ соколенько,
Смутно має,
Жалібненько квилить-проквиліє,
На Чорнее море сїє,
Далєко поглядає,
Що на Чорному морю не добре вчиніє :

хоть плечо плечомъ, полуолой задѣнетъ, — будто и въ глаза не видить. Какъ бывало у нашего отца и матери пивали, вдали, тогда насъ и кумовья, и приятели знали, а какъ пришібла злая бѣда, — отеклась отъ насъ близкая и далекая, вся названная, душевная родня. И какъ пернатой птиць трудно въ чистомъ полѣ безъ дерева ночевать, какъ трудно живой рыбѣ безъ воды дышать, какъ тяжело бѣлый камень съ сырой земли на грудь поднять, такъ тяжело, такъ трудно на чужбинѣ безъ кровнаго родного умерать!«

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ, сидитъ ясный соколъ; сидитъ онъ смутенъ, жалобно стонетъ и смотритъ вдаль на Черное море, что на Черномъ морѣ не добро творится: поднимается

Противну філю зо дна мѡря знімає,
Судна козацькі на три часті розбиває.

Перву часть ввирвало,
Въ гирло Дунайське замчало;
Другу часть увирвало,
У землю Орабську замчало; (1)
Третю часть увирвало,
Ой не знало, де подіти,
Середь Чорного мѡря утопило.

У тій часті потопало два браті ридненькі,
Товариші сердешні.

Що ні до кого приплинути,
Опрощення прийняти.

Ті два браті оди́нь до одного припливали,
Опрощення приймали

И словами промовляли,
Слєзами ридали :

Ой не єсть то насъ, брѣте, на Чорному морі супротивна філя потопляє,
А єсть то отцєва-мѣтчина молітовъ побиває-карає.

Намъ отєць-мѣти позволяли одному въ військо виступати.

А другому дѡма хлѣба пахати.

противная волна со дна морского, разбиваетъ козацкія суда на три части. Первую часть оторвало и въ Дунайское устье умчало; другую часть оторвало — въ Арабскую землю унесло; третью часть оторвало и, не зная, куда дѣвать, среди Чернаго моря потопило.

Въ той части потопало два родныхъ брата, два сердечныхъ товарища, и не къ кому имъ приплыть, некому принести исповѣдь. Другъ къ другу они подплывали и со слезами исповѣдь творили: »Это, братъ, не противная волна на Черномъ морѣ насъ потопляетъ, — это насъ отцовская и материнская молитва караетъ. Отець и мать одному изъ насъ

(1) Въ другой разъ онъ пѣлъ:

По-за мѡремъ розімчало.

А то ми, брата, недобре вчиняли —
Обидва коні посіддали,
У військо виступали,
Зь отцемъ, зь маткою опрощёння не приймали,
Ще матку стареньку зневажали,
Стременемъ у груди одь коней одшихали.
То ще ми, брата, недобре вчиняли —
Мімо церкви святої проїжджали,
За гордостю, за пишностю зь главі шликá не здіймали,
На себе хрестá не покладали
И Бóга милосёрдного на поміч не благали.
То ще ми, брата, недобре вчиняли —
По ўлицямъ добрими кіньми гуляли,
Дітки малёнькі кіньми розбивали, (1)
Кровь Християнську безневинно проливали.
Іхали ми городомъ-ўлицею,
Тамъ стояли три жёни старенькі;
Може, думали та й гадали противъ насъ що добре сказати,
Да ми й тамъ за гордостю, за пишностю противнимъ слóвомъ одказали.

позволили въ войско вступити, а другому велѣли дома землю пахать: а мы, братъ, нехорошо поступили: осѣдали коней, виѣхали въ войско, не простились съ отцомъ и матерью, да еще старую мать оскорбили — стременимъ въ грудь оттолкнули. И то нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что мимо святой церкви проѣзжая, по гордости и спѣси шапки съ головы не сняли, креста на себя не положили и милосердаго Бога на помочь не призвали. И то нехорошо мы, братъ, сдѣлали, что по улицамъ на добрыхъ коняхъ гуляли, малыхъ дѣтей топтали, кровь Християнскую безъ вины проливали. Ъхали мы городомъ-улицей; тамъ стояли три старушки, и, можетъ быть, онѣ хотѣли сказать намъ что-нибудь хорошее, но мы по гордости и спѣси отвѣтили имъ грубымъ словомъ. Не спрашивали мы, гдѣ святая церковь, а спрашивали, гдѣ новая корчма. Другіе ко-

(1) Колись рóскошь булá й такімъ. *Пр. п.*

Не пита́ли цѣркви свято́н
Да пита́ли корчми́ нові́.
Чужі́ козаки́ по цѣрквѣхъ моле́бні найма́ли,
А ми у шинку́ п'ємъ-гуля́емъ,
Та́нці-музи́ки найма́емъ.
Коли́бъ да́в Богъ на суході́л виступа́ти,
Вже́ бь тепе́рь могли́ зна́ти,
Якъ свято́ї цѣркви не забува́ти,
Отця-ма́тку шті́ть и поважа́ти.»

Ста́ли вони́ отце́ву й ма́тчину моли́тву сохвалі́ти,
Ста́ла на Чорно́му мо́рю супро́тивна фі́ля утиха́ти,
Ста́в Госпо́дь милосе́рдний і́х визво́лити.
Вони́ тоді́ до приста́ні прибува́ють,
За бі́лий ка́мінь рука́ми хвата́ютьца,
На суході́л виступа́ють
И́ слова́ми промовля́ють :

»Котóрий чолові́к отця-ма́тір ша́нує-поважа́є,
Богъ ё́му милосе́рдний пома́гає ;
Котóрий чолові́к отця-ма́тери не ша́нує, не поважа́є,
Нещаслі́вий той чолові́к бува́є,
Та́кь вінъ абі́-де ма́рне пропада́є.»

заки по цѣрквамъ молебны нанимали, а мы въ корчмѣ пили, гуляли, да музыку нанимали. Когдабы Богъ намъ помогъ выйти на сушу, то теперь мы святой церкви никогда бь не забывали, а отца и мать почитали.»

Какъ начали они прославлять отцовскую и материнскую молитву, стала на Черномъ морѣ противная волна утихать, сталъ ихъ милосердый Господь спасать. Прибываютъ они къ пристани, хватаются они руками за бѣлые камни, выходятъ на суходоль и говорятъ : »Кто отца и мать уважаетъ и почитаетъ, тому милосердый Богъ помогаетъ ; кто жь отца и матери не уважаетъ и не почитаетъ — нѣтъ счастья тому человеку ! погибаетъ онъ безъ пути на свѣтъ !«

5. (1)

ДУМА О БґРСТВѢ ТРЕХЪ БРАТЬЕВЪ ИЗЪ АЗОВА. (*)

Якъ изъ землі Турецької,
Да зъ віри бесурмєнської,
Изъ гóрода изъ Озова не пїли-туманї вставали :

Тїкавъ повчòкъ,
Малїй-невелїчòкъ, (2)

Тїкало три братїки рїднєвкї, (3)
Три товаришї сердєшнї.

Два кїннихъ, трєтїй пїший-пїхотїнець,
За кїнними бїжить-підбїгає,

Чòрний пожáръ під бїлі нòги пїдпадає,
Кровъ слїдї заливає,

За стремєна хватає,
Словами промовляє :

»Братте мїле, братте любе!

Хоть одїнь ви милосєрде майте,

Опрáни кульбáки (4), дòбичь изъ коней скидайте,

Менє, брата пїхотїнца, мїждò конї берїте,

Хочь мїлю версть увезїте

И дорїженьку укажїте.

(*) *Переводъ.* — Изъ земли Турецкой изъ вѣры бусурманской, изъ города Азова не пыль, не туманъ вставалъ: то уходилъ малый отрядецъ—три родныхъ брата, сердечные товарищи. Двое на коняхъ, а третїй за ними пѣшкомъ подбѣгаетъ, по выжженной степи бѣлыми ногами ступаетъ, кровью слѣды заливааетъ. Хватаетъ онъ за стремена, говоритъ онъ братьямъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одїнь надо мною сжалится: сбросьте вы съ коней дорогїя сѣдла, возьмите меня, пѣ-

(1) Се все стародавнї, неволнїцькї. *Пр. н.* — (2) Отò вже Богъ єго знає, щò воно значить. *Пр. н.* — (3) Колись-то було охòтне вїйсько, такъ їхъ усїхъ трòхъ и забрано. *Пр. н.* — (4) Хтò єго знає, щò то було такє! *Пр. н.*

Нехай я буду знати,
Куді за вами в городі Християнські зъ тяжкої неволі втікати.»

То старший братъ згорда словами промовляє :

»Чи подобѣнство, мій брате,

Щобъ я своє добро Турецьке на шляху покидавъ,

Тебѣ, трупъ, на коні бравъ?

Одначе ми самі не втечемо,

Ні тебѣ не ввеземо.

Будуть Кримці та Нагайці, безбожні бусурмени,

Тебѣ, пішого-піхотінця на спочійкахъ мишати,

А насъ будуть кіньми доганяти

И назадъ у Турещину завертати.»

То братъ піший-піхотінець за кінними бижить-підбігає,

Чорний пожаръ підъ білі ноги підгортає,

Словами промовляє :

»Братте любе, братте міле!

Хочь одинъ же ви милосѣрдее майте,

Назадъ коней завертайте,

Зъ піховъ шаблі виймайте,

Мині, брату мѣншому, пішому-піхотінцю, зъ плічъ голову здіймайте,

шаго, на коня, провезите меня хоть одну милю и укажете дорогу, чтобъ я зналъ, куда мнѣ за вами уходитъ изъ тяжелой неволи въ города Християнскіе.»

На это старший братъ гордо отвѣчаетъ : »Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свое Турецкое богатство по дорогѣ разбросалъ, а тебя, ни къ чему годнаго, на коня посадилъ? Равно мы и сами тогда не уйдемъ, и тебя не увеземъ. Быть можетъ, тебя, пѣшаго, безбожные бусурманы, Кримцы да Нагайцы, минуютъ гдѣ-нибудь на отдыхѣ, а насъ, конныхъ, догонять и воротать въ Турецкую землю.»

Снова пѣшій братъ за конными подбѣгаетъ, по черной выжженной степи бѣлыми ногами ступаєть : »Братья мои милые! пусть хоть одинъ изъ васъ надо мною сжалится : поверните назадъ коней, выньте изъ ноженъ сабли, снимите мнѣ, пѣшему, голову съ плечъ, похороните въ чистомъ полѣ, не оставьте на поживу звѣрю да птицѣ.»

У чістому полі поховайте,
Звіру-птиці на поталу не подайте.»

То братъ старший згорда словами промовляе:

»Чи подобенство, брате, тебе рубати?

Одначе шабля не візьме,

Рука не зведетьця,

Серце не осмілитця

Тебе рубати! (¹)

А якъ ти живъ-здоровъ будешъ,

Самъ у землі Християнські увидешъ.»

То братъ найменший, піший-піхотинець, за кінними біжить-підбігає,

Словами промовляе:

»Братте мїле, братте любе!

Хочь одїнь же ви милосердее маїте,

Будете до тернівъ, до байраківъ прибігати,

Такъ у боки забігайте,

Вїти терновї рубайте,

По шляху покидайте,

Мнї, брату пішому-піхотїнцю, на признаку давайте.»

То ставъ братъ старший та середульший до тернівъ, до байраківъ прибігати, —

У боки забігали,

Опять старший братъ гордо отвѣчаетъ: »Сбыточное ли дѣло, братъ, рубить тебѣ голову? и сабля тебя не возьметъ, и рука не поднимется, и сердце не осмѣлится. А какъ ты живъ останешься, то самъ придеши въ города Християнскїе.»

Снова меньшей братъ, пѣший, за конными подбѣгаетъ: »Братья мои милые! пусть изъ васъ хоть одїнь надо мной сжалится! Какъ прибудете вы въ терновые буераки, то заѣзжайте по сторонамъ, рубите терновыя вѣтви, разбрасывайте по дорогѣ, оставляйте мнѣ, пѣшему брату, примѣты.»

(¹) Звісно, одна кровъ. *Пр. п.*

Віти тернові зелені рубали,
Брату мѣншому, пішому-піхотинцю, признаку давали.

Да ставъ же братъ найменший, піший-піхотинець, до байраківъ при-
бігати,

Ставъ віти тернові знаходити,

У руки берє,
Къ сѣрцю кладє,
Словами промовляє
И слєзàми ридàє :

»Боже мій милий, Сотворителю небесний!

Видно, то мої братіки сюдà зъ тяжкої неволі втікали,

Объ мині велике старàнне мали.

Колибъ мині Господь помігъ зъ сні тяжкої неволі Озівської втігати,
Могъ би я своїхъ братіківъ при старості лїть шанувати й поважати!«

То ставъ же братъ старший та середульший на полівку избігати,

На степі високі, на великі дорogi росхідні, — (1)

Не стало тернівъ да байраківъ рубати ;

До ставъ же братъ середульший до старшого промовляти :

Приближаються старший и середній братя къ терновимъ буеракамъ, заїзжають по сторонамъ, рубяць зеленя вѣтви, оставляють меньшому, пішому брату примѣты.

Вотъ меньшей братъ, піший, подходитъ къ буеракамъ и начинаєть находить терновыя вѣтви. Онъ беретъ ихъ въ руки, прижимаєть къ сѣрцу и говоритъ со слезами : »Боже мой милый, Творецъ небесный! сюда-то, видно, мои братя изъ тяжелой неволи уходили и обо мнѣ заботились. О, еслибы мнѣ помогъ Господь уйти изъ тяжелой неволи Азовской, — почиталъ бы и уважалъ я своихъ братьевъ въ ихъ старости!«

Выїзжають старший и середній братъ на поля, на высокія степи, на большія *расходныя* дороги, гдѣ уже не было больше терновника. Тогда середній братъ говоритъ старшему : »Снимемъ-ка, братъ, мы съ себя

(1) Въ другой разъ онъ пѣлъ :

На вишчї степі Самарські, на шляхї Муравські избігати.

»Нумь, бр́ате, ми зь себе зелєні жупа́ни скида́ти,
Черво́ну та жо́вту кита́йку видира́ти,
Пи́шому бра́ту, ме́ншому, на призна́ку покла́дати;
Неха́й ви́нь бідний зна́є, куди́ за на́ми, кінни́ми, тіка́ти.«

До ставъ же братъ старший згорда словами промовляти :
»Чи подобєнство, бр́ате, щобъ я свое добро Турецьке на шматки дравъ,
Бра́ту ме́ншому на призна́ки дава́въ?
Якъ ви́нь живъ-здоровъ бу́де,
Такъ са́мъ у зе́млі Христия́нські, безъ на́шихъ призна́ківъ усякихъ,
прибу́де.«

До братъ середу́вший милосе́рде ма́є,
Изъ свого жупа́на черво́ну та жо́вту кита́йку видира́є,
По шляху́ сте́ле-покла́дає,
Ме́ншому бра́ту призна́ки дава́є.

То ставъ братъ найме́нший, пі́ший-піхоти́нець, на по́лівку избіга́ти,
На степі́ висо́кі, на великі́ дорóги росхі́дніі, —
Нема́ ні терні́въ, ні байра́ківъ,
Ні́якихъ призна́ківъ.

зеленые *жупаны*, станемъ мы изъ-подъ нихъ обрывать красную и желтую китайку и оставлять меньшому брату примѣты; пусть онъ знаетъ, куда за нами, конными, уходитъ изъ неволи.»

На это старший братъ гордо отвѣчалъ: «Сбыточное ли дѣло, братъ, чтобъ я свою Турецкую одежду въ куски рвалъ, для примѣтъ меньшому брату? Когда останется живъ и здоровъ, то и безъ примѣтъ придетъ въ города Христіанскіе.»

Но средній братъ милосердился, — обрываетъ изъ-подъ своего жупана красную да желтую китайку, стелеть ее по дорогѣ, оставляетъ меньшому брату примѣты.

Всходитъ меньшей, пѣшій братъ на поля, на высокія степи, на большія расходныя дороги, — нѣтъ ни терновника, ни буераковъ и никакихъ примѣтъ; а находитъ онъ красную да желтую китайку, — беретъ ее

Ставь червону кита́йку да жо́вту знахожа́ти.

У ру́ки берè,
Къ сèрцю кладé,
Слова́ми промовляе
И слéзами ридáе :

»Що не дурно жь ся червона да жо́вта кита́йка по шляху́ вала́етця :

Ли́бонь мо́ихъ бра́тківъ на сві́ті нема́е :

'А́льбо ихъ пору́бано ,

'А́льбо ихъ пострéляно ,

'А́льбо у горлú тяжку́ позáймано !

Ко́либъ я мо́гъ до́бре зна́ти ,

Що ихъ пору́бано , а́льбо пострéляно ,

Мо́гъ би я вь чи́стому по́лі ті́ла шука́ти ,

Вь чи́стому по́лі поховáти ,

Зві́ру-пти́ці на потáлу не да́ти.«

Одво́ жь бра́та найме́ншого , одно безви́да ,

Дру́ге безли́бья ,

Тре́те те , що ти́хий віте́рь зь ни́гъ вала́е . ⁽¹⁾

До Оса́вурь-моги́ли прибува́е ,

На Оса́вурь-моги́лу зіхожа́е ,

Тамъ собі безпéчне девáтого дня спочиво́к ма́е ,

въ руки, прижимаетъ къ сердцу и говоритъ со слезами: »Не даромъ красная да желтая кита́йка по дорогѣ вала́ется : видно, нѣтъ моихъ братьевъ на свѣтѣ: или ихъ изрубили, или перестрѣляли, или въ тяжкую неволю снова угнали! Когдабъ я зналъ, что ихъ изрубили, или перестрѣляли, я бы сталъ искать ихъ тѣла въ чистомъ полѣ, я бы похоронилъ ихъ, не далъ бы въ пищу звѣрю да птицѣ.«

Межь тѣмъ его самага и жажда, и голодь одолѣвають, и даже тихой вѣтеръ съ ногъ валить. Наконецъ приближается онъ къ Савурь-моги́лѣ, всходитъ онъ на могилу и тамъ безопасно отдыхаетъ на девятый

⁽¹⁾ Що ти́хий віте́рь, да й то́й вала́е: що вже хочъ би тамъ и ті́ло ихъ було (т. е. братьевъ), такъ вінъ не до́лжёнъ нічо́го ра́ди да́ти. *Пр. п.*

Дев'ятого дня изъ неба води-погоди вижидає.

Мало-немного спочивавъ,

Къ ёму вѡвці-сірохманці нахождали,

Орли-чорнокрільці палітали, (1)

Въ головкахъ сиділи, —

Хотіли задалегоді животá темний похоронъ одправляти. (2)

Тоді вінъ словáми промовляє:

»Вѡвці-сірохманці, орли-чорнокрільці,

Гѡсті мої милі!

Хоть мало-немного обождіте,

Поки козацька душа зъ тіломъ розлучитця.

Тоді будете мині зъ ліба чорні очи висмикати,

Біле тіло коло жѡвтої кѡсті оббїрати,

И комишами вкривати.»

Мало-немного спочивавъ...

Отъ, руками не візьме,

Ногами не пїйде,

И ясно очима на небо не згляне...

На небо взирає,

день бѣгства — въ девятый день ждетъ дождя небеснаго. Немного онъ опочилъ, какъ сбѣжались къ нему волки сѣрые, слетѣлись орлы-чорнокрільцы, садились въ-головахъ и надъ живымъ хотѣли уже отправить *темныя похороны*. И говоритъ онъ: »Волки сѣрые, орлы чорнокрільцы, гости мои милые! обождите хоть немного, пока козацкая душа разлучится съ тѣломъ. Тогда вы будете мнѣ черныя очи выклеивать, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости оббѣдаты, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивать и покрывать камышами.«

Прошло еще немного времени... уже онъ руками не владѣетъ, ногами не ходитъ и ясно неба не видитъ... На небо взираетъ, тяжело взды-

(1) Я не бачивъ, чи чорні крила въ орлівъ. *Пр. п.*

(2) Бже, твоѡ воля! хто ёго повигадувавъ, хто ёго тее! Що не можна вїдумать би такъ нікому въ свїті. — (О словѣ *темний*;) Се, бачъ, тайний: то звїрѣ да птиця. *Пр. п.*

Тяжко воздихає:
»Голово моя козацькая!
Бувала ти у зємлях Турецькихъ,
У вірахъ бесурмєнськихъ;
А тепєрь припало на безвідді, на безхлїбї погібати.
Девя́тий день хлїба въ устахъ не маю,
На безвідді, на безхлїбї погібаю!»

Тутъ тєє промовлявъ... не чо́рна хма́ра налігала, (¹)
Не буйні вітри віну́ли,
Якъ душа́ козацька-молодецька зъ тіломъ розлучалась.
Тоді во́вці-сірохманці нахождали
И о́рли-чорнокрильці налігали,
Въ голо́вкахъ сідали,
Зъ ли́ба чо́рні о́чи висмикали,
Бїле тіло коло́ жо́втої ко́сті оббірали,
Жовту кість по-підъ зелєними яворами розношали
И комиша́ми вкривали. (²)

А ще ставъ братъ ста́рший да середу́лший до річки Самарки прибігати, (³)

хаєть: »Голова моя козацкая! бывала ты въ странахъ Турецкихъ, межъ народовъ бусурманскихъ; а тепєрь пришлось тебѣ погібать на безводи, на безхлѣби. Девя́тый день, какъ у меня въ устахъ хлѣба не было, отъ жажды и голоду погібаю!»

Сказаль...и не черная туча налетѣла, не буйные вѣтры подули: то козацкая, молодецкая душа съ тѣломъ разлучилась. Тогда сѣрые волки соѣгались, и чернокрылые орлы налетали, въ-головахъ садилсь и черныя очи выклеывали, бѣлое тѣло вокругъ желтой кости объѣдали, желтую кость подъ зеленые яворы растаскивали и камышами покрывали.

А между тѣмъ старшій и средній братья приблизились къ рѣчкѣ Са-

(¹) До смєрти балакавъ! *Пр. п.* — (²) Оцє вже одного поховали. *Пр. п.*

(³) Що тутъ річка Самарка, чи вже далєко? Ну, да все то чужа земля колїсь була. *Пр. п.*

Стала їх темна нічка обіймати,
Ставь брать старший до середульшого промовляти :

»Станьмо, братіку, тута, коні попасімо :

Туть могили великі,

Трава хороша

И вода погджа.

Станьмо тутечка подождімо,

Поки сонце обітріє, (sic)

Чи не прибуде якъ намъ нашъ піший-піхотинець.

Тоді на ёго велике усєрдие маю,

Усю добычъ скидаю,

Ёго, пішого, міждо коні хватаю.»

— »Булó бь тоді, брате, якъ я казавъ, хватати!

Теперь девятый дєнь минувъ,

Якъ хлїбъ-сїль ївъ,

Воду пивъ,

Досї й на свїті немає.»

Тоді вони коней пустопащъ попускали,

Кульбаки підь себє послали,

Ружья по камышахъ поховали,

Безпєчно спать полягали,

Світової зорі дожидали.

маркѣ, и захватила ихъ темная ночь. Говоритъ старшій братъ среднему: »Остановимся, братъ, здѣсь да попасемъ лошадей. Тутъ могила большія, трава хорошая, вода здоровая. Обождемъ здѣсь до свѣта, не прибудетъ ли къ намъ нашъ пѣхотинець. Я бы о немъ позаботился : бросилъ бы всю свою добычу и посадилъ бы его на коня съ собою.»

»Тогда было его взять, когда я говорилъ! А теперь ужъ девятый день, какъ онъ не ѣлъ и не пилъ; вѣрно, ужъ его итъ на свѣтъ.»

Пустили они коней на пастьбу, положили себѣ сѣдла подъ головы, а ружья спрятали въ камышахъ и спокойно, въ ожиданьи зарі, уснули.

Ставь Божий світъ свѣтати,
Стали вони на коні сидати,
Черезъ річку Самарку у Християнські землі утікати, —
Ставь братъ старшій до середульшого промовляти:
»Якъ ми будемъ, братіку, до отця, до матки прибувати,
Якъ ми імъ будемъ повідати?
Будемъ ми, брате, по правді казати, —
Буде насъ отець-мати проклинати;
А будемо ми, брате, передъ отцемъ, передъ маткою олгати, —
Такъ буде насъ Господь милосердний и видимо, и невидимо карати.
А хибá, брате, такъ искажемо:
Що не въ одного пана пробували,
Не одну невôлю мали,
И ночої добі зъ тяжкої невôлі втікали,
Такъ ми и до ёго забігали:
»Устань, брате, зъ нами, козаками, зъ тяжкої невôлі втікати!«
Либôнь-то вінъ такъ исказавъ:
»Тікайте жъ ви, братця,
»А я буду тутъ оставатьця,
»Чи не буду собі луччого долі-щастя мати.« (1)

Когда жъ стало свѣтать, они осѣдлали коней и пустились уходить въ Християнскія земли черезъ рѣчку Самарку. Говоритъ старшій братъ среднему: »Когда мы, братъ, воротимся къ отцу и матери, то какъ станемъ имъ рассказывать? Скажемъ правду — проклянутъ насъ отецъ и мать; а солжемъ передъ отцомъ и матерью — покараетъ насъ милосердний Господь и видимо, и невидимо. Ужъ развѣ скажемъ такъ, братъ: что не у одного господина, не въ одинаковой неволѣ мы были и уходили изъ неволи ночью; заѣзжали и къ нему: »Вставай, братъ, уходи съ нами, козаками, изъ тяжкой неволи.« А онъ будто-бы такъ отвѣтилъ: »Уходите, братцы, а я останусь здѣсь; не лучше ли мнѣ здѣсь посчаст-

(1) Другой кобзарь въ Лубенскомъ уѣздѣ, Александра Михайлюкъ, пѣлъ такъ:

Не хòчу, мой велика невôля,
А трѣте — и коня не маю.

А буде отець-мати помірати
И будемь ґрунта-худобу на дві часті паювати, —
И трете міжь нами не буде мішати.»

Туть тее промовляли,
И не сізі орлі заклекотали,
Якъ ихъ Турки-яниченьки изъ-за могили напали, —
Постреляли, порубали,
Кони зъ добиччу назадь у городь, у Турещину позавертали.

Полегла двохъ братівъ голова вище річки Самарки,
Третья у Осаурь-могили.
А слава не вмрє, не поляже
Одніи до віка!
А вамъ на многая літа! (*)

(*) Отакі старці колись бували (говорилъ Архипъ, пропѣвъ свои думы и покивая печально главою), такіхъ співали; такъ и люде ихъ любіли! А теперъ єму співай, а вонó и не слухає. Бу-

»ливится.« А когда умрутъ отецъ и мать и мы станемъ дѣлиться наслѣдствомъ, то между насъ не будетъ третьяго.»

Лишь только онъ сказалъ, какъ вдругъ — не сизокрылые орлы заклекали—Турки-янычары изъ-за могилы напали, изранили ихъ пулями, изрубили, а коней съ добычею завернули въ Турецкой городъ.

Легли головы двухъ братьевъ выше рѣчки Самарки, а третьяго — у Саворь-могили; но слава не умреть, не погибнетъ отнынѣ и до вѣка. А вамъ многая лѣта!

(*) *Переводъ.* — Такіє-то нищє когда-то бывали, такія пѣсни пѣли, вотъ и люди ихъ любіли! А теперъ поешъ, и не слушають. Бывало,

(*) *Лександра Михайлокъ пѣлъ :*

Даруй, Боже, милости вѣшій и всему війську Запорозькому на многая літа.

Этотъ стихъ переноситъ воображеніє въ то время, когда думы пѣлись «Гетманскимъ» и «Запорожскимъ» козакамъ.

в'ало, въ когó ё снагá, обійде чи двáдцять хать, чи трíдцять, а посли вёрнетця додóму: »Запряжй, хлóпче, коня, отъ до такóго пойдь, до такóго пойдь; тамъ минй обйщали.« Поиде хлóпечь, такъ пóвенъ визъ усёгó наберё.

Нищяя братя въ Малороссйи заслуживаетъ особеннаго вниманя. Будучи послёдными въ народё по своему убожеству и неспособности къ земледёльческимъ и другимъ работамъ, Малороссййскйе нищйе занимають первое мёсто по развитйю поэтическихъ и философскихъ способностей. Они почти все слёпы. Немногие поступаютъ въ разрядъ нищихъ, то есть, собирателей милостыни, по какому-нибудь калёчеству; еще меньше — по лукавству и охотё къ праздношатательству. Лучшйе изъ нихъ живутъ въ деревняхъ, гдё ихъ каждый знаетъ. Города рёшительно портятъ нравственность нищаго.

Я разскажу здёсь о моемъ знакомствё съ Андреемъ Шутомъ, слёпымъ пёвцомъ народныхъ думъ (въ мёстечкё Александровкё, Сосницкаго уёзда Черниговской губерни), слёдовательно нищимъ по ремеслу. Имя его сдёлалось мнё извёстно изъ статьи священника Базилевича, напечатанной въ »Этнографическомъ Сборникё«. Помёщенная въ этой статьё дума Андрея Шута дала мнё высокое понятйе о достоинствё его пёсенъ въ историческомъ отношенйи, и я воспользовался первымъ случаемъ завернуть въ Александровку, чтобы познакомиться съ почтеннымъ авторомъ упомянутой статьи. Естественно, одинъ изъ первыхъ моихъ вопросовъ былъ объ Андрёе Шутё. Мнё отвёчали, что Александровскйй бардъ явится тотъ-часъ къ моимъ услугамъ, что онъ близкйй сосёдъ и въ нёкоторомъ смыслё другъ дома. Дёйствительно, не прошло нё-

кто въ силахъ, обойдетъ двадцать, тридцать хать, а потомъ воротится домой: »Запрягай, хлóпче, коня да поёзжай къ тому и тому; тамъ обйщали мнё.« Поёдетъ мальчикъ и наберетъ всякаго добра полощъ возъ.

сколькихъ минутъ, какъ Андрей Шуть отворилъ дверь въ гостиную и привѣтствовалъ насъ громкимъ, чистымъ голосомъ.

Это былъ сѣдой старикъ съ клинообразной бородою, въ сѣрой, новешенькой свитѣ и въ свѣжихъ *постолахъ* (лаптяхъ), которыхъ оборы обхватывали очень красиво его ноги, завернутыя въ бѣлыя онучи. Лицо его было свѣжо, щеки румяны, черты правильны, хотя нѣсколько обезображены оспою, которая лишила его зрѣнія на семнадцатомъ году жизни. Онъ отличался бодрой осанкой и живыми движеніями, показывающими челоуѣка, постоянно занятого работой.

Андрей Шуть, сдѣлавшись слѣпцомъ, долженъ былъ уплачивать государственныя подати наравнѣ съ зрячими людьми своего сословія и нашель для того необходимымъ выучиться вить веревки и вязать изъ пеньки крестьянскую упряжь. Онъ взялся за свой промыселъ съ такой усидчивостью и проворствомъ, что не только оставался всегда правъ предъ козацкимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежитъ, но еще скопилъ денегъ и построилъ себѣ хату. Далѣе — онъ обзавелся женою и зажилъ не хуже зрящаго. Теперь онъ вдовецъ, но у него есть взрослый и уже женатый сынъ, котораго онъ на свой счетъ обучилъ грамотѣ.

Это матеріальная сторона его жизни. Со стороны поэтической и философской, Андрей Шуть едва ли имѣетъ себѣ равнаго между нищей братіей. Слепота развила въ немъ врожденный вкусъ къ пѣснямъ, и онъ, обладая превосходною памятью, усваивалъ себѣ все, что слышалъ. При его трудолюбіи и способностяхъ, ему не трудно было добыть себѣ бандуру и перенять искусство подыгриваться на ней подъ голосъ. Скоро онъ сдѣлался любимымъ музыкантомъ и пѣвцомъ во всемъ Сосницкомъ округѣ, а можетъ быть и далѣе, и выпускалъ изъ рукъ бандуру только во время постовъ, смѣняя музыку другимъ, болѣе скромнымъ ремесломъ.

Но каковы бы ни были успѣхи Андрея Шута въ пѣсняхъ и въ заработкахъ двоякимъ способомъ, ни тѣ, ни другіе, не могли наполнить души его. Лучшіе часы своей жизни онъ проводилъ въ

храмъ Божиємъ, къ которому естественно прилѣпляется человекъ въ его положеніи. Чтеніе псалмовъ, молитвъ и церковное пѣніе возвышали его душу надъ нуждами и бѣдствіями преходящей жизни и устремляли ее къ безконечному. Чѣмъ больше входилъ онъ въ лѣта, тѣмъ больше удѣлялъ времени для посѣщенія заутренъ, обѣдней, вечерней, всенощныхъ, и вѣрная память его, удерживая весь кругъ церковныхъ чтеній и пѣснословій, безпрестанно наводила его умъ на мысли о спасеніи души. Онъ рѣже прежняго выходилъ съ бандурой за спиною изъ дому на промыселъ, отвергъ все тѣ пѣсни, которыхъ содержаніемъ были шутки, или страстныя движенія сердца, и пѣлъ только псалмы въ честь Іисуса и святыхъ да историческія пѣсни. Наконецъ онъ и совсѣмъ оставилъ бандуру, ограничивъ свои заработки только руководѣлемъ да смиреннымъ испрашиваніемъ милостыни по праву слѣпоты своей.

Онъ смотритъ на ремесло нищаго, какъ на дѣло богоугодное. По его понятіямъ, нищій существуетъ на то, чтобы напоминать людямъ о Богѣ и о добродѣтели. Вступя въ этотъ классъ народа, онъ тотъ-часъ научился молитвамъ, которыхъ до тѣхъ поръ не зналъ, и первая его наставница въ пѣсняхъ, какая-то слѣпая старуха, передала ему вмѣстѣ съ пѣснями изустныя преданія о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи человѣческомъ и о пришествіи въ міръ Спасителя.

Малороссійское простонародье большею частью погружено въ насущныя нужды свои, до такой степени, что по-видимому теряетъ и самое расположеніе къ умственнымъ созерцаніямъ. На пѣсни подмываетъ его сердце въ періодъ живой молодости, или въ пору случайнаго веселья и горя, а преданія и повѣрья переходятъ у него изъ рода въ родъ только по неотступному требованью врожденной способности къ фантазированью. Нищѣ исключаются слѣпотою изъ обыкновенныхъ условій сельскаго быта, какъ-будто для того, чтобы, развивъ, въ своемъ неизбѣжномъ сомоуглубленіи, мыслительныя способности, вносить въ общество поселянъ религіозно-философскую стихію и такимъ образомъ поддерживать нравственную жизнь его на извѣстной

высотѣ. Напримѣръ, Андрей Шутъ такъ рассказываетъ о своемъ участіи въ распространеніи познаній о Богѣ и поклоненія Ему молитвою.

РАЗСКАЗЪ АНДРЕЯ ШУТА ОБЪ УЧЕНИКѢ ЕГО. (1)

(*) Есть тутъ у насъ у Верховіссі козаць Миць у пріймахъ. Багата вдова тамъ живѣ, такъ вінъ до її дочкы у прійми й приставъ. Парень роботящій, такъ вона й приняла ёго у прійми. Да скупна собі баба, такъ, щобъ не наймать наймита, посилае зятя пасти коні. Отъ вінъ и пасе. А тамъ у Верховіссі обиднівъ одинъ чоловікъ, а въ ёго два сині и дві дочкы; такъ одинъ синъ у людѣй служить, а другого нищій, кобзарь узявъ, Гордій изъ Ядутъ. За годовище півтора цілкового поступивъ. Вінъ и живъ при томъ нищому два годі. Да старшині треба було погонича, такъ вінъ изиськавъ того хлѡнца да й нанявъ на годъ. Отъ вінъ и па-

(*) *Переводъ.* — Есть тутъ у насъ въ Верховіссы козаць Миць, въ пріймахъ. Живетъ тамъ богатая вдова и приняла его къ себѣ въ пріймы (зятемъ). Парень работящій, такъ она и приняла его. Только такая скуная баба, что не хочетъ нанимать батрака, да и посылаетъ зятя пасти лошадей. Пасетъ онъ. А тамъ въ Верховіссы обиднѣлъ одинъ человекъ, и у того человека два сына и двѣ дочкы; вотъ одинъ пошелъ служить къ хозяину, а другого взялъ къ себѣ нищій, кобзарь, Гордій изъ Ядутъ. Далъ ему на годъ полтора цілковыхъ. Мальчикъ и жилъ при томъ пищемъ два года. Но старшинѣ нуженъ былъ погонщикъ, такъ онъ отыскалъ этого мальчика да и нанялъ на годъ. Вотъ и пасетъ онъ

(1) Здѣсь приводятся подлинныя слова его; но должно замѣтить, что говоръ Сосницкаго уѣзда отличается произношеніемъ *o* на *a* (напр. вмѣсто *коня*, тамъ говорятъ *каня*) и остраго *i* на *уэ* (напр. вмѣсто *вилъ* — *вуэвлъ*). Звукъ *ь* произносится тамъ почти такъ, какъ въ Великороссіи, а не за *i*, какъ пишу я здѣсь, согласно съ общимъ Малороссійскимъ выговоромъ. Есть и еще особенности, но о нихъ распространяться здѣсь не мѣсто. Нѣкоторыя изъ нихъ, непротивныя слуху *стеновика*, удержаны мною, какъ въ рассказахъ, такъ и въ думахъ Андрея Шута.

сє коней. И Оникій Миць у-кўпї зъ нимъ пасє, да ѱ питає въ хлбнца: »Ты въ старцѣхъ бўвъ?

»Бувъ«, каже.

»Тебє старці навчили Бѳгу молїтьця?«

»А якъ же?«

»Якї жъ ти молитви знаєшь?«

»Знаю«, каже, »*Отче нашъ, Святый Божє, Върю...*«

»А *Помилуй мя, Божє?*«

»И *Помилуй мя, Божє*, знаю,«

»Навчи менє *Помилуй мя, Божє.*«

»Дѳбре.«

Отъ и давѱи учїть: *Помилуй мя, Божє, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконїє мое. Наипаче омый мя отъ беззаконїя моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконїє мое азъ знаю и грѣхъ мой предо мною єсть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ и лукавое предѣ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словєсѣхъ Твоихъ, и побѣдиши....* По сє мїсто: *и побѣдиши.* И далѳсь ємў пїтїи на косовїцю. Кѳсять и горїлку пїють, вже звїсно. И трѣба ємў похвалїтьця томў старшинї!

лошадей. И Оникїй Мыць пасєть вмѣстѣ съ нимъ, и спрашиваєтъ мальчика: »Ты въ нищїхъ былъ?« — »Былъ«, говоритъ. — »Учили тебѱ нищїє молїтьсѱ Бѳгу?« — »А какъ же?« — »Какїя жъ ты молитвы знаєшь?« — »Знаю«, говоритъ, »*Отче нашъ, Святый Божє, Върю....*« — »А *Помилуй мя, Божє?*« — »И *Помилуй мя, Божє*, знаю.« — »Научи меня *Помилуй мя, Божє.*« — »Хорошо.«

Вотъ и началъ учить: *Помилуй мя, Божє, по велицѣй милости Твоей, и по множеству щедротъ Твоихъ очисти беззаконїє мое. Наипаче омый мя отъ беззаконїя моего, и отъ грѣха моего очисти мя: Яко беззаконїє мое азъ знаю, и грѣхъ мой предо мною єсть выну. Тебѣ единому согрѣшихъ, и лукавое предѣ Тобою сотворихъ: яко да оправдишися во словєсѣхъ Твоихъ, и побѣдиши....* До сихъ поръ: *и побѣдиши.* И случїсь єму

»Твій«, каже, »челядінець великого стоїть: вінъ уміє Богу молитьця, и менé навчївъ.«

Що жъ? давай изъ ёго и зъ того хлопця сміятьця: »Конї пасуть, и Богу молитьця учатця!« ...Хлопець послі сёго годі да й годі вчить, и не сїдає коло ёго — стидїтця. Такъ и zostавсь Онїкій: *и побідїши*, а більшъ и не вмївъ Богу молитьця; моливсь тїлько кусочокъ.

Отъ я разъ пришовъ до ёго тєщи за мїлостинею, а вінъ сидїть на лавї да вовну бєе. Вінъ и кушнїрську роботу знає. Поздоровївъ днємъ.

«Спасїбу, дїду. Сядь, погомонї; давнó я тебе бачила.»

Я сївъ.

»Чи не грїхъ«, кажутъ, сёгодні робить?« [А тоді чи Сорока Мученикїв булò, чи Олексїя Божого Чоловіка.]

»Да мóже«, кажú, »не бóде Олексїй гнїватьця.«

Пзнялі якúсь рїчъ про святè. А Онїкій у Чепїги, вь козака, у Киселївцї вòвну бивъ: а вь Чепїги сїнъ и онúкъ пись-

быть на косовицѣ. Косятъ, ну, извѣстно, и водку пьютъ. И похвались онъ тому старшинѣ: »Твой«, говоритъ, »челядинецъ дорогой человекъ: онъ умѣеть Богу молиться, и меня научилъ.« Чтò же? всѣ принялись надъ нимъ и надъ тѣмъ мальчикомъ смѣяться. »Лошадей пасутъ, и Богу молиться учатся!« ... Мальчикъ послѣ этого полно и полно учитъ, и сѣсть подлѣ него стыдится. Такъ и остался Онїкій: *и побѣдиши*, а больше и не умѣлъ Богу помолиться; молился только немножко.

Вотъ однажды пришелъ я къ его тещѣ за милостынею, а онъ сидитъ и перебиваетъ шерсть. Онъ и овчины умѣеть выдѣлывать. Поздравилъ я ихъ днємъ. »Спасибо, дѣдушка (говоритъ теща). Сядь, поговори съ нами; давно я тебя не видала.« Я сѣлъ. »Не грѣшно ли«, говорятъ, »сегодня работать?« [А былъ тогда день Сорока Мучениковъ, или, кажется, Алексѣя Божьяго Человѣка.] »Да, можетъ быть«, говорю, »Алексѣй не будетъ гнѣваться.«

Завели рѣчь о разномъ святомъ. А Онїкій у козака Чепїги

мєнний, дакъ вінъ одъ їхъ де-що чувавъ, да й почавъ розсказувать.

Я слухавъ—слухавъ... »Ні«, кажү, »Онїкію, се не такъ було, а ось якъ. Ось якъ Богъ свѣтъ создавъ, ось які святїі були. Ти дүмаєшь, я на тє кажү, щобъ ти минї милостиню бїлшу давъ? Ні, вонó йменно такъ було. Отъ спитай и въ отця Георгїя.«

Тодї вже вінъ годї розсказувать да давай питать у менє. Да идучї у недїлю до цєркви, и зайде до менє въ хату, и давай просить менє: »Навчї менє *Помилуй мя, Боже*. Я знаю тїлько ось поки: *и побїдиши*.«

»Вонó«, кажү, »велїке, не скоро навчїся.«

»Да мóже такї навчїмось.«

[А ёму вже лїть тридцять бїде.] Давай я ёго вчить. Прокажү стихъ, словъ дєсять, чи що, вінъ їхъ и твердїть цілий тїждень; а въ недїлю зновъ до менє зайде. Оце було осїннєго врємя, Пилипівкою, прїйде изъ Верхолїсєя — полемъ да горóдами навпростєць — ще й пївні не проспївають: »Щє не дзвонїли до ўтрєні?«

въ Киселевкѣ перебивалъ шереть; а у Чепїги сынъ и внукъ грамотные, такъ онъ кое-чтò слыхалъ отъ нихъ, — вотъ и началъ разсказывать. Я слушалъ, слушалъ... »Нѣтъ«, говорю, »Онїкій, это не такъ было, а вотъ какъ. Вотъ какъ Богъ свѣтъ создалъ, вотъ какїе были святые на свѣтѣ. Ты думаєшь, я для того тебѣ разсказываю, чтобъ ты мнѣ бóльшую милостиню далъ? Нѣтъ, оно именно такъ было. Спроси хоть и у отца Георгїя.« Тогда ужъ онъ полно разсказывать, да началъ у меня распрашивать. Вотъ, идучи въ церковь, въ воскресєньє, и заходить ко мнѣ въ хату, и давай просить меня: »Научи меня *Помилуй мя, Боже*. Я знаю только вотъ до какихъ поръ: *и побѣдиши*.« — »Она«, говорю, »длинна, эта молитва; не скоро научишься.« — »Да, можетъ, какъ-нибудь и научусь.« [А ему уже будетъ лѣтъ тридцать.] Началъ я учить его. Скажү ему стихъ, словъ дєсять, что ли, — онъ и твердїть ихъ цѣлую недѣлю, а въ воскресєньє оная ко мнѣ заходить. Бывало осенью, въ Филиповъ постъ, придетъ изъ Верхолїсєя — полемъ да напрямикъ огородами — и пѣтухи еше не пропоють: »Еще не звонили къ зау-

З. о Ю. Р., I.

»Ищё не скоро и́ будуть. Сидай.«

И я встану. Я на лавці сплю, — такъ, направо.

»Ну, дѣду, проказуй *Помилуй мя, Боже.*«

Отъ я и проказую, поки до церкви задвоняеть. И до церкви идучи, усё про се самее говоримо.

И вже теперъ не пропустити не одной службы, не утрени. Иноді теща ёго и лае: «Чого таки тоби знай до церкви ходити? Ми жъ таки не ходили разъ у разъ. Тилько було понесе паску. Да и то жили и хлѣбъ їли.»

»А на що жъ«, каже, »си церкви и все те служение и слава Господня, коли намъ не ходити того дивитьця да слухать?«

То-то не дармо, мабуть, читається: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селения славы Твоя.*

Такъ проповѣдываль Андрей Шуть, сидя на креслѣ, которое стоитъ именно для него у двери гостинной добраго отца Георгія. Онъ говоритъ скороговоркой, и я не успѣлъ записать многихъ характерныхъ его выражений, а потому долженъ былъ выбросить изъ своей стенографіи всѣ отступленія, въ которыя онъ любитъ вдаваться по пути главнаго разказа. Само собою разумѣется, что, съ своей стороны, я помогаль ему моими вопросами высказы-

тренъ?« — »Не скоро еще будутъ и звонить. Садись!« И самъ я встану. Я на лавкѣ сплю, — такъ, направо. »Ну, дѣдушка, говори мнѣ *Помилуй мя, Боже.*« Я и говорю ему, пока начнутъ звонить къ заутренѣ. И въ церковь идучи, всѣ объ одномъ и томъ же толкуемъ.

И ужъ теперь не пропустити онъ ни одной обѣдни, ни заутрени. Иной разъ теща и бранитъ его: »Зачѣмъ тебѣ то и дѣло въ церковь ходити? Мы не ходили же всякой разъ. Только бывало снесетъ мужъ освятити пасху, и довольно. Однакожъ жили и хлѣбъ їдали.« — »А для чего же«, говоритъ, »церкви и все служение, и слава Господня, если не ходити намъ смотрѣть и слушать?« То-то, не даромъ, видно, читается: *Господи, возлюбихъ красоту дому Твоего и мѣсто селения славы Твоя.*

ваться. Въ этомъ старикѣ мнѣ полюбилась довѣрчивая свобода обхожденія, чуждая впрочемъ и тѣни нахальства. Ему сказали уже, что я изъ Петербурга; онъ очень хорошо понималъ, что съ нимъ говорить, какъ бы онъ выразился, не простой человѣкъ; но при всемъ томъ, въ его манерахъ и словахъ не было замѣтно никакого смущенія, которое часто встрѣчаешь въ людяхъ, считающихъ себя Богъ знаетъ почему существами очень ничтожными. Онъ выражалъ только удовольствіе, что съ нимъ бесѣдуютъ люди столичные, люди, по его понятіямъ, не *селокáмъ* чета, и, отвѣчая на мои вопросы, онъ не упускалъ случая освѣдомиться кой о чемъ и у меня. Разумѣется, мы скоро съѣхали на историческія думы. Андрей Шуть отзывается съ пренебреженіемъ о пѣсняхъ любовныхъ, обрядныхъ и т. п., но на думы онъ смотритъ, какъ на изустныя сказанія о томъ, что творилось на свѣтѣ въ-старину, и хранить ихъ въ памяти съ уваженіемъ. Онъ очень охотно продиктовалъ мнѣ слѣдующіе драгоценные памятники народной словесности: о *Вдовѣ и ея сыновьяхъ*; о *Гáнжѣ Андѣбѣрь*; о *Хмѣльницкомъ и Барабашѣ*; о *Хмѣльницкомъ и Василь Молдавскомъ*; о *смерти Богдана Хмѣльницкаго* и объ *Ивасѣ Вдовиченкѣ (Коповчѣнкѣ)*. Эти шесть думъ помѣщены мною въ сборникѣ А. Л. Метлинскаго (1). Здѣсь помѣщаю седьмую думу Андрея Шута, еще нигдѣ непечатанную.

ДУМА О БѢЛОЦЕРКОВСКОМЪ МИРѢ И О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЯКАМИ. (*)

Эй чи гараздъ, чи добре нашъ гетьманъ Хмелни́цький учини́въ,
Що зъ Ляхами, зъ мостівими панами, у Білій Церкві замиривъ?

(*) *Переводъ.* — Хорошо ли нашъ гетманъ Хмѣльницкій поступилъ, что съ Ляхами, вельможными панами, въ Бѣлой Церквѣ помирился? Онъ

(1) «Народныя Южнорусскія Пѣсни», стр. 352, — 354, 377 — 399, 413 — 424.

Да велів Ляхамъ, мостівимъ панамъ, по козакахъ, по мужикахъ стацію
стояти,

Да не велів великої стації вимпшляти.

То ще жъ то Ляхи, мостівий пані, по козакахъ и по мужикахъ стацією
постали,

Да великую стацію вимпшляли.

Одъ їхъ ключі поодбирали,

Да стали надъ їхъ домами господарями.

Хазяіна на конюшню оденлае,

А самъ изъ ёго жонію на подушкахъ почивае.

То козакъ, альбó мужикъ изъ конюшні приходяе,

У кватірку поглядае —

Ажъ Ляхъ, мостівий панъ, ище зъ ёго жонію на подушкахъ опочивае.

То вінъ одінь осьмакъ у кармаіні мае,

Пійде зъ тоски да зъ печалі у кабакъ да й той прогулае.

То Ляхъ, мостівий панъ, одъ сна уставае,

Юлицею йде,

Казавъ би якъ свиня нескрѣбена попереу ўхомъ ведє,

Ище слухае-прослухае,

Чи не сѣдить ёго де козакъ, альбó мужикъ...

велѣлъ Ляхамъ, вельможнымъ панамъ, у козаковъ и мужиковъ стоять постоємъ, только не велѣлъ имъ вымышлять большихъ поборовъ. Вотъ и размѣстились Ляхи, вельможные паны, у козаковъ и мужиковъ постоємъ, и начали вымышлять большіе поборы. Отобрали у нихъ ключи и сдѣлались въ ихъ домахъ господами. Хозяина Ляхъ на конюшню отсылаеъ, а самъ съ его женой на подушкахъ почиваеъ.

Приходитъ козакъ, или мужикъ съ конюшни, смотритъ въ окно и видитъ — Ляхъ, вельможный панъ, всё еще съ его женой на подушкахъ почиваеъ. Такъ онъ и послѣдній *осьмакъ* (восемь злотыхъ) въ кабацѣ съ тоски, съ печали пропиваеъ.

Встаеъ отъ сна Ляхъ, вельможный панъ, идетъ по улицѣ и, какъ немытая свинья, настороживаетъ ухо: слушаетъ, не осуждаеъ ли его гдѣ-нибудь козакъ, или мужикъ. Входитъ въ кабакъ, и кажется ему, что

У кабакъ уходяде, —

То ёму здаётца, що ёго козакъ мѣдомъ шклянкою, або горілки чаркою
витає,

Ажъ ёго козакъ межі очи шклянкою шмагає,

Ищѣ стіха словами промовляє:

»Эй Ляхі жъ ви, Ляхі,

Мостивні пані!

Хотя жъ ви одъ насъ ключі поодбирали,

И стали надъ нашими домами господарями....

Хотя бъ ви на нашу куншанію не находжали.»

Тоді жъ козакі стали у раді, якъ маліі діти;

Одъ своїхъ рукъ листі писали,

До гетьмана Хмельницького послали,

А въ листахъ прописували:

»Пане гетьмане Хмельницький,

Батьку Зинівъ нашъ Чигиринський!

Зà що ти на насъ такий гнівъ положивъ?

На що ти на насъ такий ясіръ наславъ?

Ужѣ жъ ми теперъ не въ чому волі не маємъ:

Ляхі, мостивні пані, одъ насъ ключі поодбирали

И стали надъ нашими домами господарями.»

Тоді-то Хмельницький листі читає,

козакъ привѣтствуетъ его стаканомъ меду, или чаркой водки; а козакъ выливаетъ ему стаканъ въ глаза и спокойно приговариваетъ: »Эхъ вы, Ляхи, вельможные паны! пусть ужъ вы у насъ отобрали ключи и сдѣлались въ нашихъ домахъ господами, но хоть бы въ нашу компанію не лѣзли!«

И собрались козакі на совѣтъ, какъ малыя дѣти; писали *отъ своихъ рукъ* письма и посылали къ гетману Хмельницкому: »Панъ гетманъ Хмельницкий, отецъ нашъ Зиновій Чигиринский! за что ты на насъ такъ разгнѣвался? для чего ты наслалъ на насъ такое плѣненіе? Мы ужъ теперь ни въ чемъ не имѣемъ воли: Ляхи, вельможные паны, отобрали у насъ ключи и сдѣлались господами въ нашихъ домахъ.«

Стіха словами промовляє :

»Эй козакі, діти, друзі, небожата!
Підождіте ви мало, трѣхи, небагато, —
Якъ одь святої Покрѣви до світлого триднѣвного Воскресѣнія.
Якъ дасть Богъ, що прийде весна красна,
Буде на́ша вся голѣта рясна.«

Тогді-то панъ Хмелни́цький до́бре до́бавъ,
Козаківъ до сходь со́нця у похѣдь випровожавъ

И стіха словами промовлявъ :

»Эхъ, козакі, діти, друзі!
Прош́у васъ, до́бре до́айте,
На сла́вну Україну прибува́йте,
Ляхівъ, мостівихъ панівъ, у пень рубайіте,
Кровь їхъ Ля́дську у полі съ жѣвтимъ пескомъ мешайіте,
Віри святої Христия́нської у пору́гу не подайте!«

Тогді Ляхі, мостівіи пані, догадливи бували,

Усі по лісахъ, по кущахъ повтекали.

То козакъ и лісомъ бежитьъ,

А Ляхъ за кущемъ и лёжачи дрижитьъ.

То козакъ Ляха за кущемъ знажождає,

Кѣлепомъ межі плечи наганяє

Читаєть Хмѣльницькій письма и говоритъ: »Эй, козаки, діти, друзья мои, голубчики! погодите вы немножко, обождите отъ Покрова до свѣтлаго трехдневнаго Воскресенія. Дасть Богъ, наступитъ красная весна, тогда вся наша голь приодѣнется.«

Тогда панъ Хмѣльницькій выслалъ въ похѣдь козаковъ до восхода солнца и говорилъ имъ: » Эхъ, козаки, діти, друзья мои! прошу васъ, постарайтесь, — ступайте на славную Украину, рубите Ляховъ, вельможныхъ пановъ, до остатка, мѣшайте съ желтымъ пескомъ ихъ Ляхскую кровь, не давайте имъ ругаться надъ святой Християнскою вѣрой!«

Спихватились тогда Ляхи, вельможные паны, и все разбѣжались по лѣсамъ и кустарникамъ. Козакъ и въ лѣсъ бѣжить, а Ляхъ и лежа за кустомъ дрожить. Находитъ козакъ Ляха за кустомъ, бьетъ его чека-

И стіха словами промовляе:

»Эй Ляхі жь ви, Ляхі,
Мостивні пані!

Годі жь вамъ по-за кушами валятьця,
Порá до нашихъ жінокъ на опочівогъ иті.
Ужé наши жінки и подушки поперебивали,
Васъ, Ляхівъ, мостивнихъ панівъ, ожидали.»

Тогді-то Ляхі козаківъ рідними братами узивали:

»Эй, козакі, рідні братці!

Колибъ ви добре дбали,

Да насъ за Віслу річку хоть у одніхъ сорочкахъ пускали!»

Оттогді-то Ляхамъ Богъ погодивъ,
На Віслі річці лідь обломивъ.

Тогді козакі Ляхівъ рятовали —
За пàтлі хватали

Да ще й далі підь лідь підихали,

И стіха словами промовляли:

»Эй, Ляхі жь ви, Ляхі!

Мостивні пані!

Колісь наши діди надь сією річкою козаковали

Да въ сій річці скарби поховали.

номъ въ спину и тихо приговариваетъ: »Эй вы Ляхи, вельможные паны! полно вамъ за кустами валяться; пора вамъ идти почивать къ нашимъ женамъ. Уже наши жены и подушки приготовили, васъ, Ляховъ, вельможныхъ нановъ, поджидаючи.«

Тогда Ляхи козаконъ родными братьями называли: »Эй козакі, родные братцы! сдѣлайте вы доброе дѣло, пустите насъ за Віслу рѣку хоть въ однихъ рубашкахъ.«

Тутъ Ляхамъ Богъ помогъ — на рѣкѣ Віслѣ ледъ обломалъ. Тогда козакі Ляховъ спасали, за волосы хватали да еще дальше подь ледъ пихали и тихо приговаривали: »Эй вы, Ляхи, вельможные паны! когда-то наши дѣды надь этой рѣкой козаковали и въ ней свои скарбы спрятали.

Якъ будете скърби находіти,
Будемъ зъ ва́ми попола́мъ діліти,
Тогді́ будемъ зъ ва́ми за рідного брата́ жити.
Ступа́йте! тутъ вамъ доро́га одна́ —
До са́мого дна́.»

Дума Андрея Шута, поміщена в «Этнографическомъ Сборникѣ»; напечатана съ нѣкоторыми пропусками и погрѣшностями противъ языка, а потому я, записавъ ее со всею точностію въ Александровкѣ, поміщаю въ своихъ Запискахъ.

ДУМА О ЖИДОВСКИХЪ ОТКУПАХЪ И О ВОЙНѢ ИЗЪ-ЗА НИХЪ. (*)

Якъ одъ Кумівщини да до Хмельнищини,
Якъ одъ Хмельнищини да до Брянищини,
Якъ одъ Брянищини да й до сѣго жъ то дня,
Якъ у землі кралевскій да добра не було:
Якъ Жиди-рандари
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинкі становили.
Становили шинкі по долинахъ,
Зводили щогли по високіхъ могилахъ.
Ище жъ то Жиди-рандари
У тому не перестали:

Какъ найдете вы ихъ, то будемъ съ вами пополамъ дѣлиться, и тогда будемъ жить съ вами, какъ съ родными братьями. Ступайте! тутъ вамъ дорога одна — до самого дна.»

(*) *Переводъ.* — Отъ Кумівщини до Хмельниччины, отъ Хмельниччины до Брянщины, отъ Брянщины до нашихъ дней не было добра въ королевской землѣ. Взяли въ аренду Жиды всѣ козацкія дороги, и на одной милѣ становили по три кабака. Становили они кабаки по долинамъ, ставили шести по высокимъ курганамъ.

На сла́вній Україні всі коза́цьки торгі заорандова́ли

Да бра́ли ми́то-проми́то:

Одъ возово́го

По півъ-золото́го,

Одъ пішого-пішені́ці по три денежки ми́та бра́ли,

Одъ небора́ка ста́рця

Бра́ли ку́ри да яйця,

Да ище́ пита́е:

»Чи нема́, ко́тиць, сце́ пого́?«

Ище́ жъ то Жи́ди-ранда́ри

У то́му не переста́ли:

На сла́вній Україні всі коза́цьки церкві заорандова́ли.

Кото́рому бъ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дити́ну появи́ти,

То не йди́ до попа́ благослови́тьця,

Да по́йди до Жи́да-ранда́ра, да положе́ть шоста́къ, щобъ позво́ливъ це́ркву
одчине́ти,

Ту́ю дити́ну охрестити́.

Ище́ жъ то кото́рому бъ то козаку́, альбо́ мужику́ давъ Богъ дити́ну одружи́ти,

То не йди́ до попа́ благослови́тьця,

Да по́йди до Жи́да-ранда́ра да положе́ть бити́й та́рель, щобъ позво́ливъ
це́ркву очине́ти,

Ту́ю дити́ну одружи́ти.

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славної Украй-
нѣ всѣ козацкіе рынки, и брали мытъ отъ воза по полу-злоту, отъ
пѣшаго по три денежки, у бѣдняги ницаго забирали куръ и яйца, да
еще спрашиваетъ: »Нѣтъ ли, голубчикъ, еседе чего?«

Но и того было съ нихъ мало: взяли они въ аренду на славної Украй-
нѣ всѣ козацкія церкви. Дастъ Богъ козаку, или мужику дитя, то не хо-
ди къ попу за благословеніемъ, а ступай къ Жи́ду-арендатору да положи
шестакъ (шесть злотыхъ), чтобъ позволилъ церковь отворить, дитя окре-
ститъ. А кому изъ козаковъ, или изъ мужиковъ дастъ Богъ сына женить,
дочь заму́жь выдавать, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а ступай
къ Жи́ду-арендатору да положи битый талеръ, чтобъ позволилъ церковь
отворить, молодыхъ обвѣнчать.

Ще ж то Жиди-рандари
У тому не перестали:
На славіній Україні всі козацькі ріки зарандовали.

Перва на Самарі,
Друга на Саксани,
Третья на Гнилий,
Четверта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці.

Которий би то козакъ, альбо мужикъ нехотивъ риби вловити,
Жинку свою зъ дѣтьми покормити,
То не йди до пана благословитця,
Да пийди до Жиди-рандара да поступи ёму часть одати,
Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
Жинку свою зъ дѣтьми покормити.

Тогди жъ то одинъ козакъ мимо кабацькѣ иде,
За плечима мушкетъ несе,
Хоче на річці утѣ вбити,
Жинку свою зъ дѣтьми покормити.

То Жидъ-рандаръ уквартирку поглядае,
На Жидівку свою сти́ха слѣвами промовляе:

»Эй Жидівочко жъ мой Раса!

Що сей козакъ думае, що вінъ у кабацькѣ не ветуניתъ,

Но и того еще Жидамъ-арендаторамъ было мало: взяли они въ аренду на славної Украинѣ все козацкія рѣки. Первая аренда была на Самарѣ, другая на Саксани, третья на Гнилой, четвертая на Пробойной, пятая на рѣчкѣ Кудескѣ. Кто изъ козаковъ, или мужиковъ вздумаетъ поймать рыбы, покормитъ жену и дѣтей, то не ходи къ пану за позволеніемъ, а ступай къ Жиду-арендатору да посули ему часть, чтобъ позволилъ въ рѣкѣ рыбы поймать, жену и дѣтей покормитъ.

Вотъ одинъ козакъ идетъ мимо кабака; за плечами у него мушкетъ. Хочетъ онъ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормитъ. А Жидъ-арендаторъ въ окно посматриваетъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Раса! что этотъ козакъ вздумалъ? что онъ не зайдетъ

За денежку горілки не кúпить,
Менé, Жіда-рандáра, не перепрòсить,
Щобòх позволівь ёму на річці утá вб́ити,
Жінку свою зь дítьми покорм́ити.»

Тогді-то Жидь-рандáрь стиха підхождáе,
Козакá за пátли хватáе.

То козákь на Жіда-рандáра скòса, якь ведмідь, поглядáе,
Ищé Жіда-рандáра мостівнимь пàномь узивáе:
»Эй Жиду«, каже, »Жиду-рандáре,
Мостівний пáне!
Позвòль ми́ні на річці утá вб́ити,
Жінку свою зь дítьми покорм́ити.»

Тогді Жидь-рандáрь у кабáкъ вхождáе,
На Жидівку свою стиха словáми промовлáе:
»Эй Жидівочко жь моя Рáся!

Буть ми́ні теперь у Білій Цérкві настáвнимь рáвомь:
Назвáвь менé козákь мостівнимь пàномь.»

Тогді-то у святій божествéнний день у четвeртòкъ,
Якь Жиді-рандáри у Білюю Цérкву на сеймь збирáлись,
Одинь до одногò стиха словáми промовлáли:

въ кабакъ купить за денежку водки и меня попросить, чтобъ я позволилъ ему на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену и дѣтей покормить?»

Потомъ Жидь-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ на него съ-искося, какъ медвѣдь, посматриваетъ и Жидя-арендатора вельможнымъ паномъ называетъ: »Эй Жидь-арендаторъ, вельможный панъ! позволь мнѣ на рѣкѣ утенка застрѣлить, жену свою и дѣтей покормить.«

Воротился Жидь-арендаторъ въ кабакъ и говоритъ своей Жидовкѣ: »Эй Жидовка моя Рáся! Быть мнѣ теперь въ Бѣлой Церкви *настáвнимь рáвомь*: назваль меня козакъ вельможнымъ паномъ.«

И собирались Жиды-арендаторы, въ святой божественный день четвертокъ, на сеймъ въ Бѣлую Церковь, собирались и говорили меж-

»Эй Жиді жь ви, Жиді-рандари!
Що теперь у вась на славіній Україні слішно?»

»Слішенъ«, говоріть, »теперь у насъ гетьманъ Хмельницький :
Якъ одъ Білої Церкви да до славного Запорожа
Не така стоіть Жидівська сторожа.«

Тогді озовѣтця одінь Жидь Оврамъ
[У того бувъ невеликий крамъ, —
Тільки шпилькі да голкі,
Що ходивъ по-за Дніпромъ да дуривъ козацьки жінки] :
»Эй Жиді жь ви, Жиді-рандари!
Якъ изъ Низу тихий вітеръ повіне,
Вся ва́ша Жидівська сторожа погіне.«

Тогді жь то якъ у святій день божественній у вовторникъ
Гетьманъ Хмельницький козаків до сходу сонця у похідъ виправлявъ
И стіха словами промовлявъ :
»Эй козаки ви, діти, друзі!
Прошу васъ, до́бре дбайте,
Одъ сна вставайте,
Руський *Очинашъ* читайте,

ду собою: »Эй, Жиды-арендаторы! что слышать у васъ на славної
Украинѣ?»

»Слышно«, говорятъ, »у насъ про гетмана Хмельницкаго : уже отъ
Бѣлой Церкви до славнаго Запорожья не по-прежнему стоить Жидовская
сторожа.«

Отозвался тогда Жидь Аврамъ [у него былъ мелкій товаръ, — толь-
ко шпильки да иголки ; ходилъ онъ съ ними за Днѣпромъ и обманывалъ
козацкихъ женъ] : »Эй Жиды-арендаторы! какъ подуетъ изъ Низу (т. е.
изъ Запорожья) тихий вѣтеръ — погибнетъ вся ваша сторожа.«

Въ святой Божій день вторникъ гетманъ Хмельницкій до восхода
солнца высылалъ козаковъ въ похідъ и говорилъ имъ : »Эй козаки, діти,
друзья! прошу васъ, постарайтесь : вставайте отъ сна, читайте Русскій

На славному Україну прибувайте,
Жидів-рандарів у пень рубайте,
Кривь ихъ Жидівську у полі зъ жовтимъ пескомъ мешайте,
Віри своєї Християнської у поругу не подайте,
Жидівському шабашу не польгуйте.»

Отогді-то всі Жиді-рандари догадливи бували,
Усі до города Полонного повтекали.

Тогді-то Хмельницький на славному Україну прибувавъ,
Не одного Жиди-рандара не застававъ.

Тогді-то Хмельницький не пішний бувавъ,

До города Полонного прибувавъ,

Одъ своїхъ рукъ листі писавъ,

У городъ Полонного подававъ,

А въ листахъ прописувавъ :

»Эй Полоняне, Полоняньска громада!

Колибъ ви добре дбали,

Жидів-рандарівъ мині до рукъ подали.»

Тогді-то Полоняне ёму одписали :

»Пане гетьмане Хмельницький!

Отче нашъ, приходите на славленную Україну, рубите Жидовь-арендаторовъ до остатка, мѣшайте въ полѣ съ желтымъ пескомъ ихъ Жидовскую кровь, не допустите ругаться надъ своей Християнскою вѣрой, Жидовскаго шабашу не уважайте.»

Спихватились Жиды-арендаторы и все ушли въ городъ Полонное. Пришелъ Хмельницький на славленную Україну и не засталъ въ ней ни одного Жиди-арендатора. Онъ не возгордился, пошелъ и къ городу Полонному. Тамъ писалъ письма и посылалъ въ городъ, а въ письмахъ говорилъ: »Эй, Полоняне, *Полонянская громада!* хорошо бы вы сдѣлали, когдабъ Жидовь-арендаторовъ мнѣ выдали.»

На это Полоняне ему отвѣчали: »Пань гетмань Хмельницький! хоть

Хоть будемо́ оди́нь на оди́ному ляга́ти,
А не мо́жемъ то́бі Жи́дівъ-ранда́рівъ до ру́къ пода́ти. «

Отогди́-то Хмелни́цький у дру́гий разъ листи́ писавъ,
У го́родъ Полонно́го подава́въ:
»Эй Поло́няне, Поло́нянська грома́да!
Нехоро́ша ва́ша ра́да.
Есть у ме́не одна́ пу́шка Сирота́ —
Одчи́нятця ва́ши залі́зни ши́рокі ворота́. «

Тогди́-то якъ у свя́тій день боже́ственний четве́ртокъ
Хмелни́цький до схо́ду со́нця устава́въ,
Під го́родъ Поляно́е бли́жей прибува́въ.
Пу́шку Сироту́ упереду́ поста́новля́въ,
У го́родъ Поляно́го гостини́ця подава́въ.
Тогди́-то Жи́ди-ранда́ри
Го́ркимъ го́лосомъ заво́лали:
»Эй Поло́няне, Поло́нянська грома́да!
Коли́б ви до́бре до́али,
Од По́льщи ворота́ одби́вали,
Да насъ за Ви́слу річку хочъ у одні́х сорочка́х пуска́ли!
То бь ми за річко́ю Ви́слою пробува́ли,

ляже́мъ трупа́ми оди́нь на дру́гомъ, а Жи́довъ-аренда́торовъ тебѣ не вы́дадимъ. «

Хмелни́цький написа́въ къ нимъ въ дру́гой разъ: »Эй Поло́няне, По́лонянская грома́да! неразу́менъ совѣ́тъ вашъ. Есть у мене́ пу́шка Си́рота — отворя́тца ва́ши же́лѣзныя ши́рокія ворота́. «

И вотъ въ свя́той Бо́жій день четве́ртокъ вста́въ Хмелни́цький до восхо́да со́лнца, подоше́въ бли́же къ го́роду Полонно́му, поста́вилъ впе́реди пу́шку Сироту́ и посла́лъ Поло́нянамъ гостини́ць. Тогда́ Жи́ды-аренда́торы го́ркимъ вопле́мъ заво́пили: »Эй Поло́няне, По́лонянская грома́да! сдѣла́йте вы до́брое дѣло́: отвори́те ворота́ съ По́льско́й сторо́ны и выпу́стите насъ за рѣ́ку Ви́слу хочъ въ одні́х рубашка́хъ. Будемо́ мы жи́ть

Да собі дітєй дожидали,
Да їх дѳбрими ділами наущали,
Щобъ на козацьку Україну и кривімъ ѳкомъ не поглядали.»

Отогді-то козакамъ у гѳроді Полонѳзі дана воля на три часа съ половиною:
»Пийте-гуляйте,
Коло Жидівъ-рандарівъ собі здѳбу хорошу майте.»

Тогді-то козаки у гѳроді Полонѳзі пили-гуляли,
Здѳбу хорошу собі коло Жидівъ-рандарівъ мали;
Обрѳтно на славу Україну прибували,
Очертѳмъ сидѳли,
Сребрѳ й злато на три часті паѳвали:
Первую часть на Покрѳву Сичѳвую да на Спасѳ Межигѳрського оддали,
Дрѳгу часть на меду да на оковитій горілиці пропивали:
Трѳйтю часть межѳ собою, козаками, паѳвали.
Тогді-то не одинѳ козаць за пана гетьмана Хмельницького Бѳга просивъ,
Що не-одинѳ Жидівський жупѳнъ зносивъ.»

Я провель двое сутѳкъ въ Александрѳвѳ и почти во все это время былъ неразлученъ съ Андреемъ Шутѳмъ. Пересказать всѳ

за рѳкой Вислою, и когда будутъ у насъ дѳти, то станемъ ихъ учить до-
бру, чтобъ они на козацьку Україну даже не взглянули косо.»

И дана была тогда козакамъ въ гѳродѳ Полонномъ воля на три ча-
са съ половиною: »Пейте, гуляйте и получите хорошую добычу отъ Жи-
довъ-арендаторѳвъ.»

И козаки въ гѳродѳ Полонномъ пили, гуляли, отъ Жидѳвъ аренда-
торовъ хорошую добычу получили; потомъ пришли обратно на Україну,
садились въ кружокъ и дѳлили сребро-золото на три части; первую
 часть на *Съчєвую Покрѳву* и на Межигѳрсакаго Спасѳ отдали, другую
 на меду да на хорошей водкѳ пропили, а третью между собой раздѳ-
лили. Не одинѳ козаць тогда молил Бѳга о панѳ Хмельницкомъ, одѳ-
 ваясь въ Жидѳвскіє кафтаны.

наши бѣсѣды нѣтъ возможности, тѣмъ болѣе, что записано мною очень мало. Но не могу умолчать, что было одно время, когда я привелъ Андрея Шута въ изумленіе и восторгъ. Перебирая по начальнымъ стихамъ извѣстныя мнѣ думы — не знаетъ ли онъ ихъ варіантовъ — я прочелъ ему лучшія наизусть. Онъ былъ озадаченъ, какимъ образомъ человѣкъ, живущій въ Петербургѣ, человѣкъ не его ремесла, знаетъ такія думы, о которыхъ онъ даже и не слышалъ! Потребовались объясненія, и мы незамѣтно перешли къ преданьямъ старины, которыя въ его умѣ были перепутаны съ новѣйшими событіями. Тутъ ужъ мнѣ стоило большого труда отвѣчать на его вопросы. Мнѣ предстояла очень длинная лекція, которую не легко прочитать понятнымъ образомъ для простолюдина, хотябы этотъ простолюдинъ былъ и Андрей Шуть. Я держался въ предѣлахъ времени, близко подходившаго къ началу жизни старика, и сѣдой, но неграмотный, Андрей очутился въ положеніи ребенка, слушающаго воспоминанія дѣдушки. Нужно было видѣть, что съ нимъ дѣлалось. Часто онъ не былъ въ состояніи усидѣть на своемъ мѣстѣ, быстро расхаживалъ сюда и туда, какъ-будто ища чего-то, потомъ останавливался съ полуразинутымъ ртомъ на нѣсколько минутъ и потомъ снова начиналъ ходить, потиралъ руки, упирался въ бока, то садился, то вставалъ и дѣлалъ множество невыразимыхъ движеній. Къ сожалѣнію, я не могъ остаться долѣе въ Александровкѣ, и мы не успѣли поговориться вдоволь, или лучше сказать — послушаться другъ друга. Съ тѣхъ поръ я не видалъ его, ибо у меня, какъ и у всякаго другого, есть свои помѣхи; но я знаю, что Андрей Шуть здравствуетъ донинѣ и, судя по крѣпкому его сложенію и по трезвой, примѣрной жизни, будетъ здравствовать долго. Этому пожелають, вмѣстѣ со мною, всѣ цѣнители Малороссійской народной поэзіи, такъ много ему обязанные за сохраненіе отъ забвенія драгоцѣнныхъ памятниковъ былого.

Въ Малороссіи замѣчается чрезвычайное множество слѣпцовъ, и надобно сказать, что почти всѣ они — по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ мнѣ — отличаются отъ прочихъ людей своего состоя-

нія висшимъ настроєніємъ ума, или рѣдкимъ благодушїемъ, или наконецъ способностью къ фантастическимъ представленїямъ. Я вепомню здѣсь нѣсколькихъ слѣпцовъ, съ которыми удалось мнѣ познакомиться.

Одинъ изъ нихъ, козаць Семень Юрчѣнко, восьмидесяти-лѣтній старикъ въ селѣ Мартыновкѣ, Борзѣнскаго уѣзда Черниговской губерніи, лишаєсь зрѣнія въ пожилыхъ лѣтахъ, продолжалъ управлять своимъ хозяйствомъ съ помощію прїемыша, такъ какъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ милостынѣ. Въ-послѣдствїи онъ прозрѣлъ безъ пособїа медицины, но мнѣ не случилось послѣ того его видѣть. О его душевныхъ свойствахъ можно получить понятїе изъ слѣдующихъ его словъ, записанныхъ мною во время долгой бесѣды съ нимъ.

(*) Ми зъ жінкою — нехайі легкo її душї! — прожили до старостей своїхъ. А дїдизни булo доволї — вїчний покой прѣдкамъ и дїдамъ! — и къ тому ужє прижили. А дїтокъ намъ Богъ не давъ. Дакъ отo ми зъ бабою її порадїлись. Такъ вона її каже: »Щo жъ то, старїй? тобї є помїчъ, а мнї нема.«

»Постїї, бабо, оженїо, такъ и тобї помїчъ бїде.«

Да отo її оженїли. Отъ и бабї е помїчъ. Правду кажутъ: *Щo рада, то не зрада*. А вони, слава Бoгу, добрї — щє не огризаютця. А якъ що не такъ, то не я втерплю да її скажў; а якъ

(*) *Переводъ*. — Мы съ женой — легко будь ея душѣ — прожили до старости. Дѣдовскаго добра было довольно — вѣчный покой прѣдкамъ и дѣдамъ — да къ тому и сами нажили. А дѣтокъ намъ Богъ не далъ. Такъ вотъ мы съ бабой и посоветовались. Она и говоритъ: »Что жъ это, старикъ? тебѣ есть помочь, а мнѣ нѣтъ.« — »Погоди, баба, жєню прїемыша, такъ и тебѣ помочь будетъ.« Вотъ и женили. Есть и бабѣ помочь. Правду говорятъ: »Умъ хорошо, а два лучше.« А молодые, слава Бoгу, добрыя дѣти — еще не огрызаются. А что не по-моему, то я не вытерплю и скажу; а какъ заспорятъ между собой,

між собою заведутьця, то я й ціпуру покажу; »Ось я«, кажу, »вась помирю!«

А умремó, то й буде імь худібчина.

*

Спасібі вамъ за ягідки! Понесу́ для внуківъ. (1)

»Чи вони жь тебе жалують?« (2)

А якъ же? Приде до мене да сяде на колінахъ :

»Дідусечку, голубчику! сліпесенький! « да й обниме.

»Да ну, йдіть!«

»Э, ні, дідусечку, ми тебе жалуемъ.«

Да якъ сяде на колінахъ, то й сёрце радіє.

А другі дурні: »Чого вінъ їхъ жалує? чи вони ёго діти?

А я імь: »Дурачество ви говорите! Чоловікъ пташку поїме, на руку посадить да й радуєтця; а то жь такі Християннъ, своё рідне.«

такъ я и палку покажу: »Вотъ я вась помирю!« А умремъ, такъ имъ и останется хозяйствеицо.«

*

Спасибо вамъ за ягодки! Снесу внукамъ (1). »А они тебя любятъ?« (2)
— Какъ же? Придетъ комнѣ, сядетъ на колѣняхъ: »Дѣдушка, голубчикъ! слѣпенькой!« и обниметъ. »Да ну, подите прочь!« — »Нѣтъ, дѣдушка, мы тебя любимъ.« И какъ сядетъ на колѣняхъ, то и сердце радуется. А глупые люди: »Зачѣмъ онъ любитъ ихъ?« говорятъ: »развѣ они его дѣти?« А я имъ: »Что за вздоръ вы говорите! Человѣкъ поймаетъ птичку, посадитъ на рукѣ и радуется; а это вѣдь Християнинъ, свое родное.«

(1) Внуками онъ называетъ дѣтей своего пріемыша.

(2) Вопросъ собесѣдника.

Історія прошедшей его жизни, характеризующая вообще добрую натуру Малоросійскаго поселянина, выразилась отъ-части въ слѣдующемъ полу-историческомъ его разказѣ.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАЦКОМЪ ОПОЛЧЕНІИ ВЪ 1790-ХЪ ГОДАХЪ. (*)

Діялось се въ 1790-му рѣку. Тоді въ Полці зробілась завируха. Міжъ Полщакáми и добри люде есть, да часомъ діло нишкомъ рѣблять. Отъ и виішовъ указъ зобрать Малоросійськихъ козаківъ. То насъ и зобрали въ Чернігові въ 1790-му годі; а 1791-го и 1792-го у Кіеві вже лагерами стояли. Изъ трѣхъ губернь насъ набрано девять тисячъ. Я и знаю, якъ Потѣмкинъ набиравъ насъ. Вінъ бувъ первымъ совітчикомъ у Государині; а Речетниковъ бувъ начальникомъ. Ну, такъ оцѣ насъ бувало що неділі смѣотрить. На стражені вінъ багáцько війська потерявъ; про ёго проложена и пісня:

Ой Потѣмкинъ генерáль
Много війська потерявъ....

(*) *Переводъ.* — Это было въ 1790 году. Тогда въ Польшѣ поднялась сумятица. Между Поляками есть и добрые люди, только иногда изподтишка дѣло затѣвають. Вотъ и вышелъ указъ собрать Малоросійскихъ козаковъ. Насъ и собрали въ Черниговъ въ 1790 году, а 1791-го и 1792-го мы ужъ стояли лагеремъ въ Кіевѣ. Изъ трехъ губерній набрали насъ по девяти тысячъ. Я и помню, какъ Потемкинъ набиралъ насъ. Онъ былъ первымъ совѣтникомъ у Государыни; а Кречетниковъ былъ начальникомъ. Ну, вотъ бывало и дѣлаетъ намъ смотрь каждую недѣлю. Онъ потерялъ много войска въ сраженіи, такъ про него сложили и пѣсню:

Ой Потемкинъ генерáль
Много войска потерялъ....

А Государиня — сказано жіночина — вона ёму те й простила. Вінъ еказавъ їй: »Государиня Екатерина Алексіевна! нехайі дру́ги командують іми, а позволѣте изъ трѣхъ губерній чистихъ мині Малоросіянъ набратъ.« Отъ вона—нехайі царствуюе— и позволила. Вінъ изъ трѣхъ губерній и набравъ девять тисячъ, и изъ Хвастовець тисячу. Отъ ми вишли въ Кіевъ. А тамъ Дніпръ монастиръ Видубський підри́завъ, и погребі́ булі́ одкрити. То старші́ ї кажутъ: »А що́, козаки! каша ості́ла—до буряківъ« Отъ ми тогді́ до буряківъ, да въ котлі́. Тогді́ жъ я заслабівъ и остався въ обозі́. Отъ Потёмкинъ першъ смотрівъ у Чернігові́ все військо. Піхота жъ махнула, а поки ми прибулі́, вінъ уже пересмотрівъ и махнувъ у Петенбурхъ. Ёго потребували туді́. Аж ось—треба!—указъ и пришовъ: »Померъ Потёмка, померъ!« А Леванидовъ же теперъ владі́ військомъ, и Речётниковъ, и говорять: »Що́ намъ робитъ изъ оцимъ корпусомъ? Чи ёго по полкамъ розбитъ — такъ велика сила — чи що́? И послали указъ до Цариці́. А вона ї одписала: »На васъ отдаюсь, на ваше сум-

А Государыня — какъ женщина — и простила ему. Онъ ей сказалъ: »Государыня Екатерина Алексѣевна! пускай командуютъ ими другіе, а мнѣ позволите набрать изъ трехъ губерній чистыхъ Малоросіянъ.« Она — царство ей небесное — и позволила. Онъ и набралъ изъ трехъ губерній девять тысячъ, и изъ Хвастовцовъ тысячу. Вотъ и вышли мы въ Кіевъ. А тамъ Дніпръ подрѣзалъ Выдубицкій монастырь, и погреба были открыты. Такъ начальники и говорятъ: »А что́, козаки? каша наскучила — къ буракамъ!« Вотъ мы за бураки да въ котлы. Тогда же я заболѣлъ и остался въ обозѣ. Потемкинъ сперва смотрѣлъ все войско въ Черниговѣ. Піхота посидѣла къ нему, а пока мы прибыли, онъ уже кончилъ смотръ и махнулъ въ Петербургъ. Его туда потребовали. Какъ вотъ — нужно же такъ случиться! — указъ и пришелъ: »Померъ Потемка, померъ!« Тогда уже войскомъ стали командовать Леонидовъ и Кречетниковъ, и говорятъ: »Что́ намъ дѣлать съ этимъ корпусомъ? Разбить ли его по полкамъ — такъ сила велика — или какъ-нибудь иначе?« И послали докладъ къ Царицѣ. А она отвѣчала: »Отдаюсь на

лєнне. Того вже нема, кому я позволила зобрать. « А вони й розсудили — нехай царствують: »Пустить ихъ у госпѡду. Пани одслужили, теперъ пустить ихъ на свободу, де хотя прожитъ, — тилько одновѡрцѡвъ; а наймитѡвъ по повкамъ, бо скаже: »Я своѡ одслуживъ.»

Отѡ жъ ми й пришли у Києвъ 1793-го гѡду... ужѡ не трѡба, замирилось усѡ. Тилько Нащѡкинъ... Я ѡго знавъ и на рундукѡ стоявъ на часахъ. Разъ идѡ у вѡступцяхъ и сертукѡ — а бувъ чоловѡчокъ собѡ невеличкий, старѡнький — я и зробивъ на калавѡръ, а винъ говорить: »Не наѡа, голѡбчикъ.« А винъ не при кавалѡрії, не що. Отъ, якъ распустили насъ, то винъ и зложивъ мунѡциѡ въ магазѡни. А тогѡ жъ то потрібували въ Пѡльщу и пошѡвъ, щѡбъ править по *благѡчѡстиѡ* для Поляківъ, скѡлько ихъ привернулось. Ми жъ отѡ вишли нѡччу на майданъ, щѡбъ позводно... А прѡтивъ насъ Астраханскѡй повкъ. Отъ и пішли командѡвать: »Пали!«... Трѡсь! тамъ трѡсь! Астраханскѡй повкъ трѡсь! До тѡго дотрѡскались, щѡ за рѡлю немѡжна булѡ взятъця, тѡкъ розогрѡлась. Ми

васъ, на вашу совѡть. Нѡтъ ужъ того на свѡтъ, кому я позволила собратъ.« Вотъ они и рассудили — царство имъ небесное: »Отпустить домой. Послужили Царицѡ, теперъ отпустить ихъ на свободу; пускай живутъ, гдѡ пожелають, — по только однихъ одновѡрцѡвъ; а наемниковъ — по полкамъ, ато скажетъ шѡй: »Я свое отслужилъ.«

Вотъ и пришли мы въ Києвъ въ 1793 гѡду... уже не нужно, все утихло. Только Нащѡкинъ... Я его зналъ и стоялъ на крыльцѡ у него на часахъ. Разъ онъ идѡтъ въ туфляхъ и въ сертукѡ — а былъ онъ чѡловѡчекъ небольшой, старѡнькой — я и сдѡлалъ на-караулъ, а онъ говоритъ: »Не наѡо, голѡбчикъ.« На немъ не было ни кавалѡриц, ничего. Вотъ, какъ распустили насъ, то онъ и сложилъ аммунициѡ въ магазѡни. А въ то время потребовали въ Пѡльщу и поповѡвъ, щѡбъ служили по *благѡчѡстиѡ* для Поляковъ, скѡлько ихъ обратилось. Вышли мы на выгѡщъ ночью, щѡбы позводно... А прѡтивъ насъ Астраханскѡй полкъ. Вотъ и пошли командѡвать: »Пали!«... Хлопъ! тамъ хлопъ! Астраханскѡй полкъ хлопъ! До тѡго дохлопались, щѡ нельзя было взять рукою за

жъ холостими зарядами стреляемо, а изъ Астраханського якійсь бойнимъ— тільки зззъ! зззъ! почала зизгати кўля. Якъ холостимъ зарядомъ, то воно тільки трісне; заразъ вже знать. Отъ ми стоимо да й думаемъ: »Тутъ уже додому бъ то скоро йти, а тутъ ось якє лихо!« Тутъ заразъ начальники постерегли да: »Полно! полно!« Ото ми й розійшлись. А и тогди не безъ заїдівъ було: не дали намъ за треть гóда жалованья.

Пришовъ же я додому. Ну, нічого таїть гріха: треба засвѣтатця одружитця. Богъ же зна, коли б́уде треба, бо одновóрці повинни були, якъ указъ приде, зновъ бути на мѣсті. А братъ каже: »Я за тебе послужу.« Такá соглѣска вже.

А тутъ донесли Гоеударині — нехай царств́уе — що стрѣлкамъ не óддано жалованья. Отъ вона й приписала: »Оддѣть жалованье!« Ажъ тутъ Леванидовъ кричитьъ: »Подѣй стрѣлковъ! подѣй Малороссійскихъ стрѣлковъ!« То тутъ кїдай и печене, й варене. Леванидовъ: »Подѣй стрѣлковъ! въ Пóлщі зновъ закувдилось.«

стволь, — такъ разогрѣлся. Мы же стрѣляемъ холостыми зарядами, а изъ Астраханскаго кто-то боевымъ — только зззъ! зззъ! засвистѣли пули. Когда выстрѣлишь холостымъ зарядомъ, то только треснетъ, а пулю тотъ-часъ узнѣешь. Вотъ мы стоимъ и думаемъ: »Скоро и домой бы идти, а тутъ вонъ какая бѣда!« Но начальники тотъ-часъ замѣтили и закричали: »Полно! полно!« Вотъ мы и разошлись. И тогда было не безъ плутней: не выдали намъ жалованья за треть года.

Пришелъ я домой. Ну, нечего таить грѣха: нужно было засвѣтатця, *одружиться*. Но Богъ знаетъ, когда опять понадобятся козаки: вѣдь одновóрцы обязацы были опять быть на мѣстѣ, лишъ только придетъ указъ. А братъ и говоритъ: »Я послужу за тебя.« Такъ, видите ли, условился.

А тутъ и донесли Гоеударинѣ — царство ей небесное — что стрѣлкамъ не отдали жалованья. Она и предписала: »Отдать жалованье!« Какъ тутъ Леонидовъ кричитьъ: »Попадавай стрѣлковъ! попадавай Малороссійскихъ стрѣлковъ!« Такъ тутъ ужъ бросай и печеное, и вареное. Леонидовъ: »Попадавай стрѣлковъ! въ Польшѣ опять заварили кашу.« Вотъ

Отъ же и мойму брату ити бѣ служить, такъ немѡжна: Леванидовъ приписавъ: »Безъ моєї відоми щобъ не перемінялись. Чи сліпій, чи кривій, щобъ були налічно«. Баба моя—тогді ще молодá — кланяетця: »Братіку, соколику! иди ти переміни!« А я ёму и тогді ще казавъ: »А щò жъ, якъ не пійдешъ? хазійку за-смутишь и вигонишь. Вона на тебе бúde плакатыця.«

Отъ и списали на бумагу да въ Борзнú. А въ Борзни Михайло Васи́льевичъ Часні́къ комисаромъ бувъ. Пришли до ёго зъ бумагою. А вінъ бувъ невеличкий, да грубненький. »Голубчики«, ка́же, »не наша сила. Сохранъ Бо́же перемінятьця! Генерáли ка́жуть — немѡжна.«

Мы и пішли — нічого робить — пішли въ Черніговъ. Намъ и переклічка есть, а брати за нами идуть, якъ бурлаки. Губернаторъ ка́же: »Не могу я изробить нечòго.«

Отъ ми зъ Чернігова повернули въ Кіевъ. Браті ка́жуть: »Э, братця! ви насъ до убитку доведете. Ми додому пійдемъ.«

моему бы брату и идти, да нельзя: Леонидовъ предписалъ: »Безъ моего вѣдома чтобъ не перемѣнялись; слѣпой, или хромой — чтобы вѣсь были на лицо.« Баба моя — тогда еще молодая — кланяется: »Братецъ, мой соколы! ступай ты вмѣсто мужа!« А я и ирежде говорилъ ему: »Чтò же, если ты не пойдешъ? хозяйку мою опечалишь, а потомъ и изъ дому выгонишь. Она вѣчно будетъ на тебя плакаться.«

Вотъ написали бумагу, да въ Борзнú. А въ Борзни Михайло Васи́льевичъ Часні́къ былъ комиссаромъ. Пришли къ нему съ бумагою. А онъ былъ небольшого росту, да толстенькой. »Голубчики мои«, говоритъ, »не наша сила. Бо́же сохрани перемѣняться! Генералы говорятъ — нельзя.«

Мы и пошли — нечего дѣлать — пошли въ Черниговъ. Намъ есть и перекличка, а братья идуть за нами, какъ бурлаки. Губернаторъ говоритъ: »Не могу я ничего сдѣлать.«

Вотъ мы съ Чернигова повернули въ Кіевъ. Братья говорятъ: »Эхъ, братцы! вы насъ введете въ убытокъ. Пойдемъ мы лучше домой.« — »Ступайте«, говоримъ. »Чтò же дѣлать? мы васъ не нево-

»Ідїть«, кажемъ. »Що жъ робїть? ми васъ не сїлуемъ.«

А въ моего брата новї чоботи. »На«, каже, »брате, тобі сї чоботи, а минї дай стареньки.«

»Нї«, кажү, »брате; ти дома не роздобудешъ, а я тутъ безъ чобїть не бїду.«

Інші жъ пішли, а другї остались зъ нами. А мїй братъ каже такї: »Учі мене свого артикулу, щобъ мене послї не бїли.«

Ажъ ото почүли, що можна змінїтьця. Питають моего брата: »Радъ Богу и Государїні служїть?«

»Радъ, ваше високопроеходїтелство.«

И записали ёго.

Отъ ми вже бъ то її росходїтьця, ажъ тутъ даганяють: »Постойте жъ, ищє не їдїть, бо такъ не дїїдете.«

И дали намъ бумагу.

Якъ дали ту бумагу, тогдї у насъ пзъ братомъ сєрце зомліло. И радъ, и смүтно на душї. Самъ угору пішовъ, а ёго наче притоптавъ. Сєрце отгакъ и отгакъ! Питаю: »Що, братко? який я?«

»Бїлий. А я, братко?«

»И тї бїлий.«

лимъ.« А у моего брата новые сапоги. »Возьми«, говорить, »братъ, себѣ эти сапоги, а мнѣ дай старенькіе.« — »Нѣтъ«, говорю, »братъ, ты дома не добудешъ, а я тутъ безъ сапогъ ходить не буду.« Инные ушли, а другїе остались съ нами. А мой братъ говоритъ: »Учи меня своему артикулу, чтобъ меня потомъ не били.« Какъ вотъ услышали, что можно одному идти вмѣсто другого. Спрашиваютъ моего брата: »Радъ Богу и Государынѣ служить?« — »Радъ, ваше высокопревосходїтельство.« И записали его. Вотъ пришлось намъ и разставаться, какъ тутъ догоняють: »Погодите, не уходите еще: такъ не дойдете домой.« И дали намъ бумагу. Какъ дали бумагу, у насъ съ братомъ сердце и заныло. И радъ, и грустно на душѣ. Самъ словно выросъ, а его притопталъ къ землѣ. Сердце такъ и колотится! Спрашиваю: »Что, братецъ? каковъ я?« — »Блѣденъ. А я, братецъ?« —

Ну, що жь робить? Пішли до Дніпра, взяли горілки, поцілувались, попрощались: »Идїть собі зь Богомъ!«

А туть (дома) люде сказа́ли, що обоїхъ візьмуть; то ма́ти ледві ходить, а жінка тільки що жива. Ска́зано, баба́мъ повірили.«

Онъ же сообщилъ мнѣ слѣдуюція интересныя подробности о послѣднихъ годахъ XVIII столѣтія, показываюція, какъ историческія событія, лица и явленія вѣка представлялись уму простолюдина.

1.

ПРЕДАНИЕ О ВОЙНѢ СЪ ПОЛЬШЕЮ ВЪ 1792 — 1795 ГОДАХЪ. (*)

Костючка бувъ кроле́мъ у Пóлці. И старій бувъ, ка́жуть, да ка́верзникъ вели́кий. А який ка́верзникъ? Поса́дять у клітку, а вінъ и втече. То давъ приказъ: »Сю нічъ порі́зать або́ поколо́ть постоя́льцвѣ; а хто не згубить, тому́ само́му го́лову зруба́ть.«

А въ одно́го бувъ кумъ изъ на́шихъ. Пришо́въ до́дому... зві-

»И ты блѣдень.« Ну, что́ же дѣлать? Пошли къ Днѣпру, кушили водки, и цѣловались, простились. »Идите себѣ съ Богомъ!«

А туть (дома) люди сказали, что обоихъ насъ запишутъ въ службу; такъ мать едва движется, а жена чуть жива. Извѣстно, баба́мъ повірили.

(*) *Переводъ.* — Костюшко былъ королемъ въ Польшѣ. И старъ ужь былъ, говорятъ, да большой прохода. Посадятъ его въ клітку — онъ и уйдетъ. Такъ онъ-то далъ приказъ: »Въ эту ночь перерѣзать, или переколотъ постояльцевъ; а кто своего постояльца не истребитъ, тому самому срубить голову.«

А у одного Поляка былъ кумъ изъ нашихъ. Пришелъ домой... из-

сно вже, замірилось, то бувъ на гулянци або—що, — ажъ хазяїнъ смутній, все здихає.

«Чого се ти, куме, смутній такий?»

«А що ж?» каже, «намъ всімъ приказано оттакъ и такъ зробіть. То повечерай, збирай муніцію да и втікаймо обідва.»

То той положивъ ложку — уже наївсь! — да до свого товариша: Оттакá и такá річ!

«Що ти кажеш! ходімъ до порутчика.»

Отъ заразъ барабанъ зборъ. Хто вечеравъ, ложку кїдавъ, за муніцію. Хто спать лігъ, встававъ; хто кудї гулять пішовъ, и той прибігъ. Отъ, примірно, Більмачівка недалєко, то и почула барабанный галасъ; Івангородъ, або Хвастовці недалєко, и тамъ чують, що трєвога, збираються и собі въ походъ; а Борзнá, такъ тридцять верстовъ, такъ тамъ нечутно було барабана, то и вирізано всіхъ нашихъ.

Отъ тутъ уже давай збирать козаківъ. Приходимъ у Кїєвъ, ажъ тамъ уже повни шпаківні. Де Андрій Первозванный, то и тамъ ихъ повно у лєхахъ. Отó, щó имъ робить? Стáли вони реш-

вєсно, смиренное время, такъ онъ былъ на пирушкѣ, что ли; приходитъ — хазяїнъ что-то невесель. «Чтò это ты, кумъ, такъ невесель?» — «Чтò же?» говорить, «намъ всімъ приказано то-то сдѣлать. Такъ поужинай, собирай аммуницію и уїдемъ оба. «Тотъ положилъ ложку — ужъ и наївся! — да къ своему товарищу: такое и такое дѣло. «Чтò ты говоришь! поїдемъ къ поручику.» Вотъ тотъ-часъ забили сборъ. Кто легъ спать, вставалъ; кто куда гулять ушелъ, и тотъ прибіжалъ. Вотъ, примѣрно, Більмачовка недалєко, то и услышала барабанный бой; Ивангородъ, или Хвастовцы недалєко — и тамъ слышать тревогу, собираются и себѣ въ походъ; а Борзнá, примѣрно, въ тридцати верстахъ — тамъ ужъ не слышно барабана — и вирізали всѣхъ нашихъ.

Давай наши собирать козаківъ. Приходимъ въ Кїєвъ — тамъ ужъ полны казематы. Гдѣ Андрей Первозванный, и тамъ ихъ (Поляковъ) полны погреба. Чтò съ ними дѣлать? Обратили ихъ въ арестантовъ.

тантами. Було поженуть чоловіка п'ятнадцять на Дніпръ палі бить, пійде жь п'ятнадцять чоловіка, а чоловіка сімь прїде. Тягнуть залїзну бабу, щобъ убивать палі, а далі ї самі бовть у воду своєю волею! бо вмирать — вмирать. Генераламъ кажуть, що оттакъ и такъ: Поляки тóлпята; а вони: »Катъ їх бері, нехай тóлпята.«

Іхъ брали на допрòсь (¹). »А щò жь?« кажуть, »ми не по своїй волі: король велівъ, шляхта.«

2.

ПРЕДАНІЄ О КОМЫШНИКАХЪ. (*)

Комішники тїі жили по комишахъ и очеретахъ. Було идє чумаць, то вискочать, обдеруть да ї були такіі. Отó разъ идуть чумаки, отъ їхъ два вискакує. Одїнь ратище на дорóзі встромивъ и кричить: »Одъ возивъ, чортя!«

Бывало погонять ихъ человекъ п'ятнадцать къ Днѣпру битъ сваи; человекъ п'ятнадцать туда пойдетъ, а человекъ только семь воротится назадъ. Тянуть желѣзную бабу, которою влоачивають сваи, а потомъ бутыхъ въ воду, по своей волѣ; потому что, какъ ни умирать, все равно умирать. Докладывають генераламъ, что Поляки бросаются въ воду, а тѣ: »Катъ ихъ бері, пуекай бросаются.«

Призывали ихъ къ допросу(¹). »Что же?« говорятъ, »мы взбунтовались не по своей волѣ: король, шляхта велѣли.«

(*) *Переводъ.* — Камышники жили по камышамъ и очеретамъ. Идетъ чумаць, они выскачатъ, ограбятъ и были таковы. Вотъ однажды идутъ чумаки, какъ и выскачили двое. Однїй воткнулъ копьє на дорогѣ и кричить: »Прочь отъ возовъ, чертенята!« Всѣ молодцы такъ и разбѣ-

(¹) По дѣлу возстанїя.

Усі парубки такъ и порозбігались; а отаманъ и зоставсь.

»Ти отаманъ?»

»Я«, каже.

»Давай гроши.«

»Що жъ«, каже, »люде добри? ми йдемо підъ хуру, то де въ насъ тії гроши?»

«Брешешъ, вражий сину!»

И ставъ шукать, шукать у возахъ. Одну шкуру піднявъ — нема. Винъ до другої. А отаманъ чумацький, Товстуха, собі ума прибирає, що ёму робить. Винявъ двійло, а гайдамака до ёго. Дакъ и то не худобахолобъ: якъ ударить! »Эй«, каже, »сюді!»

Отъ хлопці позбігались, потрощили їмъ ноги на гамузь да й покидали.

»Ой, братці, доколіть насъ!»

»Ні, якъ заробили, такъ и одвічайте.«

У чумаківъ колеса товстії; то въ колесахъ було попродавбує диркі, да туді гроши положить, да й позабиває гвіздками; то ёго хоть якъ хочъ нехай разбиває, а гроши ё.

жались, а отаманъ и остался. »Ты отаманъ?» — »Я«, говорить. »Давай деньги.« — »Что же«, говоритъ, »добрые люди? мы веземъ кладъ, такъ что у насъ за деньги?» — »Лжешь, вражий сынъ!» И началъ искать, искать въ возахъ. Приподнял одну шкуру — нѣту. Онъ къ другой. А чумацій отаманъ, Товстуха, придумываетъ, что бы съ нимъ сдѣлать. Вынулъ дышло, а гайдамака къ нему. Но и тотъ не плохой парень: какъ хватилъ его! »Эй«, говоритъ »сюда«! Тогда молодцы сѣбжались, изломали їмъ ноги въ мязгу и бросили. »Эй, братцы, приколите насъ!» — »Нѣтъ, какъ заслужили, такъ и терпите.«

У чумаковъ колеса толстыя, и они въ колесахъ долбили дыры, клали туда деньги и заколачивали гвоздями; такъ ужъ какъ ни ограбить чумака камышникъ, а деньги цѣлы.

ПРЕДАНИЕ О ЗАПОРОЖСКИХЪ ХИМОРОДНИКАХЪ, ИЛИ КАВЕРЗНИКАХЪ. (*)

Якъ стояли ми въ Києві, то я зъ другіми стражъ державъ. Міжъ нами були Запорозці въ холодніці. Старшій Запорожець у залізахъ сидить, а товариство въ колодкахъ. Старшій здоровій, оттавій! да й то не худонахліки.

А Запорозці воли люде були. Каже: »Хочъ до крові нехайъ бьютця, а коли до насъ нема прозьби, то ми й не помагемъ«. За те, що їхъ изъ степівъ проганяли и добувать не позволяли, то кошовій розсердився, що одъ їхъ увесь степъ одбирали и завоювать не позволяли. Тогді імъ такі и тісніше стало, бо вередовать почали. А вони нашіі Царіці служили. До їхъ и зъ нашихъ утікали, бо тамъ вольніишъ було.

Отъ оцей старшій и товариство підмовляли до себе Московського карабинера; а той не пішовъ, да своїмъ офицерамъ и объявилъ, то їхъ и позабирали. То було говорить: »У насъ оттакъ, батькови

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли мы въ Києвѣ, то я съ другими казаками бывалъ на часахъ. Въ арестантской сидѣли Запорожцы. Старшій Запорожець сидитъ въ желѣзахъ, а его товарищи въ колодкахъ. Старшій былъ вотъ этакой толстый, да и другіе не плохіе молодцы.

А Запорожцы были люди вольные. Говорятъ: »Хоть до крови пускай дерутся, а когда къ намъ нѣтъ просьбы, то мы и не помогаемъ.« Кошевой разсердился за то, что ихъ гнали изъ степей и не позволяли воевать. Тогда имъ тѣснѣе таки стало, потому что начали бунить. А они нашей Царицѣ служили. Къ нимъ уходили и изъ нашихъ, потому что тамъ больше было воли.

Такъ этотъ-то старшій и его товарищи переманивали къ себѣ Московскаго карабинера, а тотъ не поддался да своимъ офицерамъ и объявилъ, — вотъ ихъ и арестовали. Бывало онъ говоритъ намъ: »У насъ вотъ такъ, *батьковы дѣти*, водилось: коли пожелалъ — ступай къ

діти, діялось: коли зажелавъ, ступай до насъ; а ні, сказавъ: »Мині й тутъ добре служити Бóгу й Царіці за віру »Християнську,« а не підвóдь!»

А на ёмұ одежа славна: штані оксамітні чóрни, кўртка зелена, а шапки не бачивъ, — и не надівавъ (вінъ), правду сказать.

Оце за нимъ ходимо, калауримо, а вінъ намъ каже: »Що ви, бáтькови діти, ходите за мною? Ви бъ три дні надо мною стояли, ви бъ думали, що я передь вáми, а я Бóгъ знає, де бувъ би!»

Да було своїмұ товариству, що въ холодникұ, гласъ и оддає: »Седіть«, каже, »хлопці; ви шуткуйте, шуткуйте, да ждїть ладұ, поки бумага прїйде зъ пóвку. Побачимъ, хто виновать: чи ми, що підмовляли, чи вінъ, що насъ підъябедивъ. Не погане море, що собáки хлѣпчуть: не погані й люде, що підъ приказомъ седять.«

А вони, скáзано, седять у калаурні; їхъ и на роботу зъ рештантами не виганяли. Тутъ и лóжечко для прапорника. То який Запорожець: »Отъ увяжіть мене«, каже, »въ мїшокъ, чи встерезетє мене, що мене бережетє?«

намъ, а пѣтъ — говори: »Мнѣ и тутъ хорошо служить Богу и Царицѣ за Християнскую вѣру, а не вводи въ бѣду.«

А одежа на немъ славная: штаны бархатные черные, куртка зеленая, а шапки не видалъ я, — и не надѣвалъ онъ, правду сказать. Ходимъ бывало за нимъ, караулимъ, а онъ намъ говоритъ: »Что вы, *батьковы дѣти*, ходите за мною? Еслибъ я захотѣлъ, то вы три дня стояли бы надо мною, вы думали бы, что я передь вами, а я Богъ знаетъ гдѣ былъ бы!» И откликается бывало къ своимъ товарищамъ, что сидѣли въ холодной: »Сидите« говоритъ, »ребята; шутите себѣ да дожидаетесь порядка, пока придетъ бумага изъ полка. Посмотримъ, кто виновать: мы ли, что подговаривали, или онъ, что наядбедничалъ на насъ.« Не оскверняютъ моря собаки тѣмъ, что пьютъ изъ него воду: и людямъ то не въ укору, что сидятъ они подъ арестомъ.« А они, извѣстно сидятъ въ арестантской; ихъ и на работу съ арестантами не гоняли. Тутъ и кровать для прапорника. Вотъ иной Запорожець и говоритъ: »Завяжите меня въ мѣшокъ; убережете ли меня?« — »А почему же?« — »Давайте сюда

»Чомъ?«

»Кѣте мішокъ.«

Да и влізе въ мішокъ, да до свілока ёго и притягнувъ за трямкі; а вінъ изъ-за дверей и іде да: »Здорови, вражи сині! устереглі?«

Абó котóрий-небудь Запорожець: »Що, ви думаєте, я не знаю, що ви вмієте красти?«

Да разъ до менé: »А на що ти пятака вгравъ?«

Я й не бачивъ пятака!«

»А ну, скінъ чоботъ!«

Скінувъ, ажъ у чоботі пятакъ.

А вінъ: »А, ідять васъ мұхи!«

Да й сміетця вряжий Запорожець. А то вінъ химородою химородивъ. Сказано — каверзниги.

А старший булó лежить да: »Гуляйте, хлопці, гуляйте да заспівайте лишъ пісню!«

»А якóі«, кажú, »вамъ пісеньки заспівать? може, оттакóі, дядьку, оттакóі?«

А я й не звáвъ, що вінъ Запорожець: на ёму неякóі кавалерні нема, а въ залізахъ, да думаю: »Такъ служáщий«, да й заспівáвъ ёму Запорозькóі:

мѣшокъ.« И влѣзеть въ мѣшокъ, и подтянуть мѣшокъ къ перекладинѣ; а онъ, какъ тутъ, и идетъ изъ-за двери: »Здравствуйте, вражьи дѣти! а что, уберегли?« А иной изъ Запорожцевъ: »Вы думаете, я не знаю, что вы умѣете красть?« Да разъ ко мнѣ: »А зачѣмъ ты укралъ пятакъ?« — »Что вы? я и не видалъ пятака!« — »А сними-ка сапогъ!« Снялъ, а въ сапогѣ пятакъ. Тогда онъ: »А, чтобъ васъ ѣли мухи!« и смѣется, проказникъ. А вѣдь это онъ не съ-проста дѣлалъ: колдовалъ. Извѣстное дѣло — колдуны. А старший бывало лежитъ да и скажетъ: »Гуляйте, *молодцы*, гуляйте да спойте-ка пѣсню!« — »А какую,« говорю, »спѣтъ вамъ пѣсню? не хотите ли, дядя, спою вотъ эту?« А я не зналъ, что онъ Запорожець: на немъ нѣтъ никакой кавалеріи, и въ желѣзахъ; думаю: »Такъ служáщий«, и спѣлъ ему Запорожскую:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка...

То він слухавь-слухавь, слізми облівся да менé за голову: »Ахъ, сичночку мій! се жъ наша батьківщина! се жъ наша отцевська пісня! Се не пісенька, се щирая правдонька! Такъ ми у своїхъ батьківъ служили, да оце про їхъ и пісню проложено!«

Причинь частой слѣпоти между Малоросійськими простолюдинами я не берусь обьяснять. Но приведу коротенькой разказъ слѣпца Бориса Запáры (въ Богуславѣ, Кіевской губерніи) о томъ, отъ-чого, по его убѣжденію, онъ ослѣпъ. На вопросъ мой: »Чи ти сліпимъ и родивсь?« онъ отвѣчалъ:

»Ні, менé мати проклялá. Пришли до насъ разъ за подушнимъ. А я тоді ще маленькимъ бувъ та кажú: »Мáмо, дай хлѣба!«

А вона розсердилась та каже: »Вража дитино! я тобі якъ дамъ хлѣба, то въ тебé й очи повилáзять!«

Отъ зъ того часу якъ почали, якъ почали болить у менé очи! а далі й зовсімъ ставъ небáчить. (*)

Замѣчательна его благодарность за сорочку, которую для него купили:

Ой поїжджає да по Україні да козаченько Швачка...

Долго онъ слушалъ, потомъ залился слезами и схватилъ меня за голову: »Ахъ, сынокъ ты мой! вѣдь это наше отцовское наследіе! это отцовская наша пѣсня! Не пѣсня это, а истинная правда! Такъ мы у своихъ отцовъ, служили, и пѣсня эта про нихъ сложена!«

(*) *Переводъ.* — Нѣтъ, меня прокляла мать. Разъ пришли къ намъ за подушнымъ. А я тогда былъ еще мальчишкой и говорю: »Матушка, дай хлѣба.« А она разсердилась и говоритъ: »Чортово дитя! какъ дамъ я тебѣ хлѣба, такъ и глаза у тебя выльзутъ.« Съ того времени и начали болѣть у меня глаза, а потомъ я и совсѣмъ ослѣпъ.

Нехай вась такъ Сынъ Божій прикріе, якъ ви оцѣ менѣ прикріете. (*)

Вообще Малороссійскіе простолюдины благодарять иногда въ оборотахъ, истинно краспорѣчивыхъ. Одна старуха сказала молодому человѣку:

Нехай тобі Господь помôже, де ти ступнѣмъ ступишь и зъ речами обѣрнешся! (**)

Ему же сказалъ однажды старикъ нищій:

Паночку лебѣдочку! щôбъ тебѣ Господь такъ узривъ, якъ ти менѣ вздривъ! Тилько, пане, се й твогò, що ти своєю рукôю даєи; ато всё не твоѣ. Господи! постанови се передь твоєю душею! (Въ-сторону:) А, людина жъ предôбра! (***)

Но возвращаюсь къ слѣпцамъ. Въ Звѣнигородкѣ, Кіевской губерніи, я провелъ нѣсколько пріятныхъ часовъ съ лярникомъ Дмитромъ Погорѣлымъ, который объяснялъ свои пѣсни самыми фантастическими разсказами, выдавая ихъ за несомнѣнную истину. Это былъ первый изъ Заднѣпровскихъ пѣвцовъ-нищихъ, котораго я услышалъ. Миѣ долго не удавалось проникнуть въ глубину Кіевской губерніи, въ мѣста, памятные исторіи по упорной борьбѣ козаковъ съ Польскою шляхтою. Я не сомнѣвался, что, если на лѣвой сторонѣ Днѣпра поютъ думы о временахъ Хмѣльницкаго,

(*) Пускай вась такъ Сынъ Божій прикроеть, какъ вы меня прикроете.

(**) Помоги тебѣ Господь, гдѣ бъ ты ногой ни ступилъ и съ рѣчью ни озвался.

(***) Господинъ мой, лебедушка мой! пусть тебя такъ Господь призритъ, какъ ты меня призрѣлъ! только и твоего, чтò ты своей рукою подашь, а остальное все не твоѣ. Господи! поставь все это передь твоей душею! (Въ-сторону:) А, человѣкъ-то добрый!

то на его родинѣ должны существовать первообразы этихъ думъ и многія другія, намъ неизвѣстныя. Вышло напротивъ: въ Кіевской губерніи я не записалъ ни одной думы, хотя преданія о Хмѣльницкомъ живутъ въ устахъ народа.

Это объясняется не столько недавними событіями *Колівищины*, которыя вытѣснили изъ памяти Украинскихъ поселянъ картины отдаленнаго времени, сколько переселеніемъ жителей на лѣвый берегъ Днѣпра, начавшимся во времена Хмѣльницкаго и кончившимся при Самойловичѣ. Правый берегъ, преимущественно предъ прочими частями Малороссіи, былъ театромъ войнъ Хмѣльницкаго и чрезъ то, мало-помалу, наконецъ почти совсѣмъ обезлюдѣлъ. Въ продолженіе этихъ войнъ, многія тысячи людей пали на поляхъ битвъ, въ которыхъ участвовали не одни козаки, но и огромныя массы призванныхъ къ оружію поселянъ; другія истреблены Поляками въ селахъ и мѣстечкахъ, взятыхъ приступомъ, а третьи погибли отъ самихъ козаковъ, которые мстили землякамъ своимъ за приверженность къ Полякамъ. Въ то же самое время правый берегъ Днѣпра пустѣлъ отъ переселенія жителей въ другія мѣста, то небольшими, но безпрестанно выходившими партіями спокойныхъ поселянъ, скрывавшихся въ лѣсахъ, или на лѣвомъ, сравнительно безопаснѣйшемъ берегу, то многочисленными «громадами» козаковъ, которые, послѣ какого-нибудь всенароднаго бѣдствія, искали себѣ новыхъ земель для поселенія и такимъ образомъ основали Острогожскія, Сумскія, Ахтырскія и другія слободы. Но въ конецъ обезлюдѣла Западная Украина въ то время, когда она по-видимому была успокоена отъ потрясавшихъ ее такъ долго войнъ Богдана Хмѣльницкаго и его преемниковъ, то есть, когда отдѣленный отъ Польши лѣвый берегъ Днѣпра образовалъ, подъ протекціей Царя Московскаго, новую «Гетманщину». Туда перешли съ праваго берега вооруженные полки козацкіе; туда переселялись недовольные Польскимъ правительствомъ и невѣрившіе его обѣщаніямъ — забыть давнишнія обиды; туда наконецъ гетманъ Самойловичъ по разореніи Чигирина, а гетманъ Скоропадскій на возвратномъ пути отъ береговъ Прута, переселили всѣхъ, какихъ могли захватить, жи-

телей со всёмъ ихъ имуществомъ и даже съ деревянными церквями, которыя были разобраны и увезены на возахъ. Эти переселенія сдѣланы были на основаніи Андрусовскаго договора, по которому не только каждый получилъ право переходить со всею движимостію на лѣвый берегъ Днѣпра, но признано даже средствомъ къ сохраненію мира между двумя государствами, чтобы вдоль ихъ границъ лежала безлюдная полоса въ нѣсколько миль шириною. Народъ до сихъ поръ помнитъ эти переселенія и говоритъ: »Се було ще до збѣгу«, или: »Се було вже після збѣгу«, а весь періодъ войнъ козацкихъ, названный въ Польскихъ хроникахъ *hoscium*, онъ называетъ въ своихъ преданіяхъ *руїною*.

Такимъ образомъ прекраснѣйшія побережья Днѣпра, почти цѣлыя нынѣшніе уѣзды Чигиринскій, Черкасскій и Каневскій, какъ будто были обречены на вѣчное запустѣніе. Да и весь почти этотъ край превратился въ пустыню, какъ объ этомъ мы знаемъ изъ »Лѣтописи Величка«, который, проходя съ Малороссійскими козаками отъ Кореуна и Бѣлой Церкви на Волынь въ 1705 году, былъ пораженъ безлюдьемъ Западной Малороссіи.

»Поглянувши паки (говорить онъ), видѣхъ пространные тобочніе Україно-Малороссійскіе поля и розлеглыя долины, лѣсы и обширныя садове, и красныя дубравы, рѣки, ставы, озера запустѣлыя, мхомъ, тростіемъ и непотребною лядиною зарослыя. Видѣхъ же къ тому на розныхъ тамъ мѣстахъ много костей человѣческихъ, сухихъ и нагихъ, тилько небо покровъ себѣ имущихъ, и рекохъ въ умѣ: *кто суть сія?* Тѣхъ всёхъ, еже рѣхъ, пустыхъ и мертвыхъ насмотрѣвшись, поболѣхъ сердцемъ и душою, яко красная и всякими благами прежде изобиловавшая земля и отчизна наша Україно-Малороссійская во область пустынь Богомъ оставленна и насельницы ея, славныя предки наши, безвѣстни явшася.« (1)

Было бы однакожь дѣломъ неестественнымъ, еслибы страна,

(1) »Лѣтопись Самоила Величка«, т. I, стр. 5.

такъ щедро надѣленная природою, оставалась долго пустынею. Лишь только перестала въ ней свирѣпствовать война, лишь только зазеленѣли пепелища, тотъ-часъ появился на нихъ опять чело-вѣкъ. Всѣ прежніе обитатели Западной Украйны, неотдѣленные отъ нея Днѣпромъ и неударжимаемые какимъ-нибудь насиліемъ, возвращались на дорогую для сердца *батьковщину* и *матеріизну*. Владѣтели Украинскихъ староствъ и помѣстій вспомнили о своихъ правахъ и присылали отъ себя урядниковъ — «губернаторовъ, экономовъ, лѣсничихъ» — сперва только для занятія земель, а потомъ и для заботъ объ ихъ заселеніи. Нѣкоторыя дворянскія фамиліи мѣстнаго происхожденія, уцѣлѣвшія или въ глубинѣ Польши, или въ безопасномъ Полѣсьи, возвращались на родину не только сами, но приводили съ собою и подданныхъ, которые состояли какъ изъ Украинскихъ переселенцевъ въ Полѣсье, такъ и изъ природныхъ *Польшукѣвъ*, — и ихъ-то деревушки появились прежде всего на Днѣпровскомъ побережьи. Здѣсь разумѣются преимущественно мѣстности въ верхней Украйнѣ, вокругъ Кіева и Бердичева, гдѣ издавна владѣли землями дворяне средней руки: Залѣскіе, Бѣжинскіе, Проскуры, Олизары, Тышовы-Быковскіе и другіе. Южная же и восточная части Западной Украйны состояли изъ однихъ староствъ и владѣній магнатовъ. Уманщина перешла отъ Струсей къ Потоцкимъ, Смилянщина отъ Конецпольскихъ къ Любомирскимъ; и въ этихъ огромныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ «дѣдичи» никогда сами не жили, заселеніемъ земель и устройствомъ ихъ имѣній занимались ихъ урядники и уполномоченные, такъ точно, какъ въ верхнихъ повѣтахъ — сами владѣльцы-дворяне. Въ староства, крулевщины и волости южной и восточной части Западной Украйны такъ-же мало-помалу собирался народъ, то изъ разныхъ скрытыхъ мѣсть, то изъ дворянскихъ сель верхней Украйны. Это мы знаемъ изъ процессовъ, часто возникшихъ здѣсь по подобнымъ случаямъ.

Самымъ дѣятельнымъ моментомъ такой колонизаціи была середина XVIII вѣка, и быстрѣе всего развивалась она въ Уманщинѣ, подъ непосредственнымъ распоряженіемъ Салезія Потоцкаго, вое-

воды Русскаго. Въ имѣніяхъ Любомирскихъ и въ старобствахъ Сангушговъ, Яблоновскихъ, Потоцкихъ и другихъ, лучшимъ средствомъ къ заселенію пустыхъ земель была признана раздача шляхтѣ правъ на «заложеніе осадѣ»⁽¹⁾. Такія права получались безъ всякаго затрудненія, и всегда было много на нихъ охотниковъ — то изъ самихъ управителей тѣхъ же владѣній, то изъ арендаторовъ небольшихъ частей ихъ, то изъ разной предприимчивой шляхты, приливавшей въ Украину изъ глубины Польши, то наконецъ изъ военныхъ людей отряда, постоянно квартировавшаго на этомъ пограничьи и потому называвшагося *Украинскою партією*. Эти военные люди, привыкнувъ къ здѣшнему краю, не желая возвращаться въ родныя мѣста и пользуясь свободою заниматься внѣ служебныхъ обязанностей чѣмъ угодно, основывали обыкновенно дома и заводили постоянное хозяйство невдалекѣ отъ становищъ своихъ хоругвей. Всѣ вообще основатели новыхъ поселеній должны были больше всего стараться о привлеченіи къ себѣ людей, и потому каждое поселеніе возникало не иначе, какъ на правахъ *слободы*, то есть увольненія отъ всѣхъ почти повинностей и налоговъ на извѣстное число лѣтъ. Обыкновенно осадчіе кликали кличь въ разныхъ сборныхъ пунктахъ — на ярмаркахъ, на переправахъ, на церковныхъ и монастырскихъ праздникахъ — и переманивали къ себѣ народъ разными обѣщаніями. Разумѣется, зажиточный селянинъ не соблазнялся зовомъ *на слободу*. Но во всякомъ селѣ были сироты, обиженные старшими родичами, были бродяги, спустившіе съ рукъ послѣдній достатокъ, были любовники, опасавшіеся разлуки, или страдавшіе отъ преслѣдованій, — много было людей, желавшихъ перемѣнить обстановку жизни. Все это внимало обѣщаніямъ льготъ, какъ сигналу къ освобожденію отъ житейскихъ нуждъ и горестей. Есть преданіе изъ временъ заселенія Смилянщины, что князь Ксаверій Любомирскій велѣлъ окличникамъ провозглашать на ярмаркахъ, что, кто придетъ къ

(1) Osadzić — заселить.

нему съ чужой женою и чужими волами, онъ и такого не выдастъ, и за такого будетъ стоять.

Когда такимъ образомъ вдоль береговъ Днѣпра, на старыхъ пожарищахъ и развалинахъ, въ углубленіи прохладныхъ, напоенныхъ водою долинъ, заперстрѣли землянки, мазанки и срубленные на живую руку хаты, за Днѣпромъ такъ-же нашлось много людей, которые пожелали пользоваться сравнительно бѣльшими льготами у новыхъ владѣльцевъ Западной Украйны. А эти, съ своей стороны, посылали къ нимъ зазывы и облегчали имъ средства къ переселенію. При тогдашнемъ состояніи земской управы и пограничнаго дозора на лѣвомъ берегу Днѣпра, переходъ въ Польскую Украйну былъ такъ же не труденъ, какъ теперь въ другую губернію, и Каневскія, Черкасскія, Чигиринскія пустыни наполнялись всё болѣе и болѣе выходцами изъ противулежащихъ селъ и городовъ Гетманщины. У Днѣпровскихъ рыбаковъ до сихъ поръ сохранились воспоминанія о *фигурахъ*, то есть крестахъ съ повѣшенными на нихъ снопомъ жита, цѣпомъ и серпомъ. Такія фигуры выставлялись на береговыхъ возвышенностяхъ въ знакъ того, что нѣкто заселяетъ слободу и приглашаетъ къ себѣ поселявъ на извѣстныхъ льготахъ. Льготами было увольненіе «подданныхъ» отъ чиншей и всякихъ повинностей на извѣстное число лѣтъ, что собственно и называлось *слободою*. Чтобы всякому прохожему и проѣзжему было ясно, на сколько именно лѣтъ дана «слобода» какому-нибудь селу, на выгонѣ становили столбъ, на-подобіе креста, въ котораго перекладину вколачивались деревянные колышки. По истеченіи каждаго года, одинъ колышекъ выбрасывался, а по прошествіи всѣхъ лѣтъ, слобожане обязаны были платить чиншъ владѣльцу земли и отбывать повинности. (1)

Повинности Украинскимъ «подданныхъ» были довольно легкія: въ казну вносилось только *подымное*; панщины назнача-

(1) На Волыни и въ Полѣсьи такія села назывались *волицами* и *вульшками*, отъ воли, а въ Украинѣ *слободами* отъ свободы. («Opis Powiatu Wasylkowskiego», przez E. Ruliko. skiego, str. 27.)

лось не болѣе двѣнадцати дней въ году съ хаты, такъ какъ тогдашняя система хозяйства не требовала болѣе рабочихъ дней. Хлѣба сѣяли мало, ибо Черноморская торговля хлѣбомъ не существовала вовсе, и панскіе доходы извлекались преимущественно изъ выкармливанія скота, изъ меду, воску, сала, винокурения въ небольшихъ размѣрахъ и т. п. Губернаторы и другіе панскіе урядники обогатились подарками, которые народъ имъ дѣлалъ, по стариннымъ обычаямъ, всякой разъ, когда имѣлъ какую-нибудь надобность во «дворѣ», а такъ-же разнаго рода торговлю, болѣе, или менѣе позволительною, — преимущественно доставкою фуража Русскимъ войскамъ, которыя въ то время постоянно находились на границахъ, или въ замыхъ предѣлахъ Турціи. Они посылали такъ-же на Запорожьѣ разнаго рода жизненные потребности, которыя покупались за безцѣнокъ въ краю, почти баснословно плодородномъ, а продавались, или промѣнивались на лошадей дорого и потому приносили огромныя выгоды. Шляхта обогащалась такимъ образомъ сама собою и не имѣла побужденій ни въ обычаяхъ, ни въ какой-либо нуждѣ обременять поселянъ работами. По-этому новыя села достигали цвѣтущаго состоянія довольно скоро, а въ-слѣдствіе того народонаселеніе края росло какъ-бы какимъ чудомъ. Все способствовало здѣсь благосостоянію народа. Но, подобно всякому юному обществу, Украинцы отличались беззаботностію касательно будущаго, не собирали хлѣба въ прокъ, полагаясь на плодородіе почвы, даже не пахали на зиму ⁽¹⁾, и потому иногда неурожайный годъ вдругъ поражалъ ихъ всеми ужасами голода. Въ исторіи земледѣлія на Украинѣ представляются намъ двѣ противоположности: или необыкновенно низкія цѣны, или совершенный недостатокъ хлѣба, голодъ и даже моръ отъ голоду. Но эти бѣдствія происходили единственно отъ тогдашняго состоянія этой страны и ни коимъ образомъ не относятся къ Польскимъ дворянамъ, которые уже въ другой разъ были ея колонизаторами.

(1) Пахать на зиму начали Украинцы только съ XIX столѣтія.

Изъ мѣстныхъ документовъ отдаленнаго времени, когда Польское дворянство безразлично состояло изъ Русскихъ «благочестивыхъ» и Польскихъ католическихъ фамилій, мы видимъ, до какой степени этотъ край былъ безлюденъ. Короли Александръ и Казиміръ Ягеллонъ, даруя какому-нибудь князю во владѣніе здѣшнія земли на разстояніи отъ Синюхи до Тѣкича и отъ Роси до устья Тѣсмива, именовали на этихъ земляхъ всего только какихъ-нибудь двоихъ, троихъ подданныхъ; а лѣтъ черезъ сто, или полтора, мы находимъ Западную Украину уже очень многолюдною областью, и самыя войны Богдана Хмѣльницкаго служатъ тому доказательствомъ. Пятидесяти-лѣтній періодъ *homicum*, или *руїны*, съ изложенными выше обстоятельствами, превратилъ снова Западную Украину въ пустыню; а черезъ поль-вѣка Польское, уже чисто католическое дворянство сдѣлало ее опять многолюдною областью. Въ смыслѣ колонизаторовъ, магнаты и шляхтичи дѣйствовали безукоризненно: они и не могли дѣйствовать иначе, ибо въ такомъ случаѣ земли ихъ оставались бы незаселенными пустынями. Но, вводя начала гражданственности въ новое населеніе Украины, они неизбежно должны были ввести въ нее и латинскую, или по крайней мѣрѣ уніатскую Церковь. Собственно говоря, это было явленіе очень обыкновенное, а не какая-нибудь систематическая пропаганда. Польскіе колонизаторы Украины, привлекая народъ на свои земли, должны были наконецъ позаботиться и о религиозныхъ его нуждахъ. Они строили въ селахъ церкви и водворяли при нихъ уніатскихъ священниковъ. Можетъ быть, единственный изъ колонизаторовъ Украины, занимавшійся ея заселеніемъ съ серьезными и обдуманнми видами, Салезій Потоцкій, видя совершенный недостатокъ духовенства въ новыхъ «осадахъ», вызвалъ сюда викарія уніатской митрополіи, ксенза Рыло, и велѣлъ ему посвятить разомъ шестьдесятъ священниковъ. Въ другихъ селеніяхъ устраивались парафіи сами собою, и въ нихъ водворялись приходскіе священники, то уніатскіе, то «благочестивые». Появлялись такъ-же — хотя очень рѣдко — и монашескія общества католическія, то возвращаясь на развалины —

часто только на мѣста — прежнихъ своихъ монастырей, основанныхъ еще до Хмѣльницкаго, то будучи вызваны вновь кѣмъ-нибудь изъ колонизаторовъ. Такъ въ Смилой существовалъ маленькій монастырь Капуцыновъ, въ Ржищевѣ — Тринитаръ, въ Лысянкѣ — Францысканцевъ. Многочисленнѣе и многолюднѣе другихъ были монашескія общества Базилянъ, которые почти исключительно завѣдывали всѣми школами на Украинѣ. Эти школы, открытыя для каждаго безъ исключенія, соединяли въ себѣ молодежь всѣхъ сословій и состояній. Сюда приходили и «паничи», сыновья помѣщиковъ, земскихъ урядниковъ и панскихъ управителей, и поповичи, и дѣти убогой шляхты, мѣщанъ и даже сельскихъ мужиковъ, которые имѣли средства и желаніе приготовить своихъ сыновей какъ-бы къ чему-то высшему. Такія школы естественно были самою сильною пропагандою уніятскаго вѣроисповѣданія. А между тѣмъ на Украинѣ и въ то время было не безъ «благочестиваго» духовенства, которое съ своей стороны имѣло на нее вліяніе. Выше уже сказано, что нѣкоторыя парафіи заняты были священниками «благочестивыми». Основатели сель, не смотря на то, что сами были католики, ни мало тому не противились; а нѣкоторые, желая понравиться народу и внушить ему къ себѣ особенную приверженность, выбирали ему священниковъ по его желанію. Владѣтель Смилянщины былъ до такой степени благосклоненъ къ Греко-Русскому духовенству, что уніятскія консисторіи постоянно жаловались на его пристрастіе. Греко-Русскіе монахи пустынно-жительствовавши во многихъ мѣстахъ на Украинѣ, или занимая старинные монастыри, по лѣсамъ и Тясминскимъ островамъ, или разсѣявшись небольшими обществами по уединеннымъ пустынямъ. Все свѣтское и монашесствующее духовенство «благочестивое» находилось подъ властью Кіевскихъ митрополитовъ и Заднѣпровскихъ архіереевъ; отъ нихъ оно было сюда присылаемо (1), къ нимъ обращалось по дѣламъ

(1) Впрочемъ много приходило священниковъ изъ Молдавіи и Валахіи, и надобно сказать, что между этими пришельцами были люди весьма сомнитель-

своимъ, хотя въ то же время не могло не признавать власти Польскаго правительства, живя въ Польской провинціи.

И вотъ на Украинской почвѣ, столько разъ облитой кровью, стали опять одинъ въ виду другого непріязненные жизненные элементы: народности Польская и Русская, вѣроисповѣданія латинское и «благочестивое». Нетрудно дагадаться, что отсюда неизбѣжно должны были возникать ежедневные столкновенія и споры. Народъ здѣшній, не смотря на то, что едва только поселился на своихъ давнихъ пенелищахъ, принесъ съ собою неблагопріятныя для Поляковъ воспоминанья и понятія; преданіе о войнахъ, продолжавшихся нѣсколько десятковъ лѣтъ, было свѣжо; поводы къ козацкимъ возстаніямъ не только не были позабыты, но еще усилены очарованіемъ прошедшаго. Все это оживало при всякомъ удобномъ случаѣ и поддерживало чувство природнаго разъединенія между шляхтою и простонародьемъ. Собранное въ села и мѣстечка населеніе не могло все, до одного человѣка, быть спокойнымъ и земледѣльческимъ обществомъ. Въ немъ отзывались привычки къ бродячей и своевольной жизни; а недостатокъ *поліціи*, въ нынѣшнемъ значеніи этого слова, вообще въ Польшѣ и особенно въ провинціяхъ, столь отдаленныхъ и вновь организующихся, способствовалъ какъ нельзя болѣе ко всякаго рода безпорядкамъ. Гайдамачество, то есть открытый грабежъ, было въ Украинѣ явленіемъ весьма обыкновеннымъ, и такъ какъ оно совершалось въ смыслѣ нѣкоторой какъ-бы праведной мести убогаго надъ богатымъ, козака надъ Ляхомъ, то не знало никакого стыда, ни узды въ своихъ неистовствахъ. Въ наше время странно это слышать, но внутреннія и внѣшнія обстоятельства Западной Украины XVIII вѣка сами породили — и должны были неизбѣжно породить — такое явленіе. Господствующій классъ ея населенія состоялъ изъ католиковъ; чернорабочій — изъ послѣдователей Греко-Рус-

ныхъ качествъ. Поселяне вѣрили имъ на слово, что они посвящены тамъ-то и тамъ-то; но участіе, какое они принимали въ возбужденіи черни противъ католиковъ и уніатовъ, заставилъ чѣ догадываться, что это были за люди.

свой Церкви; между ними посредствующій, торговый, факторскій классъ, простиравшій свои жадныя руки ко всѣмъ предметамъ сбыта и потребленія, ко всѣмъ ввознымъ и вывознымъ товарамъ, состоялъ исключительно изъ Евреевъ. Шляхетство подчинялось нравственному вліянію цензоровъ, въ то время какъ многочисленный чернорабочій классъ, говорившій на своемъ языкѣ, имѣлъ свое собственное духовенство. Это духовенство посвящалось большею частію въ подвластномъ Россіи городѣ Кіевѣ, или въ Переялавѣ за Днѣпромъ и переносило оттуда въ народъ идею объ отроженности отъ братіи, живущихъ подъ державою Царя православнаго, подъ гетманствомъ единокорца и единовѣрца, подъ управленіемъ старшинъ и пановъ, молящихся въ одной и той же церкви съ народомъ. Поселяне простодушно называли своихъ священниковъ *попами благочестивыми*, а свою вѣру *благочестіемъ*, и этимъ не говоря говорили, что католическіе и униатскіе попы нечестивы, а католическая вѣра и унія — нечестіе.

Всѣ эти обстоятельства отразились самымъ неблагоприятнымъ образомъ въ сосѣдней области, подвластной безженному Запорожскому *кошу* и населенной разбѣянными на пространствѣ нѣсколькихъ тысячъ квадратныхъ верстъ *палатками* и хуторами, которые образовались изъ выходцевъ Польской и Московской Малороссіи, недовольныхъ житьемъ на родинѣ. Эти выходцы унесли съ собою въ степи воспоминанія о всеобщей войнѣ «благочестивыхъ» съ католиками и угнетенныхъ съ угнетателями, подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго. Для нихъ не существовалъ новый порядокъ вещей на попривѣ побѣдъ «козацкаго батька», между Черкасами и Чигириномъ, между Бѣлою Церквою, Кореунемъ и Уманемъ. Къ нимъ доходили вѣсти только о томъ, что на берегахъ Роси и Тясмина, которыхъ обгаренные кровью воды воспыты бандуристами въ энергическихъ думкахъ, по-прежнему господствуетъ Ляхъ, или — что все одно у нихъ значило — панъ, по-прежнему верховодитъ цензъ, по-прежнему обираетъ «добрыхъ людей» Жидъ, и сердце одичалыхъ степныхъ рыболововъ, пасичниковъ и чабановъ билось такою жъ фанатическою ненавистью

къ этимъ тремъ классамъ Украинскаго населенія, какъ и во времена Перебийноса. Между Украиной Польскаго государства и Запорожемъ никогда не прекращались сношенія, и «добрые молодцы» являлись почти на каждой ярмаркѣ въ Уманѣ и въ другихъ городахъ съ произведеніями своихъ зимовниковъ, хуторовъ и паланокъ. Они пригоняли туда лошадей, привозили рыбу, мѣхъ и тому подобные товары, и не всѣ выручаемая деньги пропивали на Украинскимъ рынкахъ. За свою выручку они добывали въ *Польшь*, какъ называли они этотъ край, хорошее оружіе и богатую конскую сбрую, порохъ, свинець, водку, сукно, одежду и прочая, а остальное серебро и золото увозили въ кожанныхъ *черепахъ* (поясахъ) на Запорожье, чтобы было что оставить по себѣ на похороны и поминовеніе козацкой души, у которой бывало не безъ грѣховъ, или про запасъ на черный день. Это оружіе, эти одежды и деньги, вывезенныя изъ «Польши», возжигали въ душахъ Запорожскихъ гультаевъ чувство, которое превращало ихъ религіозную ненависть къ католикамъ и Жидамъ въ фанатизмъ и подстрекало ихъ всего сильнѣе къ удалому набѣгу на помѣщичьи, старостинскія и церковныя имущества, въ подражаніе Хмѣльницкому.

Такимъ-то образомъ начались набѣги Запорожской вольницы, извѣстной подъ именемъ *гайдамакъ*, на земли, едва только заселенныя стараніями Польскаго дворянства. Письменныя преданія не сохранили воспоминаній о первыхъ гайдамацкихъ набѣгахъ; но можно смѣло утверждать, что эти набѣги совпадаютъ съ началомъ колонизаціи Уманскаго, Чигиринскаго, Черкаскаго и другихъ округовъ. Старосты, губернаторы и помѣщики Украинскіе противопоставляли имъ свои надворныя хоругви, въ которыхъ начальствовала шляхта, а рядовые набирались какъ изъ шляхты, такъ и изъ простыхъ поселянъ, и которыя составляли гарнизоны по крѣпостямъ, подъ названіемъ городовыхъ козаковъ. Кромѣ того Польская «юнацкая» молодежь, любя военное ремесло по духу тогдашней жизни, приходила на Украину со всей Польши, чтобы участвовать въ борьбѣ здѣшнихъ хоругвей съ гайдамака-

ми. Лишь только получалось извѣстіе о соединеніи гайдамакъ въ большую толпу и появленіи Запорожцевъ, надворные козаки и то, что называлось Украинскою партією, предпринимали противъ нихъ экспедицію и пускали въ ходъ свои военныя хитрости. Но у гайдамакъ всегда были на Украинѣ тайные доброжелатели, дававшіе имъ во время вѣсть о засадахъ, о сильныхъ и слабыхъ мѣстахъ, а подѣ-часъ и убѣжище въ своихъ домахъ и даже монастыряхъ. По-этому почти каждый гайдамацкій набѣгъ увѣнчивался кровавыхъ успѣхомъ, и иногда въ одну ночь исчезали многочисленныя семейства католиковъ и Жидовъ, а ихъ зѣмки и дома превращались въ кучи пепла. Съ своей стороны Польскія ополченія, преслѣдуя гайдамакъ въ самую глубь Запорожскихъ степей, набѣжали на Запорожскія паланки и убивали кого могли, не находя явно виновныхъ. Это влекло за собой обоюдныя жалобы Русскаго и Польскаго правительствъ. Наряжались, какъ обыкновенно водится, комиссіи для рѣшенія спорныхъ пунктовъ; но, пока судебная процедура совершалась съ торжественной своей медленностью, молодцоватые Польскіе дворяне съ одной стороны и неумогонные гультаи съ другой распоряжались собственными средствами; а потому мелкая война, можно сказать, кипѣла безпрестанно на Польскомъ пограничьи. Запорожскій кошь, мстя Полякамъ за ихъ *подѣзды*, потакалъ «добрымъ молодцамъ» въ ихъ *промыслахъ* и, безъ сомнѣнія, самъ направлялъ эти промыслы; а старосты, губернаторы и пограничные паны, не признавая надъ собой никакой власти, поступали безъ всякихъ оглядокъ и даже не оправдывались, подобно кошу, невозможностью обуздать своевольныя партіи удалцовъ. Такъ подготовлена была кровавая драма 1768 года, извѣстная въ исторіи подъ именемъ Коливщины....

Заведя рѣчь о Дмитрѣ Погорѣломъ и его склонности къ фантастическимъ представленіямъ, я незамѣтно зашелъ въ область недавней исторіи края, и сдѣлалъ не лишнее дѣло. Безъ этого взгляда на прошедшее, многое въ моихъ разсказахъ о Звенигородскомъ

слѣпомъ пѣвцѣ и о другихъ пѣвцахъ и разскащикахъ правой стороны Днѣпра было бы понятно не для всѣхъ моихъ читателей. Преданіями о набѣгахъ гайдамакъ полны всѣ головы въ Западной Малороссіи, способныя удерживать преданія. Тамошніе простолюдины, потерявъ въ своихъ бѣдствіяхъ и переселеніяхъ цѣль старинныхъ воспоминаній, ставятъ *Хмельницину* рядомъ съ *Колівищиною* и, перезабывъ патріотическія думы о первыхъ козацкихъ войнахъ, воспѣваютъ стариннымъ складомъ пѣсень и старинными ихъ напѣвами подвиги новыхъ героевъ козачества, Харка, Швачку, Зализняка, Гонту и другихъ. Еслибы эти герои успѣли въ своихъ преріятіяхъ такъ какъ Хмельницкій, духъ пѣсенности проявился бы здѣсь, безъ сомнѣнія, въ болѣе роскошныхъ и самостоятельныхъ формахъ, и предшественники Зализняка и Гонты на поприщѣ гайдамачества непременно явились бы въ такомъ же поэтическомъ свѣтѣ, какъ Наливайко, Сомко-Мушкетъ и Острияница. Но какъ этого не случилось и возстаніе Зализняка и Гонты было напраснымъ порывомъ Украинцевъ къ самодѣятельности, то въ пѣсняхъ о гайдамакахъ послышался только какъ-бы отголосокъ музы прежняго козачества, а изъ дѣйствующихъ лицъ кровавой гайдамацкой драмы блескомъ поэзіи озарились только немногія. Остальныя, извѣстныя намъ по преданіямъ, какъ напри- мѣръ Чуприна и Чортоусъ, оставлены во мракѣ забвенія, и кровавая судьба ихъ не почтена отъ народа ни однимъ риемованнымъ двустишіемъ. Зато нѣкоторые лица, невписанныя въ исторію, воспѣты бандуристами съ особенною любовью. Это ужъ капризъ популярной славы, которая не всегда избираетъ въ свои любимцы достойнѣйшихъ. Такъ сотникъ Жаботинскій Харко, о котораго подвигахъ мы не знаемъ ровно ничего, воспѣтъ не хуже самого Зализняка въ пѣснѣ, записанной Черноморцемъ Вареникомъ въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ (*).

(*) «Нар. Южвор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 425.

п'яль миѣ въ Звѣнигородкѣ лирникъ Дмитро Погорѣлый съ п'ькоторыми отмѣнами (1). Но его коментаріи интереснѣе самой п'ѣсни. Именно :

ЛЕГЕНДА О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

....У Павлолчи булѣ у ёго хрещѣна мѣти, зъ великого покоління пѣни; то винъ-то надѣяся, що ёго тамъ не зѣймуть, та напившились дѣбре, якъ лигъ спѣти, тогди та пѣни: »Тепѣрь«, кѣже, »Ляшкѣ, мѣете часъ, оступѣйте Харкѣ!« То Ляхѣ за ёго.

Отъ же щѣ бъ вони ёго не стрѣтили, колибъ ёго конѣ не приковѣли: кѣнь би ёго вѣзволѣвъ, не давъ би ёму пропѣсти; винъ би ѣ гѣби, ѣ зѣби усѣмъ порозбивѣвъ и будинокъ розвалѣвъ, бо то кѣнь бувъ лицѣрський. Ато взяли бѣсовѣ Ляхѣ та ѣ приковѣли за чотири ногѣ у стѣни. То кѣнь, якъ почѣвъ Харкову кровъ, то давѣи ржѣти; та вже ничѣго не врѣдивъ. А Ляхѣ, якъ стѣли Харкѣ рубѣть, то рубѣли ажъ три дни, та нѣякъ не порубѣють; и

(*) *Переводъ.*—...Въ Павлолчи была у него крестная мать, госпожа знатнаго рода; онъ и надѣялся, что его тамъ не тронуть, да, хорошенько подгулявши, какъ уснулъ, она и говоритъ: »Теперь«, говоритъ, »Ляхи, самая пора, окружите Харка!« Ляхи и бросились къ нему. Но и тутъ еще не сгубили бы его, еслибъ не приковали его коня: конь бы его выручилъ; онъ бы и губы, и зубы всемъ расшибъ и домъ разрушилъ бы, затѣмъ что то былъ конь богатырской. А то чортовы Ляхи взяли да и приковали его по всемъ четыремъ ногамъ въ конюшнѣ. Конь, какъ почувялъ кровъ Харкову, началъ ржать, но ужъ ничего не сдѣлалъ. А Ляхи, какъ стали рубить Харка, то рубили цѣлыхъ три дня, да ни какъ не изрубятъ; и сабля иззуборилась пуше желѣза: наконецъ догада-

(1) См. тамъ же, стр. 427. Еще одинъ вариантъ, записанный Зоріаномъ Ходаковскимъ, напечатанъ въ »Укр. Нар. Пѣсняхъ«, изд. Максимовичемъ. М. 1834; стр. 121.

шабля позубілась гіршъ, якъ залізо; та вже дорозумовались, щобъ рубать ёго ёго жъ шаблею. А въ ёго шабля була лицарська; то та шабля ёго й побідила.

Сотникъ Харко представляеть загадочное явленіе въ исторіи Польской Украйны. Н. А. Маркевичъ въ своей »Исторіи Малоросіи« (т. II, стр. 659) упоминаеть о его возстаніи подъ 1765, а о его смерти подъ 1766 годомъ, ссылаясь на неизданную статью М. А. Максимовича о Коливщинѣ. Г. Скальковскій въ »Наѣздахъ Гайдамакъ« не говоритъ о немъ ни слова, хотя не долженъ былъ пропустить его безъ вниманія уже по одному тому, что о немъ поются пѣсни, изъ которыхъ одна была напечатана г. Максимовичемъ задолго до выхода въ свѣтъ книги г. Скальковскаго. Можно бы думать, что сотникъ Харко былъ предшественникъ Мартына Бѣлуги въ Жаботинской сотнѣ и погибъ незадолго до возстанія своего преемника, по темному подозрѣнію въ какихъ-то замыслахъ. Но въ мѣстечкѣ Смилой я встрѣтилъ старика, Кондрата Тарануху, который зналъ его лично и по разсказу котораго онъ предводилъ Жаботинскою сотнею, спустя лѣтъ десять послѣ Коливщины. Вотъ этотъ разсказъ.

ПРЕДАНІЕ О СОТНИКѢ ХАРКѢ. (*)

Я самъ знавъ Харка. Вінъ бувъ сотникомъ у Жаботині. Вони зъ Лелёкою вишли сюди, якъ Москаль розруйновавъ Січъ, та й поженілись у Жаботині. Лелёка жъ ставъ господаровать: млиий

лись, что его надобно рубить его же саблею. А у него сабля была богатырская; она-то его и побѣдила.

(*) *Переводъ.* — Я самъ зналъ Харка. Онъ былъ сотникомъ въ Жаботинѣ. Онъ да Лелека вышли изъ Сѣчи, когда ее разорили, и женились въ Жаботинѣ. Лелека сталъ хозяйничать: держалъ на откупѣ

державъ, скотъ продававъ, то-що; а Харко зробивсь сотникомъ у Жаботині, и у ёго було сорокъ чоловікъ козаківъ. То було до панівъ посилає: »Я васъ«, каже, »заслоняю й стережѹ, а ви мині давайте кошту и провізії.« То пані було й присилають ёму въ Жаботинь:

Бравий бувъ козакъ! Було їде — жупанъ голубій на-вѣрсі, красній на-споді, чоботи сафьянци, шапка чорна, похилиста; самъ чоловікъ плечистий, русявий, повновидий. Було разъ проїде сівимъ конёмъ, у другій воронімъ, у третій буланімъ, у четвёртій білимъ... той же еднораль! а козакъ! А було до войні такий жвавий, що вже зъ нимъ козаки нічого не боятця. Назадъ *Отче нашъ* переговоривъ — ступай сміло: кўля не візьме.

И пішла вже така слава, що супротивъ ёго ніхто не встоїть. То Ляхи й думаютъ собі: »Отъ же ми ёго, вражого сїна, годїємо, та вигодємо такого гайдамаку, якъ Хмельницький. То була Хмельниччина, а ще буде Харківщина!«

Да й прислали до ёго въ Жаботинь: »Пробіть панъ до Паволочи въ гості.«

мельницы, торговалъ скотомъ и тому подобное; а Харко сдѣлался сотникомъ въ Жаботинѣ, и у него было сорокъ козаковъ. Онъ бывало посылаетъ къ панямъ: »Я васъ«, говоритъ, »заслоняю и берегу, а вы за то поставляйте мнѣ содержаніе и провізію.« Паны и присылають бывало все это ему въ Жаботинь.

Славный козакъ былъ! Бывало ѣдетъ — жупанъ голубой на немъ сверху, красный подъ-исподью, сапоги сафьянцы, шапка черная на-бокъ, самъ онъ человекъ плечистый, русоволосый, полнолицый. Бывало одинъ разъ проѣдетъ на сѣромъ конѣ, въ другой на ворономъ, въ третій на буланомъ, въ четвёртый на бѣломъ... точно генераль... а козакъ! А на войнѣ такой былъ дока, что съ нимъ козаки ничего не боялись. Проговоритъ наизворотъ *Отче нашъ* — ступай смѣло: пуля тебя не тронетъ.

И пошла ужъ такая слава, что противъ Харка не устоить никто. Вотъ Ляхи и думаютъ: »Кормимъ мы этого вражьего сына, да пожалуй выкормимъ такого разбойника, какъ Хмельницкий. Тогда была Хмельниччина, а теперь будетъ Харківщина!« И прислали къ нему въ Жа-

Вінъ и поїхавъ....

А я зъ Лелекою добре знавсь такі. Зъ Харкомъ — нічого хвастать, а зъ Лелекою ми такі добре гуляли. То вінъ самъ мнѣ розказувавъ: »Я«, каже, »ѣмú и казавъ: »»Эй, не їдь, бгá-те!« [А Лелека той кортавивъ трóхи] »»Эй«, кажу, »не їдь, »бгáте! бо не дурно кінъ на ворóтяхъ спотикаєтця.« [А Харко якъ виїздíвъ до Паволочи, то кінъ на ворóтяхъ спіткнўвся].

»Ні, якъ такі не слўхать панівъ? Вони менé и годують, и все.«

Ну, булó-жъ ѣмú хочъ не напивáтьця, булó ѣмú литъ у кишéню; хустки вь ёго булі — булó ѣмú вь хустки литъ, то бь ёго такі не взяли. Ато якъ напивсь, то ёго п'яного взяли кь чóрту та и стрáтили.

Какъ ни обстоятельно опредѣлено здѣсь время появленія Харка вь Жаботинѣ, но я не совсѣмъ довѣряю Кондрату Тарану́хъ. Онъ знаваль сотника Харка послѣ 1775 года (годъ разоренія Сѣчи), а со мною бесѣдовалъ вь 1843 году. Если онъ былъ вь какомъ-нибудь 1776 году хоть двадцатилѣтнимъ парнемъ, для того чтобы послѣ *гулять дóбре* съ Лелекою, товарищемъ Харка, то во время знакомства со мною ему должнó было быть не менѣе 87 лѣтъ, вь чемъ я очень сомнѣваюсь. Правда, мнѣ

ботинъ: »Просить тебя панъ вь Паволочъ вь гости.« Онъ и поѣхаль. А мы съ Лелекою были хорошіе пріятели. Съ Харкомъ — нечего хвастать, а съ Лелекою мы такі славно кутили. Такъ онъ самъ разказываль мнѣ: »Я«, говорить, »и говорилъ ему: »»Эй, не їзди, бгáть!« [А Лелека тотъ немного картавилъ] »»Эй«, говорю, »не їзди, бгáть! не да-ромъ конь твой вь воротахъ спотыкается.« [Какъ выѣзжалъ Харко вь Паволочъ, то конь вь воротахъ споткнулся.] »Нѣтъ, какъ можно ослушаться пановъ? Они меня и кормяць, и все.« Ну, хотъ-бы онъ не напивался! надобно было ему выливать вино вь карманъ; были у него платки — надобно было вь платки выливать, такъ его всё бы еще не взяли. Ато какъ напился, такъ его соннаго и отравили кь чóрту.

указали въ Смилой на Кондрата Тарануху, какъ на человѣка *древняго*, но, войдя къ нему въ хату, я нашель его за шитьемъ какой-то одежи, и на мой взглядъ ему было не больше 60 лѣтъ. По своему обыкновению, я развязаль ему языкъ и заставиль смотрѣть на себя благосклонно штофникомъ водки, вынутымъ изъ кармана. Тутъ явился пріятель Таранухи, по ремеслу бондарь. Они куликнули вдвоемъ очень исправно, и, подкуражившись, старикъ, вѣроятно, присвоиль себѣ, для большаго эффекта, рассказъ своего отца, или другого старожила, который точно могъ знать Харка и добре гулять съ Лелекою даже и гораздо прежде разоренія Сѣчи. Пріурочить же преданіе о Харкѣ къ этому событію онъ могъ потому, что послѣ него появилось въ Украинѣ много Запорожцевъ, и рассказы о томъ, какъ они содержали въ наймѣ мельницы и торговали скотомъ, были, вѣроятно, въ числѣ первыхъ воспоминаній юности Таранухи. Какъ бы то ни было, только сотникъ Харко долженъ былъ процвѣтать въ Жаботинѣ никакъ не послѣ разоренія Сѣчи, и вотъ тому доказательства. Во первыхъ, тогда уже наступило спокойствіе въ Украинѣ, невозмущаемое никакими возстаніями со стороны городовыхъ, или надворныхъ козаковъ и казнями со стороны Поляковъ. Во вторыхъ, въ преданіи Таранухи Ляхи опасаются, чтобы Харко не сдѣлался вторымъ Хмѣльницкимъ, тогда какъ имъ было бы ближе и естественнѣе сравнить его съ Зализнякомъ и Гонтою, если бы онъ существовалъ послѣ Коливщины. Наконецъ въ третьихъ, пѣсня о Харкѣ, сложенная послѣ разоренія Сѣчи, не могла бы сдѣлаться народною пѣснею въ Землѣ Черноморскихъ Козаковъ. Ее занесли туда Запорожцы, свято хранившіе пѣсенныя воспоминанія о своихъ *батькахъ*, какъ это видно изъ словъ Запорожскаго химородника, приведенныхъ въ рассказѣ Семена Юрченка (1).

(1) См. выше, стр. 80.

Я думаю, немногіе із тѣхъ, кто самъ не пробоваль соби-
рать въ народѣ пѣсни и преданія, знаютъ, съ какими препятстві-
ями сопряжено это по-видимому не очень мудреное дѣло. Захо-
дите вы въ какую угодно хату и попросите спѣть самую общеиз-
вѣстную пѣсню, — вамъ будутъ отвѣчать: »Хибá ми п'яні, щобъ
співа́ли?« или что-нибудь подобное. Нищій же пѣвецъ, встрѣчен-
ный на дорогѣ, попотчиваетъ поэтически настроеннаго путеше-
ственника семинарскими псалмами, или какою-нибудь »Чечоточ-
кою«; пѣсни *козацкія* и *невольницькія* онъ оставитъ для прія-
теля, а на распросы о старинѣ навѣрное будетъ отвѣчать: »Якъ
намъ, пáне, тée знать, що діялось у старовині? ми лю́де недав-
ніі« . Но какимъ образомъ сблизиться съ каждымъ бродягою,
распѣвающимъ свои пѣсни на *пріснахъ* мужичьихъ хатъ, и съ
каждымъ сѣдоусымъ, недовѣрчивымъ старикомъ, который, можетъ
быть, въ молодости самъ былъ гайдамакою? Не каждый приметъ
за благо вашу чарку горилки, какъ Тарануха, не каждый пус-
тится тотъ-часъ въ раздобары о томъ, что не относится къ *дѣлу*.
Нужно имѣть въ запасѣ много времени, чтобы пріучить къ себѣ
простолюдина и ему понравиться. А между-тѣмъ почти все мы,
антикваріи, этнографы и любители сельскихъ нравовъ, вырыва-
емся изъ городовъ на короткій срокъ; намъ некогда даже нады-
шаться воздухомъ полей, луговъ и лѣсовъ; безконечныя заботы
сложной цивилизованной жизни преслѣдуютъ насъ всюду и от-
влекаютъ отъ самыхъ пріятныхъ предпріятій. Мы дѣлаемъ на лету
свои наблюденія, торопливо записываемъ пѣсни отъ старой ключ-
ницы въ родномъ домѣ, или думу случайно сблизившагося съ на-
ми нищаго пѣвца, и тѣмъ оканчиваемъ свою попытку къ этногра-
фическому изслѣдованію своей родины. Я самъ долженъ сознаться
со стыдомъ, что сдѣлалъ въ этомъ отношеніи только сотую часть
того, что имѣлъ бы возможность сдѣлать, еслибъ не гонялся за
разными, менѣе важными интересами жизни. Цѣлыхъ двѣнадцать
лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ собралъ я главную массу сво-
ихъ записокъ. Въ-теченіе этого долгаго періода человеческой
жизни я былъ, волею и неволею, занятъ иного рода дѣлами и

только изрѣдка прибавлялъ что-нибудь къ своимъ этнографическимъ матеріаламъ. Но я надѣялся, что въ это время кто-нибудь изъ Малороссіянъ приготовитъ къ печати подобный трудъ, къ которому и я могъ бы примкнуть съ своимъ только лишь начатымъ сборникомъ. Ничего подобного однакожь между собирателями народныхъ преданій и повѣрій не случилось, или по крайней мѣрѣ до меня не дошелъ слухъ о такомъ трудѣ. Видя, какъ медленно идетъ разработка нашей этнографіи и надѣясь оживить своимъ примѣромъ другихъ, я рѣшился издать эти Записки, не держась въ нихъ никакого плана, ни системы, которые были бы возможны только при несравненно большемъ накопленіи матеріаловъ. Я включаю сюда все, что нахожу въ своихъ записныхъ книжкахъ, въ томъ видѣ, въ какомъ оно внесено туда, предоставляя каждому рыться въ моемъ несортированномъ скарбѣ и находить между множествомъ для него ненужнаго что-нибудь и пригодное, — подобно тому, какъ я рылся въ памяти стариковъ, старухъ, пахарей, чабановъ, старосвѣтскихъ, почти неграмотныхъ пановъ и престарѣлыхъ монаховъ.

На основаніи такого объясненія, я помѣщу здѣсь безъ связи нѣсколько выписокъ изъ книжки, которая была у меня въ рукахъ во время моихъ бесѣдъ съ Дмитромъ Погорѣлымъ.

1.

О БАЗИЛИЯНАХЪ. (*)

Базиліане учать було по-Польскій, и которій хлопчикъ, абѣ дівочка скаже Бѣже приказаніе, то строещина (1) дасть пятака, грив-

(*) *Переводъ.* — Базиліане бывало учать народъ вѣрѣ по-Польски, и которій мальчикъ, или дѣвочка, проговоритъ заповѣдь, тому жена ста-

(1) Жена старосты.

ню, або хрестикъ. Сказано — манила. У одного хлопчика спитала: »На що тебе Богъ создавъ?«

А вінъ каже: »Щобъ панцину робивъ.«

Тому дала срібного злотаго.

2.

ТОРГОВЛЯ НЕВОЛЬНИЦАМИ НА ЗАПОРОЖЬІ. (*)

Тогді такъ було, що оцѣ підмовить дівку, завезѣ на Запорозжя, продасть, а самъ вернетця. Мині оди́нь признава́вся: »Я«, каже, »продавъ Варку, то й каюся, и не буду до віку женитьця.«

И не женився.

3.

ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ТАТАРЬ ПОСЛѢ НАБѢГА. (**)

....А той Артипармакъ такий бувъ, що водивъ Орду по всій Україні. То де позволено було ясиръ брать, то й брали. Була тая

росты давала по пятаку, по гривнѣ, или по крестику. Извѣстное дѣло — заманивала. — У одного мальчика спросила: »На что тебя создалъ Богъ?« А онъ отвѣчалъ: »Работать на пановъ.« Такъ этому дала она серебряный злотый.

(*) Въ то время водилось такъ, что подобеть какой-нибудь повѣса дѣвущку, увезетъ на Запорожье, продасть (Татарамъ), а самъ воротит-ся домой. Миѣ одинъ человекъ признавался: »Я«, говоритъ, »продалъ Варвару, и до сихъ поръ каюся, и ужъ никогда не женюсь.«

И не женился.

(**)... Тотъ Артипармакъ водилъ Орду по всей Украинѣ, и гдѣ позволено было ей брать плѣнныхъ, тамъ и брала она. Была та Орда въ

Ордá въ Капустиній, и въ 'Іркахъ, и въ Калнійболотахъ. А тутъ народъ зійшовся зъ цїпами: »Ходімо, виб'ємъ вражу Орду́, щобъ її й д'уху не було!«

А Артипармакъ сказавъ: »Не займайте, бо пушки на васъ наведу́ и всіхъ виб'ю, а Орда́ зостанетця ціла.«

Та й поверну́въ на Криві Коліна, да тамъ ужé не знаю, де вінъ її дівъ. Ма́буть, де взявъ, туді́ й вивівъ.

А въ насъ тогді́ бувъ коза́къ Кўзубъ. Той и ка́же: »Поїдемо, бра́тці, за Ордо́ю, чи не достанемо по червінцю.«

Отъ мій ба́тько, да ще́ оди́нь чоловікъ, да той Кўзубъ сіли на ко́ней та й поїхали. Приїхали въ 'Ірки, ажъ тільки въ одній хаті́ три Татари́юги сидять посередь хаті́ го́ли и гріютьця коло́ огню́, бо се було́ въ-зїмку, и люлькы́ кўрять. Отъ наші́ їхъ повбивали та, не знайшовши при нихъ нічо́го — бо сказа́но голо́та — и поверну́ли додо́му. Коли́ жъ зустрі́чають вата́гу козаки́въ: те́-жъ ідуть на ча́ти.

»Здорóві, козаки́!«

»Здорóві!« ка́жуть наші́.

Капустной, и въ Иркахъ, и въ Кальниболотахъ. Народъ собрался съ цїпами: »Поїдете, переб'ємъ вражью Орду, чтобъ и духу ея не осталось!« Но Артипармакъ сказалъ: »Не троньте, ато наведу на васъ пушки и всѣхъ перестрѣляю, а Орда останется цѣла.« И повернулъ на Кривыя Колѣна, и не знаю ужъ, гдѣ онъ тамъ ее дѣвалъ. Видно, откуда взялъ, туда и вывелъ.

А у насъ былъ тогда козакъ Кўзубъ. Онъ и говоритъ: »Поїдемъ, братцы, въ погоню за Ордой, не добудемъ ли по червонцу.« Вотъ мой отецъ, да еще одинъ человекъ, да тотъ Кўзубъ сѣли верхомъ и поїхали. Приїхали въ Ирки, смотрятъ — только въ одной хатѣ три Татарина сидятъ голые среди хаты, грѣются у огня — это было зимою — и курятъ трубки. Наши ихъ перебили и, не найдя при нихъ ничего — извѣстно, голь — воротились домой. Какъ встрѣчаютъ ватагу козаковъ: тоже ѣдутъ на поиски. »Здравствуйте, казаки!« — »Здравствуйте!« говорятъ наши. »А гдѣ вы были?« — »Да вотъ«, говорятъ, »ѣздили за

»А дѣ ви були?»

»Та оцѣ«, кажутъ, »іздили за Ордою.«

»А що ви тамъ бачили?»

»Нічого. Трохъ голихъ Татаръ убили та й вернулись зъ порожніми руками.«

»Давайте жъ сюді, вражі сині, и своїхъ коней!»

Та й побрали въ нихъ коней. А вони сердешніи мусили йти додому пішки. То сміху, сміху опісля зъ того було! Оттакъ воіюі Орду! Довго сміялись, якъ було зберутця у куняніи.

4.

ПРЕДАНІЯ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ ЗВЕНИГОРОДКѢ. (*)

Черезъ Звенигородку течѣ невеличка річка *Погібна*. Та и весь байракъ зовѣтця Погібна. Колісь тамъ були великіи лози. Отъ Татарва якъ набігла, то кільки чоловікъ сховалось та й сидять у тихъ лозахъ. Колі жъ дівлятця, ажъ Татарюга піймавъ чоловіка та й ведѣ черѣзъ містокъ. То вони й кажутъ: »Отъ погібне чоловікъ ні за собаку!«

Ордою.« — »Что жъ вы тамъ видѣли?« — »Ничего. Троихъ голыхъ Татаръ убили и воротились съ пустыми руками.« — »Подавайте жъ намъ, вражьи сыны, и своихъ лошадей!« И забрали лошадей у нихъ. А они бѣдняги принуждены были воротиться домой пѣшкомъ. Такъ ужъ сколько было смѣху послѣ! Вотъ какъ воюють съ Ордою! Долго смѣялись, какъ соберутся бывало въ компаніи.

(*) *Переводъ.* — Черезъ Звенигородку течетъ небольшая рѣчка *Погібна*. Да и весь оврагъ называется Погібною. Когда-то росли въ немъ густыя лозы, и во время Татарскаго набѣга нѣсколько челоуѣкъ тамъ спрятались. Смотрятъ — Татаринъ поймавъ челоуѣка и ведетъ черезъ мостикъ. Они и говорятъ: »Вотъ погібнетъ челоуѣкъ ни за собаку!« А

А оди́нь ка́же: »Побі́жy я ё́го оборо́ню; у мене́ ці́пъ е.«

Да зъ ці́помъ до то́го Тата́рина ви́скочивъ та и вб́йвъ Тата́рина, и чоло́віка одня́въ.

То вже то́гді ті́ї лю́де й ка́жуть: »Отъ же, якъ ма́въ чоло́вікъ погі́бнути, то неха́й лу́чче рі́чка зо́ветця Погі́бною, щобъ тутъ у́же ні́коли лю́де не погіба́ли!«

А оцю́ді че́ре́зъ го́ру е́сть о́зеро *Топі́ло*. Тамъ хло́пець чи́щó вто́пивсь, та й прозва́ли Топі́ломъ. А воно́ такъ, що якъ лі́то жарке́, то все й ви́сохне.

А за тією до́ліною, че́ре́з стрѣ́лицю ⁽¹⁾—уро́чище *Коза́цький Курі́нь*. Якъ бу́ло ще тутъ ко́лісь ста́рство, то бу́ло ста́ростя́нські коза́кі стережу́ть дуби́ни.

А ще е́сть тутъ у Гу́дзіївці моги́ла *Звени́городъ*. Бо́гъ її зна́е, чо́го вона́ такъ зо́ветця. Ті́лько ка́жуть, що Звени́городъ бу́въ ко́лісь коза́чий го́родъ: одъ жа́дного дво́ра коза́къ ви́ходивъ. И на са́мії отті́й моги́лі су́дь сто́явъ, бо го́родъ да́леко росхо́дився. А въ Гу́дзі-

оди́нь гово́рить: »Побѣ́гу я оборо́ню его; у мене́ ці́пъ е́сть.« Вы́скочилъ е́щó ці́помъ къ Тата́рину и уби́лъ Тата́рина, а чоло́ві́ка вы́ручи́лъ. То́гда тѣ лю́ди гово́рять: »Вме́сто того, что́бъ чоло́ві́ку погі́бнуть, пу́сть лу́чше рѣ́чка на́зывается Погі́бною, что́бъ у́жъ ни́когда въ не́й лю́ди не погіба́ли!«

А зде́сь за го́рою е́сть о́зеро *Топі́ло*. Тамъ ма́льчикъ, что-ли, уто́пъ, отъ-того́ и прозва́ли о́зеро Топі́ломъ. А оно́ въ жа́ркое лѣ́то вы́сыхае́тъ до дна.

А за то́й до́линою, про́йдя лѣ́сокъ, — уро́чище *Коза́цькій Курі́нь*. Ка́къ бу́ло е́ще тутъ ко́гда-то ста́рство, то быва́ло ста́ростинські коза́ки сторожа́ть дубо́вий лѣ́съ.

А е́сть е́ще тутъ въ Гу́дзіївкѣ моги́ла *Звени́городъ*. Бо́гъ зна́е́тъ, отъ-че́го она́ такъ на́зывается. Гово́рять то́лько, что Звени́городъ бу́лъ ко́гда-то коза́чий го́родъ: вся́кій дво́рь поста́вля́лъ коза́ка. И на са́мо́й э́той моги́лѣ сто́ялъ су́дь: го́родъ да́леко раски́дыва́лся. А въ Гу́дзіївкѣ

(1) Жидкій лѣсокъ.

івці живъ колись чоловікъ Гудзь, то одъ ёго вже и вся слобода Гудзіївкою прозв'ялась.

Ще *Шугайлова* могила есть. А назв'ялась вона Шугайловою ще тогді, якъ Україною князі правили (1). То було оцѣ якъ ст'януть гряничитьця, то село на село йде. Той каже: »Сюдї гряниця!« а той каже: »Сюдї!« Такъ одинъ козакъ, Шугайло, вискочивъ конемъ на могилу, а ёго зъ того бѣку к'улею якъ дали, такъ вінъ зъ коня. Тамъ ёго й закопали, и могила зъ того часу якъ Шугайлова, то й Шугайлова.

А у самому городі, оцѣ самѣ, де городничий живе, зовѣтця *Натягайлівка*. Що було якъ бѣетця навкул'ачки парафія на парафію, то якъ дожен'уть до того мѣста, то вже добре за чубї натягають; отъ и Натягайлівка.

А де теперъ живе Головачевський, то зв'явся *Грецький Кутѣкъ*. Було якъ збираютьця на грець, чи то, бачь, навкул'ачки,

жилъ когда-то человекъ Гудзь, такъ по немъ и вся слободка прозвалась Гудзиевкой.

Еще есть *Шугайлова* могила. А назвалась она Шугайловою еще тогда, когда Украиной управляли князья. Вотъ бывало какъ начнутъ спорить за границы, такъ село и идетъ на село. Одинъ говоритъ: »Тутъ граница!« а другой: »Тамъ!« Вотъ одинъ козакъ, Шугайло, взбѣжалъ верхомъ на могилу, а его какъ хватили пуля съ противной стороны, такъ онъ съ коня. Тамъ и погребли его, и могила съ того времени прозвана Шугайловой.

А въ самомъ городѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ живетъ городничій, урочище *Натягайлѣвка*. Бывало, какъ выйдетъ одна парафія противъ другой на-кулачки, да какъ нагоняють другъ друга на этомъ мѣстѣ, такъ ужъ за чубы порядкомъ натягають; вотъ и Натягайлѣвка.

А гдѣ теперь живетъ Головачевскій, то мѣсто звалось *Грецькій Кутѣкъ*. Бывало, какъ соберутся на грець, то есть на-кулач-

(1) На вопросъ мой: »Якіи князи?« Дмитро отвѣчалъ: «Поляки».

то зійдуться на той кутіть саміі старіі та її розкладають раду, якъ зайті, чи зъ того, чи зъ того бѣку, кому попереду, а кому позаду, а кому по бѣкахъ иті; и такъ собі тайно змѣвятця да потімъ ужé її пускають дитвору, ажъ поки її до старіихъ дйде. Було оцé такий старій чоловікъ бѣде, якъ я, то бѣроду въ зѣби та її пішѣвъ гулять зъ кулаками; та часомъ старій бѣетця ще лѣчче молодѣго. Теперъ якъ гулять, то йдѣть абѣ на музики, абѣ у шйнкъ, а тогдй — то всé навкулачки. Оцé зострінутьця де-не-бѣдъ хлѣпці:

»Здорѣвъ, брѣте!«

»Здорѣвъ!«

»А давай навкулачки!«

»Давай!«

Той тогѣ въ грѣди, а той тогѣ. (1)

А по сѣй бѣкъ Погйбноі — *Кучугурівка*. Колісь сѣе мйсто було зовсѣмъ пустѣ. То якийся чоловікъ прийшовъ, чи зъ Бердичова, чи що, на слѣбѣду та її сйвъ собі колѣ Погйбноі. Отѣ призивають ёгѣ панй: »Якъ тебѣ зовѣть?«

ки, то самыя старыя бойцы сойдутся въ этомъ куткѣ и держатъ совѣтъ между собою, какъ заходить, съ той, или съ другой стороны, кому впереди, кому позади, кому по сторонамъ идти, и, условившись между собой, пускаютъ сперва мальчишекъ въ драку, а потомъ доходитъ дѣло и до старшихъ. Бывало выйдетъ на-кулачки такой старикъ какъ я, — бороду въ зубы и пошелъ гулять съ кулаками, и иной разъ старый дерется лучше молодого. Теперь собираются гулять туда, гдѣ музыка, или въ корчму, а тогда — всѣ на-кулачки. Встрѣтятся гдѣ-нибудь мальчишки: »Здравствуй, братъ!« — »Здравствуй!« — »Давай на-кулачки! — Давай!« и тотъ-часъ одинъ другого въ грудь.

А по сѣю сторону Погйбноі — *Кучугуровка*. Мѣсто это было когда-то совсѣмъ пусто; наконецъ приходитъ какой-то человекъ на слѣбѣду

(1) Этимъ поясняется примѣчаніе Архипа Оржицкаго на стр. 20.

»Олійникъ.«

»Э, треба тобі друге прізвище дати, щобъ тебѣ твої пані звідти не взяли.« (1)

»Та я«, каже, »панове, на такихъ кучугурахъ сівъ, що ніхто не зійде, ні заїде«.

»Ну, будь же ти Кучугуромъ«.

»Якъ Кучугуръ, то й Кучугуръ, да опісля и весь той кутокъ назвався Кучугурівкою.

А по той бікъ річки Звенигородки зовѣтця місто *Цяпівка*. То жъ була колись пустиня, а одинъ чоловікъ изъ жінкою прийшовъ на слободу жъ таки та й сівъ собі одинъ однимъ за річкою. Такъ було жінка ёго вийде въ-ранці та на курей: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люде зъ сѣго боку, сміютьця було та й прозвали того чоловіка Цяпомъ, а одъ Цяпа и весь кутокъ ставъ Цяпівка.

А ще, якъ їхати на Кальніболота, то, одъ города верстовъ пять, стоить камень *Писанка*, що сині поставили колісь надъ

изъ Бердичева, что ли, и поселяется возлѣ Погибной. Вотъ и призываютъ его къ себѣ паны: »Какъ тебя зовутъ?« — »Олійникъ.« — »Нѣтъ, надобно тебѣ дати другое прозвище, чтобъ твои господа не взяли тебя оттуда.« (1) — »Да вѣдь я«, говоритъ, »господа, поселился на такихъ *кучугурахъ* (2), что ко мнѣ нѣтъ никакого доступа.« — »Ну, будь же ты Кучугуромъ.« И пошелъ онъ называться Кучугуромъ, а потомъ и весь туть конецъ назвался Кучугуровкою.

А по ту сторону рѣчки Звенигородки зовется мѣсто *Цяпівка*. То же было когда-то пустошью, и пришелъ одинъ человекъ съ женой на слободу же и поселился особнякомъ за рѣчкою. Вотъ бывало жена его выйдетъ утромъ изъ хаты и зоветъ курь: *Куръ, куръ! цяпъ, цяпъ!* А люди съ этой стороны бывало смѣются и прозвали того человека Цяпомъ, отъ Цяпа и весь околотокъ началъ называться Цяпівкою.

А еще по дорогѣ въ Кальніболота, верстахъ въ пяти отъ города,

(1) Чтобы выразумѣть это мѣсто, надобно оглянуться на стр. 84 — 86.

(2) Мѣсто, гдѣ горы нагромождены кучами.

батькомъ. Писанка той бувъ родомъ изъ Стебного [дві вереті одъ Звенигородки], старий, дідизний чоловікъ; и такий, кажутъ, бувъ козакъ, що нехай до ёго стреляе, то руку наставитъ да й кулі вертае назадъ. Якъ ще були козаки у старосціни Солтыкової, то вже було безъ ёго не пійдуть гряничитьця, бо не ихъ буде сила. А якъ же Писанка ё, то вже йдуть сміло. Такъ отъ надъ тимъ-то Писанкою и стоить той камінь Писанка.

Изучая воспоминанія нашихъ современниковъ о недавней старинѣ, мы получимъ возможность представить себѣ ясно положеніе дѣлъ въ эпохи отдаленнѣйшія, о которыхъ до насъ дошли только немногія лѣтописныя и архивныя извѣстія, въ смыслѣ живовиси исторіи. Между положеніемъ Западной Украйны въ концѣ прошлаго столѣтія и положеніемъ Украйны Обѣихъ Сторонъ Днѣпра до возстанія Хмѣльницкаго существуетъ параллель, взаимно объясняющая обѣ одна отъ другой отдаленныя эпохи. Напримѣръ, изустные разказы о томъ, какъ въ-старину *граничилися* сосѣди помѣщики, или старосты (что въ этомъ случаѣ значило почти одно и то же) совпадаютъ съ документальными преданіями о пограничной войнѣ Адама Киселя съ Іеремією Вишневецкимъ. Документы объ этомъ у меня въ рукахъ, и я ихъ напечатая въ свое время и въ своемъ мѣстѣ.

стоитъ камень *Писанка*: когда-то сыновья поставили его надъ отцомъ. Писанка тотъ былъ родомъ изъ Стебного [въ двухъ верстахъ отъ Звенигородки], старий, дѣдовскихъ временъ человекъ, и такой былъ козакъ, что ты стрѣлай въ него, а онъ руку подставитъ и возвращаетъ тебѣ пули. Когда еще служили козаки у жены старосты, Солтыковой, то бывало безъ него никогда не выступятъ драться съ сосѣдами за границу: не на ихъ сторонѣ будетъ сила. А съ Писанкой идутъ смѣло. Такъ надъ тѣмъ-то Писанкой и стоитъ тотъ камень Писанка.

ПОГРАНИЧНІЯ СХВАТКИ ЖОЛИЇРОВЪ СЪ КОЗАКАМИ. (*)

Єсть десь рѣчка Жовтѣнька. То по одну стѣрону, на заходъ сонця, стояли жовніри, а протівъ сонця стояли Запорѣзці. Пійдутця було въ шинкъ на дешѣву горілку. То жовніри, а то козаки; у рядѣ сидять собі. Та якъ нап'ютьця горілки, то й заведутьця битьця за грانیцю, та часомъ котѣрий котѣрого й зарубає. А далі вже такъ завелісь, що стали й дуже битьця, и проженуть бувало жовнірівъ ажъ геть за слободу, а въ слободі позабірають усє та й вернутця. То жовніри просіли короля, щобъ поставлено імъ півну грانیцю. Отъ король и каже козакамъ: »Приженіть тихъ жовнірівъ ажъ у Варшаву.« Отъ вони якъ пригнали, то король и каже отаману: »Чимъ тебє наградить? Отъ тобі награда: де побачишь Жйда, або багатаго мужика, то печі й дері.« Такъ оттогді-то бувъ Нечай и Хмельницький.

Отбросивши въ этомъ преданіи конецъ, въ которомъ грубѣйшій смыслъ гайдамачества смѣшанъ съ неясными воспоминаніями

(*) *Переводъ.*—Єсть гдѣ-то рѣчка Желтенькая (Желтыя Воды). На западной сторонѣ стояли *жоліѣры* (Польскіе солдаты), а на восточной Запорожцы. Соберутся бывало въ кабакъ на дешевую водку и сидять рядомъ; да нанившиє и начнутъ драться за границу и иного на смерть изрубятъ. Наконецъ ужъ такъ раззадорились, что стали драться не на шутку, и прогонять бывало козаки жоліѣровъ далеко за слободу, а слободу разграбятъ и воротятся. Такъ жоліѣры просили короля, чтобъ опредѣлил имъ точную границу. Тогда король и говоритъ козакамъ: »Гоните жоліѣровъ въ самую Варшаву«, и когда козаки ихъ пригнали, то король и говоритъ отаману: »Чѣмъ тебя наградить? Вотъ тебѣ награда: гдѣ увидишь Жйда, или богатаго мужика, жарь его и грабь.« И вотъ тогда-то были Нечай и Хмѣльницкій.

о Хмільницкомъ, обращу опять вниманіе читателя на параллель между концомъ и началомъ козачества, которая въ немъ высказывается. *Дикое Поле* было ареною борьбы между злоупотребленіями пановъ и реакціею козачества, стоявшаго за равновѣсіе сословія. Чтò разказано здѣсь Дмитромъ Погорѣлымъ въ сбивчивыхъ припоминаньяхъ слышаннаго, то въ думѣ о Ганжѣ Андыбѣрѣ (1) облечено въ поэтическія краски; но объ повѣсти, по характеру событій, могли бы имѣть мѣсто какъ во времена Навляйка, такъ и во времена Зализняка.

Отъ пребыванія моего въ Звенигородѣ въ записной моей книжкѣ остались еще два разказа очевидца о Запорожцахъ, съ помѣткою: »Пасичникъ изъ Кременчуга.« Теперь уже я не могу припомнить, какъ я встрѣтился съ этимъ пасичникомъ; но разказы его не нуждаются въ характеристикѣ разскащика.

1.

ЗАПОРОЖЦЫ НА СВОИХЪ РЫБНЫХЪ ЛОВЛЯХЪ. (*)

Я служивъ два годѣ у Бериславѣ, а тамъ недалѣко рѣбні заводи Запорозькні. То булò якъ прійдешъ у заводъ, то вони тебѣ не стануть питать, щò ти за чоловікъ, а зразу: »Дайте лишъ козаку попоісти, та й горілки чарку піднесіть, бо вінъ, може, зда-лека йдє, то втомівсь.«

(*) *Переводъ.* — Я служилъ два года въ Бериславѣ, а оттуда недалекъ были Запорожскіе рыбные заводы. Бывало, какъ придеши на заводъ, то Запорожцы не спрашиваютъ, что ты за человекъ, а тотчасъ: »Дайте-ка поѣсть козаку и чаркой водки попотчивайте; можетъ быть, онъ пришелъ издалека и усталъ.« А когда поѣшь, то еще ложишь

(1) См. ниже.

Отъ якъ наісісь, то ще ляжъ одпочінь, да тогді вже питають: »Хтò ти такій? Мòже, робòти шугаєшь?»

Отъ и скàжешъ: »Шукаю.«

»Такъ и въ насъ е робòта; приставай!»

То й пристанешъ, и часомъ за місяць рублівъ двадцять заробишь.

А народъ бувъ усе роскошний. Шні такі, що хочъ обідде гни. Ужé вони до себе якого-небудь не приймуть. А ўси довгі, що ажъ за ўши позакладують. У неділю булò зберутця гулять; то багатіі особò, а вбòгні особò. Багатіі й шатеръ собі напнуть и справляють балъ: горілку пьють, у кàрти, а найбільше въ шашки, грають. На кобзі булò лірникъ імъ грає, підобгавши но́ги, а вони танцюють. Пійде булò навпрісядки, то геть обійде — чòртъ знає де. То вже народъ муштрований бувъ! Абò колесомъ пійде... то чòртъ ёго знає, якъ вінъ тамъ кòтитця: зовсімъ якъ колесо! (1)

отдохни, а потомъ уже спрашиваютъ: »Кто ты таковъ? Не ищешь ли работы?» Ну, скажешь имъ: »Ищу.« — »Такъ и у насъ есть работа; приставай къ намъ.« Пристанешъ бывало на работу и иной разъ въ мѣсяцъ рублей двадцать заработаешь.

Народъ былъ, эти Запорожцы, дородный. Шеп у нихъ — хоть ободе гни. Ужъ они въ свое общество какую-нибудь дрянъ не примуть. А усы такіе длинные, что за уши закладывались. Въ воскресенье соберутся бывало гулять: богатые особò, а бѣдные особò. Богатые разобьютъ палатку и дѣлаютъ балъ: водку пьютъ, играютъ въ карты, а всего больше въ шашки. Кобзарь бывало играетъ имъ на кобзѣ, поджавши подъ себя ноги, а они танцуютъ. Пустится бывало въ-присядку, то далеко, чортъ знаетъ какъ далеко, обойдетъ кругъ. Тò ужъ народъ былъ ученый! Или какъ пойдетъ колесомъ кататься... то чортъ его знаетъ, какъ онъ катится: ну, колесо да и только! (1)

* (1) То, что рассказывается здѣсь объ отособленіи богатыхъ и убогихъ, вошло въ пѣснь, напечатанной въ сборникѣ г. Метлинскаго, на стр. 449.

Тёмна хмѣра наступає, ставъ дощикъ птти,
Благослові, отамане, намѣть напаяті!

2.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЦЪЛОМУДРІВ. (*)

Росказувала одна старá баба, що, каже, якъ була я дівкою, то, каже, Запорожець ставъ зо мною жартувать. А дрúгий стоить да й каже: »Вражий сину! на що ти зъ дівкою жартуєшь? хибá тобі нема молодиці?»

»Я«, каже, »тільки такъ.«

Да винявъ зъ кишені такú хорóшу шовкóву хустку! да й каже: »На жъ тобі, бисова дівко, носи. Се тобі за тè, що съ тобю пожартовавъ.«

(*) *Переводъ.* — Разсказывала одна старуха, что когда я, говорить, была дѣвушкою, то Запорожець началъ заигрывать со мной. А другой стоитъ и говоритъ: »Вражий сынъ! зачѣмъ ты съ дѣвушкою шалишь? развѣ мало тебѣ молодицъ?» — »Я«, говоритъ, »только такъ.« Потомъ вынулъ изъ кармана такой славный шелковый платокъ! и говоритъ: »Возьми, чортова дѣвка, и носи. Это я за то тебѣ даю, что пошалилъ съ тобой немножко.«

Ой напiali козаченьки червоний наметь.
Беруть вони вино, пиво и солодкий медь.
Усі панi, усі дуки вь намету сiли,
Наше браття сiромашня та й не посмiли,
Взяли кварту меду зь жарту, на дощi сiли.
Иде козачий отаманъ, стало ёму жаль;
Взявъ изь себе голубий жупанъ, намъ наметь напьявъ —
Иде багачъ, та йде дукачъ, пьянь валяетця,
Зь козачького отамана насмiхаетця:
»За що тая голотонька напиваетця!« (Тутъ пропускъ.)
Одинъ веде за чуприну, другой дула бье;
»Не йди туди, вражий сину, де голота пье!«

А вже вь ихъ такъ (разсказывалъ мнѣ *Клима Бiликъ* вь Кумейкахъ), що якъ садовищъ, то садовъ багáтого и вбóтого; а якъ же нi, то й хазяiна по грú-
дяхъ: »Матерi твоiй бiсь! багáтого, такъ и трактуюшь, а менѣ, такъ и нi!«

Такъ какъ я, по поводу исторіи сотника Харка, розказавъ уже о своемъ знакомствѣ съ древнимъ человѣкомъ мѣстечка Смилой, Кондратомъ Таранухою, то, чтобъ не возвращаться къ нему послѣ, завернемъ въ его низенькую хату и послушаемъ его розказовъ.

1.

ЛЕГЕНДА О БОГДАНѢ ХМѢЛЬНИЦКОМЪ. (*)

Хмельницький першый піднявъ гайдамакъ. Написавъ такій листъ, що: »Гей! хтò до мене пристане?« та й назбиравъ козаківъ. Якъ назбиравъ, то й почали різати Ляхівъ и Жидову. А якъ побачить було хорошу пані, абò Жидівку, то змілується та й перехрестить у свою віру. И панівъ перехрещувавъ... Отъ, якъ ставъ воєвать, якъ ставъ воєвать, то повоєвавъ Ляхівъ ажъ по Случь; одіславъ військо додому, а надъ Случчу поставивъ вітряні барабани. Що подмè вѣтеръ, то Ляхи думаютъ, що у козацькому війську въ труби грають, да й бояться йти за Случь. А Хмельницький тимъ часомъ бачить, що багачко ліха наробивъ, та взявъ да й полѣзъ до короля прохати милости. А король нарядивъ одинадцять катівъ у королѣвське платте, а самъ дванадцятий

(*) *Переводъ.* — Хмельницький першый поднявъ гайдамакъ. Написавъ онъ такую бумагу, въ которой сказано: »Эй, ко мнѣ, молодцы!« и собралъ вокругъ себя козаковъ. Собралъ — и давай съ ними рѣзать Ляховъ и Жидовъ. Но когда увидитъ бывало красивую пани, или Жидовку, то умилосердится и перекреститъ въ свою вѣру. И пановъ перекрещивалъ.... Вотъ, какъ принялся воевать, то завоевалъ у Ляховъ землю по самую Случь; потомъ отослалъ войско домой, а надъ Случью поставилъ вѣтряные барабаны. Вѣтеръ подуеъ, а Ляхи думаютъ, что въ козацкомъ войскѣ играютъ въ трубы, и боятся идти за Случь. А Хмельницький между тѣмъ увидѣлъ, что надблалъ бѣды, и полѣзъ къ королю просить милости. Вотъ король нарядилъ одинадцать палачей въ

ставъ. Якъ прилізе Хмельницький до яко́го кáта, зáразъ ё́му го́лову одтя́ть. Отъ же Хмельницький не полізъ и до одно́го кáта, да прýмо до коро́ля. Прилізъ до ё́го рáчки и впа́въ у но́ги. То коро́ль підня́въ ё́го за го́лову та й сказа́въ: »Ой ти, сваво́льнику! бага́цько ти неві́ннихъ ду́шъ занасті́въ!«

2.

ЛЕГЕНДА О МАЗЕПІ І ПАЛІІ. (*)

Мазéпа боявсá Палі́я, щобъ вінъ ё́го не зво́ювавъ, та взявъ ё́го да й заму́ровавъ у стовб́ у та́кий, що тілько мале́ньке вікóнце, а то ввесь заму́рований; и якъ хто подасть у те вікóнце шма́токъ хлѣ́ба, то тілько вінъ и живъ. Отъ, заму́ровавши Палі́я, и ставъ Мазéпа во́юва́ть зъ Царѣ́мъ. А то́гді ще Моско́вськóй землі́ бу́въ тілько оди́нь рука́въ та й го́ді. А се вже тепе́рь та́къ Госуда́рь розжи́вся: давъ Госно́дь милосе́рдний, що позаво́ювавъ со́бі и горо́дівъ, и земе́ль. А то́гді Моско́вськóй землі́ бу́ло тілько та́къ,

королецькое платье, а самъ сталъ между ними двѣнадцатый, и велѣлъ — лишь только Хмѣльницкій прилѣзеть къ которому-нибудь палачу, тотъ-часъ отсѣчь ему голову. Но Хмѣльницкій не полѣзъ ни къ одному палачу, а прямо къ королю. Прилѣзъ къ нему на черверенькахъ и упалъ къ ногамъ. Тогда король поднялъ его за голову и сказалъ: »Ахъ, ты, свовольникъ! много ты невинныхъ душъ погубилъ!«

(*) *Переводъ.* — Мазепа боялся Палия, чтобъ онь его не побѣдилъ, и заложилъ его въ каменномъ столбу, въ которомъ было только маленькое окошечко. Кто-нибудь подасть кусокъ хлѣба въ окошко — тѣмъ только и питался Палий. Засадивши Палия въ столбъ, началъ Мазепа воевать съ Царемъ. А въ то время Московской земли былъ только одинъ рукавъ. Это ужъ теперь такъ Государь разжился: помогъ Ему Господь милосердый завоевать городовъ и земель. А тогда Московской земли бы-

якъ на рукавъ. Отъ зовсімъ уже Мазэпа одоліває Царя. А Царь якъ дочуєсь, що въ такімъ и такімъ містечку замурованъ у стовбъ Палій, заразь, пославъ такихъ, що розруйновали геть чисто той стовбъ. Отъ, якъ випустили Палія, то вінъ ажъ тремтить увесь, такъ ослабъ. То Царь мусивъ прохати у Мазэпи на дванадцять день згоди, поки одхаявъ Палія. А якъ одхаявъ, то Палій сівъ на коня да обѣхавъ кругомъ Мазэпине військо, да якъ поставивъ оттакъ⁽¹⁾ ратище, то імъ здалось, що то лѣсъ стоить. Отъ вони и почали їхати черезъ той лѣсъ, схиляючись; а Палієви козаки давай рубать імъ голови. А Мазэпа постерігъ, що лихо, да якъ ударить у тарабани: »Гей, братці, втікайте, бо ще старій собака живъ!«

Здѣсь кетати привести другую легенду о тѣхъ же лицахъ, записанную мною со словъ П. Е. Чуйкевича, который слышалъ ее отъ чабана близъ Новой Басани, Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи. Въ ней фантастическій элементъ преобладаетъ надъ историческимъ еще въ сильнѣйшей степени, и самыя имена переименованы. Семень Паліі обращенъ въ Степана Плаху, а Мазэпа

ло не больше, какъ рукавъ. Вотъ Мазэпа совсѣмъ одолѣваетъ Царя. А Царь услышалъ, что въ такомъ—то мѣстечкѣ заложенъ въ столбъ Палій, и тотъ-часъ послалъ разорить тотъ столбъ дочиста. Какъ выпустили Палія, то онъ весь дрожитъ, такъ ослабъ. Поэтому Царь принужденъ былъ просить у Мазэпы на двѣнадцать дней перемирія, пока Палій не оправился. А лишь только оправился, — сѣлъ на коня, обѣхалъ кругомъ Мазэпину войско и какъ поставилъ вотъ этакъ⁽¹⁾ копье, то імъ показалось, что то лѣсъ стоить. Вотъ и ѣдутъ они черезъ тотъ лѣсъ наклоняясь, а Палієвы козаки давай рубить імъ головы. Спихватился Мазэпа, что бѣда, и ударилъ въ барабаны: »Эй, братцы, уходите: еще старій песь живъ!«

(1) Тутъ Тарануха протянулъ руку такъ, какъ будто держалъ отвѣсно, упертый въ землю, копье.

являється крестнимъ синомъ царя Петра, Мазепенкомъ. Между г. Чуйкевичемъ и чабаномъ завязался какъ-то разговоръ о старинѣ, и молодой путешественникъ хотѣлъ прислужиться старому пастуху своими книжными свѣдѣніями. Но старикъ не повѣрилъ, чтобъ исторія Мазепи и Палія совершилась такъ просто и попотчивалъ его произведеніемъ народної фантазіи, которому не достаєть только стихотворной формы, чтобы быть эпосомъ.

ВТОРАЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ. (*).

У Мазепи родився синь. Царь Петро бувъ кумомъ. Отъ, якъ ужé булі на підпитку, то Петро и призвавъ до себе козака Степана Плаху. [А той Степанъ Плаха такій бувъ чоловікъ, що знавъ усé, що буде напередъ за сто лѣтъ.]

»Скажи«, каже, »Степане Плахо, що зо мною буде?«

»А отъ що зъ тобою буде, Царю«, каже Плаха: »черезъ тридцять рѣкъ твій хрищеникъ воєватиме на тебе.«

»Брѣшешъ, Степане!« каже Петро: »чи можна, щобъ мое дитя підняло на мене руки?«

Да й звелівъ забить Плаху въ гайдани и посадить у темницю, — не дають ёму ні пити, ні їсти, тилько рѣжокъ зъ тобакою положить біля ёго.

(*) *Переводъ.* — У Мазепи родился сынъ. Царь Петръ былъ кумомъ. Вотъ, когда ужъ подгуляли, Петръ и призвалъ къ себѣ козака Степана Плаху. [А Степанъ Плаха былъ такой человекъ, что зналъ все, что будетъ за сто лѣтъ впередъ]. »Скажи«, говоритъ, »Степанъ Плаха, что со мною будетъ?« — »Вотъ что съ тобою будетъ, Царь«, говоритъ Плаха: »черезъ тридцать лѣтъ твой крестникъ будетъ воевать противъ тебя.« — »Лжешь, Степанъ!« говоритъ Петръ: »можно ли, чтобъ мое дитя подняло на меня руки?« И велѣлъ забить Плаху въ колодки, посадить въ темницу и не давать ему ни пить, ни ѣсть, только положить возлѣ него рожокъ съ табакомъ. »Вотъ«, говоритъ, »тебѣ,

«Отъ же», каже, «тобі, Степане, рижокъ тобаки. Коли твоя правда, то ти въ темниці будешъ жить тридцять лѣтъ одною тобакою; а коли брехня, то згинешъ.»

Посадивъ та й байдуже опісля на того Плаху.

А Мазепенко тимъ часомъ ростє, и, скоро сповнилось єму тридцять лѣтъ, заразъ зібравъ свою ватагу — гайда въ степь! да й забушовавъ. «Гей», каже, «Царю! давай на погулявнє!»

Петро жажнувся: знавъ, що ніякою силою не одоліє. Мазепенко бо сей такий бувъ лѣмусь, що поставивъ пушку на долоні та якъ стрѣливъ изъ Быкова, то досягъ ажъ у Остеръ и розбивъ у Острі церкву. И досі стоить та церква розбита.

Узяли Царя Петра думки та гадки; сумѣ на столиці, не може жадної ради приложити. Коли жъ де взявся старій салдатъ: «А щѣ», каже, «Царю! бачъ теперъ, що правду казавъ Степанъ Плаха?»

«Який Степанъ Плаха?»

«А забувъ христини въ Мазєни? Тамъ Степанъ Плаха тобі

Степанъ, рожокъ табаку. Коли твоя правда, то ты будешь жить въ темниці тридцать лѣтъ однимъ табакомъ; а коли ложь, то погибнешъ.» Посадилъ и позабылъ о Плахѣ.

Между тѣмъ Мазепенко (сынъ Мазєны) растетъ и лишь только исполнилось ему тридцать лѣтъ, тотъ-часъ собралъ свою ватагу — гайда въ степь! и забушеваль: «Эй», говоритъ, «Царь! выѣзжай на погулявнє!» Петръ ужаснулея; зналъ, что никакою силою не одолѣетъ его. Этотъ Мазепенко былъ такой громадина, что поставилъ пушку на ладони да какъ выстрѣлилъ изъ Быкова, то достигнулъ до самого Остра и разбилъ въ Острѣ церковь. И до сихъ поръ стоить въ Острѣ разбитая церковь. Призадумался Петръ, горюетъ, сидя въ столицѣ, не можетъ ничего придумать. Какъ откуда ни возьмись старій солдатъ: «А чтѣ, Царь», говоритъ онъ, «теперь видишь, что Степанъ Плаха говорилъ правду!» — «Какой Степанъ Плаха? — «А развѣ ты позабылъ крестини у Мазєны? Тамъ Степанъ Плаха сказалъ тебѣ, точно въ глазъ попалъ, что

сказавъ, якъ у око вліпивъ, що твої хрищеніхъ черезъ тридцять лѣтъ воєватиме на тебе.»

То Петро ажъ за голову захопивъ: »Заразъ, заразъ випустить ёго зъ темниці!»

Пришли до Степана царські слуги, та якъ глянули на ёго, то ажъ за сѣрце їхъ заколупило. На томү Степану Плясі вже тільки кожа да кости; увесь ажъ мохомъ обрісь, и борода до пояса. Біля ёго рижокъ, тільки въ рижкү вже пүсто. Якъ-би ще днемъ, або двомъ опізнився Петро, то тільки бъ и бачили Степана Пляху.

Отто заразъ розбили на ёмү кайдани, понесли на носилкахъ до Петра, бо кудї вже самому ёмү йти! Принесли до Царя, то Царь ажъ слізми вмівся. »Прости«, каже, »менѣ, Степане, за твою обиду! Пришлось и мині тепѣрь круто: Мазєненко гасѣе по степү та кличе на погулянне.»

То Пляха тогді: »Не журись, Царю; визволю тебе зъ бідї, дай тільки мині вигулятьця на волї.

Отъ и пішовъ гулять. Пѣе дѣнь, пѣе другий, пѣе третій; и якъ вигулявся, то берѣ зъ собою одинадцять козаківъ, а самъ два-

твой крестникъ чрезъ тридцать лѣтъ будетъ воевать противъ тебя.» Тогда Петръ схватился за голову: »Тотъ-часъ, тотъ-часъ выпустить его изъ темницы!»

Пришли къ Степану царскіе слуги, взглянули на него, — у нихъ и сердце заболѣло.

На Степанѣ Пляхѣ уже только кожа да кости; весь онъ обросъ мохомъ, и борода до пояса. Возлѣ него рожокъ, только въ рожкѣ ужъ пусто. Еслибъ еще днемъ, или двумя опоздалъ Петръ, то не застали бы въ живыхъ Степана Пляхи. Тотъ-часъ разбили на немъ колодки и понесли на носилкахъ къ Петру — куда ужъ ему самому идти! Принесли къ Царю — Царь слезами облился. »Прости меня«, говоритъ, »Степанъ, за твою обиду. Пришлось и мнѣ тепѣрь плохо: »Мазєненко разѣзжаєтъ по степи и зоветъ на погулянье.« Тогда Пляха: »Не горюй, Царь, выручу я тебя изъ бѣды, дай только мнѣ оправиться на волѣ.« Вотъ и пошелъ гулять. Пьетъ одинъ дѣнь, пьетъ другой, пьетъ третій; и когда

на́дцятий, та й гайда́ въ степь. Ско́ро забачивъ Мазе́пенкову ва́тагу, за́разъ узявъ та й обѣ́хавъ її круго́мъ. Якъ обѣ́хавъ, то козаки́ Мазе́пенкови мовъ поду́рили и ста́ли оди́нь одно́го коло́ть да руба́ть. А Мазе́пенко навти́кача; а Степа́нь Пла́ха съ козака́ми за ни́мъ. Ско́ро насти́гъ, за́разъ ёго́ и проколо́въ спи́сомъ. Ти́лько то бі́сова тварь! Изожра́въ оди́нь спи́сь, изожра́въ дру́гий, изожра́въ тре́тій, и такъ усі́ одина́дцять спи́сівъ пои́въ; та вже якъ уда́ривъ ёго́ Пла́ха свои́м двана́дцяти́мъ, то́гди вже ёму́ й капу́ть. А по́тімъ узя́въ Степа́нь Пла́ха Мазе́пенка, спали́въ та й по́пелъ по степу́ розвія́въ.

Отъ за то́го-то вра́жого Мазе́пенка розгні́вався дуже́ Царь Пе́трó на Укра́ину. За́разъ шле́ ука́зь, що́бъ руба́ли въ пень у́весь наро́дъ.

Уже́ й ша́блі пови́ймали, що́бъ руба́ть. А тутъ усю́ди въ тру́би та въ жо́ломі́йки сму́тно та жа́лібно вигра́вають, а по церкв́ахъ моле́бні пра́влять, що́бъ одверну́въ Госпо́дь гні́въ царській.

Ажъ ось шле́ Петро́ дру́гий ука́зь: велі́ть всі́мъ го́лови зді́яти́ма́ть.

оправился, беретъ съ собой одинадцать козаковъ, а самъ садится на коня двѣнадцатый, и гайда въ степь! Лишь только увидѣлъ Мазепенкину ватагу, тотъ-часъ и объѣхалъ ее кругомъ. Объѣхалъ — тогда Мазепенкины козаки словно обезумѣли и стали одинъ другого колотъ да рубить. Мазепенко — бѣжать, а Степанъ Плаха съ козаками за нимъ, и лишь только настигнулъ, тотъ-часъ и прокололъ его копьемъ. Да то была бѣсова тварь! Проглотилъ одно копьѣ, проглотилъ другое, проглотилъ третье, и такъ всеъ одинадцать копій переѣлъ; но какъ ударилъ его Плаха своимъ двѣнадцатымъ, тогда ужъ ему и конецъ. А потомъ взялъ Степанъ Плаха Мазепенка, сжегъ и пепелъ развѣялъ по вѣтру.

За того-то окаяннаго Мазепенка разгнѣвался крѣпко Царь Петръ на Украйну. Тотъ-часъ посылаетъ указъ, чтобъ рубили до остатку весь народъ. Уже и сабли вынули, чтобъ рубить. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалобно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ отвратилъ Господь гнѣвъ царскій. Какъ вотъ, посылаетъ

То вже й шаблі поодпускали, та ще такі голівъ не здіймають. А тутъ усюди въ труби та въ жоломійки смутно та жалбно вигравають, а по церквахъ молѣбні правлять, щобъ помиловавъ Господь невинні дѣши.

Коли жъ шле Петро третій указъ: прощає весь народъ. Тоді вже всюди скѣки та музики. Звеселився весь людъ Христіанський.

Легенды объ историческихъ лицахъ и событіяхъ, уклоняясь отъ точныхъ датъ и фактовъ, тѣмъ не менѣ интересны для историка-этнографа, какъ искреннее выраженіе образа мыслей народа и взгляда его на свою собственную исторію. Не принявъ во вниманіе того и другого, мы не проникнемъ въ самыя тайныя причины историческихъ явленій въ Малороссіи и, изображая событія народной жизни, будемъ, такъ сказать, скользить по поверхности. Каждый, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторією Южно-Русскаго племени, согласится, что записанныя мною легенды и преданія во многихъ мѣстахъ болѣе или менѣ противорѣчатъ тѣмъ понятіямъ о здѣшнемъ народѣ, которыя онъ составилъ въ своемъ умѣ по сочиненіямъ лѣтописцевъ ⁽¹⁾ и историковъ. Народъ какъ-будто стоить въ сторонѣ и смотритъ на свою исторію (или на то, что называютъ его исторією), какъ на что-то внѣ его происходящее. Душа его всегда остается спокойною, о чемъ

Петръ другой указъ: велитъ всѣмъ головы снимать. Уже и сабли отпустили, но всё еще не снимаютъ головы. А тутъ вездѣ на трубахъ да на свирѣляхъ печально и жалбно играютъ, а въ церквахъ молебны служатъ, чтобъ Господь помиловавъ невинныя души. Наконецъ посылаетъ Петро третій указъ: прощаетъ весь народъ. Тогда ужъ всюду танцы да музыка. Возрадовался весь людъ Христіанскій.

(1) Не такихъ, разумѣется, какъ Самовидецъ, этотъ Несторъ Малороссійской исторіи.

бы ни рассказывалъ онъ въ своихъ преданіяхъ. Вы не замѣтите въ немъ ни тѣни политическихъ страстей, волновавшихъ такъ долго Малороссію. Онъ даже не сохранилъ чувства, которое можно бы назвать героическимъ. Онъ простодушно славить сильнаго, онъ смиренно клонитъ голову передъ всякою бурею въ родѣ той, какую воздвигла его фантазія въ легендѣ чабана о Мазепѣ и Палии, и часть своего спасенія отъ Бога, а не отъ людей. Какъ все это произошло въ немъ? Ужъ конечно не отъ упадка моральныхъ силъ, ибо самыя сказанія и пѣсни его о самомъ себѣ исполнены поэтической свѣжести, показывающей, что это племя находится еще въ періодъ возможности высокаго нравственнаго развитія. Состарѣлости въ немъ вовсе незамѣтно. Откуда же на почвѣ, сплошь напоенной кровью, усѣянной костями, стрѣлами и «переколотыми шаблѣками», явилось племя такъ глубоко спокойное, хотя въ то же время оживленное неослабнымъ стремленіемъ къ лирическому выраженію своего настоящаго и эпическому — былого? Подобные вопросы неизбежно должны возникнуть въ умѣ этнографа въ слѣдствіе изученія изустной словесности Малороссійскаго народа, а возникнувъ, они поведутъ его къ новому пересмотру всего, что ни происходило въ Малороссіи. Восходя въ старину по доступнѣйшимъ для нашего изслѣдованія явленіямъ, мы мало-помалу разложимъ массу Южно-Русской исторіи на ея элементы, увидимъ взаимное дѣйствіе ихъ одного на другой и въ потемкахъ старины не останемся безъ свѣточа. Этимъ свѣточемъ будетъ для насъ современность. Только она, обнятая со всѣхъ сторонъ, поставитъ насъ въ возможность постигнуть подлинную, прямую жизнь народа въ его прошедшемъ, въ связи съ жизнью политической, которая, находясь подъ условіями жизни народной, въ свою очередь оказываетъ на нее болѣе или менѣе замѣтное вліяніе.

Есть у меня еще одна легенда о Мазепѣ и Палии, записанная въ селѣ Кумейкахъ, между Каневомъ и Черкасами, отъ глубокаго старика, *Клима Білика*. Въ ней Царь Петръ омалороссія-

нень народнымъ воображеніемъ еще болѣе, нежели въ двухъ первыхъ, и ни одной чертой не отчужденъ отъ родныхъ героевъ.

ТРЕТЬЯ ЛЕГЕНДА О МАЗЕПѢ И ПАЛИИ. (*)

Бувъ-то такой Мазепа, такой-то гетьманъ, що и Царь ёго батюшкою звавъ. А Кочубеи да Пскра довідались, що вінъ хоче зъ Шведомъ бити на восточного Царя, та и пішли до Царя до восточного: »Эй«, кажутъ, »Царю восточный! хоче Мазепа на тебе битъ.«

А Царь не понявъ віри. »Чи можна«, каже, »щобъ вінъ на мене бивъ?«

Отъ же и въ пісні співають :

»А Царь«, каже, »віри не понявъ
Та назадь ихъ одіславъ.« (1)

Тільки що вони одішли, ажъ біжить гонецъ до Царя: »Становиця«, каже, «на баталію, ато Мазепа битиме на васъ!»

(*) *Переводъ.* — Былъ когда-то гетманъ Мазепа, котораго и Царь называлъ батюшкой. А Кочубей съ Искрой узнали, что онъ хочетъ воевать съ Шведомъ противъ восточнаго Царя и пошли къ Царю восточному: »Гой ты, Царь восточный!« говорятъ они, »хочетъ Мазепа воевать противъ тебя.« Но царь имъ не повѣрилъ. »Можно ли«, говоритъ, »чтобъ онъ противъ меня воевалъ?« Поэтому и въ пѣснѣ поютъ :

А Царь віри не понявъ
Та назадь ихъ одіславъ. (1)

Только-что они отошли, какъ скачетъ гонецъ къ Царю: »Готовьтесь къ битвѣ«, говоритъ: »Мазепа на васъ ударить!« Царь изумился :

(1) Пѣсня эта напечатана во второмъ сборникѣ г. Максимовича, 1834 года, стр. 110 — 111.

То Царь тоді зумівся. »Біжи жъ«, каже, »чи не наженешъ їхъ! біжи якъ можна, щобъ вінъ їхъ не потративъ!«

Коли жъ приближить, ажъ імъ уже й голови одтіято.

Отó, якъ ставъ битъ Мазéпа на Царя, то Богъ знае, що й робить. Ажъ на розділь на церкву постягувавъ у Бату́рині пушки да бивъ. Такъ избивъ, що вже — каже козацьк⁽¹⁾ — такъ наше військо завертілося, що пропада́ть да й тільки!

Царь бідкаетця. »Чи нема«, каже, »въ нашому царстві такого чоловіка, щобъ знавъ, якъ одолить Мазéпу? Нехайъ обзи́ветця«, каже, »бу́ду жаловать ёго.«

А оди́нь старий Запоро́жець осміливсь та й каже: »Пийду я до Царя та й скажу, що у насъ ёсть такий, Палій Семéнь.«

[А пер́вый Императоръ такий жорстокий бувъ, що тільки збрешй, то й го́лову зніме.]

Та й пішовъ.

»А чо́го ти«, каже, »коза́че, прийшовъ?«

»Прийшовъ«, каже, »я, Царю, пора́дить тебé, що ёсть у насъ такий чоловікъ, Семéнь Палій. Вінъ одоле́ Мазéпу.«

»Скачи«, говорить, »велѣдъ за ними! сѣвши какъ только можно, ато онъ ихъ погубить!« Прискакалъ гонецъ, а имъ ужъ головы отсѣкли.

Вотъ, какъ началъ Мазéпа воевать противъ Царя, то Богъ знаетъ что и дѣлать. Въ Бату́ринѣ встачилъ онъ пушки на самый *раздѣль* на церковь и всё стрѣляетъ. Такъ избилъ, что — говоритъ козацьк⁽¹⁾ — наше войско совѣмъ завертѣлось; погибать да и только. Царь безпокоится. »Нѣтъ ли«, говоритъ, »въ нашемъ царствѣ такого чело́вѣка, который бы зналъ, какъ одолѣть Мазéпу? Пустьъ обозвется«, говоритъ, »я его пожалую.« Тогда оди́нь старий Запоро́жець осмѣлился и говоритъ: »Пойду я къ Царю и скажу, что есть у насъ такой чело́вѣкъ — Палій Семéнь.« [А пер́вый Императоръ былъ такой строгій, что только солги, то и голову сниметъ.] И пошелъ. »А зачѣмъ ты, козацьк, пришелъ?« говоритъ Царь. — »Пришелъ я, Царь, посоветовать тебѣ, что

(1) Отъ котораго слышалъ это преданіе разскащикъ.

А Царь каже: »Нема Палія, страчений.«

»Ни, Царю, живъ, тилько на Сибѣрі.«

Отто послали по ёго пошту таку ѳгненну, що й птиця не злетить. Примчали до Царя: »Эй«, каже, »Палію, Палію Семѣне! ѳтъ царство втратимъ!«

А вінъ каже: »Не бійсь, коли я заду, то ще буде по-нашому.«

Ото заразь ёму істи.

»Ні«, каже, »нехай задзвонять до служби Бѳжої« (1)

»Теперъ«, каже, »давайте мині коня!«

Пішовъ до стані, такъ не доберѣ собі коня. Струснѣ за гриву, то такъ и впадѣ. »Ні«, каже, »Царю, нема въ тебѣ тако́го коня.«

А Царь розгнівавсь: »Якъ-то нема? я Царь, та нема въ менѣ коня для тебѣ?«

у насъ есть такой человекъ — Семень Палій. Онъ одолѣеть Мазену.«

А Царь говоритъ: »Палія нѣтъ ужъ на свѣтѣ.« — »Нѣтъ, Царь, онъ живъ, только въ Сибири.«

Вотъ послали за нимъ огненную *почту*, быстрѣе птицы. Примчали Палія къ Царю: »Эй, Палій Семень!« говоритъ Царь, »вотъ потеряемъ царство!« А онъ говоритъ: »Не бойся, какъ *заду*, то еще будетъ по нашему.« Тотъ-часъ дали ему поѣсть. »Нѣтъ«, говоритъ онъ, »пускай сперва благоѳсвятятъ къ Божіей службѣ.« (1)

»Теперъ«, говоритъ, »давайте мнѣ коня!« Пошелъ въ конюшню — не можетъ найти по себѣ коня. Встряхнетъ за гриву — конь такъ и повалится. »Нѣтъ«, говоритъ, »у тебя, Царь, нѣтъ по мнѣ коня.« Царь разсердился: »Какъ нѣтъ? я Царь, и у меня нѣтъ для тебя коня?« —

(1) Точками отдѣленъ здѣсь одинъ моментъ дѣйствія отъ другого. Разскащикъ не счелъ нужнымъ говорить о томъ, что само собою разумѣется, т. е. что желаніе Палія было исполнено, и онъ молился въ церкви.

»Нема́«, ка́же. »Пусти́ть мене́ въ козацьке військо, то я собі виберу коня́.«

Пійшовъ у козацьке військо; гляне, ажъ ёго конёмъ воду везу́ть. Вінъ ажъ заплакавъ: »Я«, ка́же, »въ неволі, и кінъ мій у нево́лі!«

Сівъ на коня́, то кінъ підъ нимъ, такъ якъ орель!

»Теперъ«, ка́же, »пої́дмо, Царю, у Мазэpine військо, то почу́емъ, що́ про тебе́ говорять.«

А Палій такий лінаръ бувъ, що не вольшебствомъ, а а́нгельскимъ чино́мъ во́єва́въ, — такий, що їздить по чужо́му війську — ніхто́ ёго й не ба́чить; а якъ гляне ко́му въ вічі, то зъ-ро́ду не відержить.

Поїхали, ажъ сидять у на́меті трое́: Мазэпа, Шве́дь и Турецький Баша́, та й ка́жуть: »Оце́ зоб'ємо́ усе́ ёго́ військо та й ца́рство ёго́ на-трое́ розділи́мъ.«

»Бачь«, ка́же, »Царю, що́ говорять!«

Мазэпа жъ и Турецький Баша́ не ба́чили Царя́ зъ Палі́емъ, а Шве́дь постері́гъ, що́ се щось не певне, та й ви́стреливъ на Палі́я зъ рушні́ці.

Такъ Палі́й оберну́въ до Царя́ та й ка́же: »Якь-би́ не старá шку́ра, то бь, мо́же, й пробивъ би. Вра́жній синь и се́ до́брий!«

»Нѣту«, говорить Палій. »Пустите меня въ козацкое войско, такъ я выберу по себѣ коня.« Пошелъ Палій въ козацкое войско, смотритъ — его конь везетъ воду. Онъ и заплакалъ: »Я«, говоритъ, »въ неволѣ, и конь мой въ неволѣ!« Но какъ сѣлъ онъ на коня, то конь подъ нимъ — словно орель! »Теперь поѣдемъ, Царь, въ Мазенино войско, такъ услышишь, что́ про тебя говорятъ.« Поѣхали, смотрятъ — сидятъ въ палаткѣ втроемъ Мазэпа, Шве́дь и Турецкій Паша́ и говорятъ: »Истребимъ все его войско и царство между собой раздѣлимъ.« — »Видишь, Царь, что́ говорятъ!« Только Мазэпа и Турецкій Паша́ не видѣли Царя́ и Палія, а Шве́дь смекнулъ, что́ это что́-то неспроста и выстрѣлилъ по Палію изъ ружья. А Палі́й повернулся къ Царю́ и говоритъ: »Еслибъ не старая кожа, то, можетъ, и пробилъ бы. Хорошъ и этотъ бестія.«

Гдуть звідти уже, а Запорозці сидять да въ карти гуляють.

А Палій каже: »Здорові, пані молодці! чи будемо битця, чи будемо миритьця?«

А одинъ Запорожець каже: »Се Палій поїхавъ!«

»Дѣ тобі«, кажутъ, »у чорта той Палій тутъ буде!«

Коли жъ вінъ уїхавъ у своє військо, та й клейноди свої виставивъ. Такъ вони й похолонули.

А Мазепа одъ Палія бувъ навчѣнь (1). Такъ Царь каже: »Що жъ, Палію? ти єму нічого не зробишь, бо й вінъ одъ тебе навчѣнь.«

»Ні«, каже, »Царю, хочъ вінъ и навчѣнь одъ мене, да я єму не сказавъ усієї правди.«

Отъ и взявъ зарядать пушки нахрестъ: та туді, а та туді; та туді, а та туді. »Теперъ«, каже, »стреляйте, то не багато зостанетця.«

Якъ ударили жъ, то такъ якъ биліна на пожаріщі зостанетця, то такъ съ того війська зосталося. Отъ и погналі Мазепу...

Бдуть уже оттуда, а Запорожцы сидятъ и играютъ въ карты. »Здравствуйте, паны молодцы!« говоритъ Палію. »Что, будемъ бится, или мириться?« А одинъ Запорожець говоритъ: »Это Палію поѣхалъ!« — »Кой чортъ Палію быть здѣсь!« Какъ тутъ онъ вѣхалъ въ свое войско и знаки свои выставилъ. Они такъ и обмерли.

А Мазепа былъ *научень* Паліемъ (1), а потому Царь и говоритъ: »Что же, Палію? тебѣ съ нимъ не справиться: вѣдь ты самъ его научилъ.« — »Нѣтъ, Царь«, отвѣтилъ Палію, »хоть я и научилъ его, да не всему.« И началъ зарядать пушки накрестъ, одну сюда, а другую туда, одну сюда, а другую туда. »Теперь«, говоритъ, »стрѣляйте; немного ихъ останется.« Выпалили изъ пушекъ, и осталось отъ того войска столько, сколько остается травы послѣ пожара. Вотъ и погналі Мазепу...

(1) *Научень* здѣсь значитъ научень *характерствоу*, то есть чародѣйскому искусству воевать.

Такъ хотівъ Царь за Мазэпу усю Гетьманщину вигубить, да ото й каже Палію, якъ уже побіли Мазэпу: »Ну, теперъ, Палію Семéне, чого ти одъ менé хочешъ? чи великого панства, чи злата, чи що?»

А вінъ каже: »Що жъ, Царю? я б́уду просить тебе объ одну ричъ; подаруй мині!»

»Що такé? кажі.»

»Не плюндруй«, каже, »Гетьманщини.»

»Ну«, каже, »дóбре; для тебе дарую.»

Наши историки почти такъ же неясно понимали обстоятельства, въ которыхъ жилъ и д́йствовалъ Палій, какъ и простолюдины. Виною тому, между прочимъ, недостаточное знакомство наше съ Польскою литературою, въ которой, независимо отъ ошибочныхъ иногда взглядовъ на событія, изображено множество обстоятельствъ, вводящихъ историка въ познаніе д́йствительнаго положенія вещей. Недавно Эдуардъ Руликовскій напечаталъ въ Варшавѣ прекрасную монографію Васильковского у́езда (Opis Powiatu Wasylkowskiego), въ которой приведено, между прочимъ, двѣ-три страницы изъ записокъ Отвиновскаго ⁽¹⁾, проливающія свѣтъ на обстоятельства, способствовавшія появленію въ исторіи такой личности, какъ Палій. Онѣ согласны съ т́мъ, что мною высказано выше, на стр. 84 — 85, о заселеніи праваго берега Днѣпра послѣ *руїны* и *збóну*. Палій у Отвиновскаго является колонизаторомъ

Царь за Мазэпу хотѣлъ опустошить всю Гетманщину и когда ужъ разбили Мазэпу, — говоритъ Палію: »Ну, Палій Семень, чего ты отъ меня хочешь? высокихъ почестей, богатства, или чего другого?« А онъ говоритъ: »Нѣтъ, Царь: я попрошу тебя объ одномъ дѣлѣ; исполни это.« — »Что же такое?« — »Не опустошай«, говоритъ, »Гетманщины.« — »Ну«, говоритъ Царь, »быть по твоему!«

(1) Pamiętniki Otwinowskiego.

опустошенной войною страны, — такимъ точно, каковы были въ Украинѣ Польскіе старобы, съ своими «губернаторами, экономами, лѣсничими» и другими *офиціалистами*, или помѣщики, владѣвшіе землею по праву наслѣдства и пожалованія. Разница только въ томъ, что его право владѣть населенными имъ землями должно было прекратиться съ окончаніемъ Турецкой войны, какъ читатель увидитъ изъ слѣдующаго разсказа Отвиновскаго.

»Во время Турецкой войны, когда король Янъ III освобождалъ изъ-подъ Турецкаго ига Брацлавскую Украину, уступленную Туркамъ по договору 1686 года, — козаками, участвовавшими въ этой войнѣ, предводительствовали Палій. Король Янъ III утвердилъ его въ этомъ начальничествѣ и, сверхъ того, подъ условіемъ военной службы съ извѣстнымъ числомъ козаковъ въ эту компанію, позволено было ему *осадить* (заселить) пустыя Хвастовскія земли, принадлежавшія Кіевскимъ епископствамъ, и пользоваться всякими доходами до самого окончанія войны съ Турками. Дѣйствительно Палій, во все продолженіе этой войны, въ точности выполнилъ возложенную на него обязанность, то приводя по нѣскольку тысячъ козацкаго войска въ генеральный лагерь, то истребляя, зимою въ Подоліи на переправахъ, хищныхъ Татаръ. Не смотря на то, по окончаніи войны, Рѣчь Посполитая, не нуждаясь болѣе въ службѣ Палія противъ Турокъ, потребовала возвращенія Хвастова. Но Палій, не слушаясь гетманскихъ повелѣній, не только не хотѣлъ возвратитъ Хвастовскихъ земель, но овладѣлъ еще и другими, сосѣдними землями, изъ которыхъ позволялъ великимъ панамъ брать едва малую часть доходовъ; свои же доходы употреблялъ на содержаніе козаковъ. Почему на мирномъ сеймѣ 1699 года опредѣлено отобрать у Палія эти имущества силою оружія. Въ то время Кіевскій епископъ, Гомолинскій, выслалъ двоихъ своихъ духовныхъ для отобранія у Палія своихъ земель. Палій посадилъ ихъ сперва подъ стражу, а потомъ прогналъ изъ Хвастова, говоря, что онъ «поселился въ вольной козацкой Украинѣ, на которую Рѣчь Посполитая не имѣетъ никакого права, а имѣетъ право только онъ, какъ истинный

«козака и гетманъ козацкаго народа.» Гетманъ Яблоновскій приказалъ генералу Брандту, стоявшему въ Бѣлой Церкви, схватить Палія и представить къ нему. Брандтъ прислалъ нѣсколько чело-вѣкъ, которые спрятались въ лѣсу возлѣ пасикъ, а въ Хвастовѣ отправили одного Жида, чтобы онъ, торгуя у Палія медь, выма-нилъ его изъ города къ пасикамъ. Но эта хитрость не удалась, ибо Палій, подгулявъ на то время, остался самъ въ городѣ, а къ пасикамъ выслалъ своего пасынка, Семашка. Когда онъ былъ уже въ четверти мили отъ Хвастова, одинъ изъ пасичниковъ далъ знать Палію о засѣвшихъ въ лѣсу людяхъ, которые закрыли себя и своихъ лошадей вѣтвями. Узнавъ объ этомъ, Палій тотъ-часъ послалъ къ Семашку хлопца съ предостереженіемъ о засадѣ. Се-машко въ ту же минуту отрубилъ на полѣ Жида голову и, воз-вратясь какъ можно скорѣе въ городъ, сдѣлалъ вылазку съ нѣ-сколькими сотнями конницы и истребилъ притаившихся въ лѣсу Брандтовыхъ рейтаръ. Послѣ этого происшествія, гетманъ Ябло-новскій немедленно выслалъ вторично къ Хвастову 4,000 войска; а Палій велѣлъ жителямъ окрестныхъ мѣстечекъ и деревень съ женами и дѣтьми уходить въ Хвастовъ и сдѣлалъ ниже стараго города пригородокъ, въ который было ввезено множество хлѣба въ снопахъ и сѣна и сложено въ скирды на случай долгой осады. Но когда *кварцянное* войско подступило и пришелъ на другую ночь съ двумястами гренадеръ оберстерлейтенантъ Гольцъ и зажегъ гранатами скирды въ пригородкѣ, гдѣ и козаковъ много погибло, Палій черезъ нѣсколько дней окупился, выдавши нѣсколько бо-чекъ денегъ гетманамъ, а Польское войско оставлено зимовать по мѣстечкамъ около Хвастова.»

Этотъ послѣдній фактъ сомнителенъ. Еслибы Яблоновскій снялъ осаду за деньги, то не располагалъ бы своего войска на зимнія квартиры вокругъ Хвастова. Гораздо вѣроятнѣе, что По-ляки, будучи не въ силахъ ничего сдѣлать съ осажденными, ста-рались овладѣть по крайней мѣрѣ не-Хвастовскими имѣніями, при-знававшими власть Палія, и заняли ихъ своимъ войскомъ. Но и въ этомъ они не успѣли. Палій вездѣ ихъ колотилъ, прогналъ

изъ подвластныхъ себѣ селъ и въ 1702 году овладѣлъ Бѣлою Церковью, по праву «истиннаго козака и гетмана козацкаго народа». Только подозрительная зависть Мазепы сокрушила этого полудикаго *мицаря*, посмѣвавшагося безсилію Польскихъ правителей и, въ предѣлахъ полуразрушеннаго ихъ государства, создавшаго нѣчто въ родѣ независимаго княжества. Палій, по словамъ его современника Самоила Величка, желая быть подъ властью Русскаго Царя, «склонялся подъ рейментъ Мазенинъ, прїѣздячи до него въ Батуринъ съ праздничными привѣтствами и отъ него розные отбираючи подарунки» (1). Въ одно изъ такихъ посѣщеній онъ былъ схваченъ Мазепою и обвиненъ передъ Царемъ Петромъ въ намѣреніи подражать Богдану Хмѣльницкому не только относительно Поляковъ, но такъ-же и Русскихъ. Заключение его въ темницу, ссылка въ Сибирь и потомъ появленіе на Полтавскихъ боевыхъ равнинахъ воспыты въ прекрасныхъ пѣняхъ и думахъ, доказывающихъ, что Палій обладалъ свойствами, привлекающими любовь народа, и составлялъ противоположность съ нелюбимъ ему Мазепою....

Однакожъ онъ отвлекъ насъ далеко въ сторону отъ разказовъ Таранухи.

Гайдамакъ Тарануха не могъ видѣть самъ, но долженъ былъ слышать о нихъ преданія очевидцевъ. Къ сожалѣнію, на этотъ разъ онъ могъ припомнить только немного, такъ какъ теченіе бесѣды не навело его на обстоятельства, съ которыми въ его памяти вязались разказы старожилонъ. Выписываю изъ дорожнаго моего альбома и это немного, продолжая прерванную нумерацію.

(1) Лѣтопись Самоила Величка, т. II, стр. 550.

ПОХОЖДЕННЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ СМІЛОЙ. (*)

Гайдамаки драли Смілу разівъ три, чи що. У первий разъ якъ прийшли, то пані заховалась у лѣху, а панна у грѣбі; тільки панну такі знайшли и замокъ розграбили. А потімъ узали панну и хлопця Оедірку та вивели ажъ до Курілової могили, а тамъ ватажко змїловавсь та й каже: »Иди жъ, панно, та моли за мене Бѣга, атѣ-бъ ти на сій могілі полягла!«

И хлопця Оедірку пустили. А се було зимѣю. Панна жъ такі хочъ у черевичкахъ бігла по снѣгу, а Оедірка босий.

А въ другий разъ приходивъ ватажко Вовчѣкъ, та й ставъ коло Костянтінова, у Шолудьковімъ садкѣ; душъ їхъ десятокъ тільки. Стоить вінъ тамъ, а повкѣ Поляківъ, почувши, що тутъ гайдамаки зібрались, притягнувъ ажъ изъ Білої Цѣрки та й наткнувъ на той садѣкъ. А Вовчѣкъ якъ вискочить звідти, то жовніри назадъ!

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили Смілу раза три, или больше. Когда пришли они въ первый разъ, то пані спряталась въ погребѣ, а панна въ печкѣ; но панну гайдамаки всё таки отыскали и замокъ разграбили. А потомъ взяли панну и мальчика Оедорку и вывели къ самому Курилову кургану; тамъ отаманъ умилосердился надъ ними и говоритъ: »Ступай, панна, да моли за меня Бога, а не будь это я, то лежать бы тебѣ на этомъ курганѣ.« И мальчика Оедорку отпустили. А было это зимою. Панна по крайней мѣрѣ въ башмачкахъ бѣжала по снѣгу, а Оедорка босикомъ.

А въ другой разъ приходилъ въ Смілу отаманъ Вовчѣкъ и остановился возлѣ Константінова, въ Шолудьковомъ садикѣ; было съ нимъ только человекъ десять. Стоить онъ тамъ, а отрядъ Поляковъ, услыхавъ, что тутъ собрались гайдамаки, пришелъ изъ самой Бѣлой Цѣрки да и наткнулся на этотъ садикъ. Вдругъ Вовчѣкъ выскакиваетъ оттуда. *Жоліверы* назадъ. А Вовчѣкъ былъ и самъ маленькаго росту — только

А Вовчóкъ той и сáмъ невеличкий — тілько плечистий шéльма — и на невеличкому кóнику, та якъ узявъ їхъ гнать, то такъ рáтищемъ и на той, и на той бiкъ їхъ и кладé. А на ёму бувъ кажанóкъ⁽¹⁾; то зъ-пiдъ того кажанка кровь такъ и летця, що по рáтищу бiжить у рукавъ. Та якъ догнавъ до Смiлянської грéблi и вони вскочили въ Смiлу, тогди вернóвсь та й кáже: »Отáкъ Вовчóкъ! женé Ляхiвъ повчóкъ!«

Этотъ разсказъ напомнилъ прiятелю Таранóхи, бондарiю, кое-что изъ слышаннаго имъ о гайдамакахъ, и онъ принялъ нить исторической нашей бесéды такимъ образомъ:

ВСТРÉЧА ПАСИЧНИКА СЪ ГАЙДАМАКОЮ. (*)

Роскáзувавъ минi одинъ дiдъ, що — кáже — сижú я въ пасiцi, коли жъ чортъ несé бурлаку. Увёсь обшáрпаний.

»Здорóвъ, дiду!«

»Здорóвъ!«

»А щó бóдемо робiти? давай на сорочки мiнiятьця!«

Я вже злякáвсь. »Давай«, кажú.

плечистая бестiя — и на маленькомъ конé. Какъ принялся онъ гнать ихъ, то на обé стороны копьёмъ такъ и кладетъ. На немъ былъ *кажанóкъ*⁽¹⁾, изъ-подъ котораго такъ и льется кровь, чтó текла по копыю въ рукавъ. Пригналъ къ Смiлянской плотинé, они вскочили въ Смiлу, а онъ воротился и говоритъ: »Вотъ такъ Вовчóкъ! гонитъ Ляховъ полчокъ!«

(*) *Переводъ.* — Разсказывалъ мнé одинъ старикъ: Сижó я, говоритъ, въ пасикé, какъ и несетъ нечистый ко мнé бурлака. Весь оборванный. »Здорово, старикъ!« — »Здравствуй!« — »А чтó будемъ дéлать? давай мéняться рубашками!« Я ужъ испугался. »Давай«, говорю,

(1) Родъ куртки, или полукафтанья изъ кожи.

— Оддавъ ёму сорочку.

Вінъ скінувъ тее рямъе, надівъ сорочку: »Давай и штаны!«

Оддавъ я и штаны.

»Давай, діду, меду!«

Я — каже — ажъ тремчю весь зъ переляку. Пішовъ, одрі-
завъ ёму забочень такого вже гарного, гречаного!

Вінъ наївсь та и каже: »Чи ти, діду, знаєшь Вовчу Гать?« (1)

»Знаю.«

»Отъ же«, каже, »тамъ е пенёкъ дубовий, обшморганий ко-
лесама. То ти завтра встань до сходу сонця, та пійди туди, та
одлічй три ступні, и вікопашь тамъ грощі. Ото тобі за те, що
ти менé приодівъ и нагодовавъ.«

Пішовъ я на другій день, ажъ справді повнісинький улень са-
михъ пятаківъ!

Понравилея Кондрату Таранухъ пріятельській разеказъ. Онъ
пожалѣлъ, что съ нимъ никогда не случилось ничего подобного
тому, что съ пасичникомъ, и какъ-то невзначай припомнилъ еще
кое-что о гайдамакахъ, а именно:

и отдалъ ему свою рубашку. Онъ сбросилъ свое лохмотье, надѣлъ ру-
башку. »Давай и штаны!« Отдалъ я и штаны. »Давай, старикъ, со-
товъ.« Я, говоритъ, весь дрожу отъ страха. Пошелъ и вырѣзалъ ему
сбоку въ ульѣ самыхъ лучшихъ, гречневыхъ сотовъ. Онъ поѣлъ и гово-
ритъ: »Знаешь ты, старикъ, Волчью Гать?« (1) — »Знаю.« — »Тамъ«,
говоритъ, »есть дубовый пенё, обтертый осами. Встань завтра до восхода
солнца, поди туда, отсчитай три шага и выроешь деньги. Это тебѣ за то,
что ты меня приодѣлъ и накормилъ.« Пошелъ я на другой день — въ са-
момъ дѣлѣ полнехонькой улей чистыхъ пятаковъ!

(1) Въ Черкасскомъ уѣздѣ, близъ села Дубівки.

4.

О ГАЙДАМАКЪ ШВАЧКЪ. (*)

Гайдамаки дёрли народъ роківъ, мѳже, зъ дѳсять, ажъ поки мандебурія (¹) стáла. Тогдѳ стѳйчики, що зáмгу стереглѳ, и заступали ихъ оттутъ у лѳзахъ. А колѳямъ ничимъ стрелáть, — кўль немá; то оцѳ вѳрѳже зъ лозѳ та й хрѳстикъ нариже, та й стрелáе. Швáчка ими доводивъ. Есть про ёгѳ й пѳсня. Колѳ хѳчете, то й заспѳваю:

Ой на козáченькѳвъ, ой на Запорѳзцѳвъ та пригѳдонька стáла:
Ой у сѳреду та й у обѳднѳй часъ ихъ Москвá забрáла.
Крѳкнувъ Швáчка та на осаўлу: »Изъ кѳней додѳлу!
Охъ и не дáймося, панѳве молѳдци, ми Москалямъ у неволѳю!
Москáлики ўмнѳ, Москалѳ розўмнѳ, рѳзуму добрáли:
Ой наперѳдъ Швáчку изъ осаўлою до-кўпи звязáли.
Охъ извязáли и попаровáли й на возѳ покáли,

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки грабили народъ лѳтъ, можетъ, десять, пока не установилась *мадебургія* (¹). Тогда замковая стража и захватила ихъ здѳсь въ лѳзахъ. А у разбойниковъ пуль не было, нечемъ стрѳлять; такъ они рѳжуютъ изъ лѳзы пули, нарѳзываютъ на нихъ крѳстики и стрѳляютъ. Предводительствовалъ ими Швáчка. Есть про него и пѳсня. Коли хотите, я спою.

»Постигло несчастье козаковъ Запорожцевъ: въ среду, въ обѳдную пору, захватили ихъ въ плѳнь *Москалѳ*. Крикнулъ Швáчка асаулу: »Долой съ лошадей! Не дадимся, паны молодцы, въ неволю *Москалямъ!*« Но *Москалѳ* были люди умные, придумали, чтѳ сдѳлать: прежде всего связали Швáчку вмѳстѳ съ асауломъ. Потомъ перевязали попарно гайдамакъ, положили на вѳзы и повезли въ тюрьму изъ Богуслава въ Бѳлую Цер-

(¹) Подъ этимъ словомъ рассказчикъ разумѳетъ военныя мѳры, принятыя Польскимъ правительствомъ для возстановленѳя порядка въ Украинѳ.

Изъ Богусла́вья до Білої Цѣркви їхъ у невѣлю забрали.
Охъ дѣ жъ ва́ші, панове́ молодці́, вороні́і ко́ні?
Ой на́ши ко́ні въ па́на на припо́ні, а са́мі ми въ невѣлі!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панове́ молодці́, а срѣ́бниі у́зди?
Ой на́ши у́зди въ ко́нехъ на зану́зді, а са́мі ми у ну́жді!
Охъ а дѣ жъ ва́ші панове́ молодці́, яснѣ́нкіі спі́си?
Ой на́ши спі́си вже въ па́на у стрі́сі, а са́мі ми у лі́сі!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панове́ молодці́, грі́мкіі рушні́ці?
Ой на́ші рушні́ці въ па́на у сві́тліці́ а са́мі ми въ темні́ці!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панове́ молодці́, голу́біі жу́пани?
Ой ва́ші жу́пани поно́сіли па́ни, а са́мі ми пропа́ли!
Охъ а дѣ жъ ва́ші, панове́ молодці́, чо́боти сап'я́нці?
Ой на́ші сап'я́нці позабіра́ли райці́ у неді́леньку в́ранці́!
Охъ пошлі́мо га́лку, охъ пошлі́мо чо́рну, а до Сі́чи ри́бу і́сти,
Охъ неха́й донесе́, охъ неха́й донесе́ до кошово́го ві́сти.
Охъ уже́ жъ га́льці́, охъ уже́ чо́рні́й та наза́дъ не верта́тьця:
Ой уже́ жъ на́мъ, панове́ молодці́, изъ кошови́мъ не вида́тьця! (1)

ковъ. Гдѣ же ваши, паны молодцы, воронные кони? » » Наши кони стоятъ
» привязанные у пана, а мы сидимъ въ неволѣ! « « Гдѣ ваши, паны молодцы,
серебрянные узды? » » Нашими уздами взнузданы кони, а мы терпимъ нуж-
» ду! « « Гдѣ ваши, паны молодцы, громкія ружья? » » Наши ружья у пана
» въ свѣтлицѣ, а мы сидимъ въ темницѣ! « « Гдѣ ваши, паны молодцы, го-
лубые жупаны? » » Наши жупаны износили паны, а мы пропали! « « Гдѣ
ваши, паны молодцы, сапоги сафьянцы? » » Наши сафьянцы забрали судьи,
» поутру въ воскресенье! « « Пошлю я черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу, пу-
скай передасть кошевому вѣсти. Ужъ той черной галкѣ назадъ не воро-
титься, а намъ, паны молодцы, съ кошевымъ не видаться. « (1)

(1) Отрывокъ этой пѣсни, напечатанный во второмъ сборникѣ г. Максимовича, стр. 128, ошибочно отнесенъ къ разрушенію Сѣчи. Издатель былъ введенъ въ заблужденіе, вѣроятно, тѣмъ, что здѣсь упоминается кошевой. Но откуда и куда Запорожцы посылали галку?... Здѣсь эта посылка имѣетъ важное значеніе: она показываеъ тѣсную связь между гайдамацкими набѣгами и кошемъ.

»Ну, скажи, будь ласко (спросилъ бондарь), гайдамаки якъ идуть було, то й пісні співають?«

»Ні, гайдамака йде тихо (отвѣчалъ Тарануха). А се вже вони тогді співали, якъ у неволі сиділи.«

Не худо было бы представить людямъ, никогда небесѣдовавшимъ по-пріятельски съ Малороссійскими поселянами, все теченіе разговора между мной, Таранухой и бондаремъ. Но я въ то время рѣдко записывалъ фразу за фразой, отъ-части по трудности такого дѣла, а отъ-части потому, что полагался на свою память. Можетъ быть, я бы и припомнилъ его ранѣе двѣнадцати лѣтъ; но теперь я долженъ ограничиться только тѣмъ, что сохранилось въ моей записной книжкѣ, то есть воспоминаніями, къ которымъ приводилъ Тарануху нашъ разговоръ. Вотъ они.

5.

ОБЪ УНІИ И БЛАГОЧЕСТИИ. (*)

Довго тягались по Україні тіі коліі, та опісля вже почали усюди їх хватать, и якъ стала мандебурія на нихъ, то стали гонительства и на пошівъ благочестивихъ. Людѣй гоніли сілою на присягу; то й батько присягавъ на унію. А де-котѣри не хотіли та ховались. Не хотіли ламати віри, а ждали такого врѣмя, що зновъ буде благочестіе. И я тогді родивсь, якъ мандебурія

»Ну, скажи пожалуйста (спросилъ бондарь) гайдамаки пѣли пѣсни на походѣ?« — »Нѣтъ, (отвѣчалъ Тарануха) гайдамаки идуть, бывало, тихо. Это они пѣли, уже сидя въ неволѣ.«

(*) *Переводъ.* — Долго таскались по Украинѣ эти разбойники, а потомъ ужъ начали ихъ хватать и какъ появилась противъ нихъ *магдебурія*, то начались гоненія и на *благочестивыхъ* поповъ. Людѣй гоняли насильно къ присягѣ; и отецъ мой присягалъ на *унію*. А иные не хотѣли и прятались. Не хотѣли нарушать вѣры и ожидали такого време-

встала. То батько не хотів хрестити мене ув уніата, а хотіли везти аж у Виноградський монастир, та вже якось знайшли пона тут і в-ночі тайно охрестили.

Такь Польша до конца политического своего существованія осталась вѣрна релігійнои ієрархіи, за которую получила столько жестокихъ, но напрасныхъ уроковъ! Разказъ Таранухи, имѣющей всю цѣну лѣтописи, относится къ восьмидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія.

6.

ВЗГЛЯДЪ ПРОСТОЛЮДИНА НА ЯРМАРКИ. (*)

....А якъ ужé забрала край Царіица, та стало всюди благочестіе, тогди іродь у пеклі й тужить одінъ до дрúгого: »Отъ лихо! всюди благочестіе стало! Теперъ ужé нельзя нікого ні на гріхъ, ні на щó підвести: у будень бóдуть робить, а вь неділю по церквámъ ходить.«

А дрúгий каже: »Не журись, брате: ми такихъ на їх панів нашьлемъ, що вь неділю не бóдуть по церквámъ ходить, а зроблять усюди по неділямъ ярмарки; то й самі ніколи не бóдуть у церкві, и народъ бóде ярмарковати.«

ни, когда оиять настанеть *благочестіе*. И я тогда родился, когда появилась *магдебургия*. Отець не хотѣлъ крестить меня у уніата, а хотѣлъ везть вь Виноградскій монастырь; наконецъ нашли какъ-то здѣсь поца и крестили меня тайно ночью.

(*) *Переводъ*. — ...Когда ужь овладѣла краемъ Царица и установилось всюду *благочестіе*, черти вь аду начали горевать: »Вотъ намъ бѣда! всюду *благочестіе*! Теперъ ужь никого нельзя искусить на грѣхъ: вь будни стануть работать, а по воскресеньямъ ходить вь церковь.« А другой чортъ говоритъ: »Не горюй, братъ: мы нашьлемъ на нихъ такихъ

Отъ же и справділось диявольске слово! Теперъ у насъ що неділя, що свято, то и ярмарокъ, не въ тѣмъ, то въ тѣмъ селі.

7.

ОБЕЗОРУЖЕНІЕ ПОСЕЛЯНЪ ПОСЛѢ КОЛИВЩИНЫ. (*)

Після гайдамаччини, якъ уже Ляхи стали зновъ правити Вкраїною, то було на десять хатъ оди́нь ніжъ и одна сокіра: боялись, щобъ зновъ народъ не збунтовавсь. Оце ввійде жовніръ у хату: »А, ти, мужіку, сизматіку! у тебе два ножі, галганъ, гайдамака!« Візьме и пропало.

8.

ЗАПОРОЖСКОЕ ЩЕГОЛЬСТВО. (**)

Було що року наїздять на ярмарокъ у Смілу Запорозці зъ Січи. Приїде було їх чоловікъ дванадцять, тринадцять. А нарядъ на їх такий, що, Боже, твоя воля! Золото та сріблo! Оце шапка на

господь, что не будутъ по воскресеньямъ ходить въ церковь, а заведутъ вездѣ въ эти дни ярмарки, такъ и сами никогда въ церковь не заглянутъ, и народъ будетъ весь на ярмаркахъ.« Чтo же? вѣдъ исполнилось дьявольское слово! Теперь у насъ чтo воскресенье, чтo праздникъ, то и ярмарка, не въ одномъ, такъ въ другомъ селѣ.

(*) *Переводъ.* — Когда послѣ *гайдамаччины* начали опять Ляхи управлять Україной, то на десять хатъ опредѣлено было имѣть по одному ножу и по одному топору: боялись, чтобъ опять не взбунтовался народъ. Взойдетъ бывало *жовніръ* въ хату: »А, мужикъ, еретикъ! у тебя два ножа, негодяй, гайдамака!« Взялъ — и пропало.

(**) *Переводъ.* — Бывало каждый годъ прїѣзжаютъ Запорожцы въ Смілу на ярмарку, — человекъ по двѣнадцати, по тринадцати. Разодѣты такъ, что, Боже, твоя воля! Золото да серебро! Шапка на Запо-

ѣмү буде оксамитна, червона, зъ ріжками, а околичка — такъ палъці на три — або сѣва, або чорна; на споді у ѣго жупанъ — самій чистий кармазинъ, якъ огонь, що й очима не зоглянешъ; а звѣрху черкѣска зъ вилѣтами або сѣня, або голуба; штані суконни сїні, широкі, такъ и висѣть ажъ почти по передкахъ; чоботи червоні; а на лядунці або золото, або сріблѣ; и черезплічники, то й тѣ все позолочуване; шабля при боку вся буде въ золоті — ажъ горить. А якъ иде, то й до землі не доторкаѣтця. А оцѣ було сѣдуть на коней та по ярмарку — якъ йскри сѣють! Кйне оцѣ було бриль та й не допустить: підбїжить конемъ та й ухвѣтить. А скоро въ когѣ впавъ, то вже оцѣ йдуть, пьють и гуляють за ѣго грѣші. А храбрость, така храбрость! Було йде, то йй Богу до землі не доторкаѣтця! тилько шамъ, шамъ, шамъ, шамъ — пішовъ гулять!

Сватають було дівчѣтъ. Мою сестру засватали; то коней у бѣтька поодгодѣвували, самі недѣль зѣ дві погуляли, та потімъ: »Поїдемо жъ ми за свідѣтельствомъ та будемо вѣнчѣтця.«

Якъ поїхали, то тилько й бачили.

рождѣ бархатная, красная, съ углами, а околышъ — пальца въ три шириною — сѣрый, или черный; съ-исподи у него жупанъ изъ самаго дорогого краснаго сукна, — горить, какъ огонь, просто — глаза ослѣпляетъ; а сверху черкеска съ вылѣтами, или синяя, или голубая: штаны суконные сїніе, широкіе — такъ и нависли почти на переда сапогъ; сапоги красные; на ладункѣ золото, или серебро; даже и перевязи въ позолотѣ, а сабля при боку вся въ золотѣ — такъ и горить. Идетъ и земли не касается. А какъ сѣдуть на коней да проѣдутъ по ярмаркѣ, то словно искры сверкають. Взброситъ бывало Запорожець шляпу и не допуститъ упасть: подлетитъ на конѣ и схватитъ. А кто не схватитъ, тотъ на свой счетъ поитъ и угощаетъ товарищей. А ужъ какая храбрость! Бывало идетъ Запорожець, смотришь, ну, ей Богу, земли не касается! Только шелеститъ платьемъ и пошелъ, и пошелъ.

Сватають бывало дѣвушекъ. И мою сестру сосватали да откормивши у отца лошадей и говорятъ: »Поїдемъ теперъ за свідѣтельствомъ и будемъ играть свадьбу.« Уѣхали — и поминай какъ звали.

ПРЕДАНИЕ О ЗАПОРОЖЦІ ВАСЮРИНСКОМЪ. (*)

Якү жь вамь теперь пісню заспівать? Хибá про Васюринського?

Васюринський козарлюга все пьє та гуляє,

Отáмана кошового бáтькомь називáє:

»Позволь, бáтьку отáмане, намь на бáшті стáти....

Васюринський, знаєте, той бувъ такий сільний, що якъ причащаетця, то чотірі чоловіки держáть попá, щобъ не впавъ одь дүху. Такий бувъ лицарь, що тільки дхнє, то одь самого дүху не встóишь на ногахъ. Якъ прийшли Москалі Січъ жакувати, то вінъ просівъ, щобъ тільки позволено ємү стать на бáшті: »Ми«, каже, »станемо съ кулаками, то ні списъ, ні кўля не візьме.«

А опісля, якъ побачили, що Москвá вже все позабírала, то сіло їхъ сорокъ тiсячъ на човні та й поїхали до Тўрка.

(*) *Переводъ.* — Какую же теперь вамъ пiсню спiть? Развѣ про Васюринскаго?

»Васюринскій козарлюга (козакъ-громадина) все пьетъ да гуляетъ, кошевого отамана отцомъ называетъ: »Позволь, отецъ нашъ отаманъ, взойти намъ на башню...«

Видите ли, этотъ Васюринскій былъ такой силачъ, что во время причащенія, четыре человека поддерживали священника, чтобы не упалъ отъ его духу. Такой былъ онъ богатырь, что только дохнетъ — не устоишь на ногахъ отъ одного дыханія. Когда пришли *Москалы* разорять Сiчъ, онъ просилъ, чтобы только позволили ему взойти на башню: »Мы«, говоритъ, »станемъ съ кулаками — и ни копые, ни пуля не возьметъ насъ.« А потомъ какъ увидѣли Запорожцы, что *Москалы* все ужъ захватили, то сорокъ тысячъ ихъ сѣли на лодки и поплыли къ Турку.

Я не преминуль случая распросить Тарануху объ урочищахъ въ Смилой, такъ какъ съ ихъ названіями всегда соединяются какія-нибудь историческія воспоминанія, или характеристическіе случаи обыденной жизни. Вотъ его слова.

10.

ПРЕДАНІЕ ОБЪ УРОЧИЩАХЪ ВЪ СМИЛОЙ. (*)

Не знаю, чи згадаю всі врочища, бо е въ насъ їхъ до кáта. Оцѣ заразъ *Юрова Горá*. Було у якогось пáна трое дítей; то синь Юрáсь збудовáвъ собi домòкъ на Юровiй Горi — ще й дóси слiдь знáть; а однá дочкá, Дóмна, грéблò Смилянську сiпала; а другá, Мòтря, Мотренинь манастiрь збудовáла.

А зновъ есть, верстòвъ, мóже, пятiнадцáть одь Смилоi, *Гéрусiвъ Яръ*. Тамъ, кáжуть, Турки колiсь сидiли. И колодязь тамъ есть, увесь ви́кладень кáмнемъ; а глiбòкий такiй, що роскáзувавъ Смилянськiй такiй нашъ чоловiкъ, що — кáже — разъ якъ одваливъ кáмiнь та якъ кiнувъ туди, то летiвъ, летiвъ та тiлько — дзеннь!

А ще есть *Барабашiха* яръ, верстòвъ дeсять одь Смилоi. Тамъ колiсь козáкъ Барабашъ сидiвъ.

(*) *Переводъ*. — Не знаю, вспомяну ли все урочища: ихъ у насъ бездна. Вотъ здѣсь *Юрова Гора*. У какого-то господина было трое дѣтей: сынъ Юрiй выстроилъ себѣ домикъ на Юрьевой Горѣ, — до сихъ поръ примѣтенъ слѣдъ; одна дочь, Дoмна, насыпала Смилянскую плотину; а другая, Матрена, построила Матренинъ монастырь.

Далѣе, верстахъ, можетъ, въ пятнадцати отъ Смилой, *Гéрусовъ Яръ*. Тамъ, говорятъ, жили когда-то Турки. Есть тамъ и колодезь, весь выложенный камнемъ, и такой глубокой, что — разсказывалъ мнѣ одинъ Смилянскiй человекъ — разъ, говоритъ, я отвалилъ камень да какъ бросилъ туда, то долго, долго летѣлъ и наконецъ зазвенѣлъ, ударившись въ воду.

Есть ище *Холодний Яр*, давній дуже.....

А коло Юрового дому есть, на горі такі, могила; зовѣтца *Роскопана*..... Отъ її и видно звідси. Та и зъ Черкась, скоро вийдешъ за царину, заразъ и видно.

41.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПРЕЖНИХЪ ПОВИННОСТЯХЪ, УРОЖАЯХЪ И ЦѢНАХЪ ВЪ
ЗАПАДНОЇ УКРАЇНѢ. (*)

Тогді, було, дасі два рублі *чѣши* посѣсорові, та одбѣдешъ дванадцять день *шарварку*, грѣблю бѣ то гатіть, а тамъ уже що загадають; та *возовѣ* одбѣдешъ, шість візъ привезешъ колодѣ; та заплатишъ *коменного* півкопи грошей, та *дсину* корець жита, та півборця овса и ячменю, та и сидишъ дома. А панцини ніякої не було. Тільки толокою було зоремъ ланъ посѣсорові, та вижавши складемъ и звозимъ та и годі. Оцѣ, було, прийде до хати: »Прохавъ панъ на толоку оратъ, [абѣ тамъ жать, чи косить].«

Есть еще яръ *Барабашѣха*. Жилъ тамъ когда-то козакъ *Барабашъ*.

Есть *Холодный Яр*, очень старинный.....

А возлѣ Юрового дому есть на горѣ жѣ могила *Раскопанная*..... Вотъ и видать ее отсюда. Да и изъ Черкась, только вийдешъ за *царину* (полевые ворота), тотъ-часъ и видать.

(*) *Переводъ*. — Тогда бывало дашъ два рубля *чѣши* посессору, да двѣнадцать дней отбудешъ *шарварку*, стало быть, чинить плотину, или вмѣсто того что-нибудь другое дѣлать: да *возовое* отбудешъ — привезешъ шесть возовъ лѣсу; да *коменного* заплатишъ двадцать-пять грошей, да четверть ржи, да поль-четверти овса и ячменю, а потомъ и сиди дома. Барцины никакой не было. Только бывало гуртомъ вспашемъ большую ниву для посессора, потомъ сожнемъ и свеземъ — и только. Придетъ бывало прикащикъ къ хатѣ: »Просилъ панъ гуртомъ оратъ [или жать, или сѣять],« и на такой зовъ бѣгутъ изъ хаты двое, или трое рабочихъ,

То зъ хати двà, абó трі біжить, и въ оди́нь день зрòблять толóкою, що трéба, та й напыòтця, й найдòтця въ посéсора; ще й музи́ки грають. Дòбре булò жить!

Урожáї булі куди прòти тепéрешніх! Знаете, степі булі вòльні, бо ще Сми́лянки, Рохми́стрівки и Ковали́хи тогди не булò, то по́ля булò довлí. Рóківъ дéсять, абó пятна́дцять перелóгомъ лежить; та якъ зòрешъ на новині та посіешъ кавунівъ, то врòдять такі́, що зъ землі не знімешъ. А на дрúгий годъ посіешъ пшени́ці, абó жита. То, булò, якъ залòжишъ чоті́ри па́ри волівъ та день поподрешъ, то врòдить тобі на одні́мъ дні кіпъ сòрокъ, да такé густé, що булò кіпъ чоті́ри за́ день на́жнешъ; а тепéръ попоганійся, пóки на́жнешъ и дві ко́пи. Та булò оцé поподрешъ рóківъ три та й пускàешъ зновъ на перелі́гъ, а орéшь новинý. А тепéръ якъ вонó бóде родіть, коли́ що рóку все на одні́мъ місті óрють? Изъ копí, булò, наберéшь чéтверть, якъ дòбрий кóлосъ.

А ці́ни óсь які булі. Мíшокъ грéчки такі́й, що четвери́ківъ два, — трі ко́пійки; прóса, овса́, ячмéню — трі ко́пійки; жита

сдéляють гуртомъ въ оди́нь день, чò нужно, напыòтятся и на́дятся у посéссора, — и музыка, бывало, играеть. Хорошо было жить!

Урожаевъ нечего и сравнивать съ теперешними. Степи, видите ли, были тогда еще свободны, потому что не было еще тогда ни Сми́лянки, ни Рохми́стровки, ни Ковали́хи, такъ пахатной земли было сколько угодно. Бывало, лéтъ дéсять, или пятна́дцать лежить земля въ пару, а потомъ какъ вспашешъ на новинѣ да на́сѣшь арбузобъ, такъ урождать такіе арбузы, что съ земли не поднимаешь. А на другой годъ сѣшь бывало пшеницу, или рожь. То бывало, какъ запряжешъ четыре пары воловъ да поработаешъ день, то получишь урожая копъ сорокъ, и такая густая пашня, что въ день на́жнешъ копы четыре. Го́да черезъ три опять бывало пускаешъ подъ паръ, а новъ пашешъ. А теперъ куда ему родить, когда ка́ждый годъ пашуть всё на томъ же мѣстѣ? Изъ копы бывало получишь чéтверть, если колосъ хороши́.

А цѣны были вотъ какія. Мíшокъ гречи четверика въ два стоилъ три копейки; прóса, овса, ячменя — три копейки; ржи три мѣры въ

корець у Смілій — двадцять копійекъ, а въ Білázеръе повезі, то три грóші; пшениці корець — сорокъ копійекъ; візь кавунівъ — гривня.

Еслибы въ каждомъ селѣ я находилъ по одному Кондрату Таранухѣ, то сборникъ мой былъ бы преисполненъ интереснѣйшихъ въ своемъ родѣ вещей, а совокупность ихъ представила бы живое изображеніе Украинскаго народа, съ его воспоминавіями, пѣснями, образомъ мыслей и способомъ выраженія ихъ. Но жатва моя часто была такъ-же скудна, какъ и у г. Скальковскаго, который, собираясь писать «Наѣзды Гайдамакъ», нарочно посѣщаль (говорить онъ) почти все тѣ мѣста Западной Украины, которыя были поприщемъ гайдамацкихъ подвиговъ» (стр. 144), но не записалъ ни одной пѣсни о гайдамакахъ, ни одного преданія объ ихъ походахъ. Я проѣхалъ города: Васильковъ, Бѣлую Церковь, Тарацу, Каневъ и посѣтилъ множество лежащихъ между ними селъ, но часто, на большихъ разстояніяхъ и при многочисленныхъ попыткахъ расположить стариковъ и старухъ къ разговорности, встрѣчалъ только тупоуміе, озабоченность текущими дѣлами, ничѣмъ несмягчаемую угрюмость, а иногда и подозрительность, которыя доводили меня до отчаянія. Надобно было довольствоваться только характеристическими фразами, которыя народъ разсыпаетъ въ своихъ разговорахъ, не зная имъ цѣны, и моя записная книжка въ этихъ мѣстахъ или оставалась пустою, или наполнялась отрывками въ родѣ слѣдующихъ.

ОТДѢЛЬНЫЯ ВЫРАЖЕНІЯ МАЛОРОССИСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ. (1)

У хаті въ її, якъ у віночку; хлѣбъ випечений, якъ сонце; сама сидіть, якъ квіточка.

Смилой — двадцать копеекъ, а въ Бѣлázеръи три гривны; пшеницы три мѣры — сорокъ копеекъ; возъ арбузовъ — гривна.

(1) Прелесть этихъ выраженій могутъ чувствовать только знающіе Малоросійскій языкъ; переводить ихъ было бы напрасно.

Може вінъ таку пісню знає, що якъ-бі заспівавъ, то й волюсь би зав'язъ!

А чомъ ви, хлопці, не оретє? — Да, дядьку, свято. — Якє свято? — Чересло й лемішь изнято!

Хочъ у ступу всадить да пирогами годуйте, все буду однака. (1)

Вамъ хочъ голову пробий, то не вгодишь.

Не по чимъ и б'є, якъ не по голові! (2)

Якъ розгуляєтця погода та противъ вітру якъ поженє буруні, то дубъ грає по буруняхъ то вгору, то внизъ якъ візь по балкахъ.

Кровъ дзюрить, булькотить зъ спіни.

Велика буває чубаніна на вкулачкахъ, а інший довідаєтця, що й молотить неможна: помякчать рєбра!

Пєкъ єму, моя мати рідна! поночі зовсімъ не бачу.

Пошли тобі, Божє, на сімъ світі панство, на тїмъ світі вічнеє царство!

Е що й їсти, й пити, е по чому й походити, тїлько ні на чому гарядъ гостей посадити. (3)

Такъ якъ кажуть за дванадцять миль киселю їсти, ні зъ сєго, ні єз того приїхала до менє кумà зъ Ніженя.

Чогò ти на менє дівисся, якъ чортъ на попà?

Я живу якъ у рєшеті: відки вітеръ подмє, то повні хати.

Якъ у воді не безъ чòрта, такъ у великого пàна не безъ Жйда.

Идє Москаля такъ якъ траві.

Якъ же мині знать, котóрий мині годъ? Якъ родивсь, то безъ пàм'яті бувъ; якъ рісь, то рòзуму не мавъ; а якъ ужє до рòзуму дойшовъ, тоді бъ то й лічить, та багàцько лїть уплило.

На що ти тамъ ячмінъ посіявъ? — Да тамъ, пàне, така лóба ріля, що дитїна віросла бъ, коли-бъ посадивъ!

(1) Т. е. не сдїлаюсь полибє.

(2) Вь томъ-то и дїло! отъ этого-то все и зависит!

(3) Говорила хозяйка немеблированной свѣтлицы.

Оттамъ, матінко, лихий люде! якъ напало на мене се́меро перэкучокъ, то лédвi одгрiзлась.

Якъ занедужавъ, то такъ не хочетця вмирати! чи ми жъ кому приклонимося? чи ми обидець исправимъ, чи ми чужого чоловіка погодумемъ, коли ми такі бідні?

Такъ холодно, що якъ-би не вмiвъ дрижати, то змерзъ би, Такъ болить, що якъ-би не вмiвъ стогнати, то вмёръ би.

Водá чiста якъ слéзa. Дiвка — якъ тополя. Гáрна, хочъ водi напийсь. Швидкий, якъ мотиль. Провóрний, якъ вiтеръ у полі. Сидить, якъ грибъ. Хлóнець молодий, якъ барвинокъ. Повнолиций, якъ місяць. Росте́, якъ зъ водi. Шебече, якъ ластівка. Похожае, якъ пава. Со́коль, не па́рубокъ! Пьяний, якъ нічь. Надумсь, якъ сичъ. Бiга, якъ дзи́га. Бо́ретця, якъ рябець. Пнётця, якъ жаба на кiпу. Верти́тця, якъ шкурати на огні. Величаётця, якъ поросля на орчику. Дiвiтця, якъ теля на новi двéри. Цапго́мъ ставъ (¹). Мовчи́ть, якъ стiна. Хóдить, такий якъ квачъ (²). Го́стрий, якъ бритва. Вьётця, якъ га́дина. Весела, якъ ясочка. Тéпло, якъ у вiсi. Дóбре, якъ у Бо́га за дверима. Житте ёму́, якъ у Христá за пазухою.

Байстру́къ, та росте́ якъ стру́къ!

Отъ якъ вихоръ злетить да летить не звiсно куди, то такъ наше добро́ ростекло́сь, — якъ слiня по водi.

Такъ якъ вода́ зъ відрá течé, а воно́ схне, то такъ вона́ сохнула въ нашихъ оча́хъ, — скорiй, ни́жъ полино́ въ печi.

Ти мене слухай, а своїмъ рóбомъ не ходи.

Тутъ теши́ да теши́, а тамъ треба́ пупъ напiять. (³)

Иний такий е, що въ мене́, ка́же, свiтлийше око́ попросить; а другий: А въ мене́ свiтлийше вкрати́.

Треба́ робить потай-Бо́га, щобъ и чóртъ не знавъ.

(¹) Уперся, какъ козелъ.

(²) Т. е. такъ пьянъ.

(³) Говорено при сравненiи плотницкой работы съ косовицею.

Якъ увійде въ комору, то хочъ-бі гадюка лежала, то зогнавъ би да вкравъ.

Хибá на́довго старійі жéнитця? абó самъ умрé, абó жінка покíне.

Чогó ти трúсися, якъ сичъ на негóду?

Дíла робíть не хочешъ, а пíка — хочъ пацюкí бий.

Ой, місяцю-місяцю! світишъ, та не грієшъ, — дарéмне въ Бóга хлíбъ їси. Я давъ би дві зімі за одно́ літо.

Душа́ не сусíдь: ї́ не віпрешъ. (¹)

Зна́йте мене́ перепечáйку, що на ворóтяхъ тíсто!

Госпо́дъ милосéрдний ніко́ли не спить: у того́ щáсте одбирає, а то́му дає.

Тамъ тако́го наговорíвъ, що ї́ класти нікуди.

Їдте, сéрдечко, навпрямéць, а тамъ живéть Андри́й Швець; а тамъ — крúто собъ — живéть Кулі́на Ваку́ленкова: ї́ чоло-ві́ба торі́къ взяли въ Моска́лі. А тамъ прова́лечко, а за прова́лечкомъ — гулькъ — по горóду хóдить сíва коби́ла, а на прі́збi лежíть рудá соба́ка. Ото́, сéрдечко, ї́ отáманъ живéть.

По части преданій, въ етихъ мѣстахъ записано у меня очень мало. Помѣщаю выписки изъ дорожнаго альбома.

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ НАДЪ СЛУЧЬЮ. (*)

...Якъ ставъ Хмельницький надъ Случчу, на горі, то обобравъ своє військо такъ, що не зосталося у козаків грошей ні въ кишенихъ, ні зашитихъ. (²)

(*) *Переводъ.* — Когда Хмельницкій расположился надъ Случью на

(¹) Говорится о голодѣ.

(²) Рассказывалъ одинъ старикъ въ Корсунѣ. Этотъ старикъ былъ единствен-

2.

О ЗОЛОТОЙ ГРАМОТВ. (*)

Ляхи взялися гнать на благочестіе. »Чого вони«, кажуть, »на на́шій землі живуть, а *благочестивого Государя* помнівають?« И давай головки лупить благочестивимъ. Отó спалили першгъ тѣтара въ Мліеві, а далі й хуторки чернечі Мотренинські попалили. А въ томۇ монастырї бувъ гўмень... охъ, забўвъ же я, якъ ёго звали! (¹) Бачить, що ліхо Ляхи роблять, полўплять голови благочестивимъ; а писака добрий бувъ, та якъ удравъ *Золоту Грамоту!* А Максїмъ Залїзнякъ прихавъ на поклоненіе, а вінъ ёму й підієсь: »Велїкъ свїтъ Государиня (²) велить рїзати Жїда й

горѣ, то обобравъ свое войско такъ, что не осталось у козаковъ денегъ ни въ карманахъ, ни зашитыхъ въ одеждѣ.

(*) *Переводъ.* — Ляхи начали преслѣдовать *благочестіе*. »За-чѣмъ они«, говорятъ, »живучи на нашей землѣ, молятся въ церкви за *благочестиваго Государя*?« И давай головушки снимать *благочестивимъ*. Сперва сожгли ктитора въ Мліевѣ, а потомъ пережгли и монашескіе Матренинскіе хуторки. А въ Матренинскомъ монастырѣ былъ игумень... ахъ, позабылъ я его имя! (¹) Видитъ онъ, что Ляхи дѣлають бѣдовое дѣло — перегубятъ *благочестивыхъ*, — и хватилъ *Золотую Грамоту*... писака былъ онъ славный. Въ это время прїѣхалъ на поклоненіе Максимъ Залїзнякъ; онъ и поднесъ ему: »*Велїкъ свїтъ* Государиня (²) велить рѣзати Жїда и Ляха до послѣдней ноги,

ный человекъ съ *оселдцемъ*, котораго я встрѣтилъ въ своей жизни. Въ Черниговской губерніи оставляемыя у хлопчиковъ на головахъ чудины, называютъ *левержѣтъ*.

(¹) Мельхиседекъ Яворскій.

(²) Это выраженіе встрѣтилось мнѣ въ одной пѣснѣ:

Велїкий свїтъ наша матї! жалью наробіла. —
Славне військо Запорозьке та й занапастїла!

Ляха до ногі, щобъ и не смерділи на Вкраїні.« Якъ гукнувъ Зализнякъ на охотника, такъ такъ и поваливъ народъ, — уся Смілянщина й Чигиринщина. Якъ пішли вінники, то-що, тогді вже *велила мати й валь брати.* (1)

3.

ПРЕДАНІЕ О КОЗАРАХЪ. (*)

Запорозці перше звались Козари (2) и сиділи въ Каневі, потімъ въ Романкові, потімъ у Старому Кодаку, а далі нижче Никополя. Служило їхъ три у короля. Король заплативъ двомъ жалованне, а третєму сказавъ: »Отъ же я двомъ заплативъ грішми, а ти, коли хочъ, иди въ Каневъ, осаді собі тамъ слободу.« Отъ вінъ пішовъ та й завівъ тамъ Січъ. (3)

чтобъ и духу ихъ не было въ Украинѣ». Кликнулъ клячъ Зализнякъ — народъ такъ и повалилъ къ нему со всей Смілянщины и Чигиринщины, и какъ зашевелились винкурцы и другіе етакіе люди, тогда ужъ нечего было Ляхамъ и думать о защитѣ.

(*) *Переводъ.* — Запорожцы назывались прежде Козарами (2) и жили въ Каневѣ, потомъ въ Романковѣ, потомъ въ Старомъ Кодакѣ, а наконецъ ниже Никополя. Король заплатилъ двоимъ (предводителямъ) жалованье, а третьему сказалъ: »Я заплатилъ двоимъ деньги, а ты, коли хочешь, ступай въ Каневъ и засели тамъ себѣ слободу«. Онъ пошелъ и основалъ тамъ Січъ. (3)

(1) Рассказывалъ тотъ же старикъ въ Корсунѣ.

(2) Замѣчу по случаю этого преданія, что увеличительное отъ слова *коза* — *козарлюга*, а уменьшительное ласкательное — *козуря*. Примѣры:

Васюринській козарлюга все пѣе та гуляе...

Лѣчче бѣ, козурю, могли мої очі на потїлині стати...

(3) Не относится ли къ тремъ войскамъ Рѣчи Посполитой — Коронному, Литовскому и Запорожскому? — Преданіе записано въ Корсунѣ.

4.

ХЛѢБОСОЛЬСТВО НА ЗАПОРОЖЬИ. (*)

Въ Запорѳжжі нїхтѳ булѳ не скаже старѳму: »Дурно хлїбъ ісі.« Приїдь, ратище встромї, янчарку повїсь та й лежї собі хочѳ три мїсяці, пий и їжъ гѳтовѳе. Тїлько встань, Бѳгу помолїсь; колї е грѳші, идї въ корчмѳ — горїлку пий. А якъ же скаже хто: »Дурно хлїбъ ісі«, то козаки такъ и нападѳуть: »А ти вже закозаковався, сякій-такій сїну!« (1)

5.

ПОХОЖДЕНІЯ ГАЙДАМАКЪ ВЪ КАНЕВЪ. (**)

»Щѳ то, дїду, за гайдамаччина булѳ?« (2)
Проклята булѳ! Самовѳльці такі булї, щѳ... Невїрне такъ

(*) *Переводъ.* — Въ Запорѳжжі никто бывало не смѳеть сказать старѳму челѳвѳку: »Ты дарѳмъ хлѳбъ ѳшь.« Прїѳзжай туда всякъ, воткни въ землю копьѳ, повѳсь саблю и лежи себѳ хоть три мѳсяца, — пей и ѳжь все готовѳе. Только и дѳла, что встань да помолїсь Бѳгу; а когда ееть денги, ступай въ корчму пить водку. Если же кто скажетъ: »Дарѳмъ хлѳбъ ѳшь«, то козаки тотъ-часъ и накинутся: »А ты ужъ закозаковался, сякой, такой сынъ!«

(**) *Переводъ.* — »Чтѳ это, старикъ, было за гайдамачество такое?« (2)

Проклятое было! Своевольники такіе были, что.... И какъ просла-

(1) Записано въ Корсунѳ.

(2) Вопросъ путешественника.

було прославилось! Якъ попъѣтця, то ёму не кажі ні злого, ні доброго, — тава собака юха!

Булі ми зъ батькомъ у ярмарку підъ Мошнами, на Святѹ Неділю, то їх и наткнувъ хтось, що въ Білика кінъ добрий есть. А мого батька й торкнули: »Утікай, Дмитре, ато буде тобі лихо!« То батько якъ рѣшивъ зъ ярмарку! Добігавъ до сего хреста, що підъ містомъ стоить, оглянетця, ажъ вінъ летить изъ узвозу, такъ якъ ворона. И до села не допустивъ, нагнавъ. А тутъ чередѣ ходить. То батько викинувъ коня та й пустивъ у череду.

Ганявсь вінъ, ганявсь за тимъ конемъ; ганявсь-ганявсь, — не піймавъ; та ажъ до хати прийшовъ до батька: »Иди, сину вражий, та коня мині дай!«

То батько мусивъ самъ ловить коня и оддавъ ёму.

»Ну, прийдешь же у Каневъ, то тамъ Неживій тобі запла-
тить.«

Прийшовъ батько въ Каневъ, ажъ Каневъ уже спалень. Атамъ-то пані зробили собі замочокъ та ажъ у три ряди п'ялами обгородились и заперлись тамъ. А гайдамаки давйі солóму возить, та

вилась было эта сволочь! Какъ напьется, то не смѣй сказать ему ни злого, ни добраго, — такіе собаки!

Случилось мнѣ съ отцомъ быть на ярмаркѣ подъ Мошнами о Святой. Имъ и сказалъ кто-то, что у Бѣлика конь добрый. А моему отцу и шепнули: »Уходи, Дмитрій, ато не мновать тебѣ бѣды!« Отецъ скорѣ съ ярмарки. Доскакалъ до креста, что стоить подъ городомъ, оглянет-ся — летить за нимъ гайдамака съ горы, какъ ворона. Не допустилъ отца и до села, нагналъ. Тутъ близко ходило стадо. Отецъ отпругъ коня и пустилъ въ стадо. Сколько ни гонялся гайдамака за конемъ, не поймалъ; наконецъ пришелъ къ самой хатѣ, къ отцу: »Поли, вражий сынъ, отдай мнѣ коня!« Тогда отецъ принужденъ былъ самъ поймать коня и отдалъ ему. »Ну, приходи ты въ Каневъ«, сказалъ гайдамака, »тамъ Неживый тебѣ заплатитъ.« Пришелъ отецъ въ Каневъ, а Каневъ уже выжженъ. Паны сдѣлали тамъ себѣ острожекъ, окружили его въ три ряда частоколомъ и заперлись. А гайдамаки натаскали соломы, зажли,

якъ запалили, то все тамъ и съ панáми, и зо всімъ такъ огнѣмъ и взялось. У якогось пана кінъ бувъ, óгиръ такий, що пять сотъ рублівъ вартъ, а сідло самѣ пять сотъ рублівъ варте було; такъ завелі тогò коня ажъ у острові у лугъ, а гайдамаки й тамъ найшли... Такъ отò приходить бáтько въ Кáневъ, а гайдамаки посадили дванадцять Жидівко́въ у-рядъ, та зайде зъ бо́ку та й бѣе зъ писто́ля. Усіхъ вибили; а до однієї три рáзи примѣръ робіли, такъ не спáлить та й годі. Отъ и пішли до отáмана: »Щò тутъ робить, пáне отáмане? три рáзи робіли примѣръ до Жидівки — не спалило.«

»А щò жъ? мóже, вона схóче ви́христитьця?«

»Хóчешъ ви́христитьця?«

»Хóчу«, ка́же. »Я вже и *Вірую во єди́ного Бóга* знаю.«

Отъ и почали затя́зці збіра́ть христі́ни. Де молоді́цю попа́дуть: »Иди́ кумо́ю!« А самі́ кумами. А по́слі якъ ста́ли дарова́ть свої́ хрище́ниці, то наскида́ли самі́хъ денежо́къ сті́лько, що й конѣмъ не повезе́шь.

И до́бра молоді́ця зъ ти́єї Жидівки ви́йшла; віру на́шу опісла́

и все вмѣстѣ съ панами сгорѣло. У одного пана былъ такой жеребець, что стоилъ рублей пять-сотъ, да сѣдло стоило пять сотъ рублей. Этого коня отвели далеко въ острова на лугу, но гайдамаки и тамъ его нашли. Вотъ приходитъ батько въ Каневъ; смотритъ—гайдамаки посадили двѣнадцать Жидово́въ рядомъ и стрѣляютъ по нимъ изъ пистолета, зашедши сбоку. Всѣхъ перестрѣляли, а къ одной прицѣливались три раза, но порохъ никакъ не свыхивалъ. Гайдамаки пошли къ отаману: »Что намъ дѣлать, панъ отаманъ? три раза прицѣливались мы къ Жидовкѣ — не вспыхнуло«. — »Что же? можетъ, она захочетъ креститься?« — »Хочешъ креститься?« — »Хочу«, говоритъ. »Я ужъ и *Вѣрую во еди́наго Бóга* знаю.« Вотъ и начали гайдамаки собирать крестины. Встрѣтять молодіцу: »Иди кумою!« а сами кумовьями. Потомъ начали дарить свою крестницу и набросали ей столько оди́хъ денежекъ, что коню не подъ силу было бы свезти. И добрая женщина вышла изъ той Жидовки; вѣру нашу потомъ хорошо соблюдала и была очень набожна.

хороше держала и така була богомільна. Було, тільки задзвонять до церкви, то и йде.

Так ото батько и приступивъ до тихъ затязцівъ. А вони у Нетеребці вірвали казань: »На жъ тобі«, кажутъ, »оцеї казань.« Батько взявъ казань, а Нетеребці опісля прийшли та и узали.

Такє-то прокляте було та гайдамачина! Багато накоїли ліха. А опісля ще пані та Жиди народъ дерли. Прийде: »Се тобі гайдамаки дали, абó ти самъ гайдамачивъ!« та и берє, що зүздрить. Такє-то! (¹)

6.

ВОСПОМИНАНІЯ О ЗАПОРОЖЦАХЪ, ОБЪ ИХЪ ПРАВАХЪ И ОБЫЧАЯХЪ. (*)

Козакі підъ Мазєпою змінили та и пішли підъ Тúrка. Туроку давъ имъ зємлю и все. Коли жъ умеръ козакъ, а земля и викинула; умеръ другий — и другого викинула, третій — викинула и тре-

Только бывало начнутъ благовѣстити, тотъ-часъ и идетъ въ церковь. Приступилъ отецъ къ гайдамакамъ; а они въ то время вынули изъ печи въ винокурнѣ въ Нетеребкѣ котель. »Возьми«, говорятъ, »себѣ этотъ котель.« Отець, и взялъ, а Нетеребцы потомъ отъ него и отобрали.

Такое-то проклятое дѣло было гайдамачество! Много натворили бѣды гайдамаки, а потомъ еще паны да Жиды грабили народъ. Придетъ пань, или Жидъ: »Это тебѣ гайдамаки дали, или ты самъ гайдамачилъ?« и беретъ, что ни увидитъ. Такая-то бѣда!

(*) *Переводъ.*—Козаки въ гетманство Мазепы измѣнили и поддались Турку. Турокъ далъ имъ землю и все. Только — умеръ одинъ козакъ, а земля и выбросила его; умеръ другой — и другого выбросила, тре-

(¹) Рассказывалъ въ Кумейкахъ Климиъ Бѣликъ.

тѣго. Такъ вони тоді: »Эй, братці сердечні! вернімось, бо насъ тутъ и земля не приймає.« А Царь Петро вже зазиває. »Вернітця«, каже, »не буде вамъ ніякої кари, ні упоминку.« Такъ вони й вернулись. То їхавъ разъ батько поузъ Савурь-Могилу, а тамъ великіи шляхї йдуть: оди́нь у Московщину, а другий у нашу сторону. То міжъ тими шляхами, коло ти́ Савурь-Моги́ли ка́мінь великий лежить. А зъ нимъ ходивъ тоді на Дінь Василь Куцѣнко, письменний. Такъ батько каже; »Иди́ лишъ, Васи́лю, прочита́й, що на ти́мъ ка́мені написано.« А той пішовъ та й прочита́въ: »Проклять, проклять, проклять, хто́ буде одъ Запорозцівъ одбира́ть зе́млю, по́ки світъ со́нця!« Госуда́рь таке за́кляте положи́въ. (¹)

Мій батько та́кі воді́вся зъ тими Запорозцями. Бува́ло, то

тій — выбросила и третьяго. Тогда они: »Эй, братья милые! воротимся въ отечество: насъ тутъ и земля не принимает.« Между тѣмъ Царь Петро зоветъ къ себѣ: »Воротитесь«, говоритъ, »не будетъ вамъ никакой кары, ни упрека.« Однажды отецъ мой ѣхалъ мимо Савурь-Моги́лы, гдѣ проходятъ большія дороги: одна въ Московскій край, а другая въ нашу сторону, и между тѣхъ дорогъ, возлѣ Савурь-Моги́лы, лежитъ большій камень. Съ отцомъ ходилъ тогда на Донъ Васи́лій Куцѣнко, грамотный человекъ. Отецъ и говоритъ: »Поди-ка, Васи́лій, прочита́й, что́ на томъ ка́мнѣ написано.« Тотъ пошелъ и прочита́лъ: »Проклять, проклять, проклять, кто́ будетъ отбира́ть у Запорожцевъ землю, *пока свѣтъ солнца!*« Такое за́клятіе Госуда́рь положи́лъ. (¹)

(¹) Любопытно было бы знать, какимъ побужденіемъ управлялся Василь Куцѣнко, читая на ка́мнѣ то, чего на немъ не было написано. Отецъ рассказика ходилъ на Донъ около того времени, когда у Запорожцевъ шли споры съ Сербскими поселеніями за земли. Василь Куцѣнко могъ посѣщать ихъ рыбные «заводы» для заработковъ, подобно Кременчугскому пасичнику (см. выше, стр. 111) и заслушаться тамъ рассказовъ объ ихъ мнимыхъ правахъ. Идучи степью съ чумаками, онъ передавалъ имъ то, что видалъ и слыхалъ во время своихъ странствованій въ разныхъ мѣстахъ, и естественно соблазнился ролью человека, который умѣетъ заставить другого разинуть ротъ. Чтобъ еще больше поразить простодушныхъ своихъ слушателей, онъ импровизировалъ надпись на ка́мнѣ; а отецъ Клима Бѣлика принялъ его продѣлку за чистую монету.

горілку, то-що вóзять у Січъ. Роска́зує бу́ло, що, ка́же, якъ привезешъ горілку, то її прийде купова́ть, и за́разъ бере волочо́къ, тягае, са́мъ п'є и душъ де́сять частуе. Хто стои́ть, жо́дного частуе. Ужé жъ ти ё́му не кажи́ нічо́го. То ви́п'ють такъ якъ на корхъ зъ бо́чки, та тоді вже: »Запла́тимъ же, пані́ молодці́, за горілку«, та її за́купить усі́ бо́чки, и вже запла́тить до́бре. А якъ же бъ що сказа́ вь, той сто́явъ би тамъ не знать до́ки, та, мо́же, її наза́дъ пові́зъ би горілку. »Не йді́ть«, ка́жуть, »до вра́жого сїна купова́ть: чарки горілки жа́лує.«

Жва́вий наро́дъ бувъ! Бу́ло якъ пї́йде коне́мъ, то не та́къ, якъ на́ші, а та́къ, якъ па́нь: коли́бъ струснѣ́вся! Такъ и пі́знаешъ ё́го оддалеку́.

Разъ стою́ за ворі́тми, ажъ і́хъ і́де тро́є, а за ні́ми по од-ному́ коні́ю підъ вью́ками, и що тамъ срі́бля вь тихъ вью́кахъ! Такъ д́умаю, що четвері́къ на жо́дному.

»Здорóвъ«, ка́жуть, »хлопча́!«

Мой отецъ водился таки съ Запорожцами. То водку, то что-нибудь другое возилъ онъ въ Січъ. Бывало рассказываетъ: Какъ привезешь водку, вотъ и приходитъ Запорожець покупать и тотъ-часъ беретъ *волочо́къ* (цилиндрическую стеклянку на снуркѣ), опускаетъ въ бочку, пьетъ самъ и потちиваетъ человекъ десять товарищей. Кто бы тутъ ни случился, каждого потちиваетъ. И ужъ не говори ему ни слова. Выпьютъ Запорожцы изъ бочки водки пальца на четыре, и тогда ужъ говорятъ: »Ну, паны молодцы, заплатимъ теперь за водку«, купятъ все бочки и ужъ хорошо заплатятъ. А когдабы что-нибудь сказалъ имъ неприятное, то и стоялъ бы съ водкой Богъ знаетъ сколько времени, а пожалуй и уѣхалъ бы не продавши. »Не покупайте«, говорятъ Запорожцы, »у вражяго сына: онъ чарки водки жалѣть.«

Удалый народъ былъ! Ыдетъ бывало верхомъ, такъ ужъ не по нашему, а погосподски: и не встряхнется! Издали его узнаешь.

Разъ я стою за воротами, смотрю — ѣдетъ трое Запорожцевъ и ведутъ по коню подъ вьюками... сколько тамъ серебра въ тѣхъ вьюкахъ! Думаю, четверикъ на каждомъ. »Здорово, хлопче!« говорятъ мнѣ.

»Здорові!«

»А де тутъ Дмитро́ Біликъ живі?«

»Оце«, кажú, »й Біликъ.«

»А до́ма?«

»До́ма.«

Заіхали, пообідали въ ба́тька та й поіхали.

А то вони́ верта́лись изъ Польщи. Ка́жуть ба́тькові: »Уже́, Дмитре, надра́ли; бу́де зъ насъ, поки й на́шого віку.«

Не одну́ жъ Польщу вони́ дра́ли: бу́ло й на́шимъ одъ їхъ ліхо. Ні харчі, бу́ло, не провезешъ, нічо́го. Роска́зувавъ ба́тько, що йдемо́ — ка́же — зъ Запоро́жжя. А братъ до бра́та на Запоро́жжя ходи́въ, такъ вінъ ёму́ два во́зи ри́би накла́въ. Ідемо́ зъ Запоро́жжя, ажъ дівимся — ра́тище на шляху́ встромле́не. Уже́ жъ и не йди́ да́льше, ато́ якъ ви́скочать прокля́ті коми́шники, то не́довго на сві́тъ диві́тимесся. Зупини́ли во́лі, ажъ и іде́ їхъ три. Два́ жъ стои́ть на ко́няхъ, а оди́нь до во́за: »Розшнуро́вую візь, вра́жий си́ну!«

Розшнурова́въ.

Ві́нь и поча́въ изъ во́за ри́бу викида́ть. А въ друго́му во́зі

»Здравствуйте!« — »А гдѣ Дмитрій Бѣликъ живеть?« — »Вотъ онъ живеть«, говорю. »А дома?« — »Дома.« Заѣхали къ намъ, отобѣдали у отца и поѣхали. Они въ то время возвращались изъ Польши. »Набрали мы, Дмитрій, добычи!« говорили они отцу. »Будеть съ насъ, пока живы.«

И не одну Польшу они грабили: доставалось отъ нихъ и нашимъ. Бывало, ни харчи не провезешь, ничего. Рассказывалъ отецъ: Їдемъ — говорить — разъ изъ Запорожья, а съ нами одинъ человекъ ходилъ къ брату на Запорожье, такъ тотъ нагрузилъ ему два воза рыбою. Їдемъ изъ Запорожья, смотримъ — коше на дорогѣ воткнуто. Это значить: не ходи дальше, ато какъ выскочать проклятые камышники, то недалго будешь послѣ того глядѣть на Божій свѣтъ. Остановили воловъ, смотримъ — чдетъ трое камышниковъ. Двое остались на коняхъ, а третій соскочилъ и къ возу: »Разшнуровывай возъ, вражій сынъ!« Чумаць разшнуро-

списъ стримівъ. Візь бувъ очеретомъ укрітій, и списъ у ёму стримівъ. Той чумаць дивівсь-дивівсь, далі якъ ухопить списъ та якъ сунє того комішника підъ бікъ, — такъ и пронявъ.

«А йдїть», каже, «й вї сюді! [на тихъ ужє, що на коняхъ сидять] И вамъ те б́уде!»

То тїі б́ачать, що се не промахъ, та й зв́омпили. «Що жъ?» кажутъ, «ми б́ачимо, що вінъ, вражий синъ, глумїтця.»

Та й ору́жже поодкидали.

«Сховаймо», кажутъ, «ёго, братці: то не падлюка, то Християнінь.»

Угорну́ли въ рядно́ — рядно́ въ того́ чоловіка взяли́ — та й заховали.

Тоді питаютьця: «Хто жъ ти такий?»

«Я», каже, «оттакїй и такий. Ходївъ до брата въ гості.»

«Знаємо», кажутъ, «того́ козака. Щобъ же тебе! коли-бъ ти намъ хочъ слово сказа́въ, що ти ёго братъ, ми б́ъ тебе й не чіпали.»

валъ. Онъ и началъ выбрасывать изъ воза рыбу. А въ другомъ возѣ было воткнуто копьє. Возъ былъ покрытъ очеретомъ и копьє въ немъ торчало. Чумаць сперва смотрѣлъ, ничего не говоря, на камышника, потомъ какъ схватитъ копьє да какъ пырнетъ его въ бокъ — такъ и проколотъ. «А подите», говоритъ, «и вы сюда! [къ тѣмъ, видите ли, что сидѣли на коняхъ] Подите, я и вамъ то же сдѣлаю!» Видятъ камышники, что это то-же молодець, и струсили. «Что же?» говорятъ, «мы видимъ, что онъ, вражий сынъ, глумится», и отбросили въ-сторону оружіє. «Похоронимъ», говорятъ, «его, братцы: вѣдь это не падалъ, а Християнінь.» Завернули въ толстый холстъ — холстъ взяли у того́ чоловіка — и похоронили. Потомъ спрашиваютъ: «Кто же ты таковъ?» — «Я», говоритъ, «такъ и такъ называюсь. Ходилъ къ брату въ гости.» — «Знаемъ», говорятъ, «того́ козака. О, чтобъ тебя! колибъ ты намъ хоть слово сказала, что ты его братъ, мы б́ъ тебя и не трогали.» И по́ехали отъ насъ.

Да й поїхали. (¹)

Такий-то народъ бувъ! Якъ не краде Запорóжець, то її кажуть ёму: »Доки ти, вражий сїну, будешъ лежати? И чарки горїлки ні за що вишити.«

Нашъ рóдичъ Яцкò бувъ у Запорóзцяхъ; то було розказує. Пішли ми — каже — ажъ за Бòгь-рїку, надъ Тилигúль, кóней красти. Глянемъ, ажъ такий табунъ кóней ходить! Отъ я прилизъ, ажъ Нагаецъ вартовий спить и вїжки замотавъ коло руки. Я якъ сунувъ ёго списомъ! а вінъ бувъ у панцирі, то списъ такъ и закорчився. Вінъ якъ схòпитця та до мене! то якъ-би не було ножа, то зарїзавъ би вражий синъ. Ато я якъ черкнуъ ёго ножемъ по горлу, то вінъ такъ и повалився.

А вже въ Сїчъ баба не ходї. Хочъ-би сестра, хочъ-би рідна мати — не пúстять. Такъ, чòртъ знає по-якому жили тїи Запорóзці: самї собі якъ бурлаки. Бувъ одїнъ Запорóжець Нагаецъ та и внадивсь до паламарки. Коло Сїчи тамъ десь у сельці паламаръ

Таковъ-то народъ были эти Запорожцы! Если Запорожець не крадетъ, то ему говорятъ: »Долго ли ты, вражий сынъ, будешь лежать на боку? И чарки водки не на что вышить.« Нашъ родственникъ Яцкò былъ въ Запорожцахъ и бывало рассказывалъ намъ: Пошли мы — говоритъ — разъ за самый Бугъ-рѣку, выше Тилигула, красть лошадей. Смотримъ — такой славный табунъ лошадей ходитъ! Подползъ я къ нимъ, смотрю — сторожевой Ногаецъ спитъ и возжи намоталъ на руку. Я какъ шурну его копьемъ! но онъ былъ въ панцырѣ, — копье такъ и свернулось. Вскочилъ онъ да ко мнѣ... и не будь при мнѣ ножа — зарѣзалъ бы вражий сынъ. Ато я хватъ его ножомъ по горлу — онъ такъ и повалился.

А ужъ бывало баба въ Сѣчъ не ходи. Будь хоть сестра, будь хоть родная мать — не пúстять. Чòртъ знаетъ, какъ жили эти Запорожцы, — холостяками, какъ бурлаки. Былъ одїнъ Запорожець, по прозванїю Но-

(¹) Эта сцена напоминаетъ рассказъ Семена Юрчénка о камышникахъ (см. выше, стр. 75). Оба рассказчика передали мнѣ какъ видно одно и то же приключенїе; но Юрчénко, очевидно, повторилъ его, какъ отдаленное эхо, а Бѣликъ былъ ближе къ дѣйствующимъ лицамъ.

живъ, такъ вінъ до паламарки и внадився. А Запорозці пронюхали та й пішли до кошового: »Такий намъ стыдъ робить Нагаєць, пане батьку: унадивсь«, кажуть, »до паламарки, такъ якъ той собака!«

»Постійте жъ«, каже, »пані молодці«, я козака надѣжного пошлю, нехай присочить ёго, тоді вже буде ёму судъ и росправа.«

Отó Нагаєць поїхавъ изъ Січи, а козакъ собі. Приїхавъ до паламарки: »Одчині!«

Не одчиняє.

Вінъ якъ сунè двері ногою — двѣри такъ и вивалились. У хату, — ажъ вінъ тамъ за занонкою.

»А щò ти тутъ робишь, сякий-такий си́ну?«

Якъ узявъ бити ёго нагаємъ!

А той про́ситця: »Брате мій рідний! уже хочъ бий, тільки панові батьку не яси!«

[А тамъ уже такè чортове заведенне, що сімъ разъ якъ ударить кіємъ, то вже хліба не істимешъ.]

Такъ щò жъ? у такого одмо́лился? И нагаємъ ви́бивъ, и ко-

гаєць и повадился ходити кь пономарихъ. Возлѣ Сѣчи жилъ пономарь, такъ онъ кь пономарихъ и повадился. А Запорожцы провѣдали да и пошли кь кошовому: »Какой намъ стыдъ дѣлаеть Ногаецъ, пане батько! повадился ходити кь пономарихъ, словно песъ какой!« — »Погодите же, паны молодцы«, говорить кошевой, »я пошлю надежнаго козака, пусть онъ его подкараулитъ, а потомъ ужъ будетъ ему судъ и расправа.« Вотъ Ногаецъ изъ Сѣчи, а козакъ за нимъ. Приѣзжаеть кь пономарихъ: »Отвори!« Не отворяеть. Онъ толкнулъ въ дверь ногою — дверь такъ и вывалилась. Входитъ въ хату, смотритъ — Ногаецъ тамъ за занавѣскою. »А чтò ты дѣлаешъ тутъ, сякой, такой сынъ?« и давай стегать его нагайкою. А тотъ упрашиваеть его: »Братецъ ты мой родной! бей меня, только не сказывай пану батьку!« [А ужъ у нихъ такой чертовскій обычай, что какъ ударитъ семь разъ дубиною, то хліба не будешъ больше ѣсть.] Чтò же? напрасно и упрашивать! И нагайкой от-

шово́му з'ясовавъ. Ну, звісно вже: за́разъ до стовба́ та кия́ми. За-недужавъ серде́шний Нага́ецъ одъ тако́ї ба́ни та и вме́рь незаба́ромъ.

Уже́ що бо́йкий лю́дь бувъ, то та́къ! Разъ ходи́въ изъ ба́тькомъ у Січъ изъ горі́лкою мій рідний дядько. Отъ и пита́ютця: »Що се, Дми́тре, съ тобо́ю?»

»Та се«, ка́же, »мій шу́ринъ, мо́єї жі́нки бра́тъ.»

»Якъ ёго́ зову́тъ?»

»Хома́.»

»Не вклепа́лись же«, ка́же, »й ви, що ёму́ таке́ и́мя дали́: ви́нъ на Хо́му й походи́въ, дияво́лівъ синъ!»

А разъ та́кі до́бре допеклі́ мойму́ ба́тькові. Сиди́тъ ви́нъ изъ ними́ въ ле́ху та й п'ють. А вони́ й дава́й ёго́ на сме́х піді́йма́тъ: »Ге, васъ«, ка́жуть, »тамъ у По́льщи [а се бь то, бачь, на Вкраї́ні] міро́мъ не ма́жуть, а гу́сячимъ са́ломъ.»

А ба́тько, не до́вго говори́вши, схопи́всь та на базарі́ купи́въ хлі́ба та й пішо́въ до кошово́го.

Кошови́й вислу́хавъ. »Пшъ«, ка́же, »вра́жі сині́! а вони́ жъ

стегалъ, и кошевому донесъ. Ну, разумѣется: тотъ-часъ привязали къ столбу Ногайца и наказали дубьемъ. Заболѣлъ бѣдняга Ногаецъ отъ такой бани и умеръ вскорѣ.

Что́ за бойкі́й наро́дъ былъ эти Запорожцы! Разъ ходи́лъ въ Сѣчь съ водкою́ мой родно́й дядя́ при отцѣ́. Они́ и спраши́вають: »Что́ это за челове́къ съ тобо́ю, Дми́трій?» — »Это́«, говори́тъ, »мой шу́ринъ, бра́тъ мое́й жены́.« — »А какъ его́ зову́тъ?» — »Оома́.« — »Ну«, говори́тъ, »вы не оши́блись, давши́ ему́ такое́ и́мя: онъ, чортовъ сынъ, и похо́жъ на Оому́!»

А разъ задѣли́ таки́ моего́ отца́ за живо́е. Сиди́тъ онъ съ ними́ въ погребу́ и пьеть водку́. Только́ они́ и дава́й надъ нимъ поде́мива́ться: »Васъ«, говори́тъ, »тамъ въ По́льщѣ [а это, выходитъ, на Укра́инѣ] пома́зываютъ не миро́мъ, а гу́синымъ жи́ромъ.« Оте́ць, не говоря́ дурно́го слова́, векочи́лъ съ своего́ мѣста́, купи́лъ на базарѣ́ хлі́ба и поше́лъ къ кошевому́. Кошево́й вислу́шалъ. »Вишь«, говори́тъ, »вра́жьи дѣти́! а они́ откуда́ наплоди́лись? И они́ же вышли́ изъ мужиковъ, а те-

изъ чого поплоділись? И вони жъ изъ мужиківъ породілись, а теперъ ужé тільки їхъ мѣромъ мазано! А пійди, каже на козака, що при ёму бувъ, »пійди лишень помирї їхъ.«

Прийшовъ козаць изъ батькомъ до лѣху: »А чого, каже, »ви тутъ, вражі синї, змагаєтесь?«

А вони: »Сядь, сядь, батьку, чарку горїлки вїпий.«

Отъ вінъ посїдївъ трѣхи. »Що жъ, каже, »я дармо чоботи топтавъ для васъ? Положить по рублю!«

Усі вїняли по рублю й положили ёму въ шапку. И батько мусивъ положить рубля. Такъ розсудивъ, дяволівъ синь!

Ато, кажутъ, ще-то въ-старовину одібравъ кошовий що найкращий народъ та одїжний та й пославъ до короля. Отъ Ляхи бачать, що въ їхъ ўси оттакелезні: »Чого бь, кажутъ, »дать їмъ їсти? Даймо їмъ сметани.«

Далї сметани. А Запорѳзці кажутъ: »У насъ не дають сметани напередъ; мѣдъ напередъ дають.«

»Ну, дать їмъ мѣду!«

Далї мѣду. А вон якїя попоїли мѣду та позакрѣчували ўси: »Теперъ, кажутъ, »давайте ї сметани!«

перъ ужъ только они и помазаны мѣромъ! Ступай, говоритъ къ козаку, что былъ при немъ, »ступай, помирї-ка ихъ«. Пришелъ козаць съ отцемъ въ погребъ. »А что вы, говоритъ, »вражьи дѣти, спорите тутъ?« А они: »Сядь, батько, сядь, вышей чарку водки.« Вотъ онъ посидѣлъ немного. »Что же?« говоритъ, »я даромъ для васъ сапоги топталъ? Положите мнѣ сюда по рублю.« Всѣ вынули по рублю и положили ему въ шапку. И отецъ принужденъ былъ положить рубль. Такъ разсудилъ, чортовъ сынъ!

Ато, говорятъ, еще въ старину выбралъ кошевой самыхъ лучшихъ, самыхъ щеголеватыхъ Запорожцевъ и послалъ къ королю. Видятъ Ляхи, что у нихъ усы вотъ такїе, большущїе, и говорятъ: »Чего бы дать їмъ поѣсть! Дадимъ їмъ сметаны.« И дали сметаны. А Запорожцы говорятъ: »У насъ не подаютъ сперва сметану; сперва подаютъ соты.« — »Ну, дать їмъ сотовъ.« Подали сотовъ. Они поѣли и закрутили

А підъ той часъ непріятель приславъ Ляхамъ лукъ: »Якъ не натянете«, каже, »сѣго лука, то становітця на баталію.«

Отъ Ляхі пробували — ніхто не натягне.

А оди́нь Запорожець: »Ось кѣте«, каже, »лишенъ сюди!«

Узявъ, такъ и натягнувъ той лукъ.

»Да́йте жъ«, каже, »теперъ ми́ні штабу заліза.«

Та взявъ та кругомъ ши́и тому́ послові обгорну́въ та й заверну́въ; такъ якъ отъ сніпъ завертаєшъ, що перевѣсло скрутишъ, такъ вінъ ту штабу заверну́въ.

»Ко́ли одвернете«, каже, »ви сю штабу, то ми на баталію зъ ва́ми ста́немъ.«

Який же ёго чортъ одверне? Хибá бѣ голову одкрути́въ! Мо́же, якъ при́хавъ, то, мо́же, чортъ зна́е до́ки пи́ляли. Не мо́жна ні лягти, нічо́го.

Э, здоро́вий наро́дъ бувъ! Ужé якъ зруйнова́ли Січъ, то оди́нь та́кий бувъ здоро́вий, що дүхомъ убѣ́е чоловіка. Якъ пішо́въ причаща́тця та дүху не вта́ивъ, то трóхи священи́къ не впа́въ на́взнакъ.

вверхъ усы. »Теперь«, говорятъ, »давайте и сметаны!« А въ это время прислалъ непріятель Ляхамъ лукъ. »Ко́ли не натянете«, говоритъ, »этого лука, то выходите на бой.« Долго пробовали Ляхи — нѣтъ, никто не натянетъ лука. Тогда оди́нь Запорожець: »Дайте-ко«, говоритъ, »его сюда!« Какъ взялъ, такъ съ-разу и натянулъ. »Теперь подайте«, говоритъ, »ми́й полюсу желѣза.« Взялъ онъ желѣзную полюсу, обвилъ вокругъ шеи послу и завернулъ; такъ вотъ какъ сно́пъ свяжешь и завернешъ связку, такъ онъ завернулъ ту полюсу. »Ко́ли развернете«, говоритъ, »вы эту полюсу, то выйдемъ съ вами на бой.« Ко́й чортъ развернуть! Развѣ съ головой вмѣстѣ открутитъ! Какъ воротился послъ домой, то, можетъ, чортъ знаетъ сколько времени пи́лили желѣзо. Нельзя ни прилечь, ни что́.

Эхъ, народъ былъ до́жій! Когда разорили Січъ, такъ оди́нь былъ такой силачъ, что однимъ дыханіемъ убилъ бы человека. Какъ подошелъ къ причастію, да не затаилъ дыханія, то едва священи́къ не упалъ на-

»Хто ти«, каже, »стáрче, такий? признайся.«

»А щó жъ«, каже, »бáтюшка? я отóй и той.«

»Зийді жъ«, каже, »зъ сéго града, бо тілько дознаютьця, то пропадешъ.« (1)

Ще скóро рознеслась чутка, що Запоро́жже зруйну́ють, то Гетьма́нці бу́ло Запоро́зцямъ співа́ють:

Вра́жі сині Запоро́зці не до́бре вчиніли:

Сте́пь широ́кий, край весе́лий та й занапасти́ли.

То Запоро́зці бу́ло зля́тця! Вони́ бъ то й би́ли їхъ, такъ и то́ жъ наро́дъ во́енний. Хочъ и по шинка́хъ бу́ло зо́стрінутця, то не дуже бу́ло стра́шно. (2)

А бу́ло якъ очо́ртиє Запоро́зцямъ у Сі́чі горі́лку пить, то й по-наї́жджа́ють у го́сті на Вкраї́ну, а́бо на Гетьма́нщину. Приї́жджа́ють

взничъ. »Кто ты таковъ, старикъ?« говорить онъ, »признайся.« — »Что́ же«, говорить, »бáтюшка? я та́кой-то«. — »Изыди́ же«, го́ворить, »изъ сего́ града, ато, какъ узнають о тебѣ, то поги́бнешъ.« (1)

Еще́ лишь то́лько разнесся́ слухъ, что Запоро́жье разоря́ть, то гетма́нські козаки́ припѣва́ють бывало́ Запоро́жцямъ:

Вра́жі сині Запоро́зці недóбре вчині́ли:

Сте́пь широ́кий, край весе́лий та й занапасти́ли.

Запоро́жцы, бывало́, бѣ́ялися на *Гетма́нцевъ* за эту́ пѣ́сню. Они́ по-жалуй́ и поколо́тили бы ихъ, да и то́ былъ наро́дъ во́енный. Хоть и въ каба́къ ветрѣ́тятся́ бы́ло съ Запоро́жцами, то не о́чень тру́сили. (2)

А ужъ, бывало́, какъ опроти́вѣть въ Сѣ́чи водка́ Запоро́жцямъ, то и на́бдуть въ го́сти на Украї́ну, а не то́ — на Гетма́нщину (т. е. на

(1) Прошу́ читателя́ припомни́ть преда́ние Тара́нухи́ о коза́рлюгѣ Васи́ринскомъ (см. выше́ стр. 141). Оче́видно, что́ дѣ́йствительно́ на Запоро́жьи су́ществовало́ лицо́, производи́вшее си́льное впечатлѣ́ніе на умы́. Подъ́ физическою́ зило́ю надобно́ разумѣ́ть здѣ́сь нѣ́что и друго́е.

(2) Вѣ́роятно, это́ю пѣ́снею́ дразни́ли *отставныхъ* Запоро́жцевъ. Ея́ продо́лженіе́ показыва́етъ, что́ она́ сло́жена *посля́* разоре́нія Сѣ́чи.

було й до мого батька. То їм же добре, що є за що пити, а батько з ними такъ було угачається въ довгі, що ну! Якъ по-з'їздятця було, то й говорять: »Наше Запорозже такъ изведетьця, що чортматиме нічого!« Такъ самі, було, й говорять. Отъ же и звелось.

Якъ уже въ Січъ Москаль поринувъ, то вони драла, а Москаль: »Біжіть та коло Кизикермена ланцюгъ перекиньте черезъ Дніпръ! якъ будуть утікати, то зъ пушокъ на їхъ!« А вони вербу зрубали та й пустили по Дніпру. То верба вдарилась объ ланцюгъ, а пушки — гу, гу! А Запорозці тоді: »Оттеперъ, братця, гребіть!« та й утекли одъ Москаля. ⁽¹⁾

7.

ПОВІРЬЄ О НОВОМЪ КОЗАЦКОМЪ ГЕРОІ ГЛАДКОМЪ. (*)

Тоді, якъ була та війна ⁽²⁾ зновъ неznать чого народъ изтру-снўся. Було кажуть: »Се, видно, десь такий лицаръ уродився, що

лўвий берегъ Днїпра). Прїїзжають бывало и къ моему отцу. Ну, имъ-то не бѣда — есть на что пить, а отецъ бывало вкатается въ такіе долги, что ну! Какъ съѣдутся бывало, то и говорятъ: »Наше Запорожье такъ изведется, что ни чорта не останется!« такъ сами бывало и говорятъ. И подлинно вѣдь извелось.

Какъ бросились *Москали* въ Сѣчь, такъ они бѣжать, а тѣ посылають отъ себя: »Поскорѣ перебросьте возлѣ Кизикермена цѣпь черезъ Днїпръ! и какъ стануть уходить, палите изъ пушекъ!« А Запорожцы срубили вербу и пустили по Днїпру. Ударилась верба объ цѣпь, а пушки — гу, гу! Тогда Запорожцы: »Теперь, братцы, гребите!« и ушли отъ *Москалей*. ⁽¹⁾

(*) *Переводъ*. — Въ ту войну опять не вѣсть отъ чего народъ встре-

⁽¹⁾ Разскащикъ (Кличъ Біликъ) смѣшавъ здѣсь бѣгство Запорожцевъ въ Турцію съ выступленіемъ Запорожскихъ *чаекъ* въ морской походъ.

⁽²⁾ Съ Польшею, 1792 — 1795.

вєя землѣ затрусилась! « Ажъ, тоді саме, якъ булѣ ота заверюха, той Гладкій-то народивсь.

8.

ЖИДОВСКІЄ ОТКУПИ ДО ХМЕЛЬНИЦКАГО. (*)

Булѣ колісь такъ — ищє передъ Хмельничиною — що церковні ключі булї въ Жїда. Якъ чоґо трєба до церкви, то йди вже до Жїда да торгуйся, що вінъ візьме. То зъ того-то й лихо счалѣся.

9.

ХМЕЛЬНИЦКІЙ И БАРАБАШЪ. (**)

Стали Ляхї дуже вже наляґать на козаківъ. Приїшло їхъ у Запорѣжжа по два Ляхї на одноґо козака. То козаки слали до короля листї, що такі намъ збитки рѣблять, що не мѣжна нїякъ прожити. Такъ король и давъ їмъ правѣ. А Барабашъ сховѣвъ та нї-

вожился. Бывало говорятъ: «Это, видно, гдѣ-то родился такой богатырь, что вся земля затряслась!» Ань въ это самое время, въ эту бурю, тотъ Гладкій-то родился.

(*) *Переводъ.* — Когда-то водилось такъ — еще до Хмельниччины — что церковные ключи хранились у Жїда. Коли нужно отворить церковь, то ступай къ Жїду да торгуйся, что онъ возьметъ за это. Пизъ-за этого-то и бѣда началась.

(**) *Переводъ.* — Ляхи начали ужъ больно налегать на козакѣвъ. Какъ пришло въ Запорожье по два Ляха на одного козака, то козаки посылали къ королю жалобы, что они дѣлають имъ великія разоренія и что нѣтъ житья козакамъ. Тогда король и далъ козакамъ права. А Ба-

кóму й не показавъ. Отъ Ляхі козака́ми й ору́дують. А Хмельницький бувъ при Барабаше́ві за писаря въ Чигирині. Самъ у Сѹботові сидівъ, а туди їздивъ на писарство. Отъ, якъ роділась у Хмельницького дитина, то вінъ кумомъ узявъ гетьмана. Якъ же впоївъ гетьмана добре, тоді вінявъ у ёго зъ вишені хустку, и перстень зъ руки знявъ, та її посилæе до Чигиринá свого джѹру. »Два коні бері та біжі въ Чигиринъ по права́!«

Пріїжджае той джѹра до гетьманши: »Пані! заілись изъ гетьманомъ пані, — порубають; такъ дайте тїї права, що одъ короля!«

»Оттамъ же«, каже, »вони въ стані підъ ворітьми, въ глухімъ кінці у пуздѣрку, въ землі.«

Проспїааетця гетьманъ: »Ой куме«, каже, »куме! була въ мене хустка въ вишені, а теперъ нема! бувъ у мене перстень щирозлότηй на руці, а теперъ нема!«

рабашъ спрятавъ ихъ да нікому и не показавъ. Ляхи и ворочають козаками, по своей волѣ. Въ это время Хмельницький былъ при Барабашѣ писаремъ въ Чигиринѣ. Жилъ онъ въ Сѹботовѣ, а туда їздилъ на службу. Когда у Хмельницкаго родился ребенокъ, онъ просилъ гетмана (т. е. Барабаша) кумомъ, и какъ напоилъ хорошенько гетмана, то вынулъ у него изъ кармана платокъ, снялъ съ руки перстень и посылаетъ въ Чигиринъ своего *джѹру* (слугу): »Возьми двухъ коней да скачи въ Чигиринъ за правами!«

Пріїзжаеъ джѹра къ гетманшѣ: »Пани! повздорили съ вашимъ мужемъ пані, — изрубятъ въ куски; дайте права, что́ король прислалъ!« — »Вотъ тамъ«, говоритъ, »въ конюшнѣ подъ воротами въ глухомъ концѣ ⁽¹⁾ они въ погребцѣ лежатъ въ землѣ.«

Просышается гетманъ: »Эй«, говоритъ, »кумъ мой, кумъ! былъ у меня въ кармаиѣ платокъ, а теперь нѣту! былъ у меня на рукѣ перстень изъ чистаго золота, а теперь нѣту!« — »Это«, говоритъ Хмель-

(1) Глухимъ концомъ воротъ называется та часть, въ которой находится пята, или петли.

»То« , каже, »мій хлонець роздягавъ тебѣ, якъ клавъ у ліжко, то повиймавъ.«

А самъ усѣ позирає въ вікно. Коли жъ гляне гетьманъ, ажъ хлонецъ повивъ у станию коня такого, що тільки—хахъ, ха, хха, хха! (1) Тоді вже й постерігъ, що Хмельницькій посилавъ по правѣ.

»Ой Хмелю« , каже, »Хмелику!

Вчинивъ есі ясү

И поміжъ панáми великую трусу.

Лучче було бъ тобі братъ сүкна не мірячи,

А грóші не лічачи ;

Лучче бъ було тобі съ панáми добре поживáти,

Анижъ теперъ по лугáхъ Базалугáхъ потира́ти,

Комаривъ, якъ ведмедивъ, годовáти!

Гетьманъ же іде додому, а вони съ хлощемъ, кóней сідлають та ідуть у Січъ. Приїхали; вдарили въ кóтли; зібрались козаки. Вінъ вічитавъ оди́нь ука́зъ — не слухають; вічитавъ дру-

ницькій, »мой мальчикъ раздѣвалъ тебя, какъ укладывалъ въ постель, да и снялъ.« А между тѣмъ безпрестанно посматриваєтъ въ окно. Смотрить гетманъ — мальчикъ повелъ въ конюшню такого коня, что только — хахъ, ха, хха, хха! (1) Тогда онъ и смекнулъ, что Хмѣльницькій посы-
лалъ за правами.

»Ой ты, Хмѣль« , говорить, »Хмѣль! сдѣлалъ ты огласку и встревожилъ сильно пановъ. Лучше было бы тебѣ братъ отъ нихъ сукна безъ мѣры и деньги безъ счету; лучше бы тебѣ жить съ панами въ добромъ согласіи, чѣмъ теперь скитаться по луговымъ лѣсамъ Базавлукамъ и откармливать комаровъ, какъ медвѣдей!«

Їдеть гетманъ домой, а Хмѣльницькій съ мальчикомъ сѣдають коней и їдуть въ Січъ. Приїхали; ударили въ котлы; собрались козаки. Прочитавъ Хмѣльницькій одну бумагу — не согласны; прочитавъ дру-

(1) Этими междометіями розскащикъ виражаєтъ тяжелое дыханіє коня, прибужавшаго съ гону.

гий—не слухають; та вже якъ третій прочитавъ, тоді всі й стали на баталію. (1)

Въ этомъ преданіи замѣтны слѣды думы, которая была его первоначальною формою. Стихи, приведенные разскащикомъ, не принадлежатъ ни къ одному изъ извѣстныхъ мнѣ вариантовъ думы о Хмѣльницкомъ и Барабашѣ, и составляютъ, какъ видно, уцѣлѣвшій обломокъ забытаго речитатива; иначе разскащикъ не перешелъ бы къ нимъ отъ прозы, не сказавши, что вотъ-де поють объ этомъ такъ-то, или чего-нибудь подобнаго. Но, кромѣ стихотворной части преданія, и самая сцена между кумовьями намекаетъ на стихотворный складъ рѣчи.

То же самое можно сказать и о легендѣ про Золотыя Ворота (см. выше, стр. 4). Ея четверостишіе:

Ой Кіяне, Кіяне, панове громада!
Погана ваша рада:
Якъ-би ви Михайлика не отдавали,
Поки світъ сонця, ворогі бѣ Києва не достали...

встрѣтилось въ думѣ о Жидовскихъ откупахъ (см. выше, стр. 62) въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, а именно:

Эй, Полоняне, Полонянська громада!
Не хороща ваша рада ...

Но изъ этого не слѣдуетъ, что разскащикъ взялъ это четверостишіе изъ думы и перенесъ въ легенду. Это, напротивъ, значить, что оно сложено очень давно и обратилось въ общее мѣсто, ка-

гую — не согласны, да ужъ какъ третью прочиталъ, тогда всѣ вышли на бой.

(1) Разсказывалъ Клима Біликъ.

кихъ много и въ Гомерѣ, и въ нашихъ рапсодіяхъ. Для народа эти общія мѣста не кажутся скучными повтореніями, какими были бы въ поэзіи образованнаго общества. На нихъ отдыхаетъ вниманіе слушателей, какъ на промежуточномъ рокотаньи струнъ, и народу пріятно между новыми для него стихами встрѣчать давно извѣстные. Постигая это поэтическимъ чутьемъ, пѣвцы нашихъ Украинскихъ думъ ни мало не стѣсняются заимствованіемъ готовыхъ оборотовъ рѣчи и даже поэтическихъ образовъ изъ извѣстныхъ народу речитативовъ (¹). Перенести же куплетъ изъ думы о новѣйшемъ событіи въ легенду о событіи древнемъ было бы для разскащика дѣломъ неестественнымъ, потому что вообще человѣческой натурѣ свойственно новое строить изъ развалинъ стараго, но не подпирать старое выемками изъ новаго. Самъ авторъ »Слова о Полку Игоревѣ« говоритъ, что хорошо бы начать пѣсню объ Игорѣ Святославичѣ *старыми словесы*, какъ пѣвалъ Боянъ, только разсказать въ ней *былины сего времени*; и ни одна исторія литературы не представляетъ примѣра, чтобы въ какую-нибудь сказку, легенду или балладу народъ вставилъ стихи изъ произведенія новѣйшаго.

Тутъ является вопросъ: Если легенда о Золотыхъ Воротатахъ есть старинное стихотворное произведеніе, отъ котораго уцѣлѣлъ только одинъ кусокъ, говорящій о его первоначальной формѣ; то какъ же это случилось, что изъ всей до-козацкой эпической поэзіи память народа сохранила только одинъ этотъ искаженный

(¹) Запѣвъ думы о походѣ на Поляковъ («Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимо-вича, стр. 26):

Ой пішли козакї на чотирї поля,
Що на чотирї поля, а на пїте на Подольє...

взятъ изъ думы на побѣду Чигиринскую (тамъ же, стр. 23), въ которой онъ тоже былъ заимствованіемъ, въ качествѣ общаго мѣста изъ неизвѣстной намъ думы. Это видно изъ того, что сперва оба враждебные стана поставлены одинъ противъ другого, и когда ужъ дошло до битвы, тогда говорится:

Отсѣ жь и пішли наші на чотирї поля,
Що на чотирї поля, а на пїте на Подольє.
Ляхів на всі стóрони, по всімъ хрестамъ колотїли...

обломѣть? На это можно отвѣчать, что мы еще далеко не привели въ извѣстность всего, что дошло до насъ изъ отдаленной старины нашей посредствомъ памяти народа, какъ это, между прочимъ, доказывается такими неожиданными находками, какъ дума о Ганжѣ Андыбѣрѣ, или нѣкоторыя другія думы, помѣщенные въ этой книгѣ. Но даже и въ настоящее время это не единственное поэтическое воспоминаніе народа о томъ, что предшествовало козачеству. Недавно А. В. Шишацкій-Иличъ записалъ въ селѣ Красиловкѣ Козелецкаго уѣзда Черниговской губерніи думу, относящуюся къ морскимъ походамъ язычниковъ Варяго-Руссовъ въ Грецію. Дума эта, какъ видно, давно уже вышла изъ употребленія у бандуристовъ, которыхъ умы увлекались современными имъ событіями козацкой исторіи и, подобно легендѣ о Золотыхъ Воротахъ, обратилась въ изустный разговоръ, потерявъ множество стиховъ своихъ и характеристическихъ подробностей. Она сдѣлалась достояніемъ старухъ, которыя, проводя почти все свое время за валеньемъ *валу* или пряжею *вѣвны*, пересказывали ее, вмѣстѣ съ разными сказками, своимъ внучатамъ. Этимъ бѣднымъ путемъ пѣснь какого-то «соловья стараго времени» дошла до насъ уже въ убогомъ и жалкомъ видѣ. По ея вялому речитативу, по неточности многихъ словъ и выраженій, видно, что «вѣвны персты» давно уже не вторили ей на «живыхъ струнахъ» и что только тихое жужжанье старушечьяго веретена сопровождало заученную и плохо понимаемую рѣчь разсказчицы. 85-лѣтняя старуха *Гүйдиха*, передавшая ее г. Шишацкому-Иличу, уже не существуетъ, и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей — сколько мы его знаемъ — не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-то языческихъ плователяхъ по «круглому» морю, занимательнаго только для просвѣщеннаго человѣка. Страшно подумать, сколько еще и въ наше время гибнетъ сокровищъ народнаго духа, по недостатку такихъ людей, какъ Шишацкій-Иличъ! Открытіемъ этого памятника Южно-Русской народной поэзіи онъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя «Слова о Полку Игоревѣ.»

Интересно во многих отношениях введение разсказицы въ стихотворную часть ея сказанія. Сама она не придавала никакой важности словамъ своимъ, называя ихъ *верзьякамь*, и находилась, вѣроятно, въ такомъ состояннн, какъ одна старуха-сказочница, которая говорила о себѣ: »За старостю мало вже що памятаю; мовъ сплю, абó п'яна, абó, здається, перёдъ вами стою да й брешу зъ головою, чогó зъ роду й не чуюла.« Она сохранила въ памяти свое сказаніе не иначе, какъ съ того времени, когда, будучи ребенкомъ, слухала *въ зяпечку* какую-нибудь 80-лѣтнюю старуху. Поэтому въ ея словахъ слышатся намъ преданія Екатерининскаго вѣка, когда еще существовала Сѣчь Запорожская; а старуха, отъ которой сама она переняла древній речитативъ, могла видѣть собственными глазами людей, слышавшихъ пѣвцовъ первыхъ временъ козачества. (1)

ДУМА-СКАЗАНІЕ О МОРСКОМЪ ПОХОДѢ »СТАРШАГО КНЯЗЯ-ЯЗЫЧНИКА ВЪ
»ХРИСТИАНСКУЮ ЗЕМЛЮ.« (*)

Старіи люде кажутъ, що колись були люде зовсімъ не такі, якъ (2), тепереньки: були, кажутъ, и великіи и гонкіи такъ, що

(*) *Переводъ.* — Говорятъ старые люди, что когда-то народъ былъ совѣтъ не томъ, что теперь: былъ крупень и такой рослой, что нога,

(1) Перепечатаваю ее изъ № 16 »Черниговскихъ Губернскихъ Вѣдомостей« 1855, гдѣ она неосновательно названна »Сказкою про бога Посвѣстача«, въ противорѣчіе словамъ самого г. Шишацкаго-Илича, что »дума заключаетъ въ себѣ не фантазію, или же мысли объ извѣстныхъ историческихъ, или семейножитейскихъ фактахъ, несуществующихъ во времени, а самый фактъ.« (Примѣч. 5) Кроме того, въ думѣ этой описываются главнымъ образомъ похождения князя съ дружиною, а не дѣйствія бога Посвѣстача, и потому не слѣдовало называть ее такъ, какъ она названа первымъ издателемъ.

(2) Въ правописаннн держусь того же правила, которое соблюдено мною въ редакціи думъ Андрея Шута Александровскаго.

одна нога, примірно сказати, намъ по плечѣ досягала, а въ нашихъ хатахъ тепереньки їмъ и жити би не по мірі. Сказано, порадъ порі усе малятця. Колись, кажуть... Богъ-то єго знає уже, коли се буде... зростуть такі люде, якъ у насъ мурашки, да тогді уже, поговорують, и конецъ світу буде. Бачъ, кажуть старіі люде... да Богъ-то єго знає, відкуля вони сее уже знають: чи то їмъ уже такеньки прадіди розказували, чи инакъ якъ, Господь їхъ знає... якъ-то воно буде такє, що люде такъ изживутьця, що якъ комашки ти стануть! Ажє жъ, якъ подивитьця на теперешнєго чоловіка, дакъ ище либонь не швидко такє малє переробитця, и світь ище замісь довго стоять буде. Не намъ, бачъ, дождать сєго: хибá вже діти наші, чи внўки, абó далі.

Да то сказано, що люде си великіи булі зовсімъ не те, що ми, Християне: у їхъ и бога якось инакъ звали — кажуть, *Подсвистачъ* якісь. Вінъ, кажуть-то, установлявъ годіну усюди, а більше нечогó и не знавъ: объ другімъ чимъ другіи знали и порядокъ свій давали.

примірно сказати, досягнула би намъ до плеча, а въ нашихъ хатахъ ему и жити теперъ было би не по мѣрѣ. Извѣстно, чтò дальше, то все народъ мельчаєть. Говорять, когда-то... Богъ знаєть только, когда это будеть... явятся такіє люди, какъ теперъ муравьи, да тогда ужъ, сказывають, и конецъ свѣта настанєть. Видишь, говорятъ старые люди... только Богъ ихъ знаєть, откуда они все это знають: такъ ли ужъ имъ прадѣды разсказывали, или какъ-нибудь иначе... какъ оно этакъ сдѣлаєтся, что люди изживутся и стануть, какъ муравьи! Вѣдь, какъ посмотрѣть на нонѣшняго человека, то, кажется, не скоро бы всему этакъ выродиться, и свѣту, кажись, стоять бы еще долго. Не намъ, видишь, дожить до этого: развѣ доживуть наши дѣти, или внуки, или далѣе.

Ну, извѣстно, эти большіє люди были совсѣмъ не то, чтò мы, Християне: у нихъ и бога какъ-то иначе звали: богъ у нихъ былъ, говорятъ, какой-то *Подсвистачъ*. Онъ, говорятъ, устанавливалъ всюду погоду, а больше ни о чемъ не заботился; объ иномъ прочемъ заботились другіє и распоряжались по-своему.

Такъ-то було колись, про що вамъ старá Гуйди́ха верзѣ́ае.⁽¹⁾
Сказано: *Старóму брехáть — не цїномъ махáть.*

Отó, кáжуть... слухáйте жь, бо се вже справеднá кáзка почи́ветця... у сїхъ великихъ людéй старшій якї́ийсь бувъ князь, да задумавъ вінъ женїтьця, щобъ по собі було когó на царстві зоставить. Ставъ сей князь людéй своїхъ ззивáть. Зийшли́ся усе́ старї́й, розумни́ гóлови, що совіть давали́ своїмú князю. Вінъ їмъ и ка́же:

»Оце́, слуги́ мої́ вірні́, намъ треба́ знáть,
Когó послі́ мене́ на царство́ зоставить,
Щобъ́ вами́, розумни́ми́ гóловами́, до́бре-предо́бре правїть;
Ча́сомъ ⁽²⁾ моє́ї́ смéрти, щобъ́ ви́ знáли,
Когó́ царéвáть поставїть.»

Отъ́ їмú́ и ка́жуть:

»Ще́ ти́, пашь́ старшій́ князю́, нáша гóловá наро́дна,
Ще́ ти́ сáмъ мо́жешь до́брїй совіть да́ть,
И свої́мъ рóзумомъ по́мірковáть.
А ко́ли дозвóллишь, такъ́ ми то́бї́ о́ть що́ ска́жемъ:
Не прика́жи насъ ка́знїть и рубáть,
А по́зволь то́бї́ красну́ю княгї́ню достáть,

Такъ-то было когда-то все это, что вамъ старая Гуйди́ха болтае́тъ.
Извѣ́стно, *старóму брехáть — не цїномъ махáть.*

Ну, вотъ, говорятъ... слушайте же: это ужъ настоящая сказка начинается... у этихъ большихъ людей былъ какой-то старшій князь, и вздумалъ онъ жениться, чтобъ было кого оставить по себѣ на царствѣ. Сталъ этотъ князь людей своихъ зывать. Сошлись все́ старыя, умныя головы, что давали совѣты своему князю. Онъ и говоритъ имъ. ⁽³⁾

(1) При этомъ разсказица улыбулась. *Прим. Ш.-И.*

(2) Въ-случаѣ.

(3) Языкъ самой думы такъ близко подходитъ къ обще-употребительному Русскому языку, что сплошной переводъ былъ бы излишнимъ. Я объясню только нѣкоторыя мѣста и отдѣльныя слова.

Позволь карабелі стругати
Да на сіне море вижджати.»

Тутъ старшій князь усміхнувся...

Повелівъ караблі зняряжати

И нові будовати, ⁽¹⁾

А въ караблі військо насажувати

И кадкі меду уставляти,

Щобъ було съ чимъ по сіньому морю гуляти,

Да красную княгиню затримати и шанувати. ⁽²⁾

Якъ зобрали жъ да збудовали караблі,

Тогди ставъ князь у волосину даху одягатиця ⁽³⁾

Да золотимъ чересломъ ⁽⁴⁾ підперязуватиця. ⁽⁵⁾

Стали вірніи слуги ёго на майданахъ громадитиця ⁽⁶⁾

⁽¹⁾ И новые строить.

⁽²⁾ Угощать и потчевать.

⁽³⁾ Въ мохнатую даху одѣваться. — *Даха* или *даху* — по-Монгольски, а *дах* — въ Иркутской и Томской губ. — родъ шубы, шерстю наружу. («Матеріалы для Сравнительнаго и Объяснительнаго Словаря», стр. 195.) Попросту — даха значить бурка съ *кобенякомъ* (капюшономъ), какъ это видно изъ слѣдующаго отрывка пѣсни, записанной г. Шишацкимъ-Иличемъ въ селѣ Чемерѣ, Колецекаго уѣзда:

Обувъ ноги не въ ремінь, не въ ремінь,

А въ чоботи изъ сапьяну, изъ сапьяну,

Шитий чересь все шовками — кругомъ стану.

Одягъ плѣчи не въ жупанъ, не въ жупанъ,

Надівъ даху, ставъ якъ панъ, ставъ якъ панъ.

Вовна звѣрху такъ и мае, такъ и мае.

Ззаду кобень такъ и грае, такъ и грае;

А рукава да широкіи, широки:

Задастъ мѡлодь всякій дѡвонці морѡки...

Г. Шишацкій-Иличъ прибавилъ къ этому отрывку слѣдующее объясненіе:

На мой вопросъ: «Что такое даха?» пѣвецъ этой пѣсни отвѣчалъ мнѣ: «Хутрянѣ звѣрева свѣта, тѣльки вовною до вѣрху, себѣ-то пеначе кожухъ, да тѣльки дѣже корѡтка. Кажуть, була ся одѣжина ажъ вишше вкѡлішокъ; иззаду наче кобенякъ, а рукава ширѡки да такъ и мѣались по вітру, а на рѣки не вдягались. Я, бачъ, не бачивъ, а кажуть такъ.»

⁽⁴⁾ *Чересло* или *чересь* — кожаный поясъ, въ которомъ обыкновенно носили деньги. — ⁽⁵⁾ Опоясываться. — ⁽⁶⁾ На выгонахъ собираться.

Да своїмú бóгу Посвістачу молитьця,
Щобъ вінъ імъ годіну давъ
Да мòря не турбовáвъ. (1)

Стáли за сiмъ вони збирáтьця
Да карабéлі свої у мòре випускáть.
Стáли карабéлі свої чáйми (2) підимáть ;
Якъ стáдо лебедiвъ вони одъ бéрега одпливáли,
По синiмú мóрю якъ бжòли (3) сновáли,
Що ажъ мòре собóю, ненáче хмáрами (4) тiми, криiма укривáли.

'Іде князь стáрший зъ своїмъ вiйськомъ по крúглому мóрю до землi Хри-
стиiнськóї,

Щобъ тамъ у лякъ своїми караблiями усiхъ постановiти (5)

И собi красну ю книгiню въ замужже достáти.

Якъ стáли вони до Христiянськóї землi доiжджáти,
Стáло стáршого князя удáле сéрце недóбре зачувáти,

И кáже вінъ своїмъ рáднимъ слугáмъ : (6)

»Эй ви слуги моi, рáти вiрнiи !

Щось моi душá недóбре чýе :

(1) Не волновалъ.

(2) Слово, и Малороссіянамъ уже непонятное. По смыслу — мачты и паруса. —
(3) Пчелы. — (4) Тучами. — (5) У лякъ постановити — привести въ ужасъ. —

(6) Эти два слова, можетъ быть, пѣлись старосвѣтскими баянами — *ратными* слугами. Поправка позднѣйшихъ пѣвцовъ, или расказчиковъ имѣетъ свое основаніе и не уклоняется отъ смысла «старыхъ словесъ». Чуры у козаковъ были не только *ратными*, но и *радными* слугами (т. е. слугами-совѣтниками). Это не были конюшіе, или разсылные, это были повѣренныя величайшихъ тайнъ. Хмѣльницькій послалъ своего чуру къ женѣ Барабаша за бумагами, отъ которыхъ зависѣла судьба Малороссіи. Чура Палія, Стоусь, посѣдовалъ за нимъ въ Сибирь. Въ думѣ Андрея Шута о Хмѣльницькомъ говорится (Сборн. Метлинск. стр. 391):

Тодi жъ то не могли знáти ни сóтники,

Нi полкóвники,

Нi чўри козáцькiи,

Нi мўжи громадськiи,

Що нашъ панъ Хмельницькiй — —

У гóродi Чигринi задумáвъ вже й загадáвъ.

Що ні сонъ не йде, ні хліба извісти,

Ні воді испити...

Колибъ намъ часомъ ⁽¹⁾ отгуть своїхъ дѣшъ не положить!

Тоді старі гóлови стали князя резднити,

Що на синьму морю імъ нічого боятись :

Бачь, вони свого бóга Посвістача прохали моря не турбовати.

Якъ тільки жъ до бѣрега Християньского вони стали допливати,

Ставъ чорний орелъ надъ моремъ літати,

А літавши, ставъ вінъ гóлосомъ казати : ⁽²⁾

»Пхе, Рѹська кóсть пахне!«

Ставъ народъ Християньский до моря зиходитця

Да Бóга свого прохати,

Щобъ вінъ карабелі вражеськи вітромъ розогнавъ,

Чи водою потопивъ.

Ставъ Богъ Християньский бѹрю підимати

Да круглее сине море изъ свого лóжа вивертати.

Тоді караблі по морю безъ ладу гуляли,

Чайми їхъ вітромъ ламало

Да по воді роскидало.

Стало військо князя старшого у морі потопати,

Ставъ тоді старший князь своїмъ раднимъ слугамъ казати :

»Эй ви, слуги мої вірні! ⁽³⁾

Не есть се богъ нашъ Посвістачъ Богъ настоящий,

Що вінъ сѣєі бури не втишивъ,

Да наші караблі въ такій силі потопивъ.

Деся нашъ богъ Посвістачъ спавъ,

Чи въ Макоши ⁽⁴⁾ гулявъ....

Есть-то Богъ настоящий

Богъ Християньский!«

Тоді старший князь караблі свої останні завертавъ,

(1) Подъ-часъ. — (2) Говорить.

(2) Этогъ стихъ подтверждаетъ предвидущее замѣчаніе.

(4) Макоша — Славянскій богъ тишины.

Да назадъ одпливавъ.

Якъ прихавъ князь старшій у свою невірную зѣмлю,
Ставъ вінъ совіть старіхъ людей ззивать да збирать,

Да въ Християнську зѣмлю посилатъ,

Щобъ вони тамъ віру займали

Да Християнського Бѣга и собі Бѣгомъ зазнали.

Дѣвго старі гѣлови мовчали.

Одні свого старшого князя одъ сѣі дѣмки одвертали,

Другі самі собі нарекали,

А трѣті стали старшого князя важить, ⁽¹⁾

Щобъ швидче човні бударажить ⁽²⁾

Да у Християнську зѣмлю одпливать.

Стали вони вижджать,

Стали тогді усі шіръ пировать,

Да кріпкимъ мѣдомъ дорѣгу поливать.

Не день и не двѣ вони такъ гуляли,

Покіль ажъ посланці зъ старшимъ княземъ назадъ повертались.

У дудкѣ грали

И въ брязкити ⁽³⁾ брязчали...

Я тамъ булѣ,

Медь-вино пила,

По бороді текло,

Да въ роті не було.

Зъ барилечка горілочка буль-буль,

А нашимъ ворогамъ сімъ дуль! ⁽⁴⁾

Въ какое время была сложена эта дума?

Кто будетъ утверждать, что, хотя она относится и къ стариннымъ событіямъ, но сложена во времена козачества, тотъ не

(1) Убѣждать. — (2) Ладьи сваряжать. — (3) Бренчалки. — (4) Кукишей. — По древности воспоминанія, рядомъ съ этой думою должно поставить отрывокъ пѣсни о *разореніи Києва Батыемъ*. (См. въ приложеніяхъ).

представить никакихъ фактическихъ доказательствъ. Я напротивъ полагаю, что она современна самому событію, въ ней воспѣтому, и только съ теченіемъ времени утратила мѣстами старинныя формы рѣчи: забывая ихъ понемногу, пѣвцы могли замѣнять утраченныя слова и выраженія соответствовавшими имъ изъ современнаго языка, подобно тому какъ и въ наше время общепонятные синонимы, а такъ-же Великорусскія слова и иногда цѣлыя рѣченія подмѣшиваются къ старинному языку думъ. (1)

Описывая странствованія Одиссея, Гомеръ заставляетъ его слушать рапсодіи, въ которыхъ воспѣваются его же подвиги. Изъ этого видно, что, по убѣжденію Гомера, героическія пѣсни слагались были Греческимъ народомъ на основаніи молвы, только что поражающей его воображеніе. Рапсодіи народовъ Германскаго племени тоже слагались при жизни дѣйствующихъ въ нихъ лицъ, или непосредственно послѣ ихъ смерти. На этомъ основаніи и Шиллеръ заставляетъ своего Рудольфа прослезиться въ день коронаціи отъ пѣсни о собственномъ подвигѣ благочестія. То же самое надобно сказать о произведеніяхъ Провансальскихъ трубадуровъ, объ Испанскихъ и о Шотландскихъ балладахъ. Наши пѣвцы такъ-же слагали свои думы непосредственно вѣдѣ за событіями, которыя давали строй ихъ мыслямъ, или въ честь, а пожалуй и въ порицаніе живущихъ лицъ. Такъ въ «Краткой Исторіи о Бунтахъ Хмѣльницкаго», написанной современникомъ этихъ «бунтовъ», говорится (на стр. 44), что невѣста Тимооева Хмѣльницкаго, накануне свиданія съ нимъ, приказывала пѣть себѣ о немъ «думу козацкую»; а въ Лѣтописи Величка (стр. 536) упомянуто, что епископъ Львовскій Юсифъ Шумлянскій, на досаду гетману Самойловичу, «зложилъ собою думу альбо пѣсню» о Вѣнской войнѣ.

(1) Недавно я слушалъ лирника Федора Кононенка, въ селѣ Александровкѣ, Лубенскаго уѣзда. Въ думѣ объ Ивасѣ Вдовичевкѣ, онъ въ первый разъ пропѣлъ: *шліку изъ голови знімáє*, а въ другой: *шлікъ изъ глави зди́ймáє*. На вопросъ мой: отчего онъ неодинаково поетъ? онъ отвѣчалъ: «То я попростому співавъ, а ви оттакъ записуйте: *шлікъ изъ глави зди́ймáє*.»

Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири (¹) говорить :

Ой де жъ то панъ Палій Семѣнь *тепер*а журитця!

Она сравниваетъ Мазепу, который, пожертвовавъ душою, носить шитую золотомъ свиту, съ Паліемъ, бѣдствующимъ въ Сибири :

Той, дѣшу заклѣвши, свиту, бачъ, гаптуе,

А той по Сибіру — мовъ въ лѣзі дубѣе...

и унылымъ своимъ складомъ, чуждымъ всякаго утѣшенія, выражаетъ, что во время ея сочиненія Палій не былъ еще возвращенъ изъ Сибири, а Мазепа находился на верху своего могущества.

Теперь слѣдуетъ вопросъ: Кто были слагатели историческихъ думъ и пѣсень?

Судя по нынѣшнимъ ихъ пѣвцамъ, можно бы было полагать, что такіе же слѣпцы были и ихъ авторами. Но отъ-чего же они теперь не сложили думы на 1812-й, или 1831-й годъ, въ подобіе тому, какъ нѣкогда кто-то сложилъ :

Шведського року, нещаслівого літа.....?

Отъ-чего Гладкій, при рожденіи котораго затрепетала земля (см. выше, стр. 165), не воспѣтъ нищими слѣпцами такъ, какъ Палій, вѣрный слуга Царя Петра? Мнѣ скажутъ, что этому причиною общій упадокъ Малороссійскаго народнаго творчества, происходящій въ-слѣдствіе обобщенія національностей, или, что причиною этому отсутствіе старосвѣтской централизаціи Малороссіи. Но то и другое будетъ справедливо только отъ-части, и не въ приложеніи къ вопросу о слѣпцахъ. Я прибавлю третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный

(¹) «Укр. Нар. Пѣсни», изд. Максимовичемъ, стр. 113.

ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для нея исторической цѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающему его духовную жизнь въ новыхъ формахъ — цивилизації. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній Малороссійскаго поэтического генія и ни коимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики, или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсодистовъ, какъ Греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ — отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи. Наши рапсодіи, въ которыхъ разсказываются такія подробности, какъ напримѣръ:

Перва (аренда) на Самарі,
Друга на Саксані,
Трѣйта на Гнилій,
Четвѣрта на Пробойній,
Пята на річці Кудесці (¹)...

или:

Городъ Сорѣку у неділю рано задобіде зявъ,
На ринку обідь пообідавъ,
Къ полудній годині до гóрода Січа́ви припа́въ,
Городъ Січа́ву огнѣмъ запалі́въ и мечѣмъ исплюдрова́въ (²)...

наши рапсодіи суть наши поэтическія лѣтописи. Гомеръ, сложившій Іліаду лѣтъ черезъ полтораста по разореніи Трои, не могъ иначе помнитъ всѣхъ Данайскихъ кораблей и разныхъ народцевъ съ ихъ исторіями, какъ посредствомъ подобныхъ обстоятельныхъ

(¹) См. выше, стр. 58.

(²) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 393.

рапсодій, въ которыхъ фантазія пѣвца опиралась безпрестанно на собственные его воспоминаія. Онъ былъ Вальтеромъ Скоттомъ Греческой старины. Онъ собралъ память многихъ людей въ одну память и творчество многихъ умовъ въ одинъ умъ, сообщилъ всему этому единство представленія и слилъ отдаленнѣйшія преданія, легенды и пѣсни съ собственными впечатлѣніями, воспоминаніями и разказами очевидцевъ ближайшей къ нему старины. Великія явленія въ исторіяхъ литературъ не повторяются въ точной параллели между собою, но, по одинаковости натуры общаго генія человѣческаго, они болѣе или менѣе имѣютъ между собою общаго; и потому ниши пѣсни, сложенные народомъ, послужать, — если не послужили уже отъ-части — къ возсозданію вѣрнаго образа прошедшаго, въ произведеніяхъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ вкуса новаго, цивилизованнаго общества. Мы и народъ — одно и то же, по нравственному развитію Малороссійскаго населенія, но только онъ, съ его изустною поэзією, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы — начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша построена прямо на началахъ его изустной *словесности* (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣ своихъ предшественниковъ, Украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ ни въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные намъ слѣпцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими) части Малороссійскаго населенія, а составляя только его отребіе, могутъ творить новыя думы, въ-уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности?... Но возвратимся еще къ непрерывности народнаго поэтического творчества.

Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что сюда относится, и слѣпцы остались за предѣлами нашего круга. Но она не въ силахъ была

расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго чловѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ Малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизации сильно возстають любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ *народной* жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокоиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни; а жизнь, двигаясь впередъ, непременно создаетъ для себя новыя и новыя формы. Что выйдетъ изъ Малороссійскаго цивилизованнаго общества, по-видимому совершенно отрѣшившагося отъ своего прошедшаго и доходящаго до бозобразія въ стремленіи къ обобщенію съ общечеловѣческою жизнью, — мы не знаемъ, но не можемъ потерять (ибо не потеряли до сихъ поръ) вѣры, что эта сумятица понятій и убѣжденій, которая поражаетъ насъ въ его массахъ и отдѣльныхъ личностяхъ, подъ видимою своею безпорядочностію скрываетъ вѣрный ходъ къ высшему духовному развитію. Притомъ же никогда не должно терять изъ виду, что залогомъ грядущей жизни часто скрываются глубоко въ *народѣ* (разумѣя подъ этимъ словомъ не однихъ простолюдиновъ) и что жизнь, составляя вообще тайну для ума чловѣческаго, и тутъ не легко дается ему досмотрѣться до дѣйствительныхъ двигателей общественнаго развитія. Исторія ужъ много разъ изумляла насъ обнаруженіемъ глубоко вкоренившейся новой жизненной силы подъ омертвѣлыми, почти неподвижными остатками прошедшаго порядка вещей и слишкомъ бурными массами новыхъ, еще безобразныхъ явленій; но она еще никогда не отступала отъ законовъ преемства между стариною и новымъ временемъ. А потому и въ нравственной исторіи Южно-Русскаго племени движенія чловѣческаго духа въ формахъ былого не должны остаться безъ соотвѣтственныхъ послѣдствій.

Итакъ вотъ мой отвѣтъ на вопросъ: почему современные слѣзные пѣвцы-нищіе не творятъ новыхъ думъ подъ-стать старымъ:

Spiewak niestety! spiewać nie mam komu.... (1)

Поколѣніе простолюдиновъ отрѣшилось отъ своего прошедшаго въ-слѣдствіе новаго порядка вещей, по которому не масса народа, управляемая инстинктомъ, а извѣстное, ограниченное число людей, стремясь къ ясно понимаемымъ цѣлямъ, творить историческія обстоятельства. Оно отвыкло питаться поэтическою пищею воспоминаній, потому что новая обстановка жизни, мало-помалу подавила въ немъ симпатію къ тому, что не напоминаетъ ему его положенія. Поэтому дума бандуриста, сложенная въ эпоху Хмѣльницкаго, производитъ слабое впечатлѣніе на народъ; а какъ поэтъ есть только собиратель въ одинъ фокусъ народныхъ чувствъ и мыслей, то и пѣть для бандуриста-простолюдина достаточнаго возбужденія на творчество. Мало того: онъ даже забываетъ заученныя отъ другихъ думы, по причинѣ апатіи и невниманія своихъ слушателей, какъ это выразилъ и самъ Архипъ Оржицкій, сколько былъ способенъ выразить (см. выше, стр. 13 — 14). Люди же новаго образованія, въ которыхъ возродилась сила народнаго духа, съ своей стороны не могутъ удовлетвориться возрѣніемъ темнаго простолюдина на жизнь, и потому самому не даютъ ему поэтическаго возбужденія къ творчеству. Имъ нужны уже *поэты*, въ новомъ значеніи слова, — люди, окруженные одинаковымъ съ ними горизонтомъ, и творенія этихъ поэтовъ, даже ненапечатанныя, они знаютъ наизусть, а произведенія ихъ, по обширности и формѣ неудобныя для сохраненія въ памяти, переписываютъ съ пожертвованіемъ значительнаго времени и издержекъ. Не говорю уже о сочиненіяхъ на Велико-русскомъ и на Польскомъ языкахъ такихъ писателей, какъ Гоголь и Богданъ Залѣскій. Бандура и пѣніе сдѣлались ненужными, по совершенству изложенія,

(1) Т. е. Увы, я пѣвецъ, и некому мнѣ пѣть!

возбуждающаго внутрѣннею своею гармонією поэтическое сочувствіе въ обществѣ: явленіе такъ-же не новое между народами.

Но одни ли только слѣпцы были въ-старину Малороссійскими рапсодами? Нѣтъ, и вотъ тому доказательства:

1. Въ думѣ о смерти козака-кобзаря, записанной г. Аванасьевымъ между Шыратиномъ и Прилуками ⁽¹⁾, изображается козакъ, который вышелъ изъ битвы на израненномъ конѣ, съ переломаннымъ копьемъ, потерявъ саблю и выстрѣлявъ всѣ заряды. Онъ утоляетъ свою скорбь пѣснейю о приближающейся смерти и игрою на бандурѣ, которую называетъ вѣрною подругою и къ которой обращается, какъ къ существу чувствующему. Изъ этой думы видно, что бандура бывала иной разъ такою жъ принадлежностью козака въ дорогѣ, какъ и люлька, ибо она названа *подорожною*, и когда козакъ лишился всего, то —

Тільки й зосталась ёму *бандура* подорожня
Та у глибокій кишени *люлька*-бурунька.

Уже это сближеніе бандуры съ люлкою, которая, по извѣстной пѣснѣ, для козака нужнѣе жинки ⁽²⁾, показываетъ, какою употребительною вещью была она въ тѣ времена, когда человекъ жилъ на конѣ и не имѣлъ другой словесности и другого свидѣтельства о своихъ подвигахъ, кромѣ пѣсни. Но всего лучше прочитаемъ самую думу, которая не для всякаго памятна по сборнику.

ДУМА О СМЕРТИ КОЗАКА-БАНДУРИСТА. (*)

Ой на Татарськихъ поляхъ,
На козацькихъ шляхахъ,

(*) *Переводъ*. — На Татарскихъ поляхъ, на козацкихъ дорогахъ

(1) «Нар. Южнор. Пѣсни», изд. Метлинскаго, стр. 443.

(2) Мині зъ живкою не возитьця,

А тютюнъ та люлька козаку въ дорозі знадобитця

Не вовкі-сіроманці квілять-проквіляють,
Не орлі-чорнокрильці клекочуть и підъ небесами літають :
То сидить на могилі козакъ старесенький,
Якъ голубонько сивесенький,
У кобзу грає-виграває,
Голосно співає...

Кінь біля ёго постріляний, порубаний,
Ратище поламане.
Піхви безъ шаблі булатної,
У ладівниці ні однісенького набію.
Тільки й зосталась ёму бандура подорожня,
Та у глибокій кишени люлька-бурунька,
Та тютюну півъ-папушки.

Козакъ сердєга люлечку потягає,
У кобзу грає-виграває,
Жалібно співає :
»Гей, братця, пані молодці,
Козакі Запорозці !
Де ви ся повертаєте.
Якъ ви ся маєте ?
Чи до Січи-матери прибуваєте ?

не сърые волки воють, не чернокрылые орлы клохчуть и подь небесами летають : то сидитъ на курганѣ престарѣлый козакъ, съдой какъ голубъ ; онъ играетъ на кобзѣ, онъ громко поеть...

Подлѣ него израченный пулями и саблями конь, изломанное коше, ножны безъ булатной сабли, и ни одного заряда въ ладункѣ. Только и осталась у него дорожная бандура да въ глубокомъ карманѣ бурая трубка, да поль-папуши табаку.

Козакъ бѣдняга трубочку покуриваетъ, играетъ на кобзѣ и жалобно поеть : »Гой вы, братцы, паны молодцы, козаки Запорожцы ! гдѣ вы обрѣтаетесь ? каково вамъ поводится ? Возвращаетесь ли вы къ матери-Съчи, побиваете ли дубемъ враговъ Ляховъ, загоняете ли въ по-

Чи до Січи-матери прибуваєте,
Чи Ляхівъ-ворогівъ кийми покладаете?
Чи Татаръ бусурмѣнівъ малахайми, якъ череду, у полонъ заганяете?
Кодибъ мині Богъ помігъ старі ноги росправляти,
За ва́ми поспіша́ти,
Мо́же бъ ще я здужавъ на останку віку вамъ заграти,
Голосно заспівати!
Нехай би моя ко́бза зна́ла,
Що мене рука Христия́нська поховала!
Ато пропаде́ моя ко́бза ні за собаку:
Лежа́тима сама́ собі у степу́, ви́вернувши угору с...!
А вже мині старѣнькому безъ ко́бзи пропа́дати:
Не зможу́ я по степна́хъ чвалати.
Буду́ть мене́ вовки-сіроманці зустрівати,
Буду́ть дідомъ за обідомъ коня́ мо́го заїдати.
Ко́бзо жъ мо́я, дружи́но вірна́я,
Банду́ро мо́я малѣваная!
Де жъ мині тебѣ діти?
А чи у чістому степу́ спаліти?
И попілець по вітру пустіти?
А чи на могилі́ положи́ти?
Нехай буйни́й вітеръ по степна́хъ пролітає,
Стру́ни твої зачінає,

лонъ нагайками бусурмановъ Татаръ, какъ стадо! Когдабы помогъ мнѣ Богъ расправитъ старыя ноги и поспѣшитъ за вами, то, можетъ быть, я бы еще былъ въ силахъ заиграть и громко заѣтъ вамъ при концѣ жизни! Пускай бы моя кобза знала, что меня похоронила рука Християнская! Ато пропадетъ моя кобза ни за собаку: будетъ валяться въ степи, опрокинувшись къ-верху задомъ! Приходится мнѣ, дряхлому, погибать безъ кобзы: не въ силахъ я тащиться по степи. Повстрѣчаютъ меня сърые волки; конь мой будетъ имъ обѣдомъ, а я, старикъ, закускою. О кобза, подруга моя вірная, бандура ты моя размалеванная! Куда мнѣ дѣвать тебя? Сжечь ли мнѣ тебя и развѣять пепель по вѣтру, или положить на курганъ? Пусть буйный вѣтеръ пролетаетъ по степнямъ, пусть

Смутнісенько, жалібнєсенько грає-виграє.

То, може, подорожні козаки бігтимуть близенько,

Почують, що ти граєш жалібненько,

Привернуть до могили...» (1)

Итакъ въ первыя времена козацкаго рыцарства бандура была не случайною вещью у воина; иначе она бы не была названа въ думѣхъ подорожною и не упоминалась бы рядомъ съ люлькою.

2. Когда средоточіемъ Малороссійской національности, вмѣсто Запорожья, или *Полей*, сдѣлались *Города*, Запорожье и сюда перенесло многія черты свои. Бандура сдѣлалась на Украинѣ общепотребительнымъ инструментомъ у всѣхъ, кто самъ себя называлъ *козакомъ*, или кого другіе такъ называли. Чтобы въ козацкій вѣкъ и въ козацкомъ обществѣ называть себя козакомъ, или отъ другихъ получить такое названіе, для этого нужно было имѣть всѣ отличительныя свойства козацкаго характера, а въ томъ числѣ и искусство выраженія козацкихъ чувствъ. Объ этомъ мы можемъ догадываться по недавнимъ, существовавшимъ еще на на-

здѣваетъ твои струны и грустно, жалобно на нихъ наигрываетъ. Можетъ быть, проѣзжіе козаки будутъ скакать близко; можетъ быть, услышать твой жалобный голосъ и повертаться къ кургану...»

(1) Думу эту надобно отнести къ первымъ временамъ козачества, когда убѣжищемъ Малороссійской національности была *Сінь-мѣти*, или *Поля*, какъ называлось вообще Запорожье, и когда съ одной стороны наши степные рыцари отражали напоръ невѣрныхъ Татаръ на Христіанскія земли, а съ другой боролись за свое существованіе съ Польскими коронными гетманами, которые, не зная какъ согласить поступки Запорожцевъ съ общими интересами государства, не разъ готовы были уничтожить ихъ совершенно. Всѣ думы временъ Хмѣльницкаго имѣютъ свою почву *Городá*, или собственно *Украину*, и не говорятъ ничего о враждѣ къ Татарамъ, которые въ то время были союзниками козаковъ. Всѣ послѣ Хмѣльницкаго сложенные думы такъ сильно проникнуты духомъ партіи, что ни одинъ бандуристъ не могъ бы сложить пятидесяти стиховъ, не упомянувъ въ нихъ ни объ одномъ изъ лицъ, подъ знаменами которыхъ дѣйствовали тогда раздробленные интересы Малороссіи.

шей памяти бандуристамъ не-слѣпцамъ и не-нищимъ: они были именно тѣ люди въ народѣ, которыхъ выразительно называли *козаками*. Это были большею частью удалые, молодцоватые парубки, которые, женись и сдѣлавшись степенными людьми, только подъ веселую (попросту — пьяную) минуту брались за бандуру и плясали подъ нее съ чаркою на головѣ, а иной разъ и плакали. Теперь ужъ эти козаки между козаками измельчали, въ-слѣдствіе перехода дѣятельной силы народнаго духа въ другой классъ общества; бандуры ихъ раскололись въ щепья, и они — если чувствуютъ въ себѣ музыкальныя способности — дѣлаются свадебными музыкантами на скрипкахъ и басахъ. Но въ-старину бандура была инструментомъ не только удалыхъ молодцовъ, но и знатныхъ людей въ козацкомъ товариществѣ. Она уступала первое мѣсто только гусямъ, которыя, по преданію о Царѣ Давидѣ, были присвоены особамъ духовнаго сана, или тѣмъ лицамъ, которыя чувствовали себя слишкомъ степенными для буйной козацкой, подъ-часъ цинической поэзіи (¹). Пѣсня о пребываніи Палія въ Сибири показываетъ, какое важное значеніе имѣла бандура въ жизни козака. Въ этой пѣснѣ, исполненной глубокой грусти, какъ по содержанию, такъ и по напѣву, представляется козацкій предводитель тоскующимъ въ удаленіи отъ родины и отъ восхода до захода солнечнаго бродящимъ по Сибирской пустынѣ:

Высоко сонце сходитъ, низенько ложитця;
Ой десь-то панъ Палій Семѣнь тепѣра журитця?
Высоко сонце сходитъ, низенько заходитъ;
Ой десь-то панъ Палій Семѣнь по Сибіру бродить!

Онъ ищетъ утѣшенія въ религіи; онъ чувствуетъ приближеніе старости и кается въ грѣхахъ своихъ:

(¹) Еще недавно на гусяхъ игривали въ Малороссіи дворяне стараго вѣка; теперь вы ихъ найдете только у священниковъ; а одинъ только разъ, именно въ 1853 году, я встрѣтилъ этотъ инструментъ въ рукахъ слѣпого пѣвца-нищаго, въ Золотоношскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи.

»Ой чуро мій, чуро, мій вірний Стоюсю!
Ой ходімо у каплицю, Бѣгу помолѣся.
Ой Бѣгови помолѣся, святимъ поклонѣся:
Зледацівъ же я, понѣрний, старѣнькимъ здаѣся,
Старѣнькимъ здаѣся, молитися мѣшу!
Хай мѣлує Милостивий мою грѣшну дѣшу!«

Это одно средство къ облегченію *понѣрой* души изгнанника, такъ какъ религіозное начало, то есть стремленіе къ безконечному, лежитъ въ основѣ Малороссійскаго характера. Но человекъ не можетъ оставаться долго на высотѣ религіознаго возношенія души къ Богу; земная тоска имѣетъ всегда свою долю въ душѣ его:

Пішовъ панъ Палій Семѣнь Бѣгови молиця, —
Не то Бѣгови молиця, а не то журитя.

Отводомъ этой тоски служить человекъ философія, которая въ ней самой беретъ свое начало, но, развиваясь болѣе и болѣе, возвращаетъ человекъ утраченное спокойствіе. Палій естественно долженъ былъ въ своемъ одиночествѣ утѣлять душевную скорбь философскими сѣтованіями, отъ которыхъ одинъ только шагъ до высшаго утѣшенія (хотя этотъ шагъ дѣлають немногіе). Но посмотрите, что служитъ ему органомъ скорби: бандура и пѣсня:

Пришовъ панъ Палій долѣму да й сівъ у наміті,
На бандурці вигравѣе: »Михо жити въ свѣті!«
Той, дѣшу заклѣвши, свѣту, бачъ, гаптѣе,
А той по Сибѣру мовъ у лѣзі дубѣе!«

Бандура здѣсь упомянута не для украшенія стиха. Строгий характеръ исторической Малороссійской пѣсни вообще, и этой въ особенности, не допускаетъ никакихъ украшеній, въ противорѣчіе дѣйствительности. Исчисленіе вещей и предметовъ природы въ нашихъ пѣсняхъ основано всегда на исторической истинѣ: фантазія пѣвца свято ее уважаетъ, и это составляетъ одно изъ су-

щественныхъ достоинствъ Малороссійскаго эпоса. Пѣвецъ, изображая Палія съ бандурою въ рукахъ по возвращеніи съ молитвы, не могъ бы не чувствовать неестественности этого положенія, еслибъ оно не было въ обычаяхъ того времени и не согласовалось съ понятіями народа о томъ, какъ долженъ проводить свое время въ Сибири такой рыцарь, какъ Палій. А два способа душевнаго изліянія, религіозный и поэтический, взятые въ пѣснѣ и поставленные рядомъ, показываютъ, что бандура и пѣсня заступали въ старину второе мѣсто послѣ возношенія души къ Богу въ молитвѣ.

3. Въ старосвѣтскихъ мѣщанскихъ и козацкихъ свѣтлицахъ можно до сихъ поръ встрѣтить изображеніе Запорожца во всей красѣ его. Онъ сидитъ, сложивъ накрестъ ноги, и играетъ на бандурѣ; подлѣ него, въ лѣсу, пасется конь, а вдали на деревѣ виситъ ногами къ-верху Жидъ, а иногда и Ляхъ. Г. Скальковскій, съ свойственнымъ ему искусствомъ объяснять козацкую исторію, замѣчаетъ въ своей книгѣ: »Наѣзды Гайдамакъ« (стр. 153), что висящая на деревѣ фигура есть козакъ и что она представляетъ изображеніе участя, которая ожидаетъ въ Польшѣ всякаго гайдамацкаго предводителя. Но въ стихахъ, списанныхъ имъ же съ такой картины и помѣщенныхъ вслѣдъ за объясненіемъ, Запорожець выражаетъ торжество свое надъ Поляками и Жидами и безопасно шутитъ по-Запорожски съ читателемъ:

Въ мене имя не одно, а есть їх до-ката;
Такъ зовуть, якъ набіжишъ на якого свата:
Жидъ зъ біди за рідного батька почитає,
Милостивимъ добродіємъ и Ляхъ називає.
А ти якъ хочъ назові — на всё позволяю,
Аби-бъ тільки не крамаремъ, бо за те полаю.

Эти надписи имѣють множество вариантовъ, но всё онѣ, какъ видно, пошли отъ одного стихотворенія какого-нибудь маляра, который »удралъ« для кого-то Запорожца со всѣми его принадлеж-

ностями и выразилъ его философію въ полукнижныхъ виршахъ. (1)
Одна надпись начинается такъ :

Струни мої золотіі! заграйте мні стиха,
Ачѣй (2) козакъ-нетяжише позабуде ліха....

Это двустишіе напоминаетъ общій тонъ пѣсни о Паліи и назначаетъ бандурѣ ея обычную роль въ жизни козака. Народъ полюбилъ изображеніе Запорожца съ бандурою въ рукахъ; а если полюбилъ народъ, это значитъ, что изображеніе похоже на свою натуру, то есть, что съ понятіемъ о Запорожцѣ въ умѣ народа непремѣнно соединялась бандура. Но этотъ инструментъ не имѣлъ для него смысла балалайки. Воззвавъ къ своимъ золотымъ струнамъ, Запорожець выражаетъ глубокую тоску о своей бурлацкой, бѣдственной, хоть и разгульной подь-часъ жизни. Хоть онъ и говоритъ, что у нихъ въ Сѣчи *гладко пють, якъ зъ лука бють* съ утра до ночи; хоть онъ и хвалится своими молодецкими подвигами; но тутъ же, въ комическихъ краскахъ, изображаетъ бессиліе грядущей старости, — разумѣется, одинокой и безпріютной посреди черстваго *товариства*, и во всей стихотворной рѣчи его слышится то же самое, что выражала и бандура Палія, именно: *Ліхо жити въ світі!*... Таково было значеніе бандуры для козака въ старыя времена, таково оно, въ понятіи народа, и до сихъ поръ. Это органъ для выраженія глубокихъ душевныхъ движеній, а не веселый инструментъ для танцевъ, хотя веселость, или комизмъ въ Малороссійскомъ характерѣ всегда идетъ объ руку съ грустью (какъ это доказалъ и нашъ Гоголь), и бандуристъ зъ *журби* можетъ ударить плясовую, какъ-бы желая закружиться въ вихрѣ танца и позабыть на время тоску свою.

4. Если, такимъ образомъ, старый воинъ, въ послѣдній свой

(1) Вспомнимъ Запорожца, который рисовалъ костюмы для «Лѣтописнаго Повѣствованія о Малой Россіи», Ригельмана. Такой мастеръ могъ сочинить изображеніе Запорожца-кобзаря и стихи подъ нимъ, которые сдѣлали народною и самую картину. — Полную надпись помѣщаю въ приложеніяхъ. — (2) Авось-либо

часть, обращался къ бандурѣ съ рѣчью, какъ къ живому существу, и передавалъ ей грусть о близкой кончинѣ вдали отъ товарищей; если изгнанникъ въ Сибири выражалъ этимъ органомъ свои мысли и чувства на тему: *Лихо жити въ свѣті!* если чубатый Запорожець взывалъ къ золотымъ струнамъ въ надеждѣ позабыть, при звонѣ ихъ, о своихъ бѣдствіяхъ: то какъ не заключить, что такія думы, какъ о дарахъ Баторія, какъ о походѣ Серпяги, или о походѣ Сомка Мушкета, или о войнахъ Богдана Хмѣльницкаго, сложены самими дѣйствующими лицами кровавыхъ трагедій старины, а не безоружными слѣпцами? Владѣя инструментомъ и глядя на событія сквозь призму цвѣтистаго Украинскаго воображенія, неужели они только повторяли думы слѣпцовъ, а сами ихъ не складывали? Гораздо естественнѣе было слѣпцамъ, посѣщая козацкіе таборы и бесѣды для милостыни, наслушаться козацкихъ пѣсень и потомъ распѣвать ихъ на *пріспавъ* подъ сельскими хатами. Имъ принадлежать, можетъ быть, только думы собственно поучительныя; но воинскія думы уже одною обстоятельствомъ описаній битвъ, переправъ и всѣхъ операций войны показываютъ, что онѣ вышли изъ души, сильно волновавшейся при зрѣлищѣ этихъ явленій. (1)

Б. Такъ какъ думы слагались немедленно послѣ всякаго событія, потрясавшаго «козацкій народъ», и какъ многія лица, владѣвшія бандурою, безъ сомнѣнія, импровизировали подъ нее свои впечатлѣнія и воспоминанія, подобно Палію въ Сибири, или старому козаку, вышедшему изъ битвы на израненномъ конѣ; то можно судить, какое обиліе произведеній эпической изуестной поэзіи существовало въ длинный періодъ времени отъ морскихъ походовъ первыхъ Кіевскихъ князей до переходной эпохи, въ которую народное

(1) Напомню читателю стихъ изъ пѣсни, о которой буду говорить подробно ниже:

Не попустимо Ляхові Польщи!

Бандуристъ-слѣпецъ сказалъ бы: *Не попусти, Бѣже!* или: *Не попустіте, козаки!*

творчество сдѣлалось достояніемъ людей новаго вѣка. Лѣтописцы наши воее не упоминають о думахъ, такъ какъ-бы ихъ никогда и не пѣлось; но они молчатъ и о пѣсняхъ, которыми до сихъ поръ сопровождается каждое обстоятельство въ жизни Малоросійскихъ поселянъ. Будучи почти исключительно отшельниками, они до временъ Хмѣльницкаго едва считали нужнымъ записывать въ своихъ *крѣпичкахъ*, что въ такомъ-то году была война *Крукѡвщина*, а въ такомъ *Таборщина*, и т. д. Только эпоха Хмѣльницкаго вовлекла иноковъ и всѣхъ грамотныхъ людей въ интересы козачества и заставила ихъ кой о чемъ пораспространиться. Но существованіе, въ формѣ думы, такого стариннаго воспоминанія, какъ походы нашихъ аргонатовъ, показываетъ, что она ведетъ свое начало съ того времени, когда въ мирномъ племени Полянъ образовалось воинственное и предприимчивое общество, подъ предводительствомъ Балтійскихъ Руссовъ. Разумѣется, старыя римованныя, или тоническія сказанія слагались для извѣстнаго класса слушателей и въ этомъ классѣ сохранялись посредствомъ одной памяти. Грамота въ то время была такимъ дѣломъ, которое можно было употребить только для переписки священныхъ книгъ, для сохраненія договорныхъ статей да для записыванія, что такой-то князь сѣде на такомъ-то столѣ, а такой-то приде войною на такого-то. До инока, погребеннаго заживо въ пещерѣ, не доходили воинственныя пѣсни княжеской дружины; если же онъ и слышалъ ихъ, появляясь изрѣдка на княжескомъ дворѣ, то осуждалъ, какъ суету мірскую, вмѣстѣ съ *сопьями* и *гусями*, которыя имъ вторили. Времена удѣловъ благопріятствовали еще менѣе сохраненію на бумагѣ старинныхъ думъ. Только необъяснимая случайность выбросила намъ изъ бездны забвенія одну думу о *полю Игореви*, но и та дошла до насъ въ искаженномъ видѣ. Понятія тогдашнихъ переписчиковъ допускали измѣненія въ чужомъ сказаніи по собственному вкусу, и какой-нибудь Владимірецъ, добываясь отъ поэмы лѣтописнаго интереса, могъ потрудиться надъ старой, или оригинальной рукописью по-своему, чтобы разоблачить ее отъ римъ, которыя только случайно кое-гдѣ уцѣлѣли. Но,

можетъ быть, это было совсѣмъ иначе: можетъ быть, уроженецъ безрименной страны слыхаль рапсодіи южныхъ пѣвцовъ и, въ подражаніе имъ, сложилъ полу-думу, полу-лѣтопись объ Игорѣ, не усвоивъ себѣ южной риемы. Противъ этихъ парадоксовъ можно возразить только парадоксами, потому что область старосвѣтской поэтической дѣятельности на Руси расширяется вокругъ »Слова о Полку Игоревѣ« темною пустынею, въ которой только гдѣ-товдали слышенъ голосъ Бояна, *соловья стараго времени...* Для состязующихся нѣтъ никакихъ опоръ, ни орудій. Дѣло кончается на догадкахъ, и каждый остается при своемъ мнѣніи. Положимъ, что »Слово о Полку Игоревѣ« есть произведеніе, независящее отъ думъ; но способность Южно-Русскаго племени къ эпическому творчеству не могла пробудиться только съ возрожденіемъ княжескихъ дружинъ подъ формами козачества. Существова въ эту эпоху, она должна была существовать и въ эпохи отдаленнѣйшія, какъ тому служить доказательствомъ и приведенная выше дума объ аргонавтахъ Южно-Русскихъ. Если же при жизни козаковъ объ ихъ подвигахъ уже слагались думы, то почему было князьямъ не получать подобной хвалы отъ современныхъ имъ Бояновъ? Объ этомъ ясно говорится въ »Словѣ о Полку Игоревѣ« : *...пльсь поляше старому Ярославу, храброму Мстиславу, красному Романови Святъславичю. Или : О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плькы ущеко-таль!... пльти было пльсь Игореви, того Ома внуку.* Самый заключительный куплетъ поэмы: *Слава Игорю Святъславичю, буй туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, поборая за Христьяны на поганья пльки! Княземъ слава, а дружиниъ аминь!* очень похожъ на окончанія многихъ нашихъ думъ, и всего болѣе на заключительные стихи думы о Паліи и Мазепѣ :

Дай, Бѣже, честь и хвалу
Свѣтъ праведному Государю,
Та й Семѣну Палію, превеликому пану,
Що не давъ Шведу Христьянъ на поталу!

Ой дай, Боже, усімъ Християнамъ многая літа
Та щасливого прожитія у сімъ світі! (1)

Да и до сихъ поръ еще остались въ народѣ слѣды старинныхъ славословіи князьямъ, то есть предводителямъ войска. Въ *щедрий вечеръ*, наканунѣ новаго года, толпа народа, подойдя къ окну дома, котораго хозяина зовутъ, положимъ, Александромъ, поетъ :

Славень, славень да пань Олександра!

Щедрий вѣчиръ!

Ой чимъ же вінъ славень? тромъ городами.

Щедрий вѣчиръ!

Тромъ городами, своїми синами.

Щедрий вѣчиръ!

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе городовъ, которыми обыкновенно бывають Кіевъ, Черниговъ и тотъ, который ближе къ селу. Сыновья сидятъ въ городахъ, и каждый имѣетъ свою заботу: одинъ собирается на войну, другой на охоту, третій на свадьбу. Къ сожалѣнію, я не помню словъ этой *щедрівки*, слышанной мною въ дѣтствѣ подъ окнами родительскаго дома. Но каждый согласится, что она изображаетъ князя и его сыновей на удѣлахъ. Чтò значить припѣвъ: *Щедрий вѣчиръ*? Не было ли въ-старину определенныхъ вечеровъ, въ которые князья слушали собственное славословіе и *щедро* угощали, или награждали пѣвцовъ, какъ это и теперь дѣлается хозяиномъ дома, которому *щедрують*? (2)

Итакъ, по одному уже обычаю слагать думы въ честь князьямъ, а потомъ въ честь козацкимъ *ліцарямъ* и по легкости Малороссійскаго речитатива, можно заключить, что пѣсенность въ старья времена Южной Руси была въ сильномъ развитіи, и что эпосъ былъ такъ употребителенъ между рыцарствомъ, какъ ли-

(1) «Запорожская Старина», изд. Срезневскаго, т. II, стр. 75.

(2) Трубадуры по оканчаніи своихъ пѣсень восклицали: *Largesse! largesse!*

рическая поэзія — между женщинами. Но здѣсь представляется еще одно заключеніе. Въ женскихъ пѣсняхъ языкъ, независимо даже отъ дивной текучести стиха, обработанъ до изумительной степени совершенства. Вы не встрѣтите слова, сколько-нибудь вялаго, или плохо подобранаго. Какъ зерна въ хорошемъ колосѣ, такъ слова въ лучшихъ, неискаженныхъ еще нашихъ пѣсняхъ, набраны всё здоровыя, звучныя и полнозвѣсныя. Въ изложеніи замѣтенъ строгій вкусъ; въ звукоподражаніяхъ языкъ доведенъ до послѣдней своей гибкости, съ сохраненіемъ въ то же время мужественнаго, густого тона. Какъ произошли всё эти явленія? Неужели языкъ женскихъ пѣсень обрабатывался отдѣльно и дошелъ самъ собой до такого совершенства? Или женщины наши заговорили о своихъ чувствахъ только со времянь козачества, и въ короткое время, безъ пособія письменности, успѣли возвести рѣчь свою на такую высокую степень красоты? Нѣтъ, тутъ надобно предполагать трудъ нѣсколькихъ столѣтій, и исторія другихъ языковъ показываетъ, какъ медленно совершается подобная обработка. Собственно женщинамъ нашимъ принадлежитъ только несравненная ни съ чѣмъ пѣвучесть стиха, но мужественный звонъ его и сила его словъ находятся въ явномъ соотношеніи съ языкомъ думъ и мужскихъ пѣсень. Дума была первою формою, изобрѣтенною нашими древними Боянами, для того, чтобы *ущекотать*, подобно словью, какой-нибудь побѣдоносный полкъ съ его княземъ, и безчисленныя битвы старосвѣтскихъ дружинъ давали имъ поводъ къ безчисленнымъ славословіямъ, въ свободной формѣ думы. Немудрено, что эти славословія, наполненныя собственными именами, какъ и поэма объ Игорѣ, и наши историческія думы, были перезабыты, когда въ гражданской жизни Южныхъ Руссовъ случился перебой, разогнавшій и истребившій талантливыхъ пѣвцовъ ихъ, и что они воскресли только съ козачествомъ. Подобное явленіе совершается передъ нами и въ настоящее время, не смотря на то, что все населеніе Малороссіи остается на мѣстѣ и что только новыя стихіи гражданской жизни заступаютъ мѣсто старыхъ.

Приведу еще два факта изъ исторіи Южно-Русской народной

словесности, въ доказательство того, что эпосъ былъ развитъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ въ древней, а потомъ и въ козацкой Руси и что Боянами не были нищія (которыхъ одна необходимость заставляеть изучать козацкія думы), а сами рыцари, сами дѣтели и свидѣтели геройскихъ подвиговъ.

6. Мнѣ неоднократно случалось слышать отъ старыхъ людей, что въ-старину появлялись иногда въ какомъ-нибудь пиршественномъ, или иномъ сборищѣ странствующие пѣвцы, которые въ-теченіе нѣсколькихъ часовъ, а иногда и цѣлаго дня занимали общество пѣснями о старинѣ, и что эти пѣсни перебирали одного гетмана за другимъ, описывая старыя войны и приключенія. Къ сожалѣнію, случайные свидѣтели такихъ явленій не знали имъ цѣны, или даже находились еще въ дѣтскомъ возрастѣ и, только по соображенію съ позднѣйшими понятіями о народной поэзіи, догадывались, что передъ ними въ то время происходило. Сами нынѣшніе пѣвцы историческихъ думъ, какъ Андрей Александровскій и Архипъ 'Оржицкій, вспоминають о своихъ наставникахъ, что они знали думы о многихъ гетманахъ и что передали имъ только нѣкоторыя. Ни одинъ бандуристъ не сказалъ еще мнѣ, что онъ изучилъ *всю* думы своего учителя. Зная по извѣстнымъ намъ пѣсамъ, какъ удобно историческія событія, со всѣми мелочными обстоятельствомъ, укладываются въ форму думы, мы можемъ, со всѣмъ правдоподобіемъ, заключить, что память старосвѣтскихъ бандуристовъ хранила въ себѣ риѣмованныя лѣтописи былого, въ которыхъ исторія фактовъ сочеталась съ исторіей души народа. Эти лѣтописи едва-ли не навсегда утрачены, по милости старинной схоластической образованности, которая считала достойными памяти потомства только свои бездушныя произведенія.

7. Въ Харьковской губерніи, Богодуховскаго уѣзда, въ селѣ Красномъ Кутѣ живетъ зажиточный старикъ-слѣпецъ Ригорѣнко, которому въ его молодости одинъ Запорожець продалъ свою осьмиструнную бандуру. Эта бандура была неразлучною спутницею жизни «добраго молодца» до разрушенія и по разрушеніи Сѣчи. Онъ рѣшился разстаться съ нею единственно изъ крайней нужды

въ деньгахъ и разстался со слезами и съ причитаньями, похожими на причитанья по мертвомъ :

»Ти жъ була моєю втіхою (говорилъ онъ), ти жъ розважала менé у всякій пригоді. Багато людей вельможнихъ, багато лицарства славного и всякого народу православного слухали твоїхъ пісень! Де ти не була, якої пригоди не дознала? Чи разъ же ти мою гóлову и зъ шйнку визволяла? Чи разъ же ти въ заставі лежала, та й нігдè жъ ти не застріяла! А тепèрь довелось мині съ тобю розлучатись, за чотіри карбóванні рублі тебе въ чужі рўки отдавати, та й по вікъ вішний, мóже, тебе не видати!« и т. п.

Запорожець, по словамъ Ригорéнка, зналъ безчисленное множество пѣсень и думъ о старинѣ и нѣкоторыя передалъ ему. Ригорéнко усвоилъ бы ихъ и все, но Запорожець умеръ, не успѣвъ передать ему всего, что зналъ и, можетъ быть, скомпоновалъ собственнымъ *замышленіемъ*. Свѣжая пора жизни самого ученика его прошла, какъ сонъ; наступившая старость, вмѣстѣ съ перемѣною вкуса слушателей, затмила въ его памяти и то, что зналъ онъ. Когда познакомился съ нимъ ревностный собиратель пѣсень М. В. Нѣговскій, его бандура съ оборванными струнами давно уже валялась въ коморѣ на полицѣ, и охладѣвшій къ своему ремеслу пѣвецъ съ трудомъ могъ припомнить нѣсколько думъ, которыя были переданы ему Запорожцемъ. Эти немногіе остатки отъ пѣсень *последняго менестреля* козацкаго чрезвычайно, однакожь, важны и въ своемъ разрозненномъ и искаженномъ видѣ. Они расширяють передъ нами область фантазіи старосвѣтскихъ пѣвцовъ нашихъ и сильно говорятъ воображенію о тѣхъ утраченныхъ рапсодіяхъ, къ которымъ они примыкали если не по содержанию, то по характеру поэтической живописи. Принося отъ лица всѣхъ цѣнителей памятниковъ нашей народной поэзіи благодарность г. Нѣговскому за доставленіе мнѣ этихъ драгоценностей, помѣщая ихъ въ моемъ сборникѣ. Одна изъ нихъ, о *Гайжѣ Андыбѣрь* известна уже по моему списку, напечатанному въ сборникѣ пѣ-

сень А. Л. Метлинскаго (стр. 377); но г. Нѣговскій открылъ весьма важный варіантъ этой думы, въ которомъ многія мѣста написаны гораздо сильнѣе, нежели въ речитативѣ Андрея Шута. Зато онъ слабѣе въ цѣломъ и въ немъ потеряна основная мысль рассудки — вражда войсковою черни къ *дѣкамъ*, захватившимъ въ свои руки лучшія земли и угодія. Тотъ и другой речитативы имѣютъ полную свою цѣну только въ совокупности, и такъ какъ дума Андрея Шута напечатана уже въ ея первоначальномъ видѣ, то я, не опасаясь исказить ее неудачными вставками, дополнилъ ее здѣсь лучшими мѣстами изъ списка г. Нѣговскаго; а чтобы чрезъ то не скрыть отъ читателей всѣхъ отличій и этого списка, помѣщаю изъ него въ приложеніяхъ все, что не вошло въ сдѣланное мною дополненіе думы Андрея Шута.

1.

ДОПОЛНЕННАЯ ДУМА О КОЗАКѢ АНДЫБЕРѢ. (*)

Ой полемъ, полемъ Килійськимъ,
Бітимъ шляхомъ Ордынськимъ,
Гей гулявъ, гулявъ бідний козакъ-нетяга сімъ годъ и чотирі,
Та потерявъ съ-підъ себѣ три коні вороніи.
На дванадцятий годъ повертае —
Козакъ-нетяга до гóрода Черкасъ прибувае.
На козакѣ, бідному нетязі,
Три сіромязі,
Опанчіна рогозова,

(*) *Переводъ.* — По Килійскому полю, по торной Ордынской дороге, гулялъ бѣдный козакъ-нетяга (бездомный) семь лѣтъ и четыре и потерялъ троихъ верховыхъ вороныхъ коней. Наступаетъ двенадцатый годъ — козакъ-нетяга прибываетъ къ городу Черкасамъ. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ три сермяги, зпанчишка изъ ситника, поясишка изъ хмѣлю. На бѣдномъ козакѣ-нетягѣ сафьянцы — видать пяты и пальцы;

Поясіна хмелова̂я
На козаку̂, бідному петя́зі, сап'я́нці —
Видні п'я́ти и п'я́льці,
Де ступи́ть — бо́сої но́гі слі́д пи́ше.
А ще на козаку̂, бідному петя́зі, ша́пка-бірка —
Зве́рху дірка,
Ху́тро го́ле, око́лиці Бігъ-ма́е;
Вона́ дощэ́мь покрі́та,
А ві́тромъ, на сла́ву коза́цьку, підбі́та.

Ще́ жъ то коза́къ, бідний петя́га, до го́рода Черка́сь прибува́е,
На́сті Горово́ї, каба́шниці степово́ї, шука́е-пита́е.
Сбо́ро коза́къ, петя́га На́сті Горово́ї, каба́шниці степово́ї-допитався,
Зара́з у світли́цю вбра́вся.
Та́м пи́ли три Ля́хи,
Ду́ки-срібля́ники:
Пе́рвий пивъ́ Гаври́ло Довгопо́ленко Пере́яславський,
Дру́гий пивъ́ Вийте́нко Ніже́нський,
Тре́тій пивъ́ Золо́таренко́ Черніго́вський. (¹)
Отъ во́ни пи́ли-підпива́ли,

гдѣ ни ступи́ть — слѣ́д бо́сої но́ги оста́вляє́ть. А е́ще на бѣ́дномъ ко-
за́къ-петя́гѣ бара́нья ша́пка — свѣ́рху ды́ра, мѣ́хъ вы́лѣзъ, око́лышка
нѣ́ту; дождэ́мь ша́пка покрі́та, а вѣ́тромъ, на коза́цкую сла́ву, подбі́та.

Прибу́ває́ть бѣ́дний коза́къ-петя́га вѣ́ городъ Черка́сы и спра́шивае́ть,
гдѣ́ живе́ть На́стя Горово́я, каба́шниця степна́я. Ли́шь то́лько оты́скала́ е́е,
то́тъ-ча́съ ввали́вся вѣ́ свѣ́телку. Та́м пи́ли три Ля́ха, ду́ки-богачи́:
пе́рвый Гаври́ло Довгопо́ленко Пере́яславскі́й, дру́гой Войте́нко Нѣ́жин-
скі́й, тре́тій Золо́таренко́ Черніго́вскі́й. Пью́ть о́ни, гуля́ють и под-

(¹) Вѣ́ думѣ́ Ригоре́нка эти́ и́мена пере́и́начены, а и́менно: *Ки́евскі́й Вийте́н-
ко, Пере́яславскі́й Судо́енко, Га́врило Кри́лі́вскі́й Довгопо́ленко*. Я уде́р-
жа́лъ и́мена, исчисленны́я Андре́емъ Шу́томъ, пото́му что́ они́ складо́мъ сво-
и́мъ напо́минають наро́дны́я названі́я полковни́ковъ. На при́мѣръ, Васи́лій Золо-
та́ренко́ называ́лся вѣ́ наро́дѣ́ *Васю́тою Ніже́нськимъ*, Ма́ртинъ Пу́шкарь —
Ма́ртіно́мъ Пу́шкаремъ Полта́вськимъ, и т. д.

Съ козакá-нетя́ги насміхались,
На шинка́рку поклика́ли :
 »Гей шинка́рко Горовая,
 Насте́ молодая!
 Добре́ ти дбай́ —
Намъ соло́дкі меді, оковіту́ горілку́ ще́ підси́най,
Сє́го козакá, пресу́чого сїна, у потїлицю́ съ хати́ ви́пихай ;
 Бо десь вінь по ви́нницяхъ, по броварняхъ валя́вся,
 Опалївся, ошарпався, обідрався,
 До насъ прийшо́въ добува́ти,
 А въ іншу́ корчму́ б́уде нести́ пропива́ти.«

Тоді́ шинка́рка Горовая,
Настя́, каба́шниця степовая,
Козакá-нетя́гу за́ чубъ бра́ла,
Въ потїлицю́ съ хати́ ви́бивала.
То коза́къ-нетя́га до́бре дба́е,
Коза́цькими пята́ми опина́е.

 Поти́ пався,
 По́ки до поро́га добра́вся.
Коза́цькими пята́ми за́ порі́г зачепа́е,
А коза́цькими рука́ми за́ одві́рки хапа́е,
Підъ мїсникъ го́лову коза́цьку́ молодє́цьку хова́е.

Тоді́ два́ Ляхі́, ду́ки-срібля́никі, на є́го погляда́ли,

смѣиваются надъ козакомъ-нетягою и говорятъ: »Эй шинка́рка (продавица напѣтковъ) Горовая, Настя́ молодая! приба́вь намъ сладкихъ медовъ и доброй водки, а этого каналью козака вытолкай въ-зашей изъ хаты. Онъ валялся гдѣ-то по винокурнямъ, по пивоварнямъ, кругомъ обгорѣлъ, оборвался и пришелъ къ намъ на заработки, а заработавши пропьеть не въ твоей, а въ другой какой-нибудь корчмѣ.«

Тогда шинка́рка, Настя́ Горовая, каба́шниця степная, беретъ козака-нетягу за чубъ и толкаетъ въ-зашей изъ хаты. А коза́къ-нетяга упира́лся коза́цькими пята́ми, пока дошелъ до поро́га ; а тамъ зацѣпился ко-

Зъ ёго насміхали,
А третій, Гавріло Довгопóленко Переяславський, бувъ обáшний :
Изъ карма́на *людську денежку* вийма́въ,
На́сті каба́шній до рукъ до́бре отдава́въ,

А ще сти́ха слова́ми промовля́въ :

»Гей«, ка́же, »ти, шинка́рко молодá, ти, На́сте каба́шна!
Ти«, ка́же, »до сiхъ бiднихъ козакiв-не́тягъ хочь злáя, да й обáшна :

Коли́бъ ти до́бре дбáла,
Сю дене́жку до рукъ прийма́ла,
До по́греба одходи́ла,
Хочь поро́цово́го пiва уточи́ла,

Сiмú козаку́, бiдному не́тязи, на похмiллe живи́ть ёго коза́цький скрепи́ла.

Тодi На́стя Горовáя,
Шинка́рка степова́я,
Сама́ вь лéхъ не ходíла,
Да найми́чку поси́лала :
»Гей, дíвка найми́чко!
До́бре ти вчини́,
Кiнву-чверти́вку вь рúки вхо́пи

зацкими пятами за порогъ, схватился козацкими руками за косяки. а козацкую, молодецкую голову спряталъ подъ *мисникъ*. (1)

Смотрятъ на него Ляхи, дúки-богачи, и смéются. Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгопóленко Переяславскiй, былъ человекъ толковый : овъ выпуль изъ карма́на *людскую денежку*, подаль На́стé каба́чной и сказа́лъ : »Эй ты, молодая шинкарка, ты, На́стя каба́чная ! ты хоть и зла на этихъ бiдныхъ козаковъ-не́тягъ, но разсудлива. Возьми-ка эту денежку, поди вь погребъ, наточи хочь мартовскаго пива, чтобъ этотъ бiдный козакъ-не́тяга подкрéпилъ на похмэльи свой козацкiй животъ.

Не пошла На́стя Горовая, каба́чница стенная, сама вь погребъ, а послала служанку : »Эй, дéвушка-служанка ! захвати-ка съ собою чет-

(1) *Мисникъ* — полка надъ дверью, для мисокъ. Здéсь выражается высокiй ростъ козака-не́тяги, который досягнуль головой до полки (а полка обыкновенно находится подъ самымъ потолокомъ), и не только досягнуль, но еще наклонился, чтобы спрятать голову отъ На́сти.

Та въ лёхъ убіжи,
Та вісімъ бóчокъ мий,
А зъ девятої погáного пивá наточи.
Якъ маємъ ми ёго свиньямъ виливати,
То будемъ ми ёго на такихъ нетягъ раздавати.»

Тоді дівка наймичка у лёхъ убігала,
Та девять бóчокъ минála,
Та зъ десятої *пьяного чолá* меду наточила.
Та въ світлицю вхождає,
Свій нісъ геть одъ кінви одвертає,
Бўцимъ-то те пиво вонає.

Якъ подали козаку въ рўки ту кінву,
То вінъ ставъ біля пèчи
Та й почавъ підшивати пивцє грèче.
Взявъ, разъ покоштувавъ, у-друге напився,
А въ-трєте якъ узявъ ту кінву за ўхо,
То зробивъ у тій конівці сўхо.
Якъ ставъ козацьку хміль гóлову розбирати,
Ставъ козакъ конівкою по мосту дóбре погримати,

вертнюю *кнвву*, бѣги ты въ погребъ и, миновавъ восемь бочекъ, наточи изъ девятой негоднаго пива. Чѣмъ выливать намъ его свиньямъ, то лучше будемъ раздавать такимъ козакамъ-нетягамъ.»

Побѣжала наемница въ погребъ, миновала девять бочекъ, а изъ десятой наточила меду — *пьяного чела*. Воротилась въ свѣтелку и отворачиваетъ носъ отъ конвы, точно какъ-бы пиво воняло.

Подали козаку въ руки конву; онъ сѣлъ возлѣ печи и началъ тянуть пиво на-славу. Отвѣдалъ разъ, потянулъ въ другой разъ, а за третьимъ взялъ конву за ухо и осушилъ до дна.

Когда началъ хмѣль одолѣвать козацкую голову, началъ козакъ коновкою гремѣть по полу; начали тогда у дукъ-богачей чарки и фляжки прыгать со стола, а шинкаркина печка распалась на десять частей, разлетѣлась по хатѣ и за сажей не взвидѣли дўки-богачи Божьяго свѣту.

Стали въ дѹкивъ-срібляниківъ изъ столá чаркі й пляшкі скакати,
И стала шинкарєвка грѹба на дєсять штукъ скрізь по хаті летати.
Не стáли тоді Ляхі, дѹки-срібляники, за сáжею світу Божєго видати.

Тоді ті Ляхі, дѹки-срібляники, на ёго поглядáли,
Словáми промовляли :

»Дєсь сєй козákъ-нетяга нигдє не бувáвъ,
Добрихъ горілòкъ не пивáвъ,
Що ёго й поганє пиво опьянило!«

Якъ ставъ козákъ-нетяга тєє зачувáти,
Ставъ на Ляхівъ грізно гукáти :

»Гей ви, Ляхòве,
Врáзькі синòве!
Икъ порòгу посувáйтесь,
Мені, козаку-нетязі, на покуті мїсце попускайте.
Посувáйтесь тїсно,

Щобъ булò мені, козаку-нетязі, де на покуті изъ лáптями сїєти!«

Тоді Ляхі, дѹки-срібляники, дòбре дбáли,
Дáльше икъ порòгу посувáли,
Козакѹ-нетязі бїльше мїєця на покуті попускали.

Тоді козákъ-нетяга на покуті сїдàє,

Смòтратъ они тогá на него и говорять : »Видно, этотъ козакъ-нетяга нигдѣ не бывалъ и хорошей водки не пивалъ, что опьянѣлъ и отъ негоднаго пива!«

Слышитъ это козакъ-нетяга и грозно говоритъ Ляхамъ : »Эй вы, Ляхи, вражьи дѣти! подвигайтесь къ порогу, давайте мнѣ, козаку-нетягѣ, на покуть (подъ образами) мѣсто; помѣщайтесь за столомъ потѣснѣе, чтобъ было гдѣ мнѣ, козаку-нетягѣ, сѣсть на покутѣ съ лаптями!«

Тогда Ляхи, дѹки-богачи — нечего дѣлать — подвинулись дальше къ порогу и дали козаку-нетягѣ больше мѣста на покутѣ.

Ись-підъ полі позлотістий недолімокъ виньмає,
Шинкарці молодій за цєберь меду застановляє.

Тоді ті Ляхи, дўки-срібляники, на ёго поглядали,

Словами промовляли :

»Гей, шинкарко Горовая,

Насте молодая,

Кабашнице степовая!

Нехай сей козакъ, бідний нетяга, не маєтца въ тебє сєі заставщини ви-
купляти,

Намъ, дўкамъ-срібляникамъ, нехай не зарікаєтца волі поганяти.

А тобі, Насті кабашній, грубъ топити.»

Оттоді-то козакъ, бідний нетяга, якъ ставъ сїі слова зачувати,

Такъ вінъ ставъ чересокъ виньмати,

Ставъ шинкарці молодій, Насті кабашній, увесь стіль червінцями усти-
лати.

Тоді дўки-срібляники, якъ стали въ ёго червінці зоглядати,

Тоді стали ёго витати

Мєдомъ шклянкою

И горілки чаркою.

Тоді й шинкарка Горовая,

Садитєся козакъ-нетяга на покутѣ, вынимаєть изъ-подъ полы золоче-
ный чеканъ и отдаєть шинкаркѣ въ залогъ за ушатъ меду.

А дўки-богачи на него посматриваютъ и говорятъ : »Эй шинкарка
Горовая, Настя молодая, кабачница степная! пускай этотъ козакъ, бѣд-
ный нетяга, не надѣется выкупить у тебя этотъ закладъ, пускай не за-
рекается (не даєть обѣта, что не будетъ) погонять у насъ воловъ, а
у тебя, Настя кабачной, печей топить.»

Слышитъ эти слова козакъ, бѣдный нетяга, вынулъ кожаный по-
ясокъ и устлалъ молодой шинкаркѣ, Настѣ кабачной, весь столъ чер-
вонцами.

Тогда дўки-богачи, увидѣвъ у него червонцы, начали потчивать его
стаканомъ меду и чаркой водки. Тогда и шинкарка Горовая, Настя мо-

Настя молодая,
Истиха словами промовляе:
»Эй, козаче«, каже, »козаче!
Чи снідавъ ти сѣгодня, чи обїдавъ?
Ходи зо мною до кїмнати,
Сїдемъ ми съ тобою посїдаемъ,
Ли пообїдаемъ.«

Тодї - то козакъ, бїдний нетяга, по кабаку походяе,

Квартїрку одчиняе,
На бїстрїї рїки поглядае,
Кліче, добре покликае:
»Оїї рїки«, каже, »ви, рїки Низовїї,
Помощницї Днїпровїї!
Теперьь або мене зодягайте,
Або до себе приймайте!«

Оттодї одїнь козакъ идє,
Шати дорогїї несє,
На єго козакцкї плєчи надїє;
Другїй козакъ идє,
Боти сапьяновї несє,
На єго козакцкї нѳги надїє;
Трєтїй козакъ идє,

лодая, говорить ему потихоньку: »Эй козакъ ты, козакъ! завтракалъ ли ты сегодня, обѣдал ли? пойдѣмъ со мной за перегородку, сядѣмъ съ тобой, позавтракаемъ, или пообѣдаемъ.«

А козакъ, бѣдный нетяга, по кабаку похаживаетъ, отворяетъ окошко, на быстрыя рѣки посматриваетъ, громкимъ голосомъ покрикиваетъ: »Ой рѣки, вы, рѣки Низовыя, помощницы Днѣпровыя! теперь меня или приодѣньте, или къ себѣ примите!«

Тогда одинъ козакъ идетъ, дорогое платье несетъ, на его козакцкїя плеча надѣваетъ; другой козакъ идетъ, сапьянные сапоги несетъ, на его козакцкїя ноги надѣваетъ; третїй козакъ идетъ, козакцкую шапку несетъ, на его козакцкую голову надѣваетъ.

Шличокъ козацький несé,
На ёго козацьку главу надіé.

Тоді дѹки-срібляникі стіха словáми промовляли :
»Эй не ёсть же се, брáтці, козаць, бідний нетяга,
А ёсть се Феськó Гáнжа Андубёръ,
Гетьманъ Запорóзький!...

Присѹнься ти до насъ«, кáжуть, »блiжче,
Поклóнимось ми тобі шiжче,
Бѹдемъ рáдитця, чи гарáздъ- дóбре на слáвній Украiні проживáти.«
Тоді стáли ёго витáти мѣдомъ шклянкою
И горiлки чáркою.

То вінъ тée одъ дѹківъ-срібляникiвъ приймáвъ,
Самъ не випивáвъ,
А все на свої шáти проливáвъ :
»Эй шáти моi, шáти! шийте-гуляйте :
Не менé шанѹють, бо вáсь поважають.
Якъ я васъ на собi не мавъ,
То й чéсти одъ дѹківъ-срібляникiвъ не знавъ.«

Тоді - то Феськó Гáнжа Андубёръ, гетьманъ Запорóзький, стіха словáми
промовляе :

»Эй козаки«, кáже,« дiти, друзi, молóдці!

Тогда дѹки-богачи потихоньку перемолвились : »Эхъ, братцы! это не козаць, бѣдний нетяга, а Феськó Гáнжа Андубёръ, гетманъ Запорожскiй!... Придвинься«, говорятъ, »къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже и будемъ совѣтоваться, все ли хорошо у насъ идетъ въ славной Украiнѣ.« И потчиваютъ его стаканомъ меду и чаркой водки.

Принимаетъ онъ все это отъ дукъ-богачей, да не пьетъ, а проливаетъ на свою одежду : »Эй ты, одежда моя, одежда! пей, веселись! не меня потчиваютъ, тебя почитаютъ. Какъ не было тебя на мнѣ, то не было мнѣ и чести отъ богачей.«

Наконецъ Феськó Гáнжа Андубёръ, Запорожскiй гетманъ, говорятъ :

Прощу я васъ, добре дбайте,
Сіхъ дуківъ срібляниківъ за лібъ, наче волівъ, изъ-за стола вивождайте,
Передъ вікнами покладайте,
У три березини потягайте,
Щобъ вони менé споминáli,
Менé до віку памятали!»

Тільки Гаврила Довгополенка Переяславського за те улюбівъ,
Край себе сяловівъ,
Що вінъ ёму за своєю денежку пива купівъ.

Тогді жъ то козаки, діти, друзі, молодці, добре дбали,
Сіхъ дуківъ срібляниківъ за лібъ брали,
Изъ-за стола, наче волівъ, вивождали,
Передъ вікнами покладали,
У три березини потягали,
А ще стіха словами промовляли:
»Эй дукк«, кажуть, »ви, дuki!
За вами всі луги и лuki, —
Нігде нашому брату, козаку-нетязі, стати
И коня попасти!»

»Эй вы, козаки, діти, друзья, молодцы! прошу васъ, берите за чубъ
этихъ дукъ-богачей и выводите, какъ волось, изъ-за стола, кладите вы
ихъ передъ окнами и валяйте въ три березовыя палки! пусть они меня
помнятъ и до смерти не забываютъ!»

Только Гаврила Довгополенка Переяславскаго за то полюбилъ и
возлѣ себя посадилъ, что онъ купилъ ему пива за свою денежку.

Тогда козаки, діти, друзья, молодцы, дукъ-богачей за чубъ брали,
изъ-за стола, какъ волось, выводили, передъ окнами клали и въ три
березовыя палки валяли, да еще приговорили: »Эхъ дуки, вы, дуки! за-
хватили вы всѣ луга и лuki, — негдѣ нашему брату, козаку-нетягѣ,
остановиться и коня выпасти!»

ДУМА О МАРУСЬ БОГУСЛАВКЪ. (*)

Що на Чорному морі,
На камені біленькому,
Тамъ стояла темниця камяная.
Що у тій-то темниці пробувало сімъ-сотъ козаківъ,
Біднихъ невольниківъ.
То вони тридцять літь у неволі пробувають,
Божого світу, сонця праведного у вічі собі не видають.

То до їхъ дівка бранка,
Маруся, попівна Богуславка,
Приходжає,
Словами промовляє:
»Гей козакі,
Ви, бідні невольники!
Угадайте, що въ нашій землі Християнській за день тепера?»

Що тоді бідні невольники зачували,
Дівку бранку,
Марусю, попівну Богуславку,
По річахъ познавали,

(*) *Переводъ.* — На Черномъ морѣ, на бѣломъ камнѣ стояла каменная темница, и въ той темницѣ сидѣло семь-сотъ козаковъ, бѣдныхъ невольниковъ. Тридцать лѣтъ сидятъ они въ неволѣ, свѣта Божьяго, солнца праведнаго не видятъ.

И приходитъ къ нимъ дѣвушка-бранка (взятая въ неволю), Маруся, поповна Богуславка, и говоритъ имъ: »Эй козаки, бѣдные невольники! угадайте, какой теперь день въ нашей землѣ Християнской?»

Слышатъ это бѣдные невольники, узнають дѣвушка-бранку, Марусю, поповну Богуславку, по голосу и говорятъ: »Эй дѣвушка-бранка, Ма-

Слов'ами промовляли :

»Гей дівко бранко,

Марусю, попівно Богусла́вко!

Почімъ ми може́мъ знати,

Що́ вь на́шій землі Христіянській за дeнь тепeра?

Що́ тридцять літь у нево́лі пробува́емъ,

Бо́жого світу, сoнця пра́ведного у ві́чі собі не вида́емъ.

То ми не мо́жемо знати,

Що́ вь на́шій землі Христіянській за дeнь тепeра.»

Тоді дівка бранка,

Маруся, попівна Богусла́вка,

Тeе зачувае,

До козаківъ слов'ами промовляе :

»Ой коза́кі,

Ви, бідні нево́льники!

Що́ сeгодня у на́шій землі Христіянській Вели́кодная субoта,

А за́втра святі́й пра́зникъ, роковий дeнь Вели́къ-дeнь.»

То тоді ті коза́кі тeе зачували,

Білимъ лицeмъ до сирóї землі припадали,

Дівку бранку,

Мару́сю, попівну Богусла́вку,

Клялі-проклина́ли :

руся, поповна Богусла́вка! поче́мъ намъ знать, ка́кой тепeрь дeнь вь на́шей землі Христіянско́й? мы тридцять літь сидимъ вь нево́лі и Бо́жь-го свeта, пра́веднаго сонца не видимъ. Не знаeмъ мы, ка́кой тепeрь дeнь вь на́шей землі Христіянско́й.»

Тогда дeвушка-бранка, Маруся, поповна Богусла́вка, говорить ко-закамъ : »Ой коза́ки, бeдныe нево́льники! сeгодня вь на́шей землі Хри-стіянско́й стра́стная субoта, а за́втра свято́й пра́зникъ, годово́й дeнь *Вели́къ-дeнь*.«

Услыхавъ это, коза́ки пали бeлымъ лицeмъ на землю и прокляли дeвушку-бранку, Мару́сю, поповну Богусла́вку: »О, что́бъ ты, дeвушка-

»Та бодай ти, дівко бранко,
Марусю, пошівно Богуславко,
Щастя й долі собі не мала,
Якъ ти памъ святій празникъ, роковий день Великъ-день сказала!»

То годі дівка бранка,
Маруся, пошівна Богуславка.
Тее зачувала,
Словами промовляла:
»Ой козаки,
Ви, бідниі невольники!
Та не лайте мене, не проклинайте;
Бо якъ буде нашъ панъ Турецький до мечети відьжджати,
То буде мниі, дівці бранці,
Марусі, пошівні Богуславці,
На рѹки ключі віддавати;
То буду я до темниці прихождати,
Темницю відмикати,
Васъ всіхъ, біднихъ невольниківъ, на волю випускати.»

То на святій празникъ, роковий день Великъ-день,
Ставъ панъ Турецький до мечети відьжджати,
Ставъ дівці бранці,
Марусі, пошівні Богуславці,
На рѹки ключі віддавати.

бранка, Маруся, поповна Богуславка, не имѣла ни счастья, ни доли! за-
чѣмъ ты намъ объявила, что сегодня святой празникъ, годовой день
Великъ-день!»

Тогда дѣвушка-бранка, Маруся, поповна Богуславка, говоритъ имъ:
»Ой козаки, бѣдные невольники! не браните меня, не проклинайте!
Какъ будетъ ѣхать нашъ Турокъ-господинъ въ мечеть, то отдастъ мнѣ
на руки ключи; тогда я приду къ темницѣ, отопру темницу и выпущу
всѣхъ васъ, бѣдныхъ невольниковъ, на волю.»

И вотъ въ святой празникъ, въ годовой день Великъ-день, выѣзжаетъ
Турокъ-господинъ въ мечеть и отдастъ ключи на руки дѣвущкѣ-бранкѣ,

Ой визволи, Боже, насъ всѣхъ, бѣднихъ невольниківъ,

Зъ тяжкої неволі,

Зъ віри бусурменської,

На ясні зорі,

На тихі води,

У край веселій,

У міръ хрещеній!

Вислухай, Боже, у прозьбахъ щірихъ,

У нещаснихъ молитвахъ

Насъ, бѣднихъ невольниківъ!

Молитва, заканчивающая эту думу, представляет для изучающего исторію Южно-Русской народной словесности весьма важное обстоятельство. Въ ней говорится: »Визволи, Боже, насъ, — вислухай, Боже, насъ, бѣднихъ невольниківъ.« Такъ какъ Турецкіе пристани и рынки были наполнены »ясѣромъ« Татарскимъ и плѣнниками, захваченными на сушѣ и на морѣ, то надобно предположить, что въ Турціи существовала, такъ сказать, цѣлая нація Южныхъ Руссовъ, и что эта нація, соединенная языкомъ, вѣрою и воспоминаніями о родинѣ, подобно Евреямъ, плакавшимъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, имѣла свою невольничью исторію и поэзію. Бандуристы до сихъ поръ раздѣляютъ свои пѣсни (называя такъ и думы) на *козацкія*, которыя имѣютъ своею сценою Украину, и на *невольничкія*, которыя описываютъ пребываніе козаковъ на Турецкихъ галерахъ, или въ плѣну у Турокъ и Татаръ. Невольничьихъ пѣсень должно было быть очень много, потому, что отдаленіе отъ родины служило для плѣнниковъ безпрестаннымъ возбужденіемъ къ воспоминаніямъ о »ясныхъ зоряхъ, о тихихъ водахъ, о веселомъ краѣ, о крещеномъ мірѣ«, и что эти пѣсни были вмѣстѣ и молитвами, какъ это видимъ и изъ думы о Марушѣ

неволи, изъ земли бусурманской! возврати насъ къ яснымъ зорямъ, къ тихимъ водамъ, въ край веселый, межъ народъ хрещеный! выслушай, Боже, наши горячія просьбы, наши несчастныя невольничкія мольбы!

Богуславкѣ. Вникнемъ въ народныя наименованія пѣсень *жинѳцкими, козацкими и невольницькими*. Жинѳцкихъ не поють козаки (или вообще — мужчины); козацкихъ не поють женщины: поэтому и невольницкія должны были пѣться, а слѣдовательно и слагаться, невольниками. Здѣсь получаютъ важный смыслъ слова Кондрата Таранѳхи (см. выше, стр. 137): »Гайдамака йде (було) тихо. А се вже вони тогді співали, якъ у неволі сиділи.« Чтобы не оставить мѣста для возраженій, скажу, что въ невольницкихъ пѣсняхъ надобно различать два рода: *плачи*, къ которымъ принадлежитъ дума о Марусѣ Богуславкѣ, и *славословія*, къ которымъ относится дума о Кішкѣ Самійлѣ. Эти послѣднія слагались естественно дома, въ честь героевъ, и состоятъ больше изъ торжественныхъ сценъ, нежели изъ жалобъ, но слагались однакожь людьми, попробовавшими »Турецкой каторги«, какъ это видно изъ множества мелочныхъ обстоятельствъ, которыя ввертываются только въ рѣчь очевидца; и кто знаетъ, гдѣ они были больше въ ходу: между невольниками, которыхъ сѣрдца они такъ близко касались, или между козаками вольными? Можетъ быть, тѣ и другіе, мѣняясь ролями, мѣнялись и своими пѣснями о неволѣ, и взаимно прибавляли въ нихъ цвѣтовъ своихъ.

3.

ДУМА О КОЗАЦКОЇ ЖИЗНИ. (*)

Не одинъ козакъ самъ собі шкоду шкѳдивъ,

Що відъ молодіи жінки у військо ходивъ.

Его жінка кляла - проклинала:

»Бодай тебѣ, козаче сіромѳахо, побіло въ чистому полі

Три недѳлі:

(*) *Переводъ.* — Не одинъ козакъ дѣлалъ тѣмъ себѣ вредъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ. Жена проклинала его: »Чтобъ тебя,

Перша недоля — щобъ підъ тобою добрий кінь приставъ ;

Друга недоля — щобъ ти козаківъ не догнавъ ;

Третя недоля — щобъ тебе козакі не злюбили

И въ курінь не пустили !»

А козакъ добре дбає ,

На жінку не потурæ ,

Жінці віри не діймає ;

Коневі частенько зелéного сiна підкладає ,

Жóвтого вiсèа підсипає ,

Холодною кренишною водою коня напуває ;

У похóдь вступає .

Господь ёму давъ ,

Що підъ нимъ добрий кінь не приставъ ;

Вiнь козаківъ доганявъ ;

Що ёго козакі злюбили ,

До себè въ курінь пустили ,

Ще й отаманомъ настановили .

козакъ-сиромáха (1), постигли въ полъ три недоли : первая недоля — чтобы подъ тобой добрый конь присталъ ; другая недоля — чтобы ты козаковъ не догналъ : третья недоля — чтобы тебя козакі не полюбили и въ курень не пустили .«

А козакъ на то не смотритъ , жёнъ не вёритъ , коню частёхонько зеленого сiна подкладываетъ , желтого овса подсыпаетъ , холодною , ключевою водою напоеаетъ и въ похóдь выступаетъ .

Господь ему помогъ : подъ нимъ добрый конь не присталъ ; онъ козаковъ догналъ : козакі его полюбили , къ себѣ въ курень пустили , еще и отаманомъ сдѣлали . Тогда козакъ рассказываетъ товарищамъ свою

(1) Когда *сиромáха* , или *сиромáнецъ* говорится о волкѣ , то разумѣется сѣрый цвѣтъ его шерсти ; но когда о человѣкѣ , то выражается косвеннымъ образомъ понятіе о его убожествѣ , непозволяющемъ носить цвѣтной одежды , а вмѣстѣ съ тѣмъ приписывается человѣку что-то волко-образное , бродячее , бездомное . *Сиромá* , въ собирательномъ смыслѣ , значитъ — голь , или — чернь .

Тоді козакъ у війську пробуває,
Свою новину козакамъ оповідає :
»Слухайте, панове молодці,
Якъ-то жиніцька клятьба дурно йде :
Такъ, якъ мимо сухе дѣрево вітеръ гуде ;
Жиніцькі слѣзи дуриі — якъ вода тиче.«

Жінка въ корчмі піла та гуляла,
Та домівки не знала,
Мовъ її хата къ нечистій матері пусткою завоняла.
Скоро стала козака съ походу сподіватись,
Стала до домівки приходяті,
Стала въ печі ростопляти,
Стала той борщъ кислий,
Оскомистий чортъ-зна-колішній,
Изъ-під лави виставляти,
Стала до пѣчи приставляти,
Оттімъ борщѣмъ хотіла козака привітати.
Скоро ставъ козакъ съ походу прибувати,
Ставъ до новихъ воріть до ламанихъ дожджати ;
Вінъ съ коня — не вставає,
Кѣлепомъ нові ламані ворота відчиняє,
Козацькимъ голосомъ гукє :

історію: »Послушайте, паны молодцы, какъ женское проклятіе въ ничто обращается: все равно какъ вѣтеръ прошумитъ мимо сухого дерева; а женскія глупыя слезы — какъ вода текутъ.«

Межъ тьмъ жена въ корчмі пьетъ-гуляєть, не сидитъ дома, и хата у ней воняетъ ужъ пустынею. Когда же начала ожидать козака съ походу, воротилась домой, принялась топить въ печи, вытащила изъ-под лавки кислий, оскомистый, чортъ знаетъ когда сваренный борщъ и поставила въ печь, чтобъ попотчивать этимъ борщомъ козака.

Возвращается козакъ съ походу, подъѣзжаєть къ новымъ разломанымъ воротамъ; не вставая съ коня, отворяєть чеканомъ новыя разломанныя ворота и козацкимъ голосомъ покрикуєть.

Скоро стала козачка козацький гóлосъ зачувати,
То вона не стала противъ нѣго дверми виходати,
Стала, мовъ сивою голубкою, въ вiкно вилiтати.

Тодi козакъ дóбре дбає,
Хорошенько ii келесомъ по плéчахъ привiтає,
Карбачемъ по спинi затинає.

Тодi козачка у хату вбiгала,
Бiцiмъ нехотя той борщъ полиномъ штиркнiла,
Нiу ёго къ нечистiй мiтерi! у пiчъ обертiла,
Новий борщъ унiвъ варити зачинiла;
До скринi тягла,
Не прiстого, ляного полотнi трiдцять локтiвъ узала;
До шинкарки тягла,
Три квiрти не прiстоi горiлки, оковити узала,
Зъ мiдомъ та съ перцемъ розогрiвала,
Оттiмъ козакi частувала та витiла.

Оттi вийшла козачка на другий день за ворiта,
Ажъ сидiть жiнокъ превеликая рiта.
А скiзано: жiнки — якъ сорiдки:
Одна на одну зглядiли

Лишь только козачка услышала козацкiй гóлосъ, то не вышла къ козаку навстрéчу въ дверь, а вылетéла, какъ сизая голубка, въ окно. Тогда козакъ хорошенько ее чеканомъ по спинi привiтствовалъ, а въ-добавокъ еще и нагайкою.

Вбiжала козачка въ хату, сунула, какъ будто нечаянно, полiномъ и опрокинула въ печи къ нечистой матери борщъ. Потомъ давай варить новый борщъ; бросилась къ сундуку и вынула тридцать локтей не прiстого, ляного полотна; побiжала къ шинкаркi и купила три квiрты не прiстой, доброй водки; разогрiла ее съ мiдомъ да съ перцемъ и угостила козака.

Вотъ на другой день вышла козачка за ворота, смотритъ — сидитъ цéлая толпа жiнщинъ. А извiстно, жiнщины — что сороки: одна на

Та й козачку осуждали,
Та й козачці не казали.
Одна такі старушка не втерпіла
И козачці сказала:

»Гей козачко, козачко!

Десь твій козакъ нерано съ походу прибувавъ,
Що по-підь очіма добрі гостинці подававъ.»

То козачка добре дбала,
По своїму козака покривала:

»Чи ви жъ то, жіночкі-голубочки, не знаєте,
Що мій козакъ нерано съ походу прибувавъ,

Заставивъ мене въ печі потопіти,
Вечеряти варити.

А я пішла по дрова,
Та не втрапила по дрова,
А втрапила по лучину,

Попідбивала собі очи на ключину.

Роблю жъ я такі те ремество синило,

Такъ воно міні добре въ знаки вдалося:
Якъ я ёго мішала, такъ воно міні за очи взялося.»

А козакъ сидить у корчмі та медъ-вино кружає,
Корчму сохвалає:

другую взглянули и козачку между собой осуждали, но козачкѣ того не сказали. Только одна старушка не утериѣла и сказала козачкѣ: »Эй козачка, козачка! видно, твой козакъ поздо съ походу воротился, что привезъ тебѣ подь глаза такихъ гостинцевъ!«

А козачка по-своему козака покрывала: »Развѣ вы, голубушки-сосѣдушки, не знаете, что мой козакъ поздо съ походу пришелъ и заставилъ меня въ печи топить, вечерю готовить? а я пошла за дровами, да не туда потрафила и подбила себѣ глаза, ударившись объ жердь. Да еще я занимаюсь ремесломъ синельнымъ; ужъ оно мнѣ порядкомъ надоѣло: какъ я помѣшивала краску, такъ запачкала себѣ подь глазами.«

А козакъ сидитъ въ корчмѣ, медъ, вино пьетъ, корчму восхваляетъ:

»Гей корчмо, корчмо-княгинє!
Чомъ-то въ тобі козацького добра багато гине?
И самà еси нешатно ходишь,
И насъ, козаківъ-нетягъ, підъ-случай безъ свитокъ водишь.
Знати, знати козацьку хату
Скрізь десяту :
Вона соломою не покрита,
Пріспою не осипана,
Коло двора нечїста-ма и кола,
На дрівитї дровъ ні полїна.
Сидить въ нїй козацька жінка, околїла.
Знати, знати козацьку жінку,
Що всю зиму боса ходить,
Горшкѣмъ воду носить,
Полѣникомъ діти напуває!«

Вотъ еще одна изъ тѣхъ счастливыхъ находокъ, которыя, въ послѣднее время, такъ разширили кругъ нашихъ понятій о Мало-россійской народной поэзіи. Честь и хвала г. Нѣговскому за его подвигъ! Спасти отъ забвенія памятникъ жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ каждаго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста — а это время близко — и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни стануть искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда имя каждаго соби-

»Эй ты, корчма, корчма-княгиня! зачѣмъ въ тебѣ много козацкаго добра погибаетъ? и сама ты не шеголяешь, и насъ, козаковъ-нетягъ, иной разъ безъ свитокъ (сермягъ) оставляешь. Замѣтна казацкая хата межъ десятью хатами: она соломою не покрыта, завалиною не обсыпана, возлѣ двора нѣтъ ни кола, на дровосѣчнѣ нѣту дровъ ни полѣна. Сидить въ той хатѣ козацкая жена, околѣвши отъ холоду. Узнаешь тотъ-часъ и козацкую жену: она всю зиму ходитъ босая, она носитъ воду горшкѣмъ, она поить дѣтей изъ ложки!«

рателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ сирота между людьми, и сберечь ее отъ забвенія — не то ли самое, что приютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли? Разширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній — не значить ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ — не значить ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсень, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва-ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лукашевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ.

Читая думу о домашней жизни козака, не должно забывать, что она передана бандуристу Ригорѣнку Запорожцемъ. Что же это такое? сочиненіе Гетманскаго козака, перенесенное на Запорожье, или взглядъ Запорожца на жизнь козака-Гетманца?... Запорожье такъ сильно централизовалось само въ себѣ, что не могло усвоить пѣсни, выражающей чуждый ему взглядъ на вещи. Но если это — дума Запорожская, то зачѣмъ въ ней описывается не та жизнь, которая окружала «братчиковъ»? Чтобъ рѣшить этотъ вопросъ, надобно вчитаться въ думу. Первые два стиха:

Не оди́нь коза́къ самъ собі шко́ду шко́дивъ,
Що відъ молодо́ї жінки у військо́ ходивъ...

выражаютъ позднее раскаяніе одинокого «сѣромахи», очутившагося безъ жены, безъ дома и безъ всякаго имущества (кромѣ развѣ бандуры подорожной да люльки-буруньки) посреди такихъ же бѣдныхъ забіякъ. Это — невольный вздохъ по прежнемъ, счастливомъ состояніи и вмѣстѣ исходный пунктъ речита-

тива. Выразивъ передъ слушателями такую мысль, можетъ быть, съ неосторожною искренностью, онъ продолжаетъ развивать ее, скрывая подъ комическими образами горькую правду. Это — исторія юноши, который со вѣмъ пыломъ первой любви предается молодой женѣ, но въ которомъ потомъ проснулась страсть къ молодечеству, къ козакованью, къ *лицарству*. Онъ началъ пропадать надолго изъ дому и шляться въ наѣздахъ на чужія земли. Жена безъ мужа — не хозяйка: у ней и печь по нѣскольку дней не топится, и борщъ плѣснѣваетъ подъ лавкою. Возвратясь домой, козакъ съ грустью и съ досадой видитъ вездѣ запустѣніе, колотить молодую жену, обращаетъ ее изъ подруги въ трепетную рабыню и, отвыкнувъ отъ тихой домашней жизни, отправляется гулять въ корчму. Тамъ онъ распиваетъ медъ и вино и по-видимому веселится, но въ буйныхъ рѣчахъ его слышны сарказмы на самого себя. Никто лучше его не чувствуетъ, какъ у него въ домѣ пусто и грустно. Онъ знаетъ, что не жена причиною этого запустѣнія и что она даже старается скрывать его собственную беспорядочность передъ сосѣдями. Онъ видитъ ясно, до чего она доведена его разгульною жизнью; но онъ ужъ не властенъ надъ самимъ собою. Корчма тянетъ его къ себѣ волшебною силою, и бѣдняга съ лирическимъ смѣхомъ восклицаетъ:

Гей корчмо, корчмо-княгинє!

Чомъ-то въ тобї козацького добра багато гинє?

И самà есї нешатно ходишь,

И насъ, козаківъ-нетягъ, підь-случай безъ свитокъ водишь!

Гдѣ ему дѣваться послѣ того, какъ онъ пропѣть все, что только можно пропить? Работать онъ отвыкъ, отъ козакованья отстать не хочетъ. Разумѣется, всего проще и удобнѣе идти ему туда, гдѣ не спрашиваютъ: откуда и зачѣмъ пришелъ? гдѣ не говорятъ: *Дурно хлїбъ ісї!* и куда прїйдя, воткни *ратище* въ землю, повѣсь *лицарку* (саблю) да и живи на готовомъ хлѣбѣ. (См. выше, стр. 151). Козакъ въ послѣдній разъ покидаетъ молодую жену

и навсегда расторгаетъ связи съ обществомъ, котораго онъ былъ негоднымъ членомъ. Онъ освобождается отъ всѣхъ обязательствъ, тяготившихъ его на Украйнѣ; онъ могъ бы быть спокоенъ и веселъ, какъ ребенокъ... Но тайный червь грызеть его сердце, и онъ, подъ видомъ похвалы своимъ молодечествомъ, рассказываетъ исповѣдь своей недостойной жизни. Таково, по-моему, происхождение и таковъ смыслъ этой драгоценной думы.

4.

ДУМА О ПОВѢДѢ ПОДЪ КОРСУНЕМЪ. (*)

(¹)

Ой обозвѣгця панъ Хмельницький,
Отаманъ - батько Чигиринській:
»Гей друзі молодці,
Браття козаки Запорозці!
Добре дбайте, бързо гадайте,
Изъ Ляхами пиво варити зачиняйте.
Лядський солодь, козацька вода;
Лядські дрова, козацькі трудя.«

Ой съ того пива
Зробили козаки зъ Ляхами превелике диво.
Підъ городомъ Корсунемъ вони станомъ стали,

(*) *Переводъ.* — Отозвался панъ Хмельницькій, отаманъ-отець Чигиринській: »Эй, друзья молодцы, братья козаки Запорожцы! подумайте хорошенько и начинайте варить пиво съ Ляхами. Ляшской солодь, козацкая вода; Ляшскія дрова, козацкіе труды.«

Съ того пива сдѣлали козаки съ Ляхами превеликое диво. Подъ го-

(¹) Начало этой думы (до 9-го стиха), забытое Ригорѣнкомъ, взято мною изъ варианта г. Копытько, напечатаннаго въ »Сборникъ Украинскихъ Пѣсень-М. Максимовича (стр. 67).

Підъ Стеблѣвомъ воиі солодь замочили ;
Ще й пѣва не зваріли ,
А вже козаки Хмельницького зъ Ляхами бѣрзо посварили .
За ту бражку
Счинили козаки зъ Ляхами велику драчку ;
За той *молотъ*
Зробили Ляхи съ козаками превеликий колотъ :
А за той незнатъ-який квасъ
Не одного Ляха козакъ , якъ - ой скѣрвого сина , за чѣба страсъ .
Ляхи чогось догадались ,
Видъ козаків чогось утїкали ,
А козаки на Ляхівъ нарикали :
Ой вы , Ляхове ,
Пѣські синове !
Чомъ ви не дождаете ,
Нашого пѣва не допиваете ? »

Тоді козаки Ляхівъ доганяли ,
Пана Потѣцького пїймали ,
Якъ барана звязали ,
Та передъ Хмельницького гетьмана примчали :
»Гей пане Потѣцький !
Чомъ у тебе й досі розумъ жінѣцький ?

родомъ Корсунемъ они станомъ стали , подъ Стеблевымъ они солодь замочили , и не успѣли еще сварить пива , а ужъ крѣпко съ Ляхами повздорили . За ту бражку сильно подралсь козаки съ Ляхами ; за тотъ *молотъ* поднялась у Ляховъ съ козаками страшная схватка ; а за тотъ негодный квасъ не одного Ляха козакъ за чубъ , какъ негодяя , встрянуль . Ляхи что-то смекнули и отъ козаковъ чего-то уходили ; а козаки Ляховъ попрекали : »Ой вы , Ляхи , собачьи дѣти ! что вы не ожидаете и нашего пива не допиваете ! «

Догнали козаки Ляховъ , поймали пана Потѣцького , связали , какъ барана , и привезли къ гетману Хмельницкому : »Эй ты , панъ Потѣцький ! что у тебя до сихъ поръ умъ женскій ? Не умѣлъ ты сидѣть въ Камен-

Не вмів ти еси в Кам'янськім Подільці пробувати,
Печеного поросяти, кїриці сь перцем та з шафраномъ уживати,
А теперъ не зумієш ти з нами, козаками, воювати
И житнїї соломахи з тузлукомъ ⁽¹⁾ (уплітати).
Хлбá велю тебе до рукъ Кримському хану дати,
Щобá навчили тебе Кримські нагаї сирбі кобиллини жовати!»

Тоді Ляхи чо́гось догадалсь,
На Жидів нарікали:
»Гей ви, Жидове,
Поганські синове!
На що-то ви великий бунть, тревдги зривали,
На мїлю по три корчми становили,
Великнї мѣта брали:
Відъ возового —
По півъ-золотого,
Відъ пішого — по два грѣши,
А ще не минали й сердешного старця —
Відірали шно́д та яйця!
А теперъ ви тїі ска́рби збирайте
Та Хмельницького идіайте;

скомъ Подольцѣ да їсть жаренаго поросенка и курицу сь перцемъ да сь шафраномъ: куда же тебе сь нами, козаками, воевать и питаться ржаною саламатой сь разсолемъ! Уж не велѣть ли мнѣ выдать тебя Крымскому хану? пусть научатъ тебя Крымскія нагайки жевать сухую конину!»

Тогда Ляхи чо́д-то смекнули и Жидовъ попрекали: »Эй вы, Жиды, языческіе дѣти! зачѣмъ вы подняли этотъ страшный бунть, эту тревогу! зачѣмъ вы на одной мїлѣ становили по три корчмы! зачѣмъ брали большой мытъ: отъ воза по полу-золоту, отъ пѣшаго по два гроша, не пропускали и бѣднаго нищаго, отбирали отъ него шнено и яйця! Соби-

(1) Сирівцѣмъ, розсѣломъ на рїбу. *Прим. п.*

Ато, якъ не будете Хмельницького іднати,
То не зарікайтесь за річку Віслу до Полонного прудко тікати.»

Жидове чогось догадались,
На річку Случу тікали.
Которі тікали до річки Случи,
То погубили чоботи й онучи;

А которі до Прута,
То була відь козаківъ Хмельницького доріженька барзо крута.

На річці Случі
Обломилі мість идучи,
Затопили усі клейноди
И всі Лядські бубни.
Которі бігли до річки Росі,
То зосталися голі й босі.

Обізвѣтця первий Жидъ, Гичикъ,
Та й хаваетця за бичикъ.
Обізвѣтця другий Жидъ, Шлѣма:
»Ой я жъ пакъ не буду на сабась дома!
Третій Жидъ озовѣтця, Оврамъ:
»У мене невеликий крамъ:

Шпилькі, голкі,

райте же теперъ свои сокровища да смягчите Хмѣльницкаго, ато придет-
ся вамъ уходить опростею за Віслу въ Полонное!

Жиды что-то смекнули и уходили къ рѣкѣ Случи. Кто уходилъ къ Случи, тѣ растеряли сапоги и онучи! кто уходилъ къ Пруту, тѣмъ пришлось на дорогѣ отъ козаківъ Хмѣльницкаго очень круто. Какъ переходили черезъ рѣчку Случь, обломался мостъ, и потонули всѣ драгоценности и всѣ Ляшскіе бубны. Кто бѣжалъ къ рѣкѣ Роси, тѣ остались голы и босы. Вскрикнулъ первый Жидъ, Гичикъ, и схватился за бичикъ. Вскрикнулъ другой Жидъ, Шлѣма: »Ой не быть мнѣ къ шабашу дома!« Вскрикнулъ третій Жидъ, Аврамъ: »У меня мелкій *крамъ* (товарь): шпильки, иголки, кремни да трубки. Я свой крамъ сложилъ въ

Креміння, люльки.

Так я свій крамь

У коробочку склавъ,

Та козака́мъ пятами наживавъ. «⁽¹⁾

Обізве́тця четвёртий Жидь, Давидко :

»Ой бра́те Лейбо! уже́ жь пакъ изъ-за горі коза́цькі корогви́ відко!»

Обізве́тця п'ятий Жидь, Юдко :

»Ну́мо до Полонного утікати прудко!»

Тогді Жидь Лейба біжитьъ,

Ажъ живіть дріжитьъ;

Якъ на школу погляне,

Ёго сёрце Жидівське зів'яне :

»Эй шко́ло жь мо́я, шко́ло мурована!

Тепе́рь тебе́ ні в па́зуху звіти,

Ні в кишне́но схова́ти,

Але́ жь доведе́тця Хмельницького козака́мъ на сра́чь, на бала́ки покида́ти!»

Отсе́, панове-молодці, надъ Полоннимъ не чо́рна хма́ра ветава́ла;

Не одна́ па́ні-Ляшка удово́ю zostáлась.

Озове́тця одна́ па́ні-Ляшка :

коробокъ, и ушелъ отъ козаковъ. »Вскрикнулъ четвертый Жидь, Давидко: »Ой, братъ Лейба! уже видать изъ-за горы козацкія хоругви!»

Вскрикнулъ пятый Жидь, Юдко: » Ой уйдемъ поскорѣ въ Полонное!»

Жидь Лейба бѣжитъ, и животь у него дрожитъ. Какъ взглянетъ на школу, такъ его Жидовское сердце и занеетъ: »Эй ты, школа моя, школа каменная! ни въ пазуху тебя не забрать, ни въ карманъ тебя не спрятать! придется тебя подарить козакамъ Хмельницкаго на самую поносную потребу!»

И не черная туча, паны молодцы, встала надъ Полоннымъ; не одна па́ні-Полька осталась вдовою. Вскрикнула одна па́ні-Полька: »Нѣту

(¹) Этотъ стихъ исправляетъ несообразность списка г. Копытько. Тамъ сказано:

Съ козака́ми пятами наживавъ.

*Книжка
Олександра
Тарасовича
Лещо
(А.Т. Лещо)*

»Нема́ мого́ пана́ Яна́!

Десь ёго́ звязали́ козаки́, якъ-би́ барана́,

Та повели́ до свого́ гетьмана́.»

Озовѣтця́ дрѹга́ пани́-Ляшка́ :

»Нема́ мого́ пана́ Кардаша́!

Десь ёго́ Хмельницького́ козаки́ повели́ до свого́ коша́.»

Озовѣтця́ трѣтя́ пани́-Ляшка́ :

»Нема́ мого́ пана́ Якѹба́!

Десь (узяти́) Хмельницького́ козаки́ та либо́нь повѣсили́ ёго́ десь на дѹбі́.»

Возращаю́сь къ моимъ записнымъ книжкамъ.

Малороссіянинъ-старикъ большею частью угрюмъ и важень, особенно съ человѣкомъ не своего званія, и отъ котораго, притомъ, онъ ни сколько не зависитъ. Но, переправляясь, въ десяти верстахъ ниже Канева, черезъ Днѣпръ на лодкѣ, я нашель въ своемъ сѣдоусомъ Харонѣ веселаго балагура, и въ моей записной книжкѣ осталось два изъ его разказовъ.

1.

МАЛОРОССИЙСКОЕ НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ. (*)

Якъ бувъ я ще парубкомъ, а дідъ тоді ще невеличкимъ бувъ, а батька ще на світі не було, то дідусь покойникъ, було, питаєтця: »А що́ будемъ, сину, робити? зима́ холо́дна.»

моего пана Яна! видно, связали его козаки, какъ барана, и повели къ своему гетману«. Вскрикнула другая пани-Полька: »Нѣтъ моего пана Кардаша! видно, козаки Хмѣльницкаго увели его въ свой станъ«. Вскрикнула третья пани-Полька: »Нѣтъ моего пана Якѹба! видно, взяли его козаки Хмѣльницкаго и повѣсили на дубѣ.«

(*) Оставляю эту статью безъ перевода, потому что всѣ ея достоинства заключаются въ комическихъ, неудобныхъ для передачи на другомъ языкѣ выраженіяхъ и въ непереводимой игрѣ словъ.

То я, було, діда ражу: »Поїдьмо«, кажú, »дідусю, вь лісь да нарубаємь дрóвь.«

»Поїдьмо, такь и поїдьмо.«

А вь насъ бичечки невеличкі собі булі, такь — мójна на пригорщъ було взятъ. Поіхали вь лісь. Дивлюсь, ажъ ломачья така велика кúпа! Я стúкъ сокірою вь те ломачче! а ведьмідь звідтиля, сь того ломачья! Коли я вь те ломачче, ажъ шéстєро яещь. Якъ узялі ми зь дідомъ, то дрúччемъ на візь не скотіли, да вже я лédьві не лédьві вь шапку забравъ; такі великі.

Отто принісь додóму. А вь насъ, якъ на те, правда, свиня квоктала. Отъ я підсипавъ підь ту свиню, а вона й відупила мнi шість волівъ, такъ якъ соколівъ.

Тоді вже якъ узялі ми зь дідомъ тимі волами поле оратъ да хлѣбъ сіять... да и вродило жь дóбре! Вийдемъ, було, зь дідомъ на поле, то то чужè, а то не наше; то чужè, а то не наше.

Якъ узялі жь ми женцівъ збірять, такъ, Бóже мій милостівий! щò-то ми того женця зобрали! ажъ одну бабу. Якъ понажинала вона намъ кіпъ... Бóже милостівий, скілько кіпъ!

А дідъ покійникъ и питаєтця вь менé: »Де жь ми«, каже, »сїну, бúдемъ скирті складати?«

А я кажú: »Ажé жь у насъ коменъ великий, то на комені скирті складемо, а на печі молотитимемъ.«

Якъ же вклóнулася та проклїята кúзька, мiши, да такъ же вклóнулася! А вь насъ, признатьця, кіть дóбрый бувъ. Якъ махнóувъ вінъ по комену, якъ ударить хвостóмъ, а наши скирті да вь помійницю!...

А тутъ ужé й батько підрісь. Даць мати, було, все лóбить молоко парене, а ми все кїсле. То мати, було, по селú парить-парить, а ми вь запічку кїснемъ-кїснемъ!

А батько, правда, рибалка дóбрый бувъ: кине ўдочку вь чужу бúдочку, то й тягне не кожухъ, такъ світочку.

Отъ ми й розжились. Такъ батько й каже: »У тебé мати вмéрла, а вь мене жінка, то поставимо обідь.«

Якъ узялі жь ми збірять людéй на обідь, да сь такимъ дого-

вóромъ, щобъ бу́ла своя ло́жка, и хлѣбъ, и сѣль. Отó якъ найшло наро́ду, такъ, Бо́же милостѣвий! ажъ два чоловѣка. Дакъ ба́тько й ка́же: »Засо́лимъ же оцѣ озерцѣ, то ви́йжте щерби́чку, а насподі́ бу́де ри́бка.»

Да́къ ті лю́де не здя́ковались.

2.

СЪРЬЕ РУСИ ИЗЪ БѢЛОЙ РУСИ. (*)

Отó оре чоловѣкъ у полі, ажъ іде Царь. Чоловѣкъ дохóдить до шля́ху, а Царь зо́ве ёго: »Ді́ду«, ка́же, чи якъ тамъ.

»Чо́го, па́не?« [бо тоді́ ще не бу́ло сѣхъ благо́родий, а за́просто па́не да й тѣлько.] »Чо́го«, ка́же, »па́не?«

»Чи да́вно, ді́ду, на горі́ лягли́ сні́ги?«

»Да́вно, па́не: го́дівъ пѣтна́дцять, абó й двѣ́дцять.«

[А се бѣ́ то, ба́чь: чи да́вно го́лова по́сѣвила?]

»Э!« дѣ́має со́бі Царь. »А чи да́вно«, ка́же, »пѣшла́ вода́ съ́підъ гі́р?« [Зѣ́ ви́шчого, ба́чь, ро́зуму заки́дає кру́чка. Зна́ешъ, у ста́рихъ лю́де́й, такъ слѣ́зи зѣ́ очѣ́й пдѣ́ть.]

»Да́вно«, ка́же, »го́дівъ де́сятокъ бу́де.«

(*) *Переводъ.* — Пашеть въ полѣ мужикъ, смотритъ — Царь ѣдетъ. Мужикъ подходит (за плугомъ) къ дорогѣ, а Царь зоветъ его: »Старикъ!« говоритъ, — или какъ-нибудь иначе его называлъ. — »Чего, панъ?« [Въ то время еще не было *благородий*, а просто *панъ*, да и все тутъ]. »Чего, панъ?« говоритъ мужикъ. »Давно ли, старикъ, легли на горахъ снѣга?« — »Давно, панъ: лѣтъ будетъ пятнадцать, или двадцать.« [А оно, видишь, значитъ: давно ли голова посеѣла?] »Э!« думаетъ про себя Царь. »А давно ли«, говоритъ, »пошла изъ-подъ горъ вода?« [Закидываетъ, видишь, кручекъ съ вышаго ума-разума. Устарыхъ, значитъ, людей слезы изъ глазъ текутъ.] »Давно«, говоритъ мужикъ: »лѣтъ десять ужъ будетъ.« — »О, да это не простакъ стари-

»Э, да се жъ и дідь собі вдався!«... Питаєтця ще: »Чи багато на небі звiздъ?»

Кáже: »Пасъ волі да все лічiвъ, а передъ світомъ заснiвъ, то й не долічiвъ.«

»Оце знайшовъ діда!« дiмає собі. »Гляді жъ«, кáже, »чоловіче, залетiятъ сірі гуси зъ Білої Русі, то піддері хорошенъко!«

»Дiбрене«, кáже, »якъ живъ бiду, то піддеру.«

И поiхавъ собі....

Отi прийшовъ у сенатъ. А тамъ старикi такі сидiятъ... звiсно сенатори. Отъ вiнъ зiразъ: »А чи давно лягли снiгi на горахъ?»

Тi тамъ дiмали-дiмали. А вже бачить, що вже старі, да нiчого не втнiуть... Вони тамъ до книгъ, вони до Богословiї; перекидають, книжки ламають: Оттáкъ Богъ создавъ небо, оттáкi рiчки... Нi, не втнiуть!

»Эгé!« кáже, »пошлiть до такого й такого старичкá—вiнъ скаже.«

Ну, а грiшей до смiтку въ тихъ члiнiвъ. Отъ вони вiбрали поштарiя, дали їмi кiлька тамъ тiсячъ: »Дуй!«

чокъ!« думаєть Царь и спрашиваєть еще: »Много ли на небѣ звѣздъ?« — »Пасъ«, говоритъ, »я воловъ и считалъ, а передъ разсвѣтомъ уснулъ и не дочелъ.« — »Ну, потрафилъ я на старика!« думаєть Царь. »Смотри же, мужичокъ«, говоритъ онъ ему, »какъ залетятъ сюда гуси изъ Бѣлой Руси, то поддери хорошенько!« — »Хорошо«, говоритъ тотъ, »коли живъ буду, то поддеру.«

Царь и поѣхалъ своимъ путемъ. Пришелъ въ сенатъ. А тамъ все старики сидятъ... извѣстно, сенаторы. Онъ тотъ-часъ: »А давно легли снiга на горахъ?« Тi долго думали. А Царь видить: и старики, да ничего не могутъ сказать ему... ужъ они и въ книги, ужъ они и въ Богословiю заглядывали: перелистываютъ, ломають книги: »Вотъ какъ Богъ мiръ сотворилъ, вотъ такiя и такiя рѣки«... Нѣтъ, ничего не сдѣлають да и только. »То-то!« говоритъ Царь. »А вотъ пошлите къ такому-то старику — онъ вамъ скажетъ, въ чемъ дѣло.« Ну, разумѣтся, денегъ

Убігъ той у сельцѣ, спитавсь: »Чи живъ такий и такий старикъ?»

»Живъ«, кажутъ.

До ёго заразъ: »Здоровъ, диду!»

»Здоровъ, пане!»

»Пусті на кватѣру.«

»Ідьте, пане.«

»Сіно, овесь ёсть?»

»Есть, пане.«

»Ну, такъ пусті на кватѣру.«

»Ідьте«, каже, »пане.«

Отó заіхавъ. Заразъ пославъ за горілкою [що треба якось-небудь кручкѣ закінуть. А якъ яко́го, то й горілкою не обманишь]. Питаетця отó: »Чи знаєшь, диду, давно на горі лягли сніги?»

»А якъ же не знать?»

»А чи знаєшь«, каже, »давно пішла вода съ-підъ гір?»

»Да знаю«, каже, »колі й вода, колі й щó.«

А тутъ тогó й приіхавъ.

Кинулось диду въ голову: »Оцѣ, може, той панъ приславъ!»

»Щó«, каже, »тобі дати, щобъ сказавъ?»

бездна у этихъ членовъ. Выбрали они почтаря, дали ему нѣсколько тысячъ: »Валай!»

Присакала почтарь въ деревушку, спрашиваетъ: »Живъ такой-то старикъ?» — »Живъ«, говорятъ. Тотъ-часъ къ нему: »Здорово, старикъ!» — »Здорово, панъ!» — »Позволь взѣхать на дворъ.« — »Взѣжайте, панъ.« — »Сіно, овесь есть?» — »Есть, панъ.« — »Ну, такъ позволь взѣхать на дворъ.« — »Взѣжайте, панъ.« Взѣхаль почтарь къ нему. Тотъ-часъ послалъ за водкою [Надобно, видите ли, какъ-нибудь зацѣпиться. А иного и съ водкой не проведешь]. Вотъ и спрашиваетъ: »Знаешь ли ты, старикъ, какъ давно легли снѣга на горѣ?» — »Какъ не знать?» — »А знаешь, какъ давно пошла вода изъ-подъ горѣ?» — »Знаю«, говоритъ, »и это, и все.« [А онъ затѣмъ и приѣхаль.] Старикъ и смекнулъ: »Видно, это тотъ панъ прислалъ!» — »Чтó

»Тисячу рублів« , каже , »то скажү.«

Тягне той тисячу съ карма̀на : »Кажй, старикъ!«

А дидь : »Постій« , каже , »заховаю гро̀ши въ ко̀мору.«

Заховавъ.

»Ну« , каже , »старикъ!«

»Отó такъ , па̀не: Оце́ , що сніги впали , то то на̀ша голова посівила...«

Той дивитця : »Оце́« , каже , »такъ!«

»А то« , каже , »що вода пішла съ-підь гір̄ь , то то въ ста̀рого чоловіка — такъ хочь-би й въ мене — слези почали йти зь очей...«

Той тоді : »Господи ! оце́ такъ!« каже.

»Відкиля« , каже , »ви , па̀не?«

Каже : »Зь Петинбу̀рха.«

»Ге!... Якъ« , каже , »іхавъ ко̀лісь якийся па̀нь ; я« , каже , дохожу до шляху , а вінъ почавъ менé пита́ть , а я ё̀му одвіча́въ.

Пита́въ : »»Чи давнó наго̀рахъ сніги лягли!« « А я ё̀му одвіча́въ :

»»Годі́въ съ пята́дцять , або й зь два́дцять.« « Пита́въ : »»Чи давнó

»пішла вода съ-підь гір̄ь?« « А я ё̀му отта́къ , отта́къ одвіча́въ . То вінъ

ты возьмешь за то, что скажешь миѣ?« — »Тисячу рублей дашь, такъ скажу.« Вытаскиваетъ почтарь тисячу рублей : »Говори, старикъ!« А старикъ : »Погоди« , говоритъ , »спрячу сперва деньги въ ко̀мору (чуланъ).« Спряталъ деньги . »Ну, старикъ!« — »Во́тъ въ чемъ дѣло, па̀нь. Выпали снѣга , — это значитъ — наша голова посѣдѣла.« Тотъ смотритъ на него : »Вотъ те на!« говоритъ . »А вода пошла изъ-подь горъ , — это значитъ — у старика, вотъ хоть у меня, слезы начали идти изъ глазъ«... А почтарь : »Господи ! вотъ те и загадка!« — А откуда вы, па̀нь?« спрашиваетъ мужикъ . »Изъ Петербурга.« — »Аа!« говоритъ . »Проѣзжалъ здѣсь какой-то па̀нь ; я« , говоритъ , »подхожу къ дорогѣ , а онъ началъ меня спрашивать , а я ему отвѣчалъ . Спросилъ онъ : »»Давно ли на горахъ снѣга легли?« « а я отвѣчалъ : »»Лѣтъ пята́дцать , или два́дцать.« « Спросилъ : »»Давно ли пошла вода изъ-подь горъ?« « а я ему такъ-то отвѣчалъ . Такъ онъ и говоритъ миѣ : »»Смотри же, ста-

и сказавъ: »Гляди жъ, дїду, залетять гуси зъ білої Русі, то піддері хорошенько!« « А я ёму ї кажу: »Якъ бѣду живь, то піддеру.« «

Тоді той поштаръ назадъ: »Оттакъ и такъ, панове!«

Тїи ажъ за голову вхопілись: »Що бѣ намъ було такъ казати! Мужикъ, да давъ Царю одвїтъ!«

Эге, и зъ нашимъ братомъ часомъ не жартуй!

Надобно сознаться откровенно, что, странствуя изъ села въ село по Малороссійскимъ губерніямъ въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгриваетъ мелкими отрывками цѣлое Малороссійское племя. Миѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы; и то, что внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ — непреодолимымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была всё-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть

»рикъ: какъ залетять къ тебѣ гуси изъ Бѣлой Русі, то поддери ихъ хорошенько!« « А я сказала ему: »Если буду живь, то поддеру.« «

Тогда почтаръ назадъ: »Вотъ въ чемъ дѣло, господа!« Тѣ и за голову схватились: »Ну, какъ это намъ не пришло въ мысль! Мужикъ далъ Царю отвѣтъ, а мы не дали!«

Да, и съ нашимъ братомъ иной разъ не шути!

Малороссіянинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разоблачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины. Но самъ народъ — такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусствъ вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго разбѣянные черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія.

Я уже былъ въ Бѣлой Церкви, въ Корсунѣ, въ Кумѣйкахъ, гдѣ борьба племенныхъ убѣжденій запечатлѣна смертью многихъ тысячъ ихъ защитниковъ. Наконецъ я въѣхалъ въ Черкасы, — городъ, по которому старинные Великороссіяне называли всѣхъ своихъ южныхъ соплеменниковъ *Черкасами*. Съ какого времени утвердилось на сѣверѣ мнѣніе, выражаемое этимъ именемъ, неизвѣстно; но замѣчательно, что неграмотные обитатели Малороссіи никогда не усвоивали себѣ имени *Черкасъ*, точно такъ же, какъ и имени *Русскихъ*. Малороссійскіе простолюдины, на вопросъ: «Откуда вы?» будутъ отвѣчать: Изъ такой-то губерніи; но на вопросъ: «Кто вы? какой народъ?» не найдутъ другого отвѣта, какъ только: *Люде такъ собі народъ та й годі.* — «Вы Русскіе?» — *Ні.* — «Хохлы?» — *Якїи жъ ми Хохлі?* (Хохоль — слово бранное, и они его отвергають). — Малороссіяне? — «*Що то за Маросіяне? намъ ёго й вѣдомить трѣдно*» (Малороссіянинъ — слово книжное, и они его не знаютъ). Словомъ, земляки наши, предоставляя называть себя Русью, Черкасами и чѣмъ угодно, сами себя называютъ только *людьми* и не присвоиваютъ себѣ никакого собственнаго имени... Но возвратимся къ городу Черкасамъ.

Относительно населенія и устройства домовъ и улицъ, это таковой же городъ, какъ и всѣ уѣздные города въ Малороссіи. Тѣ же усилія человѣка вытѣснить украшенія природы, ничѣмъ не замѣ-

нивъ ихъ; та же дисгармонія въ быту высшаго сословія и удаленіе отъ сельской простоты низшаго; та же архитектура домовъ, занимающая уродливую средину между національною хатою и иноземнымъ стилемъ построекъ. Я воображаю себѣ положеніе этнографа, живущаго въ столицѣ и пріѣхавшаго сюда на почтовыхъ, съ цѣлью изучить Малороссійскіе нравы въ самомъ гнѣздѣ Малороссійской народности, собрать пѣсни, повѣрья и преданія о старинѣ на мѣстахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ исторіи. Онъ необходимо долженъ занять квартиру въ домѣ Жида, или Велико-россіянина, потому-что коренные жители уступили пришельцамъ первенство въ промышленности, слѣдовательно и въ богатствѣ. Сами они живутъ въ чистенькихъ, но убогихъ хаткахъ, въ которыхъ барину-этнографу было бы крайне неудобно провести нѣсколько дней. Расположась въ своей квартирѣ, онъ приступаетъ къ справкамъ о старикахъ, которые могли бы поразсказать ему о прежнихъ временахъ. Ему указываютъ на извѣстныя лица между мѣщанами, и они, по его приглашенію (которое принимаютъ за требованіе) являются. Это — сѣдые старики съ длинными бородами и волосами, похожіе скорѣе на монастырскихъ отшельниковъ, нежели на мірянъ, которые обыкновенно бороды брѣютъ и носятъ усы. Видъ ихъ внушаетъ далекому путешественнику уваженіе. Онъ усаживаетъ ихъ у себя на стульяхъ и начинаетъ спрашивать о старинѣ, о пѣсняхъ, объ обрядахъ и тому подобномъ. Старики, вовсе неожиданныя отъ столичнаго господина подобныхъ распросовъ, дивятся его рѣчамъ, взглядываются между собою, значительно покачиваютъ головами, какъ-бы говоря: *»О, да се дѣбра казючка!«* и отвѣчаютъ на его вопросы уклончиво и безтолково, такъ что онъ, потерявъ съ ними безъ пользы часъ, или два, отпускаетъ ихъ во-свояси. Въ городѣ между тѣмъ распространяется слухъ, что кто-то пріѣхалъ изъ Петербурга, изъ Москвы, или изъ Кіева и потребовалъ къ себѣ такихъ-то людей. Досужія головы дѣлаютъ на счетъ цѣли его пріѣзда самыя дикія заключенія. За нимъ слѣдятъ глазами изо всѣхъ домовъ, лишь только онъ появится на улицѣ. Всѣ на сторожѣ; всѣ опасаются

съ его стороны какихъ-то тайныхъ, непріязненныхъ дѣйствій; и этнографъ нашъ, проскучавъ сутки двои-трои въ уѣздномъ городкѣ, гдѣ ему нечего было дѣлать съ жителями вышшаго и низшаго сословія, уѣзжаетъ съ немногими нотабенками въ своей книжкѣ и съ общимъ впечатлѣніемъ пошлости, безцвѣтности и безхарактерности Малороссійскаго населенія уѣздныхъ городовъ.

А сущность дѣла совсѣмъ не та. Простолюдины-горожане конечно теряютъ у насъ много того, что составляетъ прелесть общаго характера поселянъ; они *цивилизуются*, въ худшемъ значеніи этого слова, и забываютъ свой языкъ, свои обряды, пѣсни и преданія. Но между ними можно иной разъ встрѣтить людей стараго вѣка, къ которымъ не пристанетъ никакая цивилизація, или простаковъ, неспособныхъ гоняться за корыстью и въ сношеніяхъ съ прасолами усвоивать себѣ ихъ вкусъ относительно одежды, ухватокъ и языка. Только этихъ людей надобно почитать прилежнѣе, а найдя, умѣть обойтись съ ними. Какъ это дѣлается, я не знаю рецепта и, въ утѣшеніе всѣхъ выступающихъ на трудное поприще народоизслѣдователя, скажу, что не разъ я самъ игралъ роль столичнаго этнографа; не разъ я чувствовалъ себя пристыженнымъ и раздосадованнымъ послѣ неудачныхъ попытокъ завязать довѣрчивый разговоръ съ сѣдобрадыми старцами; не разъ я уходилъ изъ хаты поселянина съ сознаньемъ неумѣнья показать себя тѣмъ, что я есть, и съ увѣренностью, что подалъ своимъ посѣщеніемъ поводъ къ безпокойному подозрѣнію себя въ томъ, къ чему я неспособенъ, а пожалуй и къ простодушнымъ насмѣшкамъ надъ тѣмъ, что было мною говорено отъ искренняго сердца.

Въ Черкасахъ, однакожъ, этого со мною не случилось. Едва успѣлъ я осмотрѣть городъ, какъ очутился самымъ естественнымъ путемъ посреди свидѣтелей старины и добродушнѣйшихъ о ней расказчиковъ. Пробравшись изъ центра города въ тѣ улицы, которыя напоминаютъ деревенскіе виды и выходятъ въ поле, или оканчиваются какой-нибудь пустынной рошею, косогоромъ съ старыми грушами и т. п., я остановился у колодца и началъ

наблюдать приходящій къ нему народъ. Для полупразднаго заѣзжаго это лучшіе пункты въ селахъ и въ похожихъ на села городахъ. У колодцевъ почти всегда растутъ вербы, или другія деревья, о которыхъ, разумѣется, никто не прилагаль и не прилагаетъ попеченія. Усѣвшись въ тѣни этихъ деревъ, вы ужъ получаете въ глазахъ приходящихъ за водой значеніе человѣка, занятаго своимъ дѣломъ, а не празднаго вывѣдывателя подноготной: вы отдыхаете, и, въ качествѣ отдыхающаго человѣка, вамъ можно балагурить съ приходящими, какъ балагурятъ они между собою, и вы не удивите никого вопросомъ о Гайдамакахъ, о Запоржцахъ, о Хмѣльницкомъ и о чемъ вамъ угодно, лишь бы только не рѣзко перейти къ такому вопросу. Въ вашемъ положеніи это естественно: вы отдыхаете, и вамъ скучно молчать.

Въ такомъ выгодномъ положеніи находился я, когда, послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ дѣйствующихъ лицъ у колодца, пришелъ за водой сѣдоусый человѣкъ, въ суконномъ жилетѣ, очевидно передѣланномъ изъ солдатскаго мундира. Онъ отличался необыкновенною говорливостью, такъ что не пропустилъ ни одной дѣвушки, ни одной молодежи изъ стоявшихъ у колодца (а поселянки наши всегда любятъ постоять съ порожними и полными ведрами въ этомъ мѣстѣ встрѣчь и пересказыванья новостей) и приправлялъ свои вопросы и отвѣты такими пословицами и поговорками, отъ которыхъ всѣ единодушно хохотали. Рѣдко можно встрѣтить у насъ между стариками такое веселое выраженіе лица, какъ у этого говоруна. Онъ слылъ у своихъ сосѣдей за *шутника* и за такого человѣка, съ которымъ забудешь, зачѣмъ ходятъ къ колодезю. Такъ объявили о немъ другъ другу носильщицы воды и разбрелись въ разныхъ направленіяхъ по зеленымъ взгорьямъ, перекидываясь съ нимъ еще и издали шутками и остротами.

Я попросилъ у него напиться воды и былъ спрошенъ, откуда я. (Онъ тотъ-часъ увидѣлъ, что я человѣкъ заѣзжій.) Я выдалъ себя за живописца, ѣдущаго изъ Кіева въ несуществующее на картѣ село расписывать иконостасъ. Это одна изъ лучшихъ рекомендацій въ глазахъ Малороссійскаго простолюдина, такъ какъ онъ

распространяетъ святость иконъ и на самое ремесло иконописца. Разговоръ зашелъ о Кіевѣ, въ которомъ рѣдкій изъ поселянъ не былъ на богомольи, потомъ о городахъ по пути къ Кіеву и наконецъ о Черкасахъ. Старикъ указалъ мнѣ, гдѣ стоялъ замокъ, то есть деревянный острожокъ, окруженный валомъ и рвомъ, и наметнулъ на нѣкоторыя обстоятельства прежнихъ временъ тономъ человѣка, слыхавшаго довольно разказовъ о старинѣ. Любопытство мое было возбуждено въ высшей степени, но я казался спокойнымъ и не спѣшилъ его спрашивать. Наконецъ онъ объявилъ, что жинка ждетъ его съ водою и что пора уже обѣдать. Я поднялся съ нимъ вверхъ по покатою улицѣ, продолжая бесѣдовать о его хатѣ, которою онъ былъ очень доволенъ, о его левадѣ, или огородѣ, которымъ онъ былъ такъ-же очень доволенъ, и о его жинкѣ, которою онъ былъ довольнѣе всего. Жинка его была въ молодости горничной дѣвушкой у какой-то барыни, и Василь Суддѣнко (имя старика) гордился не мало женитьбой на такой, знатной, или вѣрнѣе — на такой образованной особѣ.

»Отъ моя хата!« (говорилъ онъ, указывая рукой черезъ плетень, въ которомъ сдѣланъ былъ перелазъ.) »Тутъ у менѣ всё коло хати, чо́гъ душа бажае. Отъ и кѹри ходять, отъ и теля, — а корову вигнали въ череду — отъ у менѣ й жито росте передь хатою... вийди съ хати та й жни... уся благодать Бѣжа!

Я попросилъ позволенія зайти къ нему, и этимъ очень одолжилъ его. У него и у самого была уже такая думка, чтобъ зазвать меня къ себѣ обѣдать, да какъ-то не осмѣлился, потому что не зналъ, каково оно мнѣ покажется. Онъ человѣкъ простой, хоть и цеховой мѣщанинъ, хоть и портной, а не то, чтобы такъ себѣ *покидька*; но всё же видитъ — человѣкъ я не ихъ званія; можетъ быть, привыкъ сидѣть за столомъ съ великими панамы; такъ оно какъ-то показалось ему и *сумнительно*.

»А жинка моя (продолжалъ онъ) варить борщъ такой, що

хочь би и городничому. Вона у панів довго жила і понаучувалась усяких панських розсудів.»

Дійствительно борщъ оказался такимъ, что хоть бы и городничему; но апетитъ мой сильно пострадалъ отъ волненія, съ которымъ я слушалъ рассказы Василя Суддѣнка о его отцѣ, служившемъ въ городскихъ казакахъ во время Коливщины. Эти рассказы были исполнены для меня неописаннаго очарованія: я слышалъ въ нихъ еще незамолкнувшій голосъ былой жизни, о которой до насъ дошли только книжныя извѣстія. Василь Суддѣнко пересказывалъ рѣчи отца, принятыя имъ съ впечатлительностью дѣтства и, можетъ быть, заимствовавшія оттѣнокъ его собственнаго воображенія. Когда я сказалъ, что все это такъ интересно, что жаль было бы перезабыть — а у меня-де плохая память — и принялся записывать, Василь Суддѣнко объявилъ мнѣ, что, если я такъ люблю рассказы о старинѣ, то мнѣ надобно послушать его тестя, Харка Цехмістера, который самъ видѣлъ Зализнякѣ и зазнаеть Богъ знаетъ какія времена.

Черезъ нѣсколько времени явился къ намъ и Харко Цехмістеръ, старикъ самой почтенной наружности — въ черной свитѣ съ кобенякомъ, съ бѣлою, длинною бородою. Онъ былъ ужъ очень старъ, но держался на ногахъ крѣпко, говорилъ чрезвычайно ясно и, когда описывалъ что-нибудь поражавшее его въ молодости, глаза его оживлялись юношескимъ огнемъ. Онъ былъ не прочь познакомиться съ моимъ штофикомъ, который давно уже стоялъ на столѣ и съ которымъ Василь Суддѣнко вступилъ въ самыя пріятельскія отношенія. Память его не только не пострадала отъ хмѣлю, скоро подѣйствовавшаго на его престарѣлую голову, но еще отъ него прояснилась, и онъ припоминалъ самыя мелкія подробности изъ своихъ давнишнихъ впечатлѣній. Не нужно, я думаю, увѣрять, что я провелъ время въ обществѣ этихъ друзей самымъ пріятнымъ образомъ. Я просидѣлъ съ ними до сумерекъ, не выпуская карандаша изъ рукъ, и ушелъ, обѣщавъ явиться къ нимъ на другой день. Харко Цехмістеръ тоже далъ слово обѣдать завтра у своего зятя. Такъ я встрѣчался съ нимъ нѣсколько разъ,

до тѣхъ поръ, пока не записаль всего, что хранилось у него въ памяти. Утромъ я приводилъ въ порядокъ свою стенографію, а потомъ отправлялся въ хату Василя Суддѣнка, какъ на университетскую лекцію, и пополнялъ все неполныя, или темныя мѣста при вторичныхъ распросахъ. Читатель увидить, стоило ли пойти запеканкою Черкасскихъ разскащиковъ. Что касается до меня, то ихъ бесѣды дѣйствовали на мое воображеніе такъ сильно, что я нѣсколько дней не могъ ни о чемъ другомъ думать, и лица, выведенныя ими на сцену въ ихъ повѣствованіяхъ, рисовались передо мной, какъ живыя. Вотъ эти повѣствованія.

МАКСИМЪ ШИЛО. (1)

(*)Почувши губернаторъ (2) Роскóвський, що гайдамаки деруть одного чоловіка, Шрама... а той Шрамъ державъ у ёго на орэнді корчму въ Руській Полянї... то вінъ, почувши, що Шрама деруть, поїхавъ ёго обороняти. А одинъ гайдамака изъ вікна, не допустивши ёго до орэнді, и вбївъ зъ рушніці. То вони самі скололи того гайдамаку. »О, вражий синь!« кажуть, »дóброго нана стрáтивъ!« та взяли та й скололи (3). Идóсі хрестъ стоить надъ тимъ губернаторомъ у Руській Полянї.

(*) *Переводъ.* —Какъ ушлышалъ губернаторъ (2) Роскóвскій, что гайдамаки грабятъ одного мужика, Шрама... а тотъ Шрамъ имѣлъ отъ него въ арендѣ корчму въ Русской Полянѣ... такъ онъ, узнавши, что Шрама грабятъ, и поѣхалъ оборонять его. Тутъ одинъ гайдамака, не допустивъ его къ арендѣ, выстрѣлилъ въ окно изъ ружья и убилъ его. Такъ они сами закололи того гайдамаку. »Ахъ, вражий сынъ!« говорятъ, »дóброго нана сгубилъ!« и закололи гайдамаку (3). До сихъ поръ стоятъ крестъ надъ тѣмъ губернаторомъ въ Русской Полянѣ.

(1) Разсказъ Василя Суддѣнка.

(2) Т. е. управитель.

(3) Это обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія.

А потімъ бувъ губернаторомъ панъ Сельскій. То за сего вже губернатора приїхавъ отаманъ Шило, зъ ватагою — душъ, мо́же, зъ сотню. Менé ще тогді на світі не було, а розказувавъ те все покойникъ батько. Приїхали — ка́же — вони підъ (замкову) бра́му та й крича́ть, щобъ одчинили. А губернаторъ зляка́вся та й звелі́въ одчинити, хочъ у за́мку було не безъ наро́ду. А я — ка́же — бувъ на той часъ до́ма. Прибігаю до за́мку, ажъ уже менé не пускаю́ть. Я до частокóлу. Дивлюсь скрізь щілину, ажъ губернаторъ стоїть на колінахъ передъ Максимомъ Шиломъ; а той сидіть на коні, якъ разъ прóти мене, и читае́ ёму ука́зь ніби-то одъ Царі́ці, щобъ рíзати усіхъ Ляхівъ и Жидівъ, щобъ и на світі їхъ не було. А я собі думаю: »Ось постóй лишъ, я тобі дамъ не тако́го ука́зу!« та, просунувши въ щілину ружницю, тільки що хочу стрéлити прýмо ёму въ ѓруди, а кінъ махне́ головою, то й нельзя влúчить. Я зно́въ переждú, по́ки кінъ понúритця, та що хочу стрéлити, то вінъ зно́ву й махне́ головою. А літне, зна́єте, вре́мя, са́ме передъ Тро́йцею, то мýхи коня кусаю́ть.

Ко́ли жъ прибігае́ то-жъ изъ мiста повкóвникъ замковій, Па-

А потомъ былъ губернаторомъ панъ Сельскій. При этомъ ужъ губернаторъ пріѣхалъ (въ Черкасы) отаманъ Шило съ ватагою, душъ, можетъ, во сто. Меня тогда еще на свѣтѣ не было, а рассказывалъ мнѣ объ этомъ покойный отецъ. Подѣхали — говорятъ — они къ (замковымъ) воротамъ и кричатъ: »Отворите!« Губернаторъ испугался и велѣлъ отворить, хоть въ за́мкѣ было не безъ людей. А я — говоритъ — былъ на то время дома. Прибѣгаю къ за́мку — меня ужъ не пускаютъ. Я къ частокóлу. Смотрю сквозь щель: губернаторъ стоитъ на колѣняхъ передъ Максимомъ Шиломъ; а тотъ сидитъ на конѣ, какъ разъ противъ меня, и читаетъ ему указъ будто-бы отъ Царицы, чтобъ рѣзать всѣхъ Ляховъ и Жидовъ, такъ чтобъ и на свѣтѣ ихъ не было. А я думаю: »Погоди-ка, я тебѣ дамъ не такого указу!« и, просунувши въ щель ружье, только что хочу выстрѣлить прямо ему въ грудь, а конь и махнетъ головой, такъ и нельзя потрафить. Я опять подожду, пока конь потушитъ голову, и только что хочу выстрѣлить, онъ опять и махнетъ головой. А вре-

ціна Францішекъ: »Бога бійся, Омельку, не стреляй! Ходімо перше роспитаємось.«

Пішли, стали стучать. Впущено насъ у башту.

Отъ батько (1) піднявъ підъ руки губернатора и каже: »Устань, пане! що ти передъ ледящомъ опе робишь? Да ви їх не слухайте: се гайдамаки! Вистреляймо їх, вражихъ синів!«

Губернаторъ и вставъ.

А Максимъ и каже батькові: »Хто ти за чоловікъ?«

А батько каже: »А тобі кого трéба?«

»Ти, видно, Омелько Суддénко?«

»Такъ, Омелько Суддénко.«

А батько та бувъ первий на всю губернію стрілець. То вже Максиму сказано: »Стережись, Максиме, Омелька Суддénка, бо той чоловікъ тебе зъ світу зженé.«

То Максимъ и каже батькові: »Не стреляй же, брате, сего хлопця свинцевою кúлею, а стреляй срібною.«

мя, видите ли, лѣтнее, какъ разъ передъ Троицынымъ днемъ, такъ мухи кусаютъ коня.

Какъ тутъ прибѣгаетъ изъ города замковой полковникъ, Францішекъ Паціна: »Ради Бога, Омелько, не стрѣлай! пойдемъ сперва раз-узнаемъ, въ чемъ дѣло.« Пошли мы, начали стучать въ ворота. Пропустили насъ черезъ башню...

Тогда отецъ (1) поднялъ губернатора и говоритъ: »Встань, пань! чтó это ты дѣлаешь передъ негодемъ? Не слушайте ихъ: это гайдамаки! Перестрѣляемъ ихъ, вражихъ дѣтей!« Губернаторъ всталъ. А Максимъ говоритъ отцу: »Чтó ты за человѣкъ?« А отецъ говоритъ: »А тебѣ кого нужно?« — »Ты, вѣрно, Омелько Суддénко?« — »Такъ, Омелько Суддénко.« А отецъ, видите ли, былъ первый стрѣлокъ во всей губернии; такъ Максиму кто-то и сказалъ: »Берегись, Максимъ, Омелька Суддénка: этотъ человѣкъ сгонитъ тебя со свѣта.« Вотъ Максимъ

(1) Здѣсь разсказчикъ перестаетъ повторять слова отца и начинаетъ говорить о немъ въ третьемъ лицѣ.

А батько каже: »Молі Бога за на́на повко́вника, а́то до́сі и одь сви́нцёво́й ти на коні не сиді́в би; та ще— що кінь голово́ю маха́в... Ві́колімъ«, ка́же, »і́хъ, панове!«

Отъ на́ші і́ захо́дили́сь коло́ гайдама́къ. А Ма́ксимъ и ка́же: »Що́ жъ, панове? що́ сь то́го, що́ ви на́сь ві́колете? На́сь е ба́гацько, то ві́колють и ва́сь. Я не по сво́їй во́лі при́хавъ: ме́не по́слано.«

На́ші порахова́ли-порахова́ли та і́ випу́стили і́хъ.

Гайдама́ки ста́ли на ква́тирі у Андри́йця, коло́ Тро́їці. А о́після приси́лає Ма́ксимъ козака́ зъ запи́скою до за́мку: про́сить губе́рнатора ви́йти за хві́ртку на та́йну розмо́ву. Губе́рнаторъ ви́йшовъ безь ору́жжя, а ба́тько зъ нимъ при пи́столета́хъ. И Ма́ксимъ ви́йшовъ са́мъ безь ору́жжя, а коза́къ зъ нимъ при пи́столета́хъ. »Не зна́ю«, ка́же, »що́ ми́ні і́ говорі́ть сво́їму ста́ршому. Зы́дь«, ка́же, »зъ Черка́сь, а я скажу́, що́ до́ма не заста́въ.«

Губе́рнаторъ по́слухавъ та и зы́хавъ. А гайдама́ки порозби-

и говорі́ть отцу́: »Не стрѣ́ляй же, бра́ть, это́го па́рия сви́нцовой пу́лей, а стрѣ́ляй сере́бряною.« А о́тець говорі́ть: »Мо́лись Бо́гу о па́нѣ полковни́къ, а́то не сидѣ́ть бы тебѣ́ на конѣ́ и оть сви́нцовой пу́ли; да е́ще благода́ри Бо́га за то, что ко́нь голо́вой маха́л. Пере́колемъ«, говорі́ть, »і́хъ, господа!« Вотъ на́ші и присту́пили къ гайдама́камъ. Тогда Ма́ксимъ говорі́ть: »Что́ же, господа? что́ вь́ это́мъ про́ку, что́ вы на́сь пере́колете? На́сь мно́го — пере́колють и ва́сь. Я не по сво́ей во́лѣ при́халъ: ме́ня присла́ли.« На́ші подумали́, подумали́ и выпу́стили і́хъ.

Гайдама́ки заняли себѣ́ ква́ртиру у Андри́йца, око́ло Трои́цы. По́томъ присы́лаєт Ма́ксимъ къ за́мку козака́ сь запи́скою: про́сить губе́рнатора ви́йти за калі́тку для та́йныхъ пере́говоро́въ. Губе́рнаторъ ви́шелъ безь ору́жя, а о́тець при немъ сь пи́столета́ми. И Ма́ксимъ ви́шелъ са́мъ безь ору́жя, а при немъ коза́къ сь пи́столета́ми. »Не зна́ю«, говорі́ть, »что́ и сказа́ть мнѣ́ сво́сему ста́ршему. У́зжай ізъ Черка́сь, а я скажу́, что́ дома не заста́лъ.« Губе́рнаторъ по́слушале́ся его́ и у́зхалъ. А гайдама́ки пере́колоти́ли бо́чки сь водко́й, огра́били за́житочныхъ лю́дей у́бра́ли ізъ Черка́сь.

вѣли зъ горілкою бочкѣй, пограбили багатѣихъ людей та и потягнули съ Черкасѣ.

Въ этомъ преданіи гайдамаки являются не защитниками единовѣрцевъ и мстителями за претерпѣнныя ими притѣсенія, а грабителями ихъ имуществъ. Но это неизбежное зло при всякомъ возстаніи черни. Сторону Запорожескихъ выходцевъ приняли прежде всего бѣдняки, приняли недовольные существующимъ порядкомъ вещей, обиженные своими хозяевами «наймыты», а такъ-же воры и разбойники. Для этого сброду гайдамачество было войною бѣдныхъ противъ богатыхъ, тѣмъ болѣе, что многіе изъ нихъ, служа прежде у зажиточныхъ мѣщанъ и поселянъ, мстили имъ потомъ за какія-нибудь дѣйствительныя, или кажущіяся обиды и устремляли на нихъ жадную толпу голышей. Самовидецъ, описывая, въ своей лѣтописи, возстаніе черни подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго, говоритъ, что въ то время всѣ люди «значные», то есть, отличавшіеся достаткомъ и заслугами, терпѣли «великую тѣгу и наруганія» отъ простыхъ людей, а особливо отъ гультайства, то есть, отъ броварниковъ, могильниковъ, будниковъ, наймытовъ и пастуховъ, такъ что находили спасеніе отъ побоевъ и грабительства только въ томъ, что сами вступали въ козацкое войско. (1) Это говорится о 1648 годѣ. На другой годъ уже не нужно было такого возбужденія къ увеличенію козацкаго войска: тогда уже «усе, що живо, поднялося въ козацтво», такъ что едва можно было найти въ какомъ-нибудь селѣ такого человѣка, который бы не пошелъ самъ, или не снарядилъ сына въ войско; если же самъ былъ не въ силахъ, то посылалъ слугу-парубка. Многіе же шли со двора всѣ, оставивъ на хозяйствѣ одного только человѣка. Даже въ городахъ, пользовавшихся Магдебургскимъ правомъ, присяжные бургомистры и райцы оставляли свои должности, брили бороды и шли въ козаки. «А то усе дѣялось (говоритъ Самовидецъ) за-для того, же прошлаго року збогатилися

(1) «Лѣтопись Самовидца», стр. 11, ст. 1.

шарпаниною добрь шляхетскихъ и Жидовскихъ и *иныхъ людей, бывающихъ на прехоженствъ.*» (1)

Такъ всегда бываетъ въ народныхъ возстаніяхъ: люди, стремясь сознательно и бессознательно къ преобразованію гражданской жизни, управляются чаще всего эгоистическими и корыстными побужденіями.

Слѣдующій рассказъ Харка Цехмистера представляетъ одинъ изъ такихъ случаевъ, когда гайдамаки были направлены на грабежъ наймытомъ, озлобленнымъ противъ хозяина.

НОЧНОЙ НАѢЗДЪ ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки приходили въ Черкасѣ развѣ, мо́же, пять, — иноді въ-дѣнь, а иноді въ-ночі, иноді въ великій, а часомъ въ не-великій күпі. Разъ іхавъ Тишкó Гарасіменко съ хлопцемъ изъ ярмарку; колі жъ глядь, ажъ по Медвѣдовському шляху ідутъ на коняхъ. Ажъ ось прибігà до вóза козакъ: »Щò за люде?»

»Изъ Черкасѣ. Булі на ярмарку.«

Козакъ вернүвсь до отáмана и одвістивъ. Тогді отáманъ прислávъ двòхъ уже гайдамакъ.

Отъ — ка́же (Гарасіменко) — менé взяли та й звязàли по-ясомъ, а хлопцеві звеліли поганя́ть кóней. Ідемъ за ними ажъ

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки приходили въ Черкасы разъ пять, — иногда днемъ, иногда ночью, иногда большою, иногда небольшою купою. Разъ іхавъ съ ярмарки Грицкó Гарасіменко съ мальчикомъ; смóтритъ — по Медвѣдовской дорогѣ ідутъ верховые. Только прибѣгаетъ къ возу козакъ. »Чтò за люди?« — »Изъ Черкасѣ. Были на ярмаркѣ.« Козакъ воротился къ отаману и передалъ ему этотъ отвѣтъ. Тогда отаманъ прислалъ двоихъ уже гайдамакъ.

Взяли меня — говоритъ (Гарасіменко) — и связали поясомъ, а

(1) Тамъ же, стр. 14, ст. 2.

до гóрода. Приїхавши близенько, стали. Отаманъ заразъ: «Съ коней!»

Усі їй позлазили съ коней.

»Припадайте до землі!»

Поприпадали усі ниць. І хлопець излізъ зъ вóза та й собі припавъ ниць. А я лежý звязаний на вóзі та й дивлюсь. А вінъ щось тамъ собі мимрить-мимрить [се вже, бачъ, вінъ ворожівъ, чи бóде вдáча], а далі: »Вставайте!»

Устали, посідали на коней та й поїхали по-за гóродомъ. Коней зоставили за цариною, а самі пішли вь гóродъ. І мене везуть, у вóзі. А хлопець, ще за гóродомъ, устáвъ зъ вóза, ніби про себе, та й пішовъ собі. А вони й байдужè за хлопцемъ.

Їдемъ — каже — прýмо до Дрїги. [А Дрїга живъ напрóтивъ того двора, де теперъ городничий.] Візъ оставили за воритьми, а самі до брами. Одинъ заразъ перескочивъ черезъ частокóль та й одчинивъ браму. А я — каже — лежý у вóзі, та все миши видно. Отъ — каже — гайдамаки викресали багáття. А одинъ злізъ на причілокъ, та перелізъ черезъ хáту та й одчинивъ двєри. А я — каже — давай зóбувать зъ себе поясъ, та й розв'язавсь;

мальчику велѣли погонять лошадей. Їдемъ за ними къ самому городу. Подѣхавъ близко, остановились. Отаманъ тотъ-часъ: »Съ лошадей!» Всѣ слѣзли съ лошадей. »Ложитесь на землю!» Всѣ пали ничкомъ. А я лежу на возу, связанный, и смотрю. Онъ что-то долго бормоталъ про себя [это онъ, видите ли, гадалъ, будетъ ли удача], а потомъ: »Вставайте!» Всѣ встали, сѣли на лошадей и поѣхали вокругъ города. Лошадей оставили за *цáриною* (за полевыми воротами), а сами пошли вь городъ. І мене везуть на возу. А мальчикъ, еще за городомъ всталъ съ воза и побрелъ себѣ. А имъ и нужды нѣтъ, что онъ ушелъ.

Їдемъ — говорить — прýмо къ Дрїгѣ. [А Дрїга жилъ противъ того двора, гдѣ теперь городничий живеть]. Возъ оставили на улицѣ, а сами къ воротамъ. Одинъ тотъ-часъ перескочилъ черезъ частокóль и отворилъ ворота. А я — говорить лежу на возу, и все миѣ видать, что они дѣлають. Вотъ — говорить — гайдамаки выскли огня. Одинъ взлѣзъ на

та вже покинувши її коней зъ возомъ, добігъ до дзвіниці, та вдіривши разівъ зо три въ дзвона, та зъ дзвіниці.

Біжу по-узъ дядьківъ двіръ. А дядько на той часъ згодівся на дворі: »Хто то такий? Чи се ти, Тишкó?»

»Я«, кажу.

»Чого се ти біжишь?»

»Ховайтесь«, кажу: »гайдамаки Дригу деруть!»

Отъ дядько порозбужувавъ своїхъ та, заперши ворота, и ходять по двору на варті. А до Дриги бояця йти: такий бувъ страхъ!

А гайдамаки положили Дригу долі та, насипавши єму на голу спину пороху, запалили и дрالی гребломъ, щобъ признавсь, де тиі червінці, що колись ганявъ у Шлєнське волі та заробивъ. А міжъ ними та бувъ наймитъ Дриги; такъ той усє її виказавъ. И по́ти драли, по́ки старá не внесла въ хату горшкá зъ червінцями.

причілокъ ⁽¹⁾, перелѣзъ по чердаку въ сѣни и отворилъ наружную дверь. А я — говорить — началъ сдвигать съ себя поясъ, освободилъ руки, бросилъ лошадей съ возомъ и пустился бѣжать къ колокольнѣ; а ударивши раза три въ колоколь, побѣжалъ далѣе. Пробѣгаю мимо дядина двора. А дядя на то время случился на дворѣ: »Кто это?» спрашиваетъ. »Это ты, Тишкó?» — »Я«, говорю. »Чего это ты бѣжишь?» — »Спрячьтесь«, говорю: »гайдамаки Дригу грабятъ!» Дядя разбудилъ своихъ домашнихъ и, заперши ворота, принялся съ ними караулить на дворѣ. А къ Дригѣ боялись ийти: такой былъ страхъ!

Межъ тѣмъ гайдамаки положили Дригу на полу и, насыпавши ему на голую спину пороху, зажгли и царапали скребницею, чтобъ сказалъ, гдѣ червонцы, которые онъ когда-то взялъ въ Шлєнскѣ за воловъ. Съ ними былъ Дригинъ наемникъ; онъ-то и объявилъ имъ объ этомъ. И до тѣхъ поръ мучили, пока старуха не принесла въ хату горшка съ червонцами.

⁽¹⁾ *Причілокъ* называется узкая сторона параллелограмма, составляющаго хату. Балки, поддерживающія крышу, на причілкѣ выдвигаются далеко впередъ,

Гайдамаки не займали замкових козаків, и козакі їх не займали. Тільки ото Роскóвський угнався бувъ за ними въ Руську Поляну, то ёго и вбили. Се було ось якъ. Гайдамаки напали на двіръ Олексійця у Білазерьї, а самого ёго не заскóчили. А вінъ, притаившись підъ повіткою, и чўе, що ще хочуть ити въ Руську Поляну до Шрама. То вінъ звідти та до пана, та й розказавъ, що отакá й така рiчъ. Оттогди-то Роскóвський и вгнався за ними въ Руську Поляну.

Случалось, что въ гайдамаки шель такой наймытъ, который жилъ въ добромъ согласіи съ своимъ хозияномъ. Тогда онъ не только служилъ отводомъ хищничества товарищей для бывшаго хозияна, но еще выражалъ ему благодарность за его хлѣбъ-соль. Одинъ изъ такихъ случаевъ пересказалъ мнѣ Василь Суддѣнко; а именно:

НАЙМЫТЬ-ГАЙДАМАКА. (*)

Почўвши, що гайдамаки ободрали Дригу, та ще й на дрўгихъ людѣй похваляютьця, утiкавъ черезъ Днiпръ у дубi Сутўла Гарасько, зъ жiнкою и зъ дитиною [бувъ у ёго синокъ Андриiко]. То се вже

Гайдамаки не трогали замковых козакóвъ, и козаки ихъ не трогали. Только вотъ Роскóвскаго убили, что погнался за ними въ Русскую Поляну. Это вотъ какъ было. Гайдамаки напали на дворъ Олексійца, въ Білазерьї, да самого Олексійца не захватили. Онъ притаился подъ навѣсомъ и слышитъ, что собираются еще идти въ Русскую Поляну къ Шраму. Вотъ онъ оттуда къ пану и разказалъ, въ чемъ дѣло. Тогда-то Роскóвскій и погнался за ними въ Русскую Поляну.

(*) *Переводъ.* — Когда ограбили гайдамаки Дригу и начали хвалиться сдѣлать то же съ другими, Гарасько Сутўла, услышавъ объ этомъ, уходилъ черезъ Днѣпръ на лодкѣ съ женой и съ мальчикомъ [былъ у не-

такъ что крыша образуетъ родъ навѣса, и если дыра подъ этимъ навѣсомъ не застлана, то и можно съ причалка взлѣзть на чердакъ.

той Андрій Сутуленко розказувавъ, що — каже — треба було намъ переїздити черезъ Дніпръ у човні; а батько й коня на повіді за човномъ вівъ. То я боявсь, щобъ кінь не перевернувъ човна, та й ставъ плакати. То батько й покинувъ мене на березі. »Пропадай же«, каже, »вража дитино!« [А знає, що дитя не де дінеться, бо гайдамаки дітей не займали.] Отъ я — каже — переночовавъ у садку, а потімъ пішовъ до баби. Баба мене нагодовала; я й гуляю собі. Коли жъ дивлюсь — иде наймитъ нашъ, що приставъ у гайдамаки. Уже собі й жупанъ, добувъ.

»Здоровъ«, каже, »Андрію!«

»Здоровъ.«

»А батько дє?«

»Отамъ и тамъ«, кажу; »а я въ баби.«

[А баба вбога була, то й не ховалась одъ гайдамакъ.]

»На жъ«, каже, »тобі грѣшей, та не давай нікому, а неси до баби.«

Та й почавъ мині кидати у пазуху пятаки зъ обохъ кишень. Півну пазуху — каже — мині насипавъ.

го сынокъ Андрійко]. Онъ-то, этотъ Андрій Сутуленко, и рассказывалъ мнѣ объ этомъ. Нужно — говоритъ — было намъ переправиться черезъ Днѣпръ на лодкѣ; а отецъ и коня въ поводу за лодкой велъ. Я боялся, чтобъ конь не опрокинулъ лодки, и началъ плакать. Отецъ и бросилъ меня на берегу. »Пропадай же«, говоритъ, »вражье дитя!« [Зналъ онъ, что дитя никуда не дѣнется, потому что гайдамаки дѣтей не трогали.] Вотъ я — говоритъ — переночевалъ въ садикѣ, а потомъ и пошелъ къ бабушкѣ. Бабушка меня накормила. Я и играюсь себѣ. Только смотрю — идетъ нашъ батракъ, что присталъ къ гайдамакамъ. Ужъ и жупанъ себѣ добылъ. »Здорово, Андрей!« говорятъ. »Здорово!« — »А отецъ гдѣ?« — »Тамъ-то и тамъ-то«, говорю; »а я у бабушки.« [Бабушка была женщина убогая, то и не пряталась одъ гайдамакъ.] »Возьми же«, говоритъ, »себѣ эти деньги, да не давай никому, а неси къ бабушкѣ.« И началъ бросать мнѣ въ пазаху пятаки изъ обоихъ кармановъ. Полную пазаху — говоритъ — мнѣ насыпалъ.«

Между стариками, съ которыми случалось мнѣ бесѣдовать о гайдамакахъ, я встрѣтилъ только одного, видѣвшаго кого-нибудь изъ ихъ предводителей, и это былъ Харко Цехмистеръ. Онъ имѣлъ лѣтъ десять отъ роду въ 1768 году, когда Зализнякъ приходилъ съ своимъ войскомъ въ Черкасы, и память его сохранила все обстоятельство, сопровождавшія наѣздъ гайдамакъ, сколько было доступно ихъ для наблюденія мальчугана. Разсказъ его вводитъ насъ въ исторію мелочей событія, которыя даютъ возможность сдѣлать заключеніе объ общемъ характерѣ козацкихъ войнъ въ Польской Украинѣ.

ПРВЫВАНІЕ МАКСИМА ЗАЛИЗНЯКА ВЪ ЧЕРКАСАХЪ. (*)

....Саме въ Петрівку, у первий день, у понеділокъ, приіхали дванадцять затязцівъ на розвідини. Пострічали Андрійця та й роспитують :

»Де тутъ оттакий-то війтъ?«

»Я«, каже Андрієць.

»Веді жъ насъ до себе на кватиру.«

Зазвавъ ихъ до себе на кватиру. Послали до пана Сельського въ замокъ, щобъ давъ напитківъ. Той імъ заразь и приславъ, бо всі боялись гайдамаківъ. Отъ вони пьють да й кажуть : »Нехай вражий Ляхъ дае, а послі звяжемъ ёго та й повеземъ до коша.«

А Андрієць, почувши сее, та въ замокъ : »Бережись«, каже, »пане : отака й така річь.«

(*) *Переводъ*.... Въ самый Петровъ постъ, въ первый день, понедѣльникъ, приѣхало человекъ двѣнадцать гайдамакъ на развѣдки. Встрѣтили они Андрійца и спрашиваютъ : »Гдѣ живетъ такой-то войтъ?« — »Я«, говоритъ Андрієць. »Веди же насъ къ себѣ на квартиру.« Зазвалъ онъ ихъ къ себѣ на квартиру. Оттуда они послали къ пану Сельскому въ замокъ, за напитками. Тотъ и прислалъ имъ тотъ-часъ, потому что все боялись гайдамакъ. Пьютъ они и говорятъ : »Пускай вражий Ляхъ даетъ, а потомъ свяжемъ его и увеземъ въ свой станъ.« Услышавъ это, Андрієць побѣжалъ въ замокъ : »Берегись, пань«, говоритъ онъ : »вотъ что

То панъ Сельський и заперсь у замку. А гайдамаки повертілись по-під частокóломъ та й вернѹлись до кошá. А ко́шемъ вони сто-яли тогді ціли сутки у Великихъ Кўрганівъ.

А такий бувъ народъ шалєний, тїи затязці, що оцє їде по ўлиці та вбáчить у дворі чоловіка, то віме пистолєть та й кричїть: »У хату, мурєю! ато запалó!« То чоловікъ схїлитця та під по-вітку.

... На дрўгий день у Петрівку рознеслась по Черкасамъ чўтка, що їде якєсь вїйсько. А ми тогді булі ще хлопцями. То лю-де боятця, а намъ баїдўже: сказано — діти.

»Побїжїмъ, побїжїмъ, щó тамъ за вїйсько!«

Побїгли за Бїлазерську царину, ажъ справді їде вїйсько, та-кі настояще. Попєреду їде отáманъ на буланїмъ конї, у карма-зинї. Шáнка на ємў сїва, чóботи сапьянці, поясь шалєвий; за поясомъ пистолєть; при бокў шабля. Отó жъ бувъ самъ Максимъ Залїзнякъ. Не старїй ищє чоловікъ, лїть, мóже, сорока, а мóже, й бїльшъ; на видў повний, кругловїдний, урóдою хорóший,

я слышалъ!« Тогда панъ Сельскїй и заперся въ замкѣ. А гайдамаки повертѣлись подъ частокóломъ и воротились въ свой станъ. А станомъ они стояли тогда цѣлыя сутки у Великихъ Кўргановъ.

Такой шальной народъ былъ эти гайдамаки, что когда ѣдетъ бывало по улицѣ и увидитъ на дворѣ мужика, то, вышувши пистолеть, и кри-читъ: »Убирайся въ хату, сермяжникъ, ато выстрѣлю!« Наклонитса человекъ да скорѣе и спрячется подъ навѣсъ.

... На другой день Петрова поста разнесся по Черкасамъ слухъ, что їдетъ какое-то войско. Мы тогда были еще мальчиками. Взрослые боятса, а намъ и нужды мало: извѣстно — дѣти. »Побѣгїмъ, побѣ-гїмъ, чтò тамъ за войско!« Побѣжали мы за Бїлазерскую царину — въ самомъ дѣлѣ їдетъ войско, настоящее войско. Впередї їдетъ отáманъ, на буланомъ конѣ, въ красной одеждѣ. Шáнка на немъ сѣрая, сапоги сафьянцы, поясь шалевой; за поясомъ пистолеть; сбоку сабля. То и былъ самъ Максимъ Залїзнякъ. Не старїй еще человекъ былъ, лѣтъ, мо-жетъ быть, сорока, а, можетъ, и больше; полный, круглолицый, собой

на взроеть невеликий, та плечистий; усі русяві невеличкі; за ухомъ оселедець. А за нимъ усє по двà, усє по двà, зъ ратищами, и у переднихъ паръ, може, у трєхъ, ратища зъ корогівками двойчатими, такъ що оцє половина бїла, а половина красна, а знову половина жовта, а половина чорна, абò червона, абò синя. А по самому заду йде чоловікъ зъ десятокъ пішо безъ ратищъ и безъ усєго, а тїлько колкі позасмалювали та й идуть. То вже винники, тощо, що поприставали въ гайдамаки.

Отъ ми й стали коло шляху, по праву рўбу, и шапки познімали. А вінъ, порівнявшись изъ нами, та й каже: »Здорові, сучакі!«

А ми кажемо: »Здорові, пане!«

»А щò ви? не оретє?«

»Ні, пане.«

»А ми жь оцє почали орати!«

Та й поїхавъ у гóродъ черезъ ту ўлицю, де тепєрь старій базаръ, та по-за Паціною, де тепєрь живє 'Ищенко, що слўжить у сўді; и приїхали вони прямо до замку, черезъ мість. Башта була одчїлена. Я вже не бачивъ, хтò й одчїнивъ. Уїхали въ замокъ,

пригожій, росту небольшого, но широкоплечій; усы у него русые, небольшие, за ухомъ *оселедец* (длинный чубъ). А за нимъ ѣдутъ всє по два въ рядъ съ копьями, и у переднихъ паръ, можетъ, у трехъ копья съ двойчатыми значками: одна половина значка бїлая, а другая красная, а тамъ опяť половина желтая, а другая черная, или красная, или синяя. А въ самомъ хвостѣ идетъ человекъ десять пїшихъ безъ копей и безъ всего, съ одними только обожженными на концахъ колыями. То ужъ были винокурь и тому подобные, что пристали къ гайдамакамъ.

Мы остановились подлє дороги, направо, и шапки сняли. А онъ, поравнявшись съ нами, говоритъ: »Здорово, *сучакі!*« А мы говоримъ: »Здравствуй, панъ!« — »А чтò вы? не пашете?« — »Нєть, панъ.« — »А мы ужъ начали пахать!« И поїхалъ въ городъ по той улицѣ, на которой тепєрь старій базаръ, а потомъ позади Паціны, гдѣ тепєрь живєть 'Ищенко, чтò служить въ судѣ; и приїхали они прямо въ замокъ, черезъ мость. Башня была отворена. Я ужъ не видѣлъ, кто ее отворилъ.

самі стали въ ряді, а ратища въ козла поставили. А Залізнякъ крикне: »Съ коней!«

Отъ вони позлізали и попривязували коней коло конюшні у коновязей. А отаманъ, зъ десятима, може, чоловіками, пішовъ прямо до покоївъ. А назустрічъ ёму вишло съ покоївъ чоловіка те-жь изъ десять, зъ отаманомъ Бұзькомъ, изъ Цесарської Слободі. Познімали передъ нимъ шапки. И вінъ, прийшовши до нихъ ближче, знявъ шапку та заразъ и надівъ; а вони усі передъ нимъ безъ шапокъ.

»А здорові«, каже, »козацтво!«

»Здоровъ, отамане батьку!«

»А де вашъ отаманъ?«

Отъ отаманъ до ёго й вискочивъ съ кўпи, безъ шапки. А вінъ и собі шапку знявъ. Обнялись, поцілувались.

»Ну, просіть же на кватіру.«

Пішли въ покої.

А пані вже давно убралась на той бікъ Дніпра, — ище якъ почули одъ Андрійця, що гайдамаки похваляютьця їхъ перевязать.

Одбили шпикліржъ сокірою. Шукать, чого їмъ треба.

Въѣхали въ замокъ, сами стали въ ряды, а конья поставили въ козлы. Залізнякъ крикнулъ: »Съ лошадей!« Гайдамаки слѣзли съ лошадей и привязали ихъ возлѣ конюшни у коновязей; а самъ онъ, съ десятию, что ли, человекъ, пошелъ прямо къ покоямъ. Навстрѣчу ему вышло оттуда тоже человекъ десять, съ отаманомъ Бұзькомъ, изъ Цесарской Слободы. Сняли передъ нимъ шапки. И онъ, подойдя ближе, снялъ шапку и тотъ-часъ опять надѣлъ; а они такъ и остались съ открытыми головами. »Здорово, казаки!« сказалъ онъ имъ. — »Здравствуй, батько отаманъ!« — »А гдѣ вашъ отаманъ?« Отаманъ выскочилъ къ нему изъ кўпы, безъ шапки. Онъ тоже снялъ шапку. Обнялись, поцѣловались. »Ну, просите же на постой,« сказалъ онъ, и пошли все въ покои. А паны давно ужъ убралась на ту сторону Днѣпра, — еще тогда, какъ услышали отъ Андрійця, что гайдамаки собираются перевязать ихъ. Тутъ гайдамаки отбили въ подвалѣ дверь топоромъ и ищутъ, чего їмъ надо.

А чоловік із сімь затязців пішли до орєнди.

А ми, хлопята: »Ходімъ, ходімъ за ними!«

Отъ оди́нь по́навъ десь сокіру та по замку́ торохъ! Замокъ такъ и роспався. Тоді давай рубать у бочкахъ обручі. Горілка такъ и потекла съ коміръ по косогору.

А жі́нкі згрібають пісокъ, та спиняють ту горілку, та беруть при́горщами та въ гóрщики й збірають скрізь намітку.

А гайдамаки жіно́къ не займають; и вбо́гихъ люде́й не займають; тільки ба́гатихъ гра́били, а Ляхівъ и Жидову́ рїзали. То всі Жи́ди повтікали зъ гóрода и пані. А панівъ тоді у насъ було́ три: панъ Сельський, губернаторъ; — Паці́на, полковникъ, и Жу́ковський, лєсничий.

Отъ я, подиві́вшись на се чу́до, прийшо́въ до́дому, ажъ панотець поїхавъ у лєсъ ізъ двома́ наймита́ми, а до́ма зосталась паніматка та па́рубокъ Сідогolóвка. Прихо́жу въ хату, ажъ ма́ти плаче.

»А де́ ба́тько?«

»И вже, си́нку, поїхали!«

Ко́ли жъ ба́тько — не знаю́ вже, чо́го: чи розду́мавсь, чи що́ —

А человекъ семь отправились въ *аренду* (питейный домъ). »Пойдемте и мы за ними!« сказали мы, мальчишки, другъ другу, и пошли.

Тамъ одинъ гайдамака схватилъ топоръ и брякъ по замку! Замокъ такъ и развалился. Тогда онъ и принялся рубить обручи въ бочкахъ. Водка такъ и потекла по косогору. А женщины дѣлають изъ песку запруду, останавливають водку, черпають горстями и цѣдятъ сквозь серпянку. Гайдамаки не трогали женщинъ; и убогихъ людей не трогали; только богатыхъ людей грабили, а Ляховъ и Жидовъ рѣзали. Потому-то все Жи́ды и паны ушли изъ города. Пановъ же тогда было у насъ три: панъ Сельскій, губернаторъ, — Паці́на, полковникъ, и Жу́ковскій, лѣсничій.

Ну, посмотрѣлъ я на это чудо и пришелъ домой; пришелъ, а ужъ отецъ поѣхалъ въ лѣсъ съ двумя батраками, а дома осталась только мать да работникъ Сѣдоголовка. Прихожу въ хату — мать плачетъ. »А гдѣ отецъ?« — »И, сынокъ! ужъ поѣхали!« Какъ тутъ отецъ — не знаю ужъ, зачѣмъ: раздумалъ, что лп — воротился, доѣхавъ до самой горы,

вернувся ажъ изъ-підъ горі, одъ цѣрки. Тільки що випрягають коней, ажъ ось иде лейстровий городський козаць Головка; веде у двір двохъ гайдамакъ та й каже: »Кажуть, цехмістре, що въ васъ е чоботи-сапьянці, що ви робили панамъ!«

»Ні«, каже, »нема: я робивъ та давно.«

Отъ ёго й повели у замокъ до самого Зализняка.

Панотець опісля вже розказувавъ, що — каже — скоро ввійшли въ будинокъ, то я — каже — и вбачивъ, що Бұзько отаманъ заховавъ у кімнату. А Зализнякъ и каже: »Ти цехмістеръ шевський?«

А я кажú: »Я, пане.«

»У тебе есть чоботи-сапьянці, що ти робивъ панамъ.«

»Робивъ, отамане, та давно, а тепёръ нема.«

А Бұзько крізь щілину зъ кімнати й шепче щось.

А Зализнякъ и ўхо приложивъ та й каже: Не знаю, хто бреше, чи той, чи той. Ну, ступай собі!«

Батько додому, та за коней, та скорііішъ зъ двора! Поїхали зъ двомá парубками въ лїс и тамъ драли лубъе, ажъ поки гайдамаки повіялись изъ Черкасъ.

что у церкви. Только начали выпрягать лошадей, какъ идетъ реестровой городской козакъ Головка; ведетъ онъ съ собой двоихъ гайдамакъ и говорить: »Цехмістеръ, у васъ, говорятъ, есть сапоги-сапьянцы, что вы шили для пановъ.« — »Нѣтъ«, говоритъ отецъ, »нѣту: я шилъ сапоги, но давно.« Вотъ и повели его въ замокъ къ самому Зализняку. Отець послѣ ужъ рассказывалъ, что — говоритъ — какъ только вошли въ хоромы, то я — говоритъ — и увидѣлъ, что Бұзько отаманъ спрятался за перегородку. А Зализнякъ говоритъ: »Ты сапожничкой цехмістеръ?« А я говорю: »Я, пане.« — »У тебя есть сапоги-сапьянцы, что шилъ ты для пановъ.« — »Шилъ я, отаманъ, да давно, а теперь сапогъ у меня нѣту.« А Бұзько и шепчетъ что-то сквозь щель изъ *комнаты*. Зализнякъ и ухо приложилъ, и говоритъ: »Не знаю, кто лжетъ, тотъ, или другой. Ну, ступай себя!« Тогда отецъ домой, забралъ лоша-

Якъ поїхавъ панотєць, то я хожу по хатї, а парубокъ, Сїдоголовка 'Яковъ, шивъ чоботи протївъ окнѣ, а панї-мѣтка тєжъ бѣралась у хатї. Коли жъ гайдамаки, идучї мїмо окнѣ: »*Пугу!*«

А парубокъ бувъ колись на Запорѣжжі, то й одвїтивъ єму: »*Козакъ зъ Лугу!*«

Ажъ ось и идуть у хату два затїзці изъ Головкомъ Иваномъ, та одїнь на порѣзі у хату зъ пистолєта — бєхъ!

Панїмѣтка такъ и затруєїлась.

А другїй гайдамака й каже: О, вѣражїй сїну! злякавъ молодїцю!«

»А ну«, кажуть, »одчинїй, нєне, комѣру, бо Бўзько казавъ, що їменно є сапѣянцї.«

Одчинїли.

»Одмигай скрїню!«

Одмигнули.

Копались-копались, — нїчого не взяли; не знайшли чобїть та й пішли собі.

Якъ пішли, то парубокъ Сїдоголовка зновъ сїв та й ставъ кончатъ чоботи. Коли жъ прїходить щє одїнь, у Жидївському кап-

дей и скорѣй со двора! Поѣхаль онъ съ двумя парнями въ лѣсъ и драли тамъ лубья, пока гайдамаки убрались изъ Черкасъ.

Какъ уѣхаль отецъ, то я хожу по хатѣ, а парень нашъ, Яковъ Сѣдоголовка, шьетъ сапоги у окна, а мать тоже чѣмъ-то занимается. Вдругъ гайдамака закричалъ, проходя мимо окна: »*Пугу!*« А батракъ нашъ былъ когда-то на Запорожьи, такъ и отвѣтилъ: »*Козакъ съ Лугу!*« Вотъ и идутъ въ хату двое гайдамакъ съ Иваномъ Головкомъ, и одїнь изъ нихъ бухъ изъ пистолета на порогъ! Мать такъ и затрепетала. А другой гайдамака говоритъ: »Эхъ ты, вѣражїй сынъ, испугалъ молодїцу!« — »Нутка«, говорятъ, »отворяй, матушка, *комѣру*: Бўзько говорилъ, что именно есть у васъ сапоги-сапѣянцы.« Отворили. »Отпирай сундукъ!« Отперли. Они рылись, рылись, но ничего не взяли; не нашли сапоговъ и ушли прочь.

Какъ ушли, то парень Сѣдоголовка опять усеѣлся и принялся докапчивать сапоги. Какъ тутъ проходитъ еще одїнь гайдамака, въ Жидов-

танкѹ — на грудяхъ и не сходитця — и въ постѳоликахъ саморѳб-
кахъ.

»Комѹ се ти чѳботи шїешъ?»

»Собѳ.»

»Ну лишъ», каже, »дошивай.»

Да й сївъ на лавѳ и ждавъ, ажъ пѳки Сїдоголовка дошивъ.

»А щѳ, дошивъ?»

«Дошивъ.»

»Ну, на жъ тобѳ оцѳ постѳолики, а я надїну твої чѳботи. А
ти собѳ пошїешъ.»

Надївъ и шїшѳвъ собѳ.

Въ описанномъ здѳсъ походѳ Зализняка есть черта, перенося-
щая насъ въ тотъ моментъ возстанїя Богдана Хмѳльницькаго, ког-
да у него было больше войска, нежели оружія. Я говорю о гайда-
макахъ, вооруженныхъ, на первый разъ, только кольями. Въ думѳ
о Хмѳльницкомъ и Василю Молдавскомъ ⁽¹⁾ изображена та же са-
мая картина, чтѳ и въ разсказѳ Харка Цехмистера, а именно :

За їмъ козакї їдуть,

'Яко їрая пчолѳ гудѳть.

Котѳрий козѳкъ не мїе въ себѳ шаблѳ булатної,

скомъ кафтанѳ — на груди и не сходится — и въ самодѳльныхъ *посто-*
лахъ ⁽¹⁾. »Для кого это ты сапоги шьешъ?» — »Для себя.» — »Нут-
ка«, говоритъ, »доканчивай.« И сѳлъ на лавкѳ и ожидалъ, пока Сѳдо-
головка кончилъ. »А чтѳ, кончилъ?» — »Кончилъ.« — »Ну, возьми
же себѳ эти *постѳолики*, а я надїну твои сапоги. Ты сошьешъ себѳ дру-
гіе.« Надѳлъ и ушелъ изъ хаты.

(1) »Народныя Южнорусскїя Пѳсни«, изд. Метлинскаго, стр. 391.

(2) Постолами называются и лапти, и черевыки, сдѳланные изъ одного куска
кожи. Эпитетъ *самодѳльныхъ* показываетъ, что дѳло идетъ не о лаптяхъ, кото-
рые каждый самъ для себя дѳлаетъ.

Пищалі семипядної,
Той козакъ кій на плéчи забірае,
За гетьманомъ Хмельницькимъ увъ охотне військо поспішае.

Вообще трагедія 1768 года была повтореніемъ незабытой еще борьбы козаковъ съ Польскимъ дворянствомъ въ XVII вѣкѣ, каковы бы ни были причины столь ужаснаго ожесточенія гайдамакъ. Вся разница въ томъ, что планъ главныхъ двигателей Коливщины не достигъ своего полного развитія и что они ошиблись въ своихъ надеждахъ на союзниковъ. Такая участь могла бы постигнуть и Хмельницкаго, и тогда онъ былъ бы причисленъ къ разряду разбойниковъ, какъ Зализнякъ и Гонта.

Слѣдующій разсказъ Харка Цехмистера показываетъ, что дѣйствія гайдамакъ не всегда управлялись корыстными видами и что они имѣли сношенія съ лицами разныхъ классовъ общества, въ разныхъ городахъ Украйны.

БѢГСТВО ГАЙДАМАКЪ. (*)

Гайдамаки нароби́ли багáто шкóди въ Умані. А вже якъ ставъ писать король до Матушки: »Великъ світь Матушко! щó оцé рóбитця въ Польщі, щó якиісь бурлаки розбивають народъ?« то вона якъ послала повкь легкоконний, а другий Донцівъ; то гайдамаки й порізвилися.

Стояли вони въ Розсошинцяхъ, а Дóни туді прийшли та й кажуть: »Приміте й насъ; ми до васъ приста́немо.« Ті́й й при-

(*) *Переводъ.* — Гайдамаки надѣлали много бѣды въ Умані. Но, какъ началъ писать король къ Матушкѣ: »Великъ свѣтъ Матушка! что́ это дѣлается въ Польшѣ? какіе-то бурлаки разбойничаютъ въ народѣ«; такъ она и послала одинъ полкъ легкоконный, а другой — Донцовъ. Тогда гайдамаки и разрознились.

Стояли они въ Розсошинцахъ, какъ пришли туда Донцы и говорятъ: »Примите и насъ къ себѣ; мы къ вамъ пристанемъ.« Тѣ и приняли. А

няли. А Дони їх половили та й повязали. То Донський повкóвникъ піше до Матушки: »Що зь ними робить?« А вона ёму одписала: »Кому шкоду зробили, тому й у руки oddайте.«

То вже якъ вони утікали на Низъ, то чоловікъ десять їх плило по Дніпру, та й пристали дубомъ коло Черкасъ, и прийшли на базаръ, та, взявши перехриста писаря, що бувъ при панахъ, повели черезъ річку Солоницу до Дніпра, та руки ёму поясомъ звязали, очи завязали білою хусткою и сказали ёму: »Стань навкóлишки.« Вінъ ставъ, а одинъ зайшовъ ззаду та бехъ ёго зь рупниці въ спину! вінъ такъ и впавъ навзнакъ. А самі сіли въ дуба та й поплили. А люде зійшлися, заховали того перехриста и хрестъ поставили. И довго той хрестъ стоявъ, та вже водою вимило, бо Дніпръ розливаётця ажъ підъ самий городъ.

Есть историки, приписываюцие кровопротитя 1768 года какой-то необьяснимой кровожадности Украинской черни, — какъ-будто человекъ можетъ сдѣлаться кровожаднымъ безъ внѣшнихъ причинъ, которыя доводятъ его до рѣшимости убить другого, или погибнуть. Украинскій простолудинъ доказываетъ статистически, что въ его натурѣ всего менѣе наклонности къ человекóубийству,

Донцы ихъ переловили и перевязали. Тогда Донской полковникъ пишетъ къ Матушкѣ: »Что съ ними дѣлать?« А она ему отвѣчала: »Кому сдѣлали вредъ, тому и отдайте ихъ въ руки.«

Вотъ, какъ ужъ уходили они на Низъ, то человекъ ихъ десять плыло по Днѣпру и причалили лодкой подлѣ Черкасъ, и пришли на базаръ, а тамъ взяли перекрещенца, что при панахъ былъ, повели черезъ рѣчку Солоницу къ Днѣпру, связали ему поясомъ руки, завязали бѣлымъ платкомъ глаза и сказали: »Стань на колѣни.« Онъ сталъ, а одинъ зашелъ сзади и выстрѣлилъ ему въ спину изъ ружья. Онъ такъ и упалъ навзничъ. Тогда гайдамаки сѣли на лодку и поплыли. А люди сошлись, схоронили того перекрещенца и крестъ надъ нимъ поставили. И долго стоялъ тотъ крестъ; наконецъ вымыла его изъ земли вода, потому что Днѣпръ въ разливѣ подходитъ подъ самый городъ.

что желаніе овладѣть чужимъ имуществомъ весьма рѣдко искушаетъ его на этотъ грѣхъ и что только подь вліяніемъ такихъ страстей, какъ гнѣвъ, мщеніе, ревность, онъ забываетъ о грѣхѣ и убиваетъ человѣка. Масса народа измѣняется медленно въ своемъ характерѣ, и нынѣшній Малороссіянинъ всё тотъ же человекъ, какимъ онъ былъ въ 1768 году. Если же въ то время легко было Запорожцамъ поднять его на кровавое дѣло, то это значитъ, что онъ былъ ужъ подготовленъ другими обстоятельствами къ Коливщинѣ. Я ужъ отъ-части выставилъ пружины, которыми приведены были въ движеніе страсти толпы народной въ Украинѣ. Теперь представлю фактъ, показывающій съ одной стороны сильно возбужденные къ борьбѣ за вѣру умы простонародья, а съ другой неблагоприятныя мѣры мѣстныхъ властей къ утвержденію въ Украинѣ уніи, или, можетъ быть, личный фанатизмъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Разсказъ Харка Цехмистера о преслѣдованіи ревнителѣй *благочестія*, при всей узости его горизонта, вноситъ нѣкоторый свѣтъ въ исторію этого края, которую съ одной стороны затмили безусловные порицатели гайдамакъ, а съ другой люди, видѣвшіе въ Польскомъ дворянствѣ и духовенствѣ однихъ тирановъ и фанатиковъ. Хотя этотъ разсказъ относится, какъ видно, ко времени, послѣдовавшему за Коливщиною, но изъ него можно заключить и о временахъ, предшествовавшихъ ей.

ВОСПОМИНАНІЯ О РЕЛИГИОЗНЫХЪ СМУТАХЪ ВЪ УКРАИНѢ. (*)

У Миколіа бувъ священникъ, Остаѣшъ Каряка. Поляки давай ѓго підбивать, щобъ поїхавъ у Польшу да висвятися на Унію: »Поїдь, Остає, тобѣ льпиль бѣндзь.« Вінъ и поїхавъ, висвя-

(*) *Переводъ.* — Въ Школьской церкви былъ священникъ, Евстафій Каряка. Поляки стали подбивать его, чтобъ поѣхалъ въ Польшу и *высвятится на унію*: »Поѣзжай, поѣзжай, Евстафій, тебѣ лучше будетъ.« Онъ и поѣхалъ, посвятился и воротился уніагомъ. Вотъ въ Троицко

тивсь и вернўвся вже унійтомъ. Отъ у Трїйці благочестіе, а въ насъ Унія, — рокївъ, може, й скїлькі. То якъ шїйдемъ було у який монастирь говїть, то ченці насъ и наўчують: »Избунтуйтесь«, кáжуть, »та до преосвященнаго добийтеся, то бѹде и въ васъ благочестіе.«

А ся епархїя тягнула тогдї до Переяслава. А въ Переяславі преосвященний бувъ Гервасїй. Отъ бáтько мїй и поїхавъ тудї изъ парубкомъ Шпакóмъ: »Ваше преосвященство! ми приїхали просїти, нехай и въ насъ бѹде благочестіе, якъ и въ людѣй; ато у насъ Унія, що ми їй терпїти не мóжемо.«

А преосвященний и кáже: »Дїтки! просїте Каряку, нехай до мене приїде, то я єго поблагословлю на благочестіе.«

А панотецъ кáже: »Святей владїко! ми всїєю громадою просїли, а вінъ не йме віри. «Тогдї««, кáже, »у васъ бѹде благочестіе, якъ у менѣ поростѣ на долонї волóсся!«

То преосвященний и кáже: »Людѣ дóбрї! обождїть же; вінъ схаменѣтця, та не въ пору. Ідьте«, кáже, »дїтки додóму, а священникъ вамъ бѹде.«

церкви *благочестїе*, а у насъ унія, и такъ прошло лѣтъ, можетъ быть, нѣсколько. Вотъ, какъ поїдемъ бывало въ какой-нибудь монастырь говѣть, то монахи насъ и учать: »Взбунтуйтесь«, говорятъ, »да къ преосвященному добейтеся, такъ и у васъ будетъ *благочестїе*.«

А эта епархїя принадлежала тогда къ Переяславу. А преосвященнымъ въ Переяславѣ былъ Гервасїй. Вотъ отецъ мой поїхалъ туда съ работникомъ Шпакóмъ: »Ваше преосвященство! мы прїїхали просить, чтобъ и у насъ было *благочестїе*, какъ у другихъ людей; ато у насъ унія, которой мы и терпїть не можемъ.« Преосвященный и говорить: »Дѣтки! просите Каряку, пускай ко мнѣ прїїдетъ; я благословлю его на *благочестїе*.« А отецъ говорить: »Святой владыка! мы просили его всѣмъ обществомъ, да онъ не вѣрїть. Онъ говорить: «Тогда у васъ »будетъ *благочестїе*, какъ у меня на ладони вырастутъ волосы!« Вотъ преосвященный и говорить: »Люди добрые! обождите же; онъ опом-

А въ Рѣвовці та бувъ тогді молодій піпъ, Максимъ Левицький. То Ляхи ёго мордовали, щобъ приставъ на Унію: жаръ за халѣви сипали и на кóлесо тягли; а вінъ утікъ та въ Переяславъ до преосвященнаго. Тамъ ёго панотѣць и бачивъ.

Да тамъ же у Переяславѣ бувъ тогді у преосвященнаго и тїтаръ изъ Мліева. Узївъ Лядський антими́нсь изъ цѣркви та й привізъ до преосвященнаго. То панотѣць и тогò тамъ бачивъ.

Отъ, якъ сказавъ преосвященний, що «їдьте», каже, «додому, а піпъ вамъ буде», то панотѣць и поїхавъ назадъ изъ Шпакомъ. А тогді перевòзъ бувъ тїлько въ Сокірній та въ Дóминтахъ, атò скрізь по сей бїкъ стояла на бекѣтахъ стражъ Польска, а по той — Гетманці на радутахъ. То оцѣ, булò, въ ночі й кричать — намъ у Черкасахъ и чутно — оцѣ одїнь: «Славенъ гóродъ Петинбурхъ!» а другїй: «Славенъ гóродъ Переяславъ!» Усѣ города величали: такѣ-то, бачъ, булò гасло.

Такъ булò тогді тїлько два перевòзи. Заплатишь булò *индугу*, то й пропúстятъ. Отò мїй панотѣць у Дóминтовъ, ажъ тутъ

нитися, да не въ пору. Потъжайте», говорить, «дѣтки, домой; священникъ вамъ будетъ.»

А въ то время былъ въ Рѣвовкѣ молодой попъ, Максимъ Лѣвицький. Ляхи его мучили, чтобъ сдѣлался уніятòмъ: сыпали за голенища раскаленные уголья и на колесо тянули; но онъ ушелъ и явился въ Переяславъ къ преосвященному. Тамъ мой отецъ и видѣлъ его. Былъ на ту пору въ Переяславѣ и ктиторъ изъ Мліева. Онъ взялъ Ляшскїй антими́нсь изъ цѣркви и привезъ къ преосвященному. Такъ отецъ и его видѣлъ тамъ.

Ну, вотъ, какъ сказалъ преосвященный: «Потъжайте домой, а попъ вамъ будетъ», то отецъ и поѣхалъ назадъ съ Шпакомъ. Переправа черезъ Днѣпръ была тогда только въ Сокірной да въ Дóмонтовѣ. По сю сторону стояла вездѣ на пикетахъ Польская стража, а по ту — Гетманці на редутахъ. Ночью бывало и кричать — намъ въ Черкасахъ и слышно — одїнь: «Славенъ городъ Петербургъ!» а другой: «Славенъ городъ Переяславъ!» Всѣ города славили: такой, видишь, сигналъ былъ. Такъ два перевоза только было тогда. Заплатишь бывало *индукту*

одь брата посланецъ. Братъ заплативъ чоловіку тому та й переказуе: »Нехай« , каже, »не иде въ Черкаси, бо вже Ляхи провідали, то стережуть на дорозі, щобъ піймать.«

То батько съ Шпакомъ у Богушкову слобідку, та нанявъ рибалку, щобъ ёго перевізъ потайно на сей бікъ, а коней изъ Шпакомъ покинувъ.

Прийшовъ додому, ажъ тутъ лихо: шукать ёго Ляхи, щобъ стратити. То вінъ до зятя, та й живъ тамъ зъ місяць у загороді, поки все втихомірлось.

Якъ утихомірлось, то й ставъ панотецъ жить дома вже; тільки все ще опасувавсь. Коли жъ присилає разъ за нимъ панъ швагронистий. А тогді у насъ у Черкасахъ команда стояла, то панотецъ лядунки обшивавъ. Отъ вінъ и пішовъ до того швагронистого, саме туді, де теперъ судя стоять.

Прихожу — каже — я туді, ажъ дивлюсь — привезлі Млієвського титара, що у преосвященного я бачивъ. Рўки назадъ звязані, и самъ привязаний до полўдрабка. Я — каже — якъ по-

такъ и пропустять. Приїзжаєть отецъ въ Домонтовъ, какъ тутъ отъ брата гонецъ. Братъ нанялъ гонца и передалъ черезъ него на словахъ: »Пускай« , говорить, »не ѡлетъ на Черкасы: уже Ляхи провідали и карають на дорогѣ, чтобъ поймать.« Тогда отецъ со Шпакомъ въ Богушкову слободку; нанялъ тамъ рыбака, чтобъ переправилъ его тайно на сю сторону, а лошадей и Шпакá оставилъ за Днѣпромъ. Пришелъ домой — бѣда: шуть его Ляхи, чтобъ извести. Онъ къ зятю, и жилъ тамъ съ мѣсяць въ загородѣ, пока все успокоилось.

Какъ успокоилось, то началъ отецъ жить уже дома; только всё еще опасался. Какъ присылаєть за нимъ однажды панъ эскадронный. Въ то время стояла у насъ въ Черкасахъ команда, и отецъ обшивалъ для ней ладунки. Пошелъ онъ къ эскадронному, на то самое мѣсто, гдѣ теперь присутственныя мѣста стоять. Прихожу — говорить — туда, смотрю — привезли Млієвскаго ктитора, что видѣлъ я у преосвященнаго. Рўки у него связаны назадъ, а самъ онъ привязанъ къ телегѣ. Я — говорить — какъ увидѣлъ, такъ и замеръ: думалъ, что и меня затѣмъ

бачивъ, то и вмёръ: думавъ, що й менє оцє за тимъ призвали. Коли жъ виходить швагронїстий: »Ну, цехмістеръ, гляді, щобъ у сєреду були лядунки!«

»Будуть,« кажұ, »вельмóжний пáне!«

А вінъ: »Іді жъ«, каже, »та щобъ були!«

Отъ у менє й на душї — каже — трóхи одягло. Скорїйше звїдти: нехай вамъ бїсь!

А тїтара тогó повезлі въ Млієвъ, да отó, що єсть тамъ коло Млієва грєбелъка и вєрби, то тамъ єго на вєрбї повєсили за рўки и усякъ мордовали. Оцє конóплями обмотають, та смолою обмажуть, та й занáлять. А потїмъ, замордовавши, гóлову єму одрубали та й вїставили на вигонї, на висóкій пáлі. А въ ночї щось укрáло тўю гóлову та й одвєзло ажъ у Переяславъ до преосвящєнного. То преосвящєнный ще лўчче почáвъ старáтьця, щобъ бўло благочєстїє.

Ажъ ось разъ приходить чоловікъ до панотця: »Ідїть«, каже, »пáне цехмістре, якийся шпъ прихавъ та зовє васъ.«

Пїшовъ панотєць, ажъ то той самїй Максїмъ Левїцький, що бувъ у преосвящєнного!

призвали. Какъ тутъ виходить эскадронный: »Ну, цехмистеръ, смотри же, чтобъ у тебя были къ середѣ ладунки готовы!« — »Будутъ«, говорю, »вельможный панъ!« А онъ: »Ступай же«, говоритъ, »да чтобъ были!« У меня — говоритъ отецъ — и на душѣ немного легче стало. Скорѣе оттуда: ну васъ къ чорту!

А того ктитора повезли въ Млієвъ, и єсть тамъ возлѣ Млієва плотника и вербы; то на тѣхъ вербахъ повѣсили его за руки и всячески мучили. Обмотаютъ пенькою, обмажутъ пеньку смолой и зажгутъ. А замучивши, отѣкли ему голову и выставили на выгонѣ, на высокомъ столбѣ. Но кто-то ночью укралъ ту голову и свезъ въ Переяславъ къ преосвященному. Тогда преосвященный началъ больше прежняго стараться, чтобъ у насъ было благочестїє.

Какъ вотъ однажды приходитъ къ отцу одинъ человекъ. »Подите«, говоритъ, »сюда, панъ цехмистеръ: прїѣхалъ какой-то пощ и зоветъ

»Люде добрі«, каже, »оце прислав менé преосвященний, щобъ я бувъ у васъ попомъ.«

А наші кажуть: »Добре, батюшко! ми того бажаємъ.«

»Ходімъ же«, каже, »въ церкву.«

Пішли въ церкву. Вінъ одправивъ акафистъ; посвятивъ церкву; обійшли кругомъ церкви; а потімъ и каже: »Люде добрі, дайте жъ ми кватиру. Въ менé и жінка е, и діточокъ двоé.«

Отъ наші дали ёму обществомъ хату. А потімъ уже вінъ пославъ у Рівку підводу; то привезли ёму й попадо, и дітей двоé. Дочка була Явдоха, да синокъ Лесько.

То якъ поживъ той піпъ у насъ роківъ зо два, то ёго зробили протополою, а після такъ розжився, що було берлиномъ їздити. Будка зъ вікнами, и коні въ-простяжъ. То оце оди́нь на коні сидить, а другий коло будки, а самъ у будці, та ще й за будкою оди́нь.

Къ стыду своему, я долженъ сознаться, что очень мало удѣлил времени на распросы Харка Цехмистера о старинѣ, торопясь

васъ къ себѣ.« Пошелъ отецъ, смотритъ — это тотъ самый Лѣвицкій, что былъ у преосвященнаго! »Люди добрые«, говоритъ, »прислалъ меня преосвященный, чтобъ я былъ у васъ попомъ.« А наши говорятъ: »Хорошо, батюшка! мы того и желаемъ.« — »Пойдемте же«, говоритъ, »въ церковь.« Пошли въ церковь. Онъ отслужилъ акафистъ; освятилъ церковь; обошли вокругъ церкви; а потомъ и говоритъ: »Люди добрые! дайте же мнѣ квартиру. У меня есть жена и двое дѣтокъ.« Наши дали ему отъ общества хату. А потомъ уже онъ посылалъ въ Рёвковку подводу; привезли ему попадо и двое дѣтей. Дочка была у него Евлокія да сынъ Алексѣй. И какъ пожилъ у насъ тотъ попъ года два, то сдѣлали его протополомъ; а потомъ такъ разбогатѣлъ, что бывало їздитъ въ каретѣ. Будка съ окнами, и лошади въ-простяжъ. Оди́нь человекъ сидитъ на конѣ, другой возлѣ будки, самъ онъ въ будкѣ, а оди́нь человекъ еще и сзади будки.

поспѣть въ другія мѣста и воображая встрѣтити еще много подобныхъ стариковъ. Дѣло, однакъ, показало, что это была одна изъ счастливѣйшихъ моихъ находокъ и что никто изъ моихъ разскащиковъ съ ясностью рѣчи, благодушнымъ тономъ и простымъ, истинно лѣтописнымъ краснорѣчіемъ Харка Цехмистера не соединялъ его глубокой старости и разнообразія дѣтскихъ впечатлѣній.

Вотъ еще живая картина Татарскаго набѣга, сохранившаяся въ его памяти, или лучше — навернувшаяся ему на память во время нашихъ дружескихъ бесѣдъ.

ТРЕВОГА ПО СЛУЧАЮ ТАТАРСКАГО НАБѢГА. (*)

Ще до Коливщини пішла разъ по Черкасамъ чутка, що Орда йде, и вже недалёко. А се було зимою. То народъ такъ и хряснувъ на той бікѣ. А тамъ збіглось десятківъ пять Гетьманськихъ козаківъ на Кручину редуту [выше селá Пáньского]: «Стійте! нема́ указу!» Не пускають черезъ гряницю. А народъ спѣрся на лёду, то лёдъ ажъ ревѣ. Крикъ, гвалтъ, діти плачуть. Біда така́я ско́илась на лёдѣ, що, Бо́же, твоя во́ля! Те саночка́ми самоту́жки, а въ ко́го во́лі, то на волахъ; а хто ко́ні ма́е, то кіньми. Тутъ и корови, тутъ и овѣчки, тутъ и збіжже ве́яге.

(*) *Переводъ.* — Еще до Коливщини разнесся разъ по Черкасамъ слухъ, что идетъ Орда, и ужъ недалеко. Было это зимою. Народъ такъ и ринулся на ту сторону Днѣпра. А тамъ събѣжалось десятковъ пять Гетманскихъ козаковъ на Кручину редутъ [выше села Панскаго]: «Стойте! нѣтъ указа!» и не пускаютъ черезъ границу. Народъ стѣснился на льду до того, что ледъ началъ трещать. Крикъ, шумъ, дѣти плачутъ. Бѣда такая сотворилась на льду, что, Боже, Твоя воля! Одинъ санки везетъ на себѣ; а у кого есть волы, тотъ ѣдетъ на волахъ: а у кого есть лошади, тотъ на лошадяхъ. Тутъ и коровы, тутъ и овцы, тутъ и всякое зерно.

Отó жъ, зупинівши нарóдъ на лёдѣ, одинъ козаць побігъ до суда въ Золотоношу, чи мѣжна пуститъ; а наші люде сіли на коней та побігли ажъ до Смилянського мѣсту, чи йде орда. То прибѣгає Гетьманецъ: »Мѣжна!« Ажъ тутъ и наші вернулись: »Нема Орди!«

А вона такі була, да тилько розграбила Журавку да Бóвтишку — тамъ десь коло Камянки — та й вернулась.

Изъ Черкасъ я отправился въ Чигиринъ, ни сколько не сомнѣваясь, что по дорогѣ туда и въ самомъ городѣ соберу много преданій о козацкой старинѣ. Но поиски мои, уже по своему свойству, были подвержены случайностямъ охоты. Иногда въ теченіе многихъ дней и при всевозможныхъ съ моей стороны стараніяхъ, я не встрѣчалъ ни одного человѣка, который бы могъ, или захотѣлъ, рассказать мнѣ что-нибудь достойное стенографіи. Въ Чигиринѣ я не записалъ ни одного преданія, ни одной пѣсни. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: городъ въ Малороссіи не имѣетъ никакавихъ преимуществъ передъ селомъ относительно рассказовъ о старинѣ, и громкое имя Чигирина не связано въ умѣ его жителей (разумѣется, простолюдиновъ: до прочихъ мнѣ не было дѣла) ни съ какими историческими воспоминаніями.

Тѣмъ не менѣ мѣстность его заняла меня живѣйшимъ образомъ. Я обошелъ его разрушенныя земляныя укрѣпленія, его окрестности, гдѣ много разъ воздвигались шанцы и батареи, направленные противъ Чигиринской горы, на которой теперь едва замѣтны

И вотъ, остановивъ народъ на льду, одинъ козаць поскакалъ въ Золотоношу узнать, можно ли пропустить черезъ границу; а наши люди сѣли на лошадей и поскакали къ Смилянскому мѣсту — идетъ ли Орда. Возвращается Гетьманецъ: »Можно!« А тутъ и наши воротились: »Нѣтъ Орды!«

А Орда точно приходила; но только разграбила Журавку да Бóвтишку — тамъ гдѣ-то около Камянки — и воротилась.

слѣды зámка; наконецъ отправился пѣшкомъ къ Сѹботову, родному селу Богдана Хмѣльницкаго.

Я шелъ вдоль камышчатой рѣчки Тясмина, по тропинкѣ, пролегающей у подошвы возвышенностей праваго берега. Эти возвышенности покрыты на своихъ скатахъ садами и левадами, непрерывающимися почти до самого Сѹботова. Переходя изъ одного сада въ другой, изъ одной левады въ другую, я видѣлъ на взгорьи бѣлыя хаты хуторянъ и заходилъ въ нихъ подъ предлогомъ усталости; но вездѣ находилъ жизнь новую, съ заботами о ежедневныхъ потребностяхъ; старина не оставила въ нихъ для меня ни одного беззубаго старика, который бы, чавкая и покашливая, поразсказалъ мнѣ о томъ, что было интересно въ его молодья лѣта. Никто ничѣмъ не далъ мнѣ почувствовать, что я стою на Чигиринской почвѣ, вблизи мѣста рожденія и частной жизни самаго характернаго представителя стараго козачества.

Въ Сѹботово я пришелъ уже вечеромъ, переночевалъ въ домѣ діакона и только на другой день могъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ стоялъ домъ Хмѣльницкаго (отъ него не осталось уже никакихъ слѣдовъ), построенную имъ церковь и самое село. Надобно сказать, что въ мѣстоположеніи Сѹботова, на взгорьяхъ и низкихъ берегахъ Тясмина, есть что-то переносящее въ старину. По крайней мѣрѣ я нигдѣ не могъ такъ живо вообразить Богдана Хмѣльницкаго, какъ здѣсь. Надобно же было еще случиться, что, проходя по улицѣ, я повстрѣчалъ косаря, чрезвычайно похожаго лицомъ на изображенія *козацкаго батька*! Онъ не слишкомъ торопился на косовицу и, кажется, обрадовался случаю промедлить въ селѣ. Опершись живописно одной рукой на плетень и держа косу въ другой, онъ началъ бесѣдовать со мной о Сѹботовской старинѣ. Съ одной стороны передъ нами развивалась перспектива Тясмина съ его камышами, съ другой — на горѣ видѣлась озаренная солнцемъ церковь Богдана Хмѣльницкаго и возвышенность, занятая нѣкогда его домомъ, а теперь покрытая скирдами, «экономическаго» хлѣба. Косарь имѣлъ ясное понятіе о личности Хмѣльницкаго и воспоминалъ о немъ, какъ о недавнемъ владѣтелѣ Сѹбо-

това. Я рѣдко встрѣчалъ между поселянами человѣка, который бы такъ живо сочувствовалъ козацкимъ войнамъ. Обыкновенно они не знаютъ, что дѣлалось въ отдаленную старину; если же и рассказываютъ сбивчивыя преданія о ней, если и поютъ пѣсни, то всё таки теряютъ связь между былымъ и нынѣшнимъ. Но чаще всего они равнодушны ко всему, что ни происходило прежде въ Малороссіи. Напротивъ, Сѹботовскій мой знакомецъ весь оживлялся, вспоминая времена козацкой славы, которая —

Самá себѣ на смѣхъ на давала,
Неприятеля підъ ноги топтала,

и до-того увлекся разговоромъ съ человѣкомъ не его сословія и не его лѣтъ, что позабылъ о своемъ намѣреніи идти косить. Я видалъ только пьяныхъ земляковъ своихъ въ такомъ восторженномъ настроеніи духа и могъ бы подумать, что онъ тоже пьянъ, но было еще очень рано.

Не помню, какимъ образомъ мы свели рѣчь на то, чтобы идти къ нему въ хату; но только, возвратясь туда, косарь мой уже не заботился о косовицѣ и принялся потчивать меня всѣмъ, что у него было лучшаго въ хозяйствѣ. Мѣстомъ моего завтрака избрана была пустая, прохладная хата, обращенная въ комору. Стуломъ служилъ мнѣ бочонокъ, столомъ — опрокинутая кадушка. Мой штофикъ оказался здѣсь никакъ не лишнею вещью, и скоро я увидѣлъ себя окруженнымъ довольно многочисленнымъ собраніемъ. Къ хозяину пришли его родные, или сосѣди; я, разумѣется, предложилъ имъ выпить и съ разу попалъ къ нимъ въ самыя пріятельскія отношенія. Они усѣлись вокругъ меня—кто на мѣшкѣ муки, кто на занесенной дорожною пылью мазницѣ, кто на порожнемъ ульѣ, и начались раздобары обо всемъ, кромѣ косовицы. Пропѣто было и нѣсколько пѣсень, между которыми замѣчательнѣйшая помѣщена въ сборникѣ г. Метлинскаго. Такъ какъ она напечатана тамъ не вполне, то прилагаю ее здѣсь въ томъ видѣ, какъ она была пропѣта мнѣ въ Сѹботовѣ.

ПІСНЯ О ВОЙНАХЪ ХМѢЛЬНИЦКАГО.

Ой почувайте и повидайте,
Що на Україні постало:
Що за Дашевимъ, підь Сорóкою
Мно́жество Ляхівъ пропало!

Перебийнісь прóсить немого —
Трохъ козаченьківъ зъ собою;
Рубає мечемъ гóлови съ плечей,
А рéшту тóпить водою:

»Ой пийте, Ляхи, воді калóжи
Болотяній,
А що пивáли по тій Україні
Меді та вйна ситній!«

Та по чімъ коза́къ сла́вень?
Наївся риби и соломáхи зъ водою;
Зъ мушкетомъ стáне — а сéрце вáне,
А Ля́хъ одъ дýху вмира́е.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, що пань Хмельни́цький
На Жóвтімъ Піску́ підбівся?
Се́ми козаківъ, до́брихъ юна́ківъ,
Ти й за Ві́слою не скрився.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, що коза́къ пля́ше
На ворони́мъ ко́ню передь то́бою?
Ти, Ля́ше, зля́кнешь и съ ко́ня спа́днешь,
Са́мъ присі́плесся землѐю.

Ой чи ба́чъ, Ля́ше, що по Случь на́ше,
По Костяну́ю Моги́лу?

Якъ не схотіли, забунтовали
Та й утерjali Вкраїну.

Ой нависли Ляхи, нависли,
А якъ ворони на вишні....
Не попустімо Ляхові Польщи
Поки нашої жижиости!

Я считаю не пустымъ обстоятельствомъ, что эта пѣсня записана отъ жителей Сѹботова. Больше нигдѣ не встрѣчалъ ея ни самъ я, ни другіе собиратели пѣсень. Въ ней отразились понятія современниковъ Хмѣльницкаго о козацкихъ войнахъ съ панами. Третій куплетъ:

Ой пийте, Ляхи, воді калюжи
Болотяній,
А що пивали по тій Вкраїні
Меді та віна ситній!

выражаетъ, что была для пановъ Украина: мѣсто попоекъ и пресыщенія. Народъ долженъ былъ только поставлять для нихъ *меді та віна ситній*, а объ его нуждахъ и потребностяхъ никто не заботился. Слѣдующій куплетъ:

Та по чімъ козакъ славень?
Наївся рибѣ и соломахи зъ водою;
Зъ мушкетомъ стане — а сѣрце вѣне,
А Ляхъ одъ дѹху вмирає...

представляетъ противоположность между роскошнымъ паномъ и неприхотливымъ козакомъ, который по-неволѣ долженъ былъ питаться только рыбою да соломахою. Но не смотря на то, что у него отъ голоду *вянуло сѣрце*, мужественный духъ его былъ смертоносенъ для извѣженнаго пана. Въ стихѣ:

Семі козаківъ, добрихъ юнаківъ,

заключаецца намець, што у Хмільницькаго было семь сподручніковъ, прыобрѣвшихъ такую популярность, какъ и Перебийнісь, Нечай, Морозенко, и называвшихся *козаками* по-преимуществу. (1)

Далѣ стихи:

Якъ не схотіли, забунтовали —
Та й утерѣли Україну...

указывають на сопротивление пановъ политикѣ Владислава IV. Наконецъ въ послѣднихъ стихахъ:

Не попустимо Ляхові Польщи,
Піби нашої жишности!

выражается взглядъ козаковъ и самого Хмільницькаго на Малоросію. Они считали ее такою же частью Польскаго государства, какъ Мазовія, Познань и пр., и возстаніе ихъ было сперва только усиленіемъ *не попуститъ Ляху* (а *Ляхъ* и *панъ* на ихъ языкѣ значило одно и то же, ибо *Ляхи* у нихъ были Острожскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе, и другія Южно-Русскія семейства) *верховодитъ* въ Рѣчи Посполитой.

(1) Ой якъ оглянетця *козакъ* Перебийнісь на лівее плече —
Ажъ изъ-підъ Дашева та до Волохова кривавая річка тече.

—
Чи не той то хміль, хміль, що високо вѣтця?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що зъ Ляшками бѣтця?
Чи не той то хміль, хміль, а що въ піві грає?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшківъ рубає?
Чи не той то хміль, хміль, що у піві кісне?
Чи не той то *козакъ* Нечай, що Ляшеньківъ тїсне?

—
Морозенко *козаченко* якъ макъ роспукався,
Морозенко *козаченко* въ невдлю попався.

—
Прощай, прощай, Морозенку, ти, найславний *козаче!*
За тобою, Морозенку, вся Україна плаче.

Что касается до преданій о старинѣ, что Сѹботовскіе собесѣдники мои признавали себя народомъ молодымъ, который мало что помнитъ, и, въ отвѣтъ на мои распросы, безпрестанно толковали мнѣ о какомъ-то Омелькѣ Каплаухомъ, какъ о самомъ старомъ человѣкѣ въ Сѹботовѣ. Отъ него пошли у нихъ всѣ старосвѣтскія пѣсни и всѣ воспоминанія о прежнихъ временахъ. Мнѣ единогласно совѣтовали обратиться къ нему, и я тѣмъ охотнѣе вялъ этому совѣту, что гости мои (ибо штофикъ *меня* обратилъ въ хозяина) сдѣлались черезъ - чуръ шумны и мѣшали одинъ другому говорить. Еслибы я, съ опытною предусмотрительностью, не принялъ надлежащихъ мѣръ, они бы всѣ шумно послѣдовали за мной къ Омельку Каплаухому. Но я устроилъ такъ, что, по моему уходѣ, центромъ ихъ соединенія оставалась *пляшка горілки*, и отправился безъ помѣхи къ патриарху Сѹботова, въ сопровожденіи одного только хозяина гостепріимной хаты.

Мы застали Омелька Каплаухаго сидящимъ на порогѣ его сѣней, съ маленькимъ внучкомъ на рукахъ. Бѣлая борода его пріятно смѣшивалась съ нѣжными бѣлокурыми волосами малютки. Морщинистый лобъ, украшенный лысиною, выражалъ миновавшія тяжкія заботы жизни и тихое успокоеніе, или, пожалуй, онѣмѣніе сердца въ старости. Онъ посмотрѣлъ на меня, по-видимому, безъ всякаго вниманія и, отвѣчая на мой привѣтъ слабымъ голосомъ, остался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ. Но тутъ мой проводникъ подошелъ къ нему и сказалъ, съ таинственнымъ видомъ, нѣсколько словъ, которыя долетѣли до моего слуха и объяснили мнѣ настоящую причину, почему Сѹботовскіе мои пріятели такъ усердно домогались, чтобъ я повидался съ Омелькомъ Каплаухимъ. Меня приняли здѣсь за что-то въ родѣ переодѣтаго Гаруна-Альрашида; а какъ Омелько Каплаухій у нихъ слылъ умнѣйшею головою въ селѣ, то они надѣялись, что онъ лучше всѣхъ ихъ воспользуется моимъ появленіемъ. Это обстоятельство, неважное само по себѣ, обнаруживаетъ весьма замѣчательную черту Украинскаго характера. Простолудинъ нашъ, при всемъ равнодушіи къ тому, что передъ нимъ происходитъ, чрезвычайно склоненъ къ мечтатель-

ности и часто изъ ничего извлекаеть великолѣпныя надежды: новое доказательство юности племени, предчувствующаго лучшую жизнь впереди.

Въ Омелькѣ Каплаухомъ произошла вдругъ рѣзкая перемена. Онъ суетился въ своей хатѣ (которая была наполнена только маленькими внучатами, такъ какъ все остальное семейство было въ полѣ) и заговорилъ со мной языкомъ еще свѣжаго человѣка. Отъ моего предложенія вышить онъ отказался, потому что съ молодыхъ лѣтъ пересталъ употреблять хмѣльное. Я тоже отказался отъ завтрака, который онъ предложилъ мнѣ. Мы отпустили моего проводника къ его веселой братіи и бесѣдовали мирно вдвоемъ, усѣвшись подъ старой грушею. Дѣти играли вокругъ насъ. Неподвижный воздухъ въ тишинѣ нагрѣвался солнцемъ.

Къ сожалѣнію, Омелько Каплаухій не охотно углублялся въ старину и говорилъ всё о современныхъ интересахъ села Суботова, которые мало меня занимали. Въ записной моей книжкѣ сохранилось только четыре историческія его воспоминанія, а именно:

1.

ХМѢЛЬНИЦКІЙ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЙ СѢЧИ. (*)

...Та й поїхавъ у Січъ тимъ бокомъ Дніпра. Приїхавъ до Січи, ажъ тамъ стоить жовнірство и берѣ одъ козаківъ десяту рибу. Отъ Хмельницький, показавши тайно Запорозцямъ королевський листъ, усовітовавъ їмъ, якъ збути жовнірівъ: »Я«, каже, »вийду на майданъ та й зачну кричати: *У радіу! въ радіу! въ*

(*) *Переводъ.* — ...И поѣхалъ въ Сѣчь той стороною Днѣпра. Приѣхалъ въ Сѣчь, — тамъ стоятъ *жолнѣры* и берутъ съ козаковъ десятую рыбу. Хмельницькій показалъ тайно Запорожцамъ королевскій листъ и присовѣтовалъ имъ, какъ избавиться отъ *жолнѣръ*. »Я«, говорить, »выйду на площадь и начну кричать: *Въ радіу! въ радіу! въ ра-*

раду! а ви візьміте підъ полю по дрючку, и якъ жовніри прийдуть безъ шабелъ у раду, то ви на їхъ зъ дрючками да всіхъ и перебийте.»

Такъ и сталося. Да потімъ якъ пішовъ воєвати Хмельницький, то розбивъ Ляхівъ и на Жовтій Воді, и коло Корсуня, та загнавъ ажъ за Случъ, та й сказавъ: *»Знай, Ляше, по Случъ наше!»*

Пізвѣстіе о *десятой рыбѣ*, упоминаемой въ этомъ преданіи, находится въ одной только *»Лѣтописи Самовидца«* (стр. 7, ст. 1): *»Которые зась на рыбу хожували козаки за порога, то на Кодаку на комисара рыбу десятую отбѣрали.»*

2.

ПЛАТА ХМЕЛЬНИЦКАГО ЗА ПЛѢННЫХЪ. (*)

Якъ воєвавъ Хмельницький зъ Ляхами, то всякому, хто піймає Ляха, обіщавъ давати за кожнаго по рублю, а за ксенза по три копѣ. То, якъ піймає булѣ козакъ Ляха, то виголить ёму на головѣ лысину та й скаже: *»Гляди жъ ти мині, вражий Ляше! тилько скажешъ, що ти не ксензъ, то заразъ духъ съ тебѣ вонъ!»*

ду! (т. е. Собирайтесь на вѣче, на совѣтъ), а вы возьміте подъ полю по дубинкѣ и какъ придуть *жолнѣры* въ раду безъ шабелъ, вы бросьтесь на нихъ съ дубинками и перебейте всѣхъ.» Такъ и сдѣлали. А потомъ, какъ пошелъ воевать Хмельницький, то разбилъ Ляховъ и на Желтыхъ Водахъ, и подъ Корсунемъ; потомъ прогналъ ихъ за самую Случъ и сказалъ: *»Знай, Ляше, по Случъ наше!»*

(*) *Переводъ.* — Какъ воевалъ Хмельницький съ Ляхами, то всякому, кто поймаетъ Ляха, обіщавъ давати по рублю за каждого, а за ксенза по три полтины. Вотъ бывало поймаетъ козакъ Ляха, пробѣдетъ ему на головѣ лысину и скажетъ: *»Смотри же, вражий Ляхъ! тилько ска-*

Отъ и приведє до Хмельницького.

»Хтò ти такий?«

»Ксєнзь.«

То Хмельницький вийме съ кишєні три кòпи та й дасть.

3.

ПРЕСТУПЛЄНЯ И КАЗНЬ ЮРІЯ ХМЄЛЬНИЦКАГО. (*)

Хмельничєнко побусурманившись збивъ пушкою зъ горі Валка (¹) вєрхъ зъ батьківської цєркви, хочачі довідатись батьківських грòшей, що, кажутъ, були замурòвані на горіщі, на цєркві. Вінъ би то прийшовъ за ними й до Сўботова, та боявся, бо тутъ стояло вїйсько; то вже зъ злòстї хотїв розбїть цєркву.

Хмельничєнко живє ще й досі. Наші старіі чумаки розказували, що бачили єго въ гòрахъ на свої оци, и самъ вінъ казавъ, що: »Я синъ Хмельницького.« Єго сєє гадина, и вінъ будє му-

жєшь, что ты не ксензь, то тутъ и духъ съ тебя вонъ »И приводитъ его къ Хмельницкому. »Кто ты таковъ?« — »Ксензь.« Хмельницкій вынетъ бывало три полтины и дасть козаку.

(*) *Переводъ.* — Синъ Хмельницкаго, какъ обусурманился, то ешибъ куполь съ отцовской церкви, выстрєливъ изъ пушки, съ горы Валка (¹). Онъ хотєль добратъся до отцовскихъ денегъ, что были, говорятъ, заложены кирпичомъ на церкви. Онъ бы пришелъ за ними и въ Сўботовъ, да боялся: тутъ войско стояло; и потому съ досады хотєль разбить отцовскую церковь.

Онъ до сихъ поръ живъ. Наши старые чумаки разказывали, что видєли его въ гòрахъ своими глазами, и самъ онъ говорилъ имъ: »Я синъ Хмельницкаго.« Его сердце сосетъ змїя, и будетъ онъ мучиться и бро-

(¹) Въ двухъ верстахъ отъ Сўботова.

читись и блукати поміж горами аж до Страшного Сїду; а тогді вже Господь ёго простить, що побуеурманивсь и хотїв розбїть батьківську цєркву.

4.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И КОНЕЦЪ ГАЙДАМАКИ НЕЖИВОГО. (*)

Неживий робївъ колись горшки у Артєма ганчарá, и всё бу-
ло каже: »Я хочь на одїнь дєнь, а бѹду паномъ.« Пѹтимъ вінъ
бувъ у Мотрєнинському лїсѹ, а звїдти пішовъ на Канєвъ, и ві-
рїзавши тамъ Ляхївъ и Жидївъ, повернѹвъ на квартири до Чи-
гринá. А въ Галаганівці да живѹ панъ Щєрба. Оттой-то й запро-
сивъ ёго до себє въ гѹсті. Неживий зъ усїми козаками своїми
пішовъ до Галаганівки; козакївъ же zostáвивъ по сєй бїкъ грєб-
лї, а самъ зъ дванадцятьма отаманáми пішовъ пішо до Щєрби.
Отъ Щєрба, побачивши, що вінъ у двѹрї безъ вїйсєка, зáразь якъ
крїкне своїмъ: »Берїть ёго!« Тутъ ёго и злáпали. А вїйсєко,
почѹвши, що отаманївъ позабїрано, зáразь усє порозбїгалось.

дить въ горахъ до Страшнаго Суда; а тогда ужъ ему Господь простить,
что онъ обуеурманился и хотѣлъ разбить отцовскую церковь.

(*) *Переводъ.* — Неживый работалъ когда-то горшки у Артемїя гор-
шечника, и всё бывало твердить: »Я хоть на одїнь дєнь, а бѹду па-
номъ.« Потомъ онъ проживалъ въ Мотрєнинскомъ лѣсу, а оттуда пошелъ
въ Канєвъ и, вырѣзавши тамъ Ляховъ и Жидовъ, воротился на квар-
тиры въ Чигиринъ. Тамъ въ Галагановкѣ жилъ панъ Щєрба, и за-
звалъ его къ себѣ въ гости. Неживый пошелъ къ Галагановкѣ со всѣми
своими козаками; козаковъ онъ оставилъ по сю сторону плотины, а самъ
съ двѣнадцатью отаманáми пошелъ пѣшкомъ къ Щєрбѣ. Щєрба видитъ,
что онъ на дворѣ безъ войсєка, тотъ-часъ и крикнулъ своїмъ: »Схва-
титъ его!« Тутъ его и схватили. А войсєко, узнавъ, что отамановъ пе-
рехватили, тотъ-часъ все разбѣжалось.

Омелько Каплаухій заложилъ, по моей просьбѣ, пару воловъ въ длинный возъ, наполненный сѣномъ, и свезъ меня въ ближайшее село по направленію къ Мотренинскому монастырю, у котораго гайдамаки, во время Колівицины, заложили свой кошъ, или сборное мѣсто. Разставшись съ нимъ со всею вѣжностью, какую мы питали другъ къ другу, по совершенно различнымъ причинамъ, я прошелъ до монастыря вѣшкомъ и, не смотря на то, что явился въ смиренномъ видѣ странника, нашелъ у монаховъ самое радушное гостепріимство. Случаю угодно было, чтобъ я толкнулся въ дверь именно къ такому человѣку, какового мнѣ было нужно. Меня встрѣтилъ старикъ самой ласковой, благосклонной наружности, и мнѣ довольно было сказать, что я путешественникъ, изучающій остатки старины, чтобъ поставить его въ самыя прямыя съ собой отношенія. Онъ понималъ желаніе молодого человѣка видѣть мѣста, столь извѣстныя въ исторіи Колівицины, и, кажется, былъ очень доволенъ, что нашелъ самага внимательнаго слушателя его собственныхъ воспоминаній о гайдамакахъ, по рассказамъ очевидцевъ. Рѣчь его отличалась комическимъ оттѣнкомъ, такъ какъ шутка вмѣшивалась, незамѣтно для него самого, во все его бесѣды. Это смягчало суровость общаго тона преданій о гайдамакахъ и придавало его повѣствованіямъ пріятную игривость. Передаю ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они были мною записаны.

1.

ГАЙДАМАКИ ВЪ МОТРЕНИНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ. (*)

Якъ зібрались гайдамаки у Мотренинському лісѹ, то зробили собі Січъ. Вибрали такѣ мѣсто, що зъ трѣхъ боківъ байраки, а съ четвѣртого поставили башту. Кругомъ обрубались лісомъ. По

(*) *Переводъ.* — Какъ собрались гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то едѣлали себѣ Сѣчь. Выбрали они такое мѣсто, что съ трехъ сторонъ буераки, и поставили съ четвертой стороны башню. Кругомъ едѣ-

книжка
Олександр
Габрилович
Алішо
(А.Г.Алешо

серѣдині насіпали грóшей и ниткою перехрестіли, да й прибили йі колóчками у чотирёхъ мѣстахъ. И козаць кругомъ ходить. Оце жь у одному байраці *Сичъ*, а въ другому, на Бóйковій Луці, *Скликъъ*. А Скликомъ звáвся казáкъ, що висівъ на дубі, и коло ёго довбня. А то для того, що, скóро якá тревóга, абó-що, зáразъ прибїжить козаць та довбнею йі почáвъ валять; а казанъ на весь лїсь реvé. То вже де бь котóрий козаць не бувъ, скорійшь збїгаютьца до-кўпи. Да тутъ же зáразъ коло Склика бувъ у дубрóві *Знáчокъ*, — такé-то, бачъ, обзнáчене кругомъ мѣсце, де їхъ коні паслись. А одъ Знáчка, веретóвъ три икъ Жáботину, булó *Гульбище*, на висóкій могíлі, такъ що якъ зійдешъ туді, то весь Жáботинъ якъ на долоні. Посхóдять булó на ту могíлу, балакають, у кáрти грають, співають пісень усякихъ. Рідко булó який день вїберетця, щобъ тамъ нікого не булó.

Отó Ляхі якъ почўли, що въ лїсў зібрались гайдамаки, то йі прийшли, душъ їхъ сóтня, на коняхъ и зъ ору́жемъ, підъ браму въ монастирь. Ченчики вїйшли до їхъ съ хлїбомъ и зъ сїллю.

лали засѣку. Посреди Сѣчи насыпали кучу денегъ, перекрестили ее ниткою и прикрѣпили нитку въ четырехъ мѣстахъ кольшками. И часовой кругомъ ходить. Вотъ въ одномъ буеракѣ *Сльчъ*, а въ другомъ, на Бóйковой Лукѣ, *Скликъ*. Скликомъ (созывателемъ) назывался у нихъ котель, что висѣлъ на дубу, и подлѣ него долбешка. Это для того, что лишь только какая-нибудь тревога, что ли, тотъ-часъ прибѣжитъ козаць и давай валить въ котель долбешкой. Тогда ужъ, гдѣ бы кто ни былъ, всѣ сбѣгаются въ одно мѣсто. Тутъ же, рядомъ со Скликомъ, былъ у нихъ *Знáчокъ*, — такое, видишь, обозначенное кругомъ мѣсто, гдѣ паслись лошади. А верстахъ въ трехъ отъ Значка, къ Жáботину, было *Гульбище*, на высокому курганѣ. Какъ взойдешъ на могилу, то весь Жáботинъ — какъ на ладони. Взойдутъ бывало на тотъ курганъ, разговариваютъ, въ карты играютъ, поютъ разныя пѣсни. Рѣдко бывало случится день, въ который бы тамъ кого-нибудь не было.

Вотъ, какъ услышали Ляхи, что въ лѣсу собрались гайдамаки, то и пришли — человекъ сто, на коняхъ и съ ору́жемъ — къ монастыр-

»А де гайдамаки, *сизматіки ви пшеклійти?*«

Ченчики бідниі трісютця: »Не знаємо, вельможниі пані.«

»Не знаєте, *дідгани!* охъ, ви, *дідгани*, не знаєте! *пшеклійти хлопи!*«

И давай шукать по монастирєві. Шукали всюди, заглядували и за иконостаєь — нема! Такиі-то навижєнниі Ляхі! Отó бъ дурниі булиі Запорòзці, щобъ ховались за иконостаєь! Имъ у лісѹ найлѹчча схòванка.

Шукують Ляхі гайдамакъ, а отаманъ, скòро почувъ про се, зараєь и пославъ двоухъ козаківъ у Замятницю. Тиі, прибїгли туді, давай колòть орандаря и всіхъ Жидівъ.

А мужики приишли до корчми, да й питаютьця: »А щò, панòве? чи на́ша віра?«

»Ажежъ баєь, щò ва́ша: не колòли бъ Ляхівъ да Жидівъ.«

То мужики іхъ и не займають, а ще до іхъ пристають.

А Ляхі тимъ часомъ по́раютьця все ще въ монастирі. Якъ ось прибїгъ и зъ Замятници вїстовий: »Панòве! гайдамаки Замятницю вїрїзали!«

скимъ воротамъ. Монахи вышли къ нимъ съ хлѣбомъ и солью. »А гдѣ гайдамаки, проклятые вы еритики?« Бѣдняжки чернецы трепещуть: »Не знаемъ, вельможные паны.« — »Не знаете, канальи? охъ, вы, канальи, не знаете! проклятые Хамы!« И давай искать въ монастырѣ. И въ церкви искали вездѣ, заглядывали и за иконостаєь — нѣту! Такиє глуные Ляхи! Чтò за дураки были бы Запорожцы, чтобы имъ прятаться за иконостаєь! Имъ въ лѣсѹ самое лучшее убѣжище.

Ишуть Ляхи гайдамакъ; а отаманъ, какъ только услышалъ объ этомъ, тотъ-часъ и послалъ двоихъ козаковъ въ Замятницю. Тѣ прискакали туда, давай колотъ арендатора и всѣхъ Жидовъ. А мужики пришли къ корчмѣ и спрашиваютъ: »А чтò, господа? наша віра?« — »Сами видите, что ваша: иначе не кололи бъ мы Ляховъ да Жидовъ.« Мужики ихъ и не трогаютъ, а еще къ нимъ пристають.

А Ляхи между тѣмъ суетятся въ монастырѣ. Вдругъ прискакалъ изъ Замятницы вѣстовой: »Господа! гайдамаки Замятницю вырѣзали!« Ля-

Ляхи драла! да до Жаботина. А отаманъ пішовъ за ними да й порозоставлявъ кругомъ Жаботина козаківъ. То оцѣ вискочить изъ лісу козакъ, повертїтця-повретїтця на коні передъ Жаботиномъ, да зновъ и поїде въ лісѣ. То Ляхи думаютъ: »Оцѣ жъ кругомъ Жаботина вже стоятъ по лісу гайдамаки!«

Да покїнувши Жаботинъ, да въ Смілу. Команда жъ рұшила въ Смілу, а намісникъ, съ козакомъ Лопатою, що бувъ опїсїя чурою у Залїзняка, такъ намісникъ изъ сїмъ-то самїмъ Лопатою — у Камянку; бо тамъ вінъ живъ, и була тамъ у ёго сотня лейстровихъ козаківъ.

Отъ и питаєтця намісникъ у отамана тихъ козаківъ: »А що, отамане? чи можна стать протївѣ гайдамакъ?«

»Можна, батьку, тїлько що їх кўля не берє.«

То намісникъ, якъ почувъ сєе, то побїлівъ якъ хўстка, да й каже: »Кўля не берє? кўля не берє?... Такъ їх — ти кажешъ — кўля не берє?«

Да вже боїтця и отамана, и одъ ёго одходить, да все тїлько :

хи тогда драла! и поскакали въ Жаботинъ. А отаманъ пошелъ велѣдъ за ними и разетавилъ вокругъ Жаботина козаківъ. Вотъ козакъ вискочить изъ лѣсу, проѣдемъ взадъ и впередъ на конѣ передъ Жаботиномъ да опятъ и скроется въ лѣсу. Ляхи и думаютъ: »Это значитъ, гайдамаки стоятъ уже въ лѣсу вокругъ Жаботина!« и, оставивши Жаботинъ, пустились въ Смілу.

Команда выступила въ Смілу, а намісникъ, съ козакомъ Лопатою, который потомъ былъ слугою у Залїзняка, — въ Камянку: тамъ онъ, видите, жилъ, и была у него тамъ сотня реестровыхъ козаківъ. Прїѣхалъ и спрашиваетъ у отамана тѣхъ козаківъ: »А что, отаманъ? можно ли намъ стать протївѣ гайдамакъ?« — »Можно, батько; только то бѣда, что ихъ пуля не беретъ.« Какъ услышалъ это намісникъ, такъ и побѣлѣлъ, точно платокъ, и говоритъ: »Пуля не беретъ? пуля не беретъ?... Такъ ты говоришь — пуля не беретъ?« И боится ужъ самого отамана, пятится отъ него и всё тїлько твердитъ: »Пуля не беретъ!

»Кўля не берé! кўля не берé!... Гмъ! кўля не берé!... Такъ ти ка́жешъ, отáмане, що їх кўля не берé?»

»А не берé, бáтьку.«

»Эгé! кўля не берé!... эгé! эгé!«

Да, сівши на кóней зъ Лопáтою, да въ Смілу.

Лопáта жъ попéреду б́жиги изъ спісомъ, а намісникъ за нимъ.

Колі жъ, не доіжджаючи корчми Сумськóї, наганяе їхъ гонцеъ:

»Пáне наміснику! гайдамаки Камянку рíжуть!«

Намісникъ кинувсь, якъ опáрений, въ Смілу; а Лопáта зъ тимъ гонце́мъ и zostáвсь.

А гайдамаки, стóячи коло Кáмянки, послали до лейстрóвигъ, визивáючи отáмана до порáди. Отáманъ лейстрóвий вийшовъ до гайдамацького отáмана; то сей и ка́же: »Що? ви б́удете зъ на́ми битьця, чи ні? Ми не по своїй во́лі прийшли́. Глядіть, щобъ не бу́ло й ва́мъ тако́го ли́ха, якъ Ляха́мъ.«

И показáвъ лейстрóвому отáману бума́гу. Якъ показáвъ, то й Каменська́я сотня пристáла до гайдама́къ.

пуля не беретъ!... Гмъ! пуля не беретъ!... Такъ ты говоришь, отаманъ, что их пуля не беретъ?» — «Не беретъ, батько.» — «Да, да! пуля не беретъ!... да! да!» И сѣвши на коней съ Лопатою, пустился въ Смилу.

Лопата скачетъ впереди съ копьемъ, а наместникъ за нимъ. Какъ догоняетъ ихъ, не доѣзжая до Смилянско́й корчмы, гонцеъ: «Навъ наместникъ! гайдамаки Камянку рѣжутъ!» Наместникъ бросился, какъ будто его обварили кипяткомъ, въ Смилу, а Лопата съ гонцомъ и остался.

Гайдамаки же, стоя въ Камянкѣ, послали къ реестровымъ козакамъ и просили къ себѣ ихъ отамана на совѣтъ. Реестровой отаманъ вышелъ къ гайдамацкому отаману. Тогда этотъ говоритъ: «Что? будете вы съ нами драться, или нѣтъ? Мы не по своей волѣ пришли. Смотрите, чтобъ и вамъ не было такой бѣды, какъ Ляхамъ.» И показалъ реестровому отаману бумагу. Какъ показалъ, то и Камянская сотня пристала къ гайдамакамъ.

МВСТЬ ЗА ИМЯ ЖИДА. (*)

Якъ стояли гайдамаки у Мотренинському лісі, то оди́нь ота́манъ назва́въ за щось козака́ Жидомъ. »Эхъ ти«, ка́же, »Жидь!«

А той коза́къ: »Такъ я Жидь? такъ я Жидь?« да зъ пистоле́томъ до ёго.

А ота́манъ бувъ характе́рникъ. »А що?« ка́же, »ти менé бу́дешъ стреля́ти?« да й гру́ди розхри́ставъ. »Стреля́й«, ка́же, коли́ хочешъ!«

»А то́ жъ не встрёлю? Мо́же, думаешъ — не візьме?« Да — бехъ! Той и виверну́въ.

Отъ козаки́ до ёго́ зъ дубі́нами, за те, що застрели́въ ота́мана. А вінъ: »Пострива́йте«, ка́же, »панове; слуха́йте лишъ, щó тутъ міжъ на́ми було́ за діло. Де́ жъ відано, щобъ козака́ зъ Жидомъ́ рівня́ти? То и всі ви Жиди́, коли́ я Жидь!«

То козаки́, роспита́вши и віслухавши́ всю причі́ну, сказа́ли: »Правда. Леда́чому леда́ча й сме́рть.«

(*) *Переводъ.* — Какъ стояли гайдамаки въ Мотренинскомъ лѣсу, то одинъ отаманъ назвалъ за что-то козака Жидомъ. »Эхъ ты«, говоритъ, »Жидь!« А тотъ къ нему съ пистолетомъ: »Такъ я Жидь? такъ я Жидь?« Но отаманъ былъ *характерникъ* (чародѣй). »Что?« говоритъ, »ты будешь стрѣлять въ меня?« и грудь передъ нимъ открылъ. »Стрѣлай«, говоритъ, »коли хочешь!« — »Ато не выстрѣлю? Можетъ быть, думаешь, не возьметъ?« и выстрѣлилъ. Тотъ и упалъ навзничь. Вотъ козаки къ нему съ дубьемъ, за то, что застрѣлилъ отамана. А онъ: »Постойте«, говоритъ, »господа; выслушайте прежде, чтó между нами было. Слыханное ли дѣло, чтобъ козака съ Жидомъ равняли? Такъ и все вы Жиды, коли я Жидь!« И козаки, распросивъ и выслушавъ все дѣло, сказали: »Правда, правда. По дѣломъ ему, негодному.«

3.

ГАЙДАМАКИ ВЪ ЖАБОТИНѢ. (*)

Въ Жаботині Жидь поналічувавъ на людѣй стілько довгу, що стало вже не въ моготу́ й виплатитьця: може, въ десятеро більшъ ніжъ вони були винуваті. То козаки Жаботинські не хотіли платити; кажуть: »Присягни!« А вінъ, невіра, взявъ да й присягнувъ. Отоді вже плати якъ хочь! Отъ пять козаківъ поробили собі маленькі списи, щобъ підъ полу можна взяти, да й пришли до ёго ввечері, якъ вінъ саме сівъ вечеряти. А Жидівка наділа дорогій очіпокъ, що вони проклятіі носять. Отъ одинъ козакъ узявъ да списомъ підъ той очіпокъ и суне. А Жидь: »Сцò ти, сцò ти, сѣльма ти? Якъ ти смієшь!« А вінъ ёго якъ порнè списомъ! Тогді й Жидівку й Жиденять перекололи.

4.

ГАЙДАМАКИ ВЪ УМАНѢ. (**)

Якъ узяли гайдамаки Умань, то сіли на стольцяхъ середъ гóрода да й звели позвать панотцівъ. Отъ и привели до їхъ Ба-

(*) *Переводъ.* — Въ ЖаботинѢ Жидь стóлько присчиталь людянь долгу, что не подъ силу ужъ было и выплатить: можетъ, въ десять разъ больше противъ того, сколько они были должны. Жаботинскіе козаки не хотѣли платить, и говорятъ: »Присягни!« А онъ, невѣрный, взялъ да и присягнулъ. Тогда ужъ плати, какъ хочешь! Вотъ пять козаковъ сдѣлали себѣ небольшія кошіца, чтобъ можно было взять подъ полу и пришли къ нему ввечеру, какъ только онъ сѣлъ за ужинъ. А Жидовка надѣла дорогой чепецъ, что онѣ, проклятыя, носятъ. Вотъ одинъ козакъ взялъ да копьемъ подъ тотъ чепецъ и подсовываетъ. А Жидь: »Сто ты, сто ты, сѣльма? Какъ ты смѣешь?« Онъ его какъ пырнетъ копьемъ! Тогда и Жидовку, и Жидинять перекололи.

(**) *Переводъ.* — Какъ взяли гайдамаки Умань, то сѣли на стульяхъ посреди города и велѣли позвать къ себѣ духовныхъ. Привели къ

зилянъ. То отаманъ и каже: »А щò, панотці? ми васъ завсегда слухаемъ? послухайте жъ ви насъ хочъ разъ, а ми васъ наградимò.«

Тії бідниі трусятця; кажутъ: »Щò звелитé, вельможниі пані?«

»Отъ щò: візьміть ві хресті да пройдіть по улицямъ и одправте похоронъ.«

Базиліане побрали хресті, ходять по улицямъ, правлять похорони. А народъ плаче по всёму городу. И самі Базиліане правлять да й плачуть.

Якъ кончили, отаманъ наградивъ їх червінцями да й каже своїмъ: »А щò, хлопці? бачте, пані у якіхъ хорошихъ жупанахъ ходять? А ви, бідахи, часомъ и сорочки не маєте. А нуте лишень, берітесь за діло!«

Отъ тутъ ужé й пішла різня.

5.

ИСКУСЬ ПРЕДЪ ВСТУПЛЕНІЕМЪ ВЪ ЗАПОРОЖСКОЕ БРАТСТВО. (*)

Запорозці, якъ підмóвлять, булò до себе на Січъ якогò хлопця зъ Гетьманщини, то перше пробують, чи годітьця бути Запо-

нимъ Базиліянъ. Отаманъ и говорить: »Ну, чтò, *пань-отцы*? мы васъ слушаемся; послушайте же вы насъ хоть одинъ разъ, а мы васъ наградимъ.« Тѣ, бѣдные, дрожать и говорятъ: »Чтò прикажете, вельможные паны?« — »Вотъ чтò: возьмите вы кресты, пройдите по улицамъ и отправьте похороны.« Базиліане взяли кресты, ходять по улицамъ, отправляютъ похороны. А народъ плачетъ по всему городу. И самі Базиліане, отправляя похороны, плачуть. Когда кончили, отаманъ наградилъ ихъ червонцями и говоритъ своимъ: »Ну, чтò, молодцы? видите, какіе хорошие жупаны на панахъ? А у васъ, бѣдныхъ, иной разъ и рубашки нѣту! А нуте-ка, принимайтесь за дѣло!« Тутъ ужъ и пошла різня.

(*) *Переводъ.* — Какъ сманять бывало Запорожцы къ себѣ въ Січъ

рòземь. Отгò звелять ёму варіти кашу : »Гляді жь, варі такъ, щобъ и не сирà булá, щобъ и не перекипіла. А ми пійдемь косіть. То ти, якъ ужé б́уде готóва, вийди на такий-то кургань, да й зови насъ; а ми поч́уемо, да й прійдемь.«

Отъ поберу́ть ко́си да й пійдуть ш́би-то косіть. А дè въ чор-та імь хóчетця косіть! Заберу́тця въ комішъ да й лежать. То оцè хлопéць, зварівши кашу, вийде на могілу и з́ачне гукáти. А вони й чу́ють, да не озиваю́тця. То винь гукáе-гукáе, да давай плакати : »Отъ занеслá менé неч́иста с́ила міжъ с́і Запорóзці! Л́учче б́ь булò дóма сидіти при бáтькові да пра мáтері. Атò ще перекипн́ить каша, то прійдуть да б́итимуть вражі сині! Ой б́ідна жь моя голóвоньго! чогò менé понеслò міжъ с́і Запорóзці!«

То вони, лèжачи въ траві, вислухають усé да й ка́жуть : »Ні, се не нашъ!« А далі вёрнутця до куреня́, да даду́ть томú хлопцеві коня́ и грóшей на дорóгу, да й ска́жуть : »Ідь собі ќь неч́истому! намъ такіхъ не трéба.«

А якъ-жé котóрий уда́тця росторóпний и дога́дливий, то вий-

какого-нибудь парня изъ Гетманщины, то сперва пробують, годится ли онъ въ Запорожцы. Прикажутъ ему, напримѣръ, варить кашу : »Смотри же ты : вари такъ, чтобъ не была и сыра, чтобъ и не перекипіла. А мы пойдемъ косить. Когда б́удеть готова, такъ ты выходи на такой-то кургань и зови насъ ; мы услышимъ и придемъ.« Возьмутъ косы и пойдутъ какъ-будтобы косить. А кой чортъ хочется имъ косить! Залзутъ въ камышъ и лежать. Вотъ парень сварить кашу, выходитъ на кургань и начинаеть звать. Они и слышатъ, но не откликajúтся. Зоветь онъ ихъ, зоветь, а потомъ въ слезы : »Вотъ занесла меня нечистая сила ќь этимъ Запорожцамъ ! Лучше было бы сидеть дома при отцѣ, при матери. Еще перекипн́ить каша ; придутъ и поколотятъ вражьи дѣти ! О, б́едная моя головушка ! кой чортъ занесъ меня ќь этимъ Запорожцамъ !« А они лежа въ травѣ, вислушаютъ все это и говорятъ : »Нѣтъ, это не нашъ!« Потомъ воротятся въ курень, дадутъ тому парню коня и денегъ на дорогу и скажутъ : »Ступай себѣ ќь нечистому ! намъ такихъ ненадо!«

Но который молодець удастца расторопный и смѣтливый, тотъ, взо-

шовши на могилу, кликнє разів зó два: »Гей, панóве молодці! идіте каші їсти!« да якъ не озиваютьця, то вінъ: »Чóртъ же васъ бері, коли мовчитє! бóду я й сáмъ їсти.« Да ще передь одхóдомъ удáрить на могилі гонакá: »Ой тутъ мині погуляти на простóрі!« Да, затагнувши на весь степъ козáцьку пісню, и пійде собі до куреня, и давай уплїтати кашу.

То Запорóзці, лєжачи въ траві, й кажутъ: »Оце нашъ!« Да, побравши кóси, и идуть до куреня. А вінъ: »Де васъ у бїса носило, панóве? Гукáвъ-гукáвъ, ажъ охрипъ; да щобъ каша не перекипіла, то я почáвъ сáмъ їсти.«

То Запорóзці споглянуть одїнъ на одного да й скажутъ ёму: »Ну, чýро, вставай! годі тобі буть хлóпцемъ: тепєрь ти рївний намъ козáкъ.«

И приймають у товариство.

Старинные Малороссійскіе балагуры, для забавы гостей, сочиняли иногда смѣшныя небывлицы, въ которыхъ сами играли роль трусовъ, или глушцовъ. Это — прямая противоположность любимымъ рассказамъ Польской шляхты о своей храбрости и умѣ. Изъ всѣхъ пороковъ, хвастовство личными достоинствами наименѣе распространено между Малороссіянами. Слѣдующій рассказъ мо-

шедши на курганъ, крикнетъ раза два: »Эй, паны молодцы! идите каші їсть!« и какъ не откликнутся, то онъ: »Ну, такъ чортъ съ вами, когда молчите! буду я и одїнъ їсть кашу.« Да еще передь отхóдомъ прїударить на курганѣ гонакá (танецъ): »Ой тутъ мнѣ погулять на просторѣ!« И, затагнувши на всю степъ козацкую пѣсню, идетъ къ куреню и давай уплетать кашу. Тогда Запорожцы, лежа въ травѣ, и говорятъ: Это нашъ!« и, взявши косы, идутъ и себѣ къ куреню. А онъ: »Гдѣ васъ чортъ носилъ, господа? Звалъ я васъ, звалъ, и охрипъ, да потомъ, чтобъ не простыла каша, началъ самъ їсть.« Переглянутся между собой Запорожцы и скажутъ ему: »Ну, чýра (слуга), вставай! полно тебѣ быть хлóпцемъ (мальчикомъ, парнемъ): теперь ты равный намъ козакъ.« И принимаетъ его въ товарищество.

его незабвеннаго пріятеля въ Мотренинскомъ монастырѣ характеризуетъ бесѣды нашихъ староевѣтскихъ военныхъ людей.

6.

ОЧАКОВСКАЯ ВѢДА. (1)

Бувавъ тутъ колись часто у насъ у монастирі полковникъ козацький съ того боку Дніпра; звався Перепелиця. То було якъ значне розказувати про давній вѣйни, такъ умѣра да й тілько. Що — каже — теперъ за вѣйни? То якъ колись наши Задніпрянські козаки воєвали, такъ такъ! То — каже — народъ храбрій и до вѣйни тяжко способний. Якъ згадаю — каже — собі, що якъ бѣвъ я сотникомъ, то ходили ми съ свѣтлѣйшимъ княземъ Потѣмкинимъ ажъ на край свѣта, підъ Очаківъ, де, казали намъ, що жінки якъ перуть, то праники на небо кладуть: такъ небо тамъ низенько. То нашому козацеству и хотилось побачити такого дѣва, и страшно було такъ далеко одъ дому одбиватись. Да що жъ маешъ робити, коли приказъ!

Отто, ще, може, тижнівъ за два до походу, жінки давай усячину готувать у дорогѣ: грінки сушить, сало въ возі укладувати. Нарештовали повніи мажи. Посходились усі родичи. Плачь, жаль такий по всему селѣ, що Господи! Дѣ жъ бакъ! не близькій свѣтъ до Очакова, де небо вже такъ низенько, що бабі праники кладуть, перучі на річці. Прощались зъ нами більшь якъ тиждень; провожали за царину гурбѣю, съ чарками, съ пляшками. Плакали, якъ по мѣртвихъ, що й самъ я трѣхи сплакнѣвъ, а съ козаківъ дѣ-які й геть-то заріумали.

Отъ же й пішли ми до того Очакова, на край свѣта. Пришли, ажъ ні: небо ще не дуже низько, а хибá трѣхи нижче, якъ у насъ. »Ну«, кажемо, »слава жъ тобі, Господи! ще, видно, не тутъ край свѣту.«

(1) Я не рѣшимся передать по-Великорусски этотъ юмористическій рассказъ, опасаясь, чтобы мой переводъ не былъ передразниваемъ, какъ это часто случается съ переводами Малороссійскихъ комическихъ и патетическихъ пьесъ.

Стали ми стояти підь тимь Очаковомъ, да ажъ обрідло — такъ довго. Которому козакові повні сакви жінка тютюну напхала, або рігъ тобаки набила, то все те повикүрвали й повинюхували. Дуже довго щось стояли. Приняли й холоду й голоду, бо стоjali въ шатра́хъ, якъ Цигане, и не було тамъ ні борщү, ні варениківъ, а все тільки грінки зъ саломъ или. Отакè-то ліхо! Ажъ ось не стало вже ставать и сала, а тільки самі грінки позоставались. Що тутъ чинити? Колибъ ще козаки зъ голоду не попропадали, то якъ тогді й додому вертатись? Бідá!... Повисили наші носі, зовсімъ змарніли; тільки що дихання въ тілі, бо сказано — що зъ саміхъ грінокъ за смакъ?

Отъ я, взявши зъ собою писаря со́теного да осаула, да й пішли до світлішого прохати, щобъ позволивъ послати підводи додому за саломъ. Приходимъ, ажъ світліший стоить на рундукү и люльку күрить. Поклонились єму. А вінъ: »Што ви, хахли?...« да такъ и ляшнувъ по-Москóвськи.

Ова, якъ же погано зл'явъ! О, цүръ же єму, якъ негарно!

»Ваша світлость! бідá прийшла козакамъ!«

»Какая бідá?...« изновъ такъ и загнүвъ намъ по-Москóвськи на всю гүбу.

А, якъ же паскүдно лаетця! Да нічого робити.

»Бідá« кажу, »ваша світлость: козаки зъ голоду мруть!«

»Какъ зъ голоду, праклятіи хахли?«

»Мруть, ваша світлость: самі грінки зостались увъ обóзі, а сала вже забүли, и якè вонó.«

Ще я й не доказавъ, а вінъ: »Вонъ, хахли!.... Реб'ята! вазміте їхъ!«

Тутъ Москвá якъ вискочить да за насъ, а ми, підобравши полі, навтікача! А вряжий Москáль, такъ якъ реп'яхъ, и вчепитця, що геть єго проволочешъ, мóже, гóней зо двое. Утегли насілу.

»Эгè, панóве!« кажу опісля своїмъ, »оце вамъ наука, щобъ брали сала ще більшъ, ніжъ хліба, атó бачъ, якé ліхо!«

Отó вже стоимó ми собі хірні, імó тії грінки. Якъ ось

стала чутка, що Турки йдуть під Очаків. Посилає мене світліший зь собою поперед, а сам мусить би то йти за нами. Поіхали ми да й думаємь собі: »Отепер же, мабуть, прийшла на нась остатня година!«

Ідемь, блукаємь по полю, якь неприкаяні. Коли жь де ні візьмісь у степу курява така, наче чия велика панщина почала віяти жито на току вь сто лопать. Оце жь Турки йдуть! Що туть у Господа чинити? Стрелять би то до нихь, хочь и далєко, щобь почувь світліший да йшовь скорійш на підмогу. Такь що жь? поки ще прийде, то Турки нась пошаткуют на капусту. А хочь и ні, то, якь підосиють наші, то все таки намь лиха конемь не обіхати: треба буде стояти спереду, то всі и пропадемò ні за собаку. Що туть у Бога діяти? Дивлюсь, ажь містоць надь яркомь... »Братця!« кажуть, »сховаймось підь сей містоць! Нехай чєрті бьютця, а ми пересидимь туть лиху годину да и живи додому вернемось.«

Козакі заразь мене и послухали. Збілись у-кунку коло мене, такь якь бжòли коло мятки. Сидимò; коли жь земля и звидеи и звидти гудє, такь ніби дві хмарі наступають — одна зь западу, а друга одь сходу сонця. Якь зійшовся жь Москаль изь Турками, якь стали битись, то — Господи, твоя воля! и родились, и христїлись, такого страху не бачили. А далі чємо, що Москаль перейшовь черезь містоць да и погнавь Турка.

Оть ми тогди сь-підь мостка. Дивимся, ажь коні такь и грають кругомь нась по полю, а Турки, що тріскі на дрівитні, валяютьця кунями, а де-які поранєні ходять поміжь ними и самі не знають, куди йти, бо и сили, и смілости вже чорть-має, а налужані такь, якь овєчки одь вòвка: що якь розженє стадо, то ще довго дурніи стоять, вилушивши очи, по гóрахь, а пастухь хочь гукай, хочь не гукай.

»Веріте їхь!« крикнув я на своїхь, »в'яжіть вражихь Турків, поки имь духь не одихне! ловіть коней!«

Оть мої козакі давай їхь батовати! и набатовали сотень зò дві, и грòшей повні кишені понабірали.

»Теперъ же«, кажу, »хлопці, звѣрнемъ у бікъ зъ дороги да одночїнемъ трѣхи де-небудь у байраці, бо, може, втомїлись, ганїючись за кїньми; а надь-вечіръ вѣрнемось до свїтлїйшого.«

Такъ и зробїли. А якъ усє вгамовалоє и самъ свїтлїйшїй вернўєсь до лагєря, то и мї надь-вечіръ причвалоли. Приходимо до ганку, ажъ вїнь стоїть, зъ лўдькою такї вь зубахъ. Заразь, якъ побачивъ насъ, такъ и загнўєь намъ по-Московськи: А што ви, хахлі?.....«

О, цўръ же ємў, якъ негарно лаетця! Оввї!

»Да ми опє прийшлї спитатїсь, вана свїтлость, кому оддать на рўки плїннихъ?«

»Какїхъ плїннихъ, правлятї чубї?«

»Да отъ же, бачите, що ми ходїли увъ обьїздъ изъ своєю сѣтнею, то якъ напали на насъ Тўрки, а ми якъ почалї їхъ стреляти та рубати, то и самїхъ розїгнали, и двїстї плїннихъ узали, тїлько шкѣда, що всї пораненї.«

»А людей скѣлька патєряна?«

»Нї одного, вана свїтлость! усєя сѣтня, слава Бѣгу, жива и цїла.«

»Тьфў, праклятї хахлі! двїстї плїннихъ и самї цѣли! Забрать у нихъ плїннихъ! Пашлї глўпнї чубї!«

Такъ намъ загнўєь на прощаннє да иї одпустївъ, спасїбї ємў.

То вже тогдї мої козакї и кажутъ: »Якїй-то тобї, пане сѣтнику, Бїгъ рѣзумъ давъ! Якъ-бї тебє не послўхали, то всї бъ, може, марне пропали; а теперъ, слава Бѣгу, и добичи повнї рўки, и самї зостались живї и здоровї!«

Послѣ прїятнаго перебуванїя вь Мотрєшинскомъ монастырѣ, наступили для меня опять безплоднїя странствованїя между Украинскими поселєнами, чему впрочемъ были виною обстоятельство, не позволявшїя мнѣ прожить долго на одномъ мѣстѣ и чрезъ то сближаться сь народомъ. Одинъ только разєказъ Ивана Бурдуна, стараго бондаря вь мѣстечкѣ Александровѣ, вознаградилъ меня за долгїе мої переѣзды по Чигирїнщинѣ. Вотъ онъ.

ВЕРВОВКА ВЪ ГАЙДАМАКИ И РАЗВ'ЯЗКА УМАНСКОЙ ТРАГЕДІИ 1768 ГОДА. (*)

Росказує було покійний нашъ Гладкій, що гайдамакъ зъ самого початку прийшло зъ Січи въ Мотренинъ монастиръ тільки три, — ніби-то на поклоненіе. И такъ собі ніби нікчёмний народъ, вахлаі такі... ходять було схилившись. Одинъ же пішовъ у Лебединській монастиръ, — звався Демянъ Гнида; а другий, на прізвище Лусконігъ, пішовъ у Мошенський монастиръ; а третій, Шелестъ, зостаєся тутъ, у Мотрениному. Живе — каже — годівъ зѡ два и всё робить ратища, скуповує жупани, шаровари, шапки, чоботи. То, якъ хто спитає: »На що се, брате?« — »Се«, каже, »подамъ у Січъ гостинця, бо тамъ усє тєе дороге, а народъ знай прибуває, то трѣдно на одѣжу.«

Ми жъ тому й віримъ: думаемъ, що справді то вінъ хоче подати у Січъ гостинця. Коли жъ идѹ — каже — я разъ до церкви у Мотренинъ монастиръ, ажъ вінъ, той Шелестъ, стоить на стѣзці, саме на Спасовімъ Яру, и вже въ жупані. Бо перше, бу-

(*) *Переводъ.* — Рассказываетъ бывало покойный нашъ Гладкій, что гайдамакъ съ самага начала пришло изъ Сѣчи въ Мотренинскій монастырь только трое — какъ-бы на поклоненіе. И такъ себѣ какъ-будто ни къ чему годный народъ, такіе вахлаи... ходять бывало согнувшись. Одинъ пошелъ въ Лебединскій монастырь, — звался онъ Демянъ Гнида; другой, по прозванію Лусконігъ, пошелъ въ Мошенскій монастырь; а третій, Шелестъ, остался тутъ, въ Мотренинскомъ. Живетъ онъ — говоритъ — года два и всё дѣлаетъ копя, скупаєтъ жупаны, шаровары, шапки, сапоги; и когда спроситъ кто-нибудь: »На что это, братъ, тебѣ?« — »Это«, говоритъ, »пошлю въ Сѣчь гостинець; тамъ все это дорого, а народъ всё прибываетъ, такъ трудно достать одежды.«

Мы тому и вѣримъ: думаемъ, что въ самомъ дѣлѣ это онъ хотеть послать въ Сѣчь гостинець. Какъ идѹ — говоритъ — я разъ въ церковь, въ Мотренинъ монастырь, смотрю — онъ, зототъ Шелестъ, стоитъ на тропинкѣ, какъ разъ на Спасовомъ Яру, и ужъ въ жупанѣ. Преж-

ло, ходить у невірненькій світочці, а теперъ вже — каже — на ёму жупанъ, сині штани, шапка добра, шабля припасана, за поясомъ пистолети, — геть все чисто.

»Здоровъ«, каже, »брате Анто́не!«

»Здоровъ!«

»Приставай«, каже, »въ козаки!«

А я кажу: »Що жъ? у мене й ба́тько, й ма́ти, и брати есть, то будуть мене ляять.«

»Да приставай«, каже: »у насъ буде добре, въ насъ такъ буде, въ насъ такъ буде. Ми, по́ки віку, козаки козака́ми бу́демо.«

А міні страшно; я й кажу: »Намъ и такъ добре.«

»Да приставай!«

Я ще такі боюсь.

А вінъ: »Йди лишень до воза.«

Иду́, ажъ и візокъ за дере́вомъ стоить. А коло возка Жидъ и Ляхъ лежать повязані. Я якъ подививсь на нихъ: »Э, се жъ уже щось не добре, коли вяжуть!« да й страхъ мене ще більший узявъ.

А вінъ тягне зъ возка бокла́гу. »Пий«, каже, »горілку!«

де бывало ходить въ дрянной світочкѣ, а теперь ужъ — говоритъ — на немъ жупанъ, синіе штаны, хорошая шапка, сабля припоясана, за поясомъ пистолеты — все, какъ слѣдуетъ. »Здорово«, говоритъ, »братъ Анто́нъ!« — »Здорово!« — »Приставай«, говоритъ, »въ козаки!« А я говорю: »Что же? у меня и отецъ, и мать, и братья есть; будутъ меня бранить.« — »Приставай«, говоритъ: у насъ хорошо тебѣ будетъ, у насъ будетъ такъ-то и такъ-то. Мы, пока живы, будемъ козаками.« А мнѣ страшно, я и говорю: »Намъ и такъ хорошо.« — »Да приставай!« Я все боюсь. А онъ: »Поди-ка сюда къ возу.« Иду, глядь — и тележка стоитъ за дере́вомъ. А подлѣ тележки лежатъ связанный Жидъ и Ляхъ. Я, какъ посмотрѣлъ на нихъ: »Э, плохо дѣло, когда ужъ вяжуть!« и еще большій страхъ на меня нашель. А онъ тащитъ изъ тележки *бокла́гу* (плоскій бочонокъ). »Пей«, говоритъ, »водку!« А я го-

А я кажю: »Що жъ, брата? ще рано, ще тільки до церковъ задзвонили.«

»Да пей«, каже, »брате! *Одинъ томъ часъ, що батько въ плахті.*« (1)

Якъ узявъ, якъ узявъ коло мене впадать, — я, нічого робить, напивсь трóхи.

»Пий ище!«

Я ще напився.

»Приствай«, каже, »брате!«

А я всё такі боюсь.

Тоді вінъ насыпавъ на долóню пороху, да ростёръ-ростёръ зъ горілкою, да помазавъ мене по виду, то така заразъ охóта взяла, що тільки дай спись у руки, здаётся бъ, пішовъ да й дувивъ би всякого.

Вінъ заразъ мині жупанъ, шаблю, пистолети припасавъ, убрáвъ мене зовсімъ по-козаськи, и ратище давъ.

»Ходімо жъ«, каже, »за клéна, да тамъ и стій, да хтò бъ ні йшовъ, хтò бъ ні іхавъ — берй й вяжі.

ворю: »Чтò же, братъ? еще рано, еще только что поблагóвѣстили въ церквахъ.« — »Да пей, братъ!« говорить: *»одинъ томъ часъ, що батько въ плахті.«* (1) Какъ началъ онъ этакъ меня ублажать, я — нечего дѣлать — выпилъ немного. »Пей еще!« Я еще выпилъ. »Приставай, братъ!« говоритъ. А я всё таки боюсь. Тогда онъ насыпалъ на ладонь пороху, растеръ его съ водкой и какъ намазалъ мнѣ лицо, такъ мнѣ тотъ-часъ такая пришла охота, что только дай въ руки кошь, — кажется, пошелъ бы и душилъ всякаго. Онъ далъ мнѣ тотъ-часъ жупанъ, саблю, привѣсилъ пистолеты, нарядилъ меня совсѣмъ по-козакки и кошь далъ. »Теперь«, говоритъ, »пойдемъ за этотъ клень, тамъ стань и, кто бы ни шелъ, кто бы ни ѣхалъ, бери всякаго и вяжи. Пошелъ я — го-

(1) Пословица, относящаяся къ обычаю переодеваться въ разные платья на другой день свадьбы. Отецъ новобрачной переодевается женщиною и надеваетъ *плахту* (тканую юбку).

Пішовъ — каже — я за клéна; коли жъ дивлюсь, ажъ усіоди вже козаки й стоять по-за деревами. [А вінъ-то хотівъ, щобъ ніхто не давъ звістки у Жаботинь команді.]

Поставивъ мене: »Гляди жъ, добре пильнуї, щобъ ніхто не пройшовъ, ні проїхавъ.«

Отъ я постоявъ тамъ трóхи, поки той чадъ пройшовъ, да потімъ якъ одумаюсь, якъ схоплюсь на рáтище, да якъ пуцуюсь додóму!

Прибігъ, а батько: »Дè се ти бувъ?«

»Біда«, кажу, »тáту! Шéлестъ козаківъ уже збирáе!«

Отъ батько полаявъ мене трóхи да й каже: »Ховайся жъ, вражий сину! ато бóде тобі одъ ёго лихо!«

То я якъ пішовъ ховáтьця, то ховáвся ажъ три годи.

А Шéлестъ якъ почувъ, що вже команда про ёго знає и пішла на Ведмédівку, на Писáрську Гать, то зобравъ, сáме на Святу Неділю, двісті козаківъ, да прýмо у монастирь. Да чóдно, що дè тії козаки удрóгъ узялісь, дè вони й кóней набрали, и усéго! А народъ тілько що зъ цéркви почáвъ вихóдити, ажъ сїі назу-

ворить (Гладкій) — за клень; смотрю — уже вездѣ козаки стоятъ за деревами. [А онъ, видите, хотѣлъ, чтобъ никто не передалъ вѣсти командѣ въ Жаботинь.] Поставилъ онъ меня. »Смотри же, хорошенько сторожи, чтобъ никто не прошелъ и не проѣхалъ.« Вотъ я постоялъ немного, пока тотъ угаръ прошелъ, а потомъ какъ опомнюсь, какъ прыгну, опершись на копье, какъ прибѣгу домой! Прибѣжалъ, а отецъ: »Гдѣ это ты былъ?« — »Бѣда«, говорю, »тáто! Шéлестъ козаковъ ужъ собираетъ!« Отецъ побранилъ меня немного и говоритъ: »Скройся же, вражий сынъ, ато будетъ тебѣ отъ него бѣда!« Я, какъ пошелъ скрыватья, то цѣлыхъ три года прятался.

А Шéлестъ, какъ услышалъ, что уже команда про него знаетъ и пошла на Ведмédовку, на Писáрскую Гать, то собралъ, въ самую Святую Недѣлю, двѣстѣ козаковъ и прямо въ монастырь. И дивно, оттуда тѣ козаки тотъ-часъ явились, гдѣ они добыли лошадей и всего! Народъ только что началъ выходить изъ церкви, а они навстрѣчу. Народъ такъ и

стрічь. То народъ такъ и шарахнувъ зъ монастиря: »Э, се жъ Гайдамаки!« А Шелестъ и почавъ гулять съ козаками. Музики, пісні, танці!

А ченці нічого імъ; сидять собі по келіяхъ, бо давно ще про тее знали. Ще, скоро Шелестъ прийшовъ у Мотренинській лїсь... а тамъ тогді були великіи трущоби, гущина непроходима, и живъ тамъ у лїсѹ одинъ чернець — ще й досі келійка стоить — то вінъ и сказавъ тому ченцеві: »Иди«, каже, »звідсі, отче; тутъ тобі не жить, бо тутъ козаки бѹдуть; тутъ бѹде такє, тутъ бѹде такє.« То чернець и зійшовъ съ того мїста и впопавъ собі у дрѹгимъ мїсті печеру, — такъ, мѹже, якъ до того плетня по-підъ землею муръ стоить.

Отъ же, погулявши-то тамъ Шелестъ съ козаками, и повївъ ихъ у лїсь на Сїчъ. А тамъ есть такє мїсто у Мотренинському лїсѹ, що и звїдеі байракъ, и звїдти байракъ, а по середині такъ якъ шпиль стоить. То вони на тїмъ шпильку обрубались и жили годівъ зѹ три. Оцє, булѹ поїде ихъ чоловікъ дєсять, пятнадцять, да

бросился уходитъ изъ монастыря. »А, это гайдамаки!« А Шелестъ и ну гулять съ козаками. Музыка, пісни, танцы!

Чернецы же ничего имъ; сидятъ себѣ въ кельяхъ: они давно про то знали. Еще какъ только пришелъ Шелестъ въ Мотренинскій лѣсъ... а тамъ были тогда большія трущобы, густота непроходимая, и жилъ тамъ въ лѣсу одинъ чернецъ — и до сихъ поръ еще стоить келійка — такъ онъ и сказалъ тому чернецу: »Поди«, говоритъ, »отсюда, отче; тутъ не жить тебѣ, затѣмъ что здѣсь будутъ козаки, тутъ будетъ то и то.« Такъ чернецъ и сошелъ съ того мѣста и вырылъ себѣ въ другомъ мѣстѣ пещеру, — такъ, можетъ, какъ вонъ до этого плетня, стоятъ подъ землею стѣны.

Вотъ, погулявши тамъ Шелестъ съ козаками, и повелъ ихъ въ Сїчъ. А тамъ есть въ Мотренинскомъ монастырѣ такое мѣсто, что съ одной и съ другой стороны буеракъ, а посрединѣ — точно шпиль стоитъ. На томъ шпилѣ они сдѣлали засѣку и жили года три. Бывало поѣдетъ человекъ дєсять, пятнадцать ихъ, схватятъ какого-нибудь человека

попадуть яко́го чоловіка, и давай мучить, щобъ казавъ, у когó е грóши, абó хороша одѣжа; да прийдуть у ночі да й деруть; такъ що всяку нічъ бу́ло лю́де вибіраютьця спать у бурьянъ. Тільки часомъ и въ бурьяні знаходили. А команда до їхъ не приходила, бо й сама боялась. Да щó тамъ ти́й команди бу́ло!

Отгó якъ зібралось їхъ у ко́жному монастирі по триста чоловікѣ, то й Зализнякѣ зъ Запоро́жжя при́хавъ, да зобравшись до-кўпи, усіхъ девять-сотѣ чоловікѣ, и рўшили въ Пóльшу. Прийшли въ Тальнѣ, а тамъ ярмарокъ: то ярмарокъ такъ и сунувъ! А Зализнякѣ пославъ за́вертатъ: »Не бійтесь, лю́де до́бри, не бійтесь: ми васъ не зачѣпимъ; гуляйте собі й базаруйте!«

А зъ Тального пішли до Уманя. И тамъ те́жъ ярмарокъ. Да якъ побачили, що йде Зализнякѣ, то ярмарокъ у за́мокъ и заперсь. А вони́ за́мокъ узали да й ви́ризали усіхъ Ляхівъ и Жидівъ. То казавъ мині Лопата [а той Лопата да бувъ три годи чўрою при Зализнякў], то казавъ, що оттакъ изъ за́мку кровь бігла. ⁽¹⁾

и давай мучить, чтобъ говорилъ, у кого есть деньги, или хорошая одежда; а потомъ придутъ ночью и грабятъ; такъ что всякую ночь бывало люди уходятъ спать въ бурьянъ. Но иногда и въ бурьянѣ гайдамаки ихъ находили. Команда же къ нимъ не приходила: затѣмъ что и сама боялась. Да сколько было всего той команды!

Вотъ, какъ собрались въ каждомъ монастырѣ по триста человекѣ козаковъ, то и Зализнякъ изъ Запорожья при́халъ; собрались они всѣ, девять-сотѣ человекѣ, и двинулись въ Польшу. Пришли въ Тальнѣ, а тамъ ярмарка; ярмарка такъ и рынула въ прочь! Зализнякъ послалъ козаковъ воротить ее назадъ: »Не бойтесь, люди добрые, не бойтесь: мы васъ не тронемъ; гуляйте себѣ и торгуйте!«

А изъ Тального пошли къ Уманю. И тамъ тоже ярмарка. Какъ увидѣли, что идетъ Зализнякъ, то ярмарка заперлась въ за́мкѣ. А гайдамаки взяли за́мокъ и вы́ризали всѣхъ Ляховъ и Жидовъ. Рассказывалъ мнѣ Лопата, [а тотъ Лопата былъ три года чурой (служгой) при Зализнякѣ], что вотъ какъ изъ за́мка кровь бѣжала. ⁽¹⁾ Завладѣвъ Уманемъ,

⁽¹⁾ Рассказчикъ показавъ на косточку ноги.

Отъ, якъ опановали Умань, то й поставили усюди свій карауль. Коли жъ и ідуть два Дони: одинъ ніби - то старший, а другий прѣстий. Зализнякъ принявъ їхъ за гостей; угощає такъ, що куди! Ажъ ось, трѣхи згодомъ, іде зновъ три Дони. Вінъ и тїхъ принявъ. Коли жъ іде чоловіка вже пять гусарь. Тоді вінъ и постерігъ ужé, що біда б́уде, да й зовé Лопату, свого ч́уру. А се самъ Лопата й розказувавъ мині.

»Иване!« ка́же.

А я — ка́же — каж́у: »Чого ба́тьку?«

»Иди́ лиш́ь«, ка́же, »сюди!«

Я — ка́же — й пішо́въ, такъ изъ-за гру́би въ гра́нськихъ дома́хъ.

Вінъ узявъ, розщепну́въ каптано́къ, розщепну́въ че́ресъ ко-ло се́бе, такъ якъ кичка набі́тий черв́инцями. »На«, ка́же, »то-бі сей че́ресъ; якъ вивезе́шь, то б́уде́шь мене́ зга́дувать.«

»А ви́ жъ, ба́тьку?«

»Э, ми«, ка́же, »ту́тъ пронадемо́!«

Уже́ постері́гъ серде́шний.

Каж́у: »Якъ же я зві́дсі ви́йду?«

поставили вездѣ свой карауль. Какъ вотъ — и ѣдутъ два Донца: одинъ какъ-бы старшина, а другой простой. Зализнякъ принялъ ихъ какъ гостей: такъ угощаетъ, что куды! Какъ вотъ, спустя немного времени, ѣдутъ опять трое Донцовъ. Онъ и тѣхъ принялъ. Какъ вотъ ѣдетъ чело́вѣкъ уже пять гусарь. Тогда онъ и догадался, что будетъ бѣда, и зоветъ къ себѣ Лопату, своего чуру. А это самъ Лопата и рассказывалъ мнѣ. »Иванъ!« говоритъ. А я — говоритъ — говорю: »Что́, ба́тько?« — »Поди-ка«, говоритъ, »сюда!« Я — говоритъ — и пошелъ такъ, изъ-за печки въ графскихъ хоромахъ. Онъ разстегнулъ полукафтанье, разстегнулъ на себѣ че́ресъ (кожаный поясъ), такъ какъ на хомутѣ кичка, набитый червонцами. »Возьми«, говоритъ, »себѣ э́тотъ чересъ; коли вывезе́шь, то буде́шь вспоми́нать мене.« — »А вы, ба́тько?« — »Э́ что́! намъ«, говоритъ, »ту́тъ погиба́ть!« Уже догадался сердечный. »Какъ же«, говорю, »мнѣ отсюда вы́йти?« — »Возьми«, говоритъ, »моего коня за по-

Каже: »Візьмі мого коня да веді до води. Якъ стануть тебе питать: Куди йдешъ? то ти скажи, що поведу батькового коня наповати, то вони й пустять.«

Колі жъ я вигляну съ хати, ажъ уже вяжуть гайдамакъ. И оцѣ звяжуть двохъ за руки, спінами одинъ до одного, да й мішокъ землі на рукахъ полбжяють; то вони бідниі й стоять такъ по двѣ вкупі. А я взявъ коня да й веду. А вже всюди Московська сторожа стоить; и питають мене: »Куди йдешъ?«

»Поведу«, кажу, »батькового коня наповати.«

То вони й пустили.

Отъ я напоивъ коня, и вже бъ то треба мині втікати; да такъ мині стало ёго жаль! Думаю собі: »Вернусь!«

Тільки що вибривъ зъ води, ажъ біжить зъ міста козакъ, уже на Жидівському коні: »Куди?«

»Поведу батькові коня.«

»Ужѣ«, каже, »батька чортъ узявъ, и тебе візьме.«

Да рвонѣ въ мене зъ рукъ того коня, а мині кинувъ Жидівського. »Нумъ«, каже, »втікати!«

Кинулись ми втікати, а за нами два Дѣни. То гвѣлись за на-

воя. Когда спросятъ тебя: Куда идешь? то ты скажи, что ведешь *батькина* коня къ водоюу; такъ они тебя и пропустять.«

Посмотрѣлъ я изъ хаты — уже вяжуть гайдамакъ. Свяжуть двоихъ руками и спинами одинъ къ другому да и земли мѣшокъ положить; такъ они бѣдные и стоять вмѣстѣ. А я взялъ коня и веду. А всюду уже Московская сторожа стоить; и спрашиваютъ меня: »Куда идешь?« — »Поведу«, говорю, »батькина коня къ водоюу.« Они меня и пропустили.

Вотъ я наповля коня, и ужъ нужно бы мнѣ уходить, но такъ стало мнѣ жаль *его?* и думаю себѣ: »Ворочусь!« Только что выбрелъ изъ воды, какъ скачетъ изъ города козакъ — уже на Жидовскомъ конѣ: »Куди?« — »Поведу батьку коня.« — »Ужѣ«, говоритъ, »батька чортъ взялъ, и тебя возьметъ!« и вырвалъ у меня изъ рукъ коня, а мнѣ бросивъ Жидовскаго. »Уходи«, говоритъ, »со мной!« Поскакали мы опретью,

ми одъ півдня до самої нѣчи, да вже ажъ коло Тального згубили насъ у лѣсу. А ми їхали додому двоє сѣтокъ, блукали все по закуткахъ и нічого ісьнюк не їли. А всюди вже стоить сторожа: ловлять гайдамакъ. Приїхали пічку до Кальнихъ Болотъ, а козаць каже: «Ось потривай лишъ, я тутъ бродъ знаю.» (1)

Стали брїстї, а конї въ водї якъ захлюпостали, то тутъ за нами: «Ловї! ловї!»

Ми по коняхъ! А козаць хотїв ратище поправити, да якъ підїєр менє підъ чєресъ, — такъ и перерїзавъ. Чєресъ у воду тїлько брязъ!... пропали гроши!

А ми, якъ ускочили въ лѣсъ, то полягали на коней да тїлько ногами поганяємъ, — неси куди хочъ! Да якъ приїхали додому, то ще довго я ховавсь, поки усовітовали батьку люде пїйти до губернатора да сказати, що я на тїмъ боці жїто перевивавъ. То ще мусивъ батько їздити на той бїкъ за свідїтельствомъ одъ громади, да, напоївши громаду, ї привїзъ минї тєе свідїтельство. То вже тогдї я міжъ люде показавсь.

а за нами велѣдъ два Донца. Ігнались они за нами до самої вочи, да ужъ подлѣ самого Тального потеряли насъ въ лѣсу. Мы їхали домой двое сѣтокъ, бродили все по скритымъ мѣстамъ и ничего, ничего не їли. А вездѣ ужъ стоить сторожа: ловятъ гайдамакъ. Приїхали ночью къ Кальни-Болотамъ; козаць и говорить: «Погоди-ка, я тутъ бродъ знаю.» (1) Начали мы брестъ, да лошади въ водѣ заполоскались, такъ тутъ за нами: «Лови! лови!» Мы по лошадямъ! А козаць хотѣлъ копые поправить, да какъ подсунулъ мнѣ подъ чєресъ — такъ и перерѣзаль. Чєресъ въ воду — только брязъ!... пропали деньги! А мы, какъ вбїжали въ лѣсъ, то прилегли на коняхъ и только ногами поганяємъ — неси, куда хочешь! И какъ приїхали домой, то еще долго я прятался, пока люди присовѣтовали отцу пойти къ губернатору и сказать, что я на той сторонѣ (Дивира) жито вѣяль. Такъ отецъ принужденъ былъ їздити на ту сторону за свідїтельствомъ отъ громады (общества) и, напоївши громаду, привезъ мнѣ свідїтельство. Тогда только я появился между людьми.

(1) Черезъ рѣчку Гнилий Тїквчъ.

Оттакè-то колись діялось! Лопата вже той давно вмерь, и слухъ затихъ объ гайдмакахъ. Да бувъ я разъ у Манастирищѣ; а за Манастирищемъ есть ями глибокіи; то я ставъ да й дивлюсь: що бь се за ями були? Коли жь иде старій чоловікъ. »Дідусю!« кажѹ, »що оцè за ями такі?«

»А ти«, каже, »хибá не тутèшній?«

»Ні«, кажѹ, »я здалèка, ажъ изъ Чигиринського повіту.«

»Оцè жь«, каже, »ваші Чигиринські гайдамаки лежать. Тутъ ихъ порубано ажъ девять-сотъ; и якъ навалили землèю, то кровъ изъ ямъ свистала вгору заввишкѣ съ чоловіка. А чи бачишь три хресті гень-гень стоять? Отó лежать ихъ ватажкѣ. Тамъ порозстрèлювали Шелеста, Лусконóга и Гниду.

Тотъ же старикъ сообщилъ мнѣ воспоминаніе о поединкахъ у Запорожцевъ, совершенно для насъ новое.

ПОЕДИНКИ У ЗАПОРОЖЦЕВЪ. (*)

Запорóзці, скóро булó заспóрять, зáразъ на поединокъ на пістолèти. Розстèлють бѹрку; оди́нь на одному́ рѣжкѹ стáне,

Такія-то дѣла когда-то творились! Лопата тотъ давно ужъ умерь, и слухъ замолкъ о гайдамакахъ. Но однажды былъ я въ Монастирищѣ; а за Монастирищемъ есть глибокія ямы. Я сталъ и смотрю: что бы это были за ямы? Какъ вотъ идетъ старикъ. »Дѣдушка«, говорю, »что́ это за ямы такія?« — »А ты«, говоритъ, »развѣ не здѣшній?« — »Нѣтъ«, говорю, »я издалека, изъ Чигиринскаго повѣта.« — »Это«, говоритъ, »ваши Чигиринскіе гайдамаки лежать. Тутъ девятистамъ имъ отсѣкли головы, и какъ навалили землèю, то кровъ изъ ямы свистѣла къ-верху вышиной въ человѣка. А видишь ты вонъ, вонъ три креста стоятъ? То лежатъ ихъ отаманы. Тамъ разстрѣляли Шелеста, Лусконóга и Гниду.«

(*) *Переводъ.* — Запорожцы лишь только бывало повздорять, тотъ-часъ и выходятъ на поединокъ на пістолетахъ. Раскинуть буркѹ; одинъ

а другий на другому, да й стреляють. Отó вь їх тілько й судá.

Помѣщенныя вь этомъ томѣ думы и преданія дадутъ читателямъ понятіе о томъ, вь какомъ свѣтѣ представляется Малоросійскому простолюдину историческая старина его и вь какихъ формахъ онъ передаєть ее будущимъ поколѣніямъ. Но чисто фантастическій міръ Малоросіянина-поселянина гораздо шире и роскошнѣ міра фактовъ. Чтобъ дать читателямъ понятіе о силѣ воображенія и живописности мечтаній моего родного племени, помѣщу, вь заключеніе перваго тома Записокъ моихъ, одинъ изъ фантастическихъ народныхъ разсказовъ, не рѣшаясь однакожь переводить его, изъ опасенія впасть вь несоответственный подлиннику тонъ рѣчи, что было бы почти неизбѣжно.

СТРАНСТВОВАНИЕ ПО ТОМУ СВѢТУ. (1)

Мóже, не булó й на всёму свѣтѣ кращихъ-дитóкъ, якъ у нашої пánнї. Булó вь її двѣ дóчечки. Стáршеньку звáли Ганнўся, а мѣншеньку Катрўся. И щó жъ то булі за дїтки, коли бъ ви їх

станеть на одномъ углу, а другою на другомъ, и стрѣляютъ. Вотъ у нихъ и вся расправа.

(1) Желаніе народа проникнуть вь тайны загробной жизни удовлетворяется у насъ вь Малоросіи разсказами стариковъ и старухъ, которые *обмирали*, т. е. лишались на время признаковъ жизни. На распросы окружающихъ, что съ ними было во время ихъ обмиранья, они не обинуясь отвѣчаютъ, что были на томъ свѣтѣ, и разсказываютъ разныя видѣнія, сообразныя съ понятіями слушателей о наказаніяхъ за злыя и наградахъ за добрыя дѣла. Я полагаю, что эти разсказчики и разсказицы не совсѣмъ ясно сознають свой обманъ, такъ какъ сами они ни мало не сомнѣваются вь возможности своихъ видѣній. Образы мукъ и радостей загробныхъ напечатлѣны у нихъ вь воображенія съ дѣтства; они только приспособляютъ ихъ къ лицамъ, отшедшимъ вь вѣчность изъ ихъ околотка, подобно тому, какъ Данте, вь своей поэмѣ, сажалъ вь адъ и вь рай Флорентинцевъ и Итальянскихъ героев. Можно представить себѣ, какъ сильно дѣйствуетъ на

бачили! Якъ дві зірочки Божі на небі. Отъ же не довго й потішалась ними бідна наша пані: забравъ їхъ обохъ Господь милосердний; бо се вже звісна річъ, що Господь краще собі берє, а плòхше людьмъ оставляє. И щò жъ то попоплабалась и по вбивалась за ними наша пані! Правдиво сказано, що якъ мати плаче, то мовъ річка летця.

Отò жъ разъ привели до неї одну нашу такі бабу, стару престарєнезну, що недавно обмирала и на тїмъ свїті була, и все бачила, щò тамъ дїетця єь помєршими дїшами, — чи не потїшить вона її якòю звїсткою. Привели, то Явдоха наша приступила такі до пані та й каже: »Добродїйко! ось прийшла старá Дубїниха, що обмирала й на тїмъ свїті була, и все бачила, що тамъ рòбитця єь помєршими дїшами. Спитали бь ви її, чи не потїшить вона вась якòю звїсткою.«

То пані підвела трòхи гòлову та й дївитця на ту Дубїниху... А Дубїниха стоїть передь нею старá, престарєнезна, ажъ страшна: сказано — єь тòго свїту повєрнена.

»Такъ ти на тїмъ свїті була?«

»Була, моя добродїйко.«

»Щò жъ ти тамъ бачила?«

»Усє бачила, добродїйко, що дїетця єь помєршими дїшами.«

»А бачила жъ ти тамъ мою Ганнїсю й Катрїсю?«

простые умы свидѣтельство старика, или старухи, только что возвратившейся съ того свѣта. Ужась и удивленіе не даютъ мѣста недовѣрчивости; слушатели на всю жизнь сохраняють убѣжденіе въ справедливости фантастическаго разказа; и, если съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ случится обмиранье, онъ, въ бодрѣнномъ состоянїи мозга, легко можетъ выдавать то, чтò рисовало ему нѣкогда воображеніе, за видѣнное на томъ свѣтѣ. Повѣрѣя о *помершихъ душахъ* слышалъ я въ разные времена, отъ разныхъ лицъ. Они обыкновенно сходны между собою въ общемъ и варьируются только въ частности. Я собралъ граціознѣйшія черты этихъ разказовъ въ послѣдовательную повѣсть о загробной жизни, и такимъ образомъ предлагаемая статья получила нѣкоторую обработку, которой обыкновенно вѣтъ въ неріемованныхъ созданїяхъ народной фантазіи. Надѣюсь, однакожъ, что моя компиляція сдѣлана въ духѣ народной поэзіи и не уменьшила цѣны игрѣ необразованнаго воображенія.

»Бачила,« каже, »й Ганнусю, бачила й Катрусю«

Пані ажъ зъ ліжка скочила: »Що жъ вони тамъ рóbлять?»

»Мати Бóжа панчiшку плетé, а вони передъ нею золотi клубчки держать.«

Такъ такi й каже: »Мати«, каже, »Бóжа панчiшку плетé, а вони передъ нею золотi клубчки держать.

Панi моя якъ почувла се, то зъ радостi й слóва не вiмовить; а далi якъ кинéтця навкóлишки передъ óбразомъ... А вь неi вь опочивальнi óбразъ стоявъ, великий да гáрний: намалéвана Пречистá зъ дитиною: мовъ живá дiввiтця зъ малéвання. Якъ кинетця вона передъ той óбразъ, якъ зцiпить рýки, якъ заплаче! А ми вci сто́ячи й собi заплакали.

»Мати«, каже, »Бóжа, Царице небéсна! ой якъ же ти моé сёрце втiшила, що ти моiхъ дiтóкъ, якъ сирiтóкъ, приголубила!

Та плаче жъ то гiрко, та все дякуе! А ми й собi сто́я плачемо.

Далi отó вже вгамовáлась, переплáкала та й веселiйша трóхи стáла. Роспитуе вь тиé Дубiнихи: »Бабусю«, каже, »голубонько! скажи жъ минi, що тамъ инше дiетця сь помёршими дýшами?»

»Ой панi«, каже, »зозúле моя! чи мóжна жъ те язикóмъ зговорiти, що тамъ на тiмъ свiтi дiетця? Хочá-бъ, здаéтця, не пiвв и не iвв, а все розказувавъ, то й тодi бъ не переговорiвв усéго...

»Отó«, каже, »якъ прiйшла вже минi годiна вмирати, то смерть и стáла сь косою вь менé вь ногáхъ. Якъ стáла, то нóги такъ и похолóли.«

А ми стоiмó, та слýхаючи морóзъ такъ и пiшовъ у насъ поза спиною.

»Далi«, каже, »и живiть, и рýки, и все такъ и похолóло... Дивлюсь, ажъ вона вже вь менé вь головáхъ. Якъ замахнè косою, то душá тiлько пýрхъ! такъ якъ птáшка вилетiла та й полетiла, полетiла по хáтi, и сiла вь куткý на óбразi, пiдъ сáмою стéлею. А грiхi стáли на порóзi та й не пускають душi сь

хати. Отъ, я«, каже, »бачу, що нікуди вийти; дивлюсь, ажъ вікно очинене. Я— пурхъ у вікно! и пішла, пішла подемъ. Легко та любо міні такъ, мовъ заразъ на світъ народилась. Дивлюсь, ажъ не сама я йду, а ведє мене якийсь дідъ, а куди вінъ мене ведє, боюсь спитатись.

»Идемó, коли жъ гризутця два собаки надъ шляхомъ, такъ гризутця, такъ гризутця! А дідъ и каже: »Се не собаки, се два брати, що погризлися та й побілились, идучи степомъ. То Богъ и сказавъ: Коли вже й рідні брати б'ютьця, то де жъ буде те добро міжъ людми? Нехай же«, каже, »стануть вони собаками и гризутся, поки не буде їхати Мартиримянъ.« Такъ и сталося по Божому. Ми вже й минули їхъ, а вони все вищять та гризутця.

»Идемó«, каже, »степомъ; коли жъ яма така глибочення, що й два невідно. Дідъ каже: »Лизь!« А я боюсь. »Лизь!« каже. Мусила я полізти. Гляну, ажъ се вже другий світъ. Скрізь сидять помірні душі, усє по статтямъ: молоді вь молодій статті, в старій вь старій, и хто якъ на сїмъ світі заслуживъ, те й на тїмъ світі приймає. Хто старцямъ милостию подававъ, то все те передъ їмъ и лежить: чи шматокъ хліба, чи кільце ковбаски, чи зїла кришенникъ, то все такъ на столїхъ передъ ними й лежить; а хто не дававъ, то такъ сидять.

»Идемó«, каже, »ажъ ходять волі вь такому спашу, що й рїгъ невідно съ трави, а самі худі, худі, якъ дошка. А білі їхъ ходять волі по самій землі—ні травинки підъ ногами нема, да жиръ ажъ по землі тилінаєтця. Отъ дідъ и каже: »Оце«, каже, »що худі волі, то то багаті люде, що жили самі вь рєскопі, а біднимъ не помагали; а ситі волі, то то бідні люде, що одъ свого рота одиймали та старцямъ изъ послїднєго давали. Отъ же вони тепєрь и ситі й напєнені, а тіи по рогі вь спашу, та худі, якъ дошка.« Такъ-то на сїмъ світі и багатіи, й хєрòшіи, й щя-

слівні — усі помруть, усе минеться. Сказано: *Сей світъ — якъ маківъ цвітъ, день цвітє, а въ-ночі опадє!*

»Идемó«, каже, »ажъ міжъ двомá дубáми горить у пóломьї чоловікъ и кричить: »Ой, пробі! укрийте менє, бо замєрзну! ой укрийте менє, бо замєрзну!« Дідъ и каже: »Оцє«, каже, »той чоловікъ, що просився до єгó зимою въ хáту подорóжній, а на дворі булá метєлиця та хуртовина, а вінъ не пустивъ, дакъ той и змєрзъ підъ тїномъ. Оцє жъ тепєрь вінъ горить у пóломьї, а єму щє здаєтця, що хóлодно, и терпить вінъ такú мýку, якъ той подорóжній терпівъ одъ морóзу.«

»Идемó«, каже, »дальшъ, коли жъ лежить чоловікъ коло кри́ниці; течє єму ривчáкъ черезъ ротъ, а вінъ кричить: »Пробі! дайте напїтьця! пробі! дайте напїтьця!« Дідъ и каже: »Сей«, каже, »не давъ чоловікові въ живівá воді напїтьця. Жавъ вінъ на ниві, ажъ идє старчикъ дорóгою, а жарá велика, Спасївська. »Ой«, каже, »чоловіче добрий! дáй, рáди Христá, воді напїтьця!« А вінъ єму: »Оцє жъ для тебе вивізъ! Виллю на ниву, а не дамъ такому дармоїду, якъ ти!« То отъ, тепєрь єму ривчáкъ черезъ гóрло бїжить, а вінъ щє пить пробєить, и до вїку вїчного бóудє єму такъ жарко да тãжко, якъ томú старцеві, що йшовъ до-рóгою.«

»Идемó«, каже, »ажъ кипить у смолі жінка, а передъ нею цибу́лька лежить. Дідъ и каже: »Се«, каже, »мúчитця такъ мáти вáшого старóго титаря Онїсима, що булó все старцівъ годúє та біднимъ помагáє, а нїколи жóдної душі не обїдивъ и нї въ одномú слóві не збрехáвъ. Булá вона багáта, та сквáра, що одъ неї нїхтó й хлїба кускá не бáчивъ. Отó разъ полóла вона цибу́лю, ажъ идє поузь ворчє дїдъ-стáрець. »Подарї«, каже, »папї-мáтко, рáди Христá!« Вона вїрвала стрїлку: »Приймї«, каже старче Бóжий.« Тилько жъ одъ неї й бáчили. Отъ, якъ умєрла, то вже звїсно — тутъ своя дорóга, а тамъ тебє поведуть. Взялї

»її небóгу та ї потягли въ пекло. А Онїсимъ и побачивъ зъ неба, »що вона велику мýку приймає, та ї каже: »Бóже мій милій, »Спасе мій Христé! за всю мою щирость, за всю мою правду, »зроби́ мнѣ такú ласку: нехай и моя мати буде въ раю зо мною.«
»А Христось и рече ёму: »Ні«», каже, »Онїсime! вельми »грішна твоя мати. Візьми хїба оту цибульку, що лежить передь »нею, та коли витягнеш ї съ тїи бѣздни, то нехай и вона буде »въ раю съ тобою.«
»Узявъ вінъ тую стрілочку та ї подавъ ма- »тері. Схопилась вона за неї... отъ, отъ витягне, отъ, отъ витягне »съ пекла! бо що-то Бóжому святóму? Ажъ ні: якъ поначіплюва- »лись її и въ плахту, и въ намітку грішніи дýши, що бъ и собі съ »того пекла вибратьця, то ї не здержала тая цибулька: перерва- »лась, а вона такъ и бóвтула въ гарячу смóлу!«

»Идемó«, каже, »щѣ дальшъ, ажъ стоїть по поясь у жару, такъ якъ горщóкъ на припичку, нашъ покійний Бабинець, що ще якъ пáрубкомъ бувъ, то обмиравъ. Я ї пізнала ёго. »За що се ти«», кажу, »Семéне, такú мýку приймаешъ?« — »Що жъ«», каже, »бабу́сю? якъ обмиравъ я пáрубкомъ, то ходивъ усюди по дру- »гому світу, усякі мýки бачивъ, а далі зайшовъ до якогось діда. »Сидить и веє до кúпи ліка звязує. Оце одріже одъ жмúтка два »шматóчки, та звяже до-кúпи та ї повесить на кілóчку, одріже, »звяже та ї повесить на кілóчку. »Диду́сю!« кажу, »що оце »ви робите?« — »Се«», каже, »я пáри парюю.« — »А »моя жъ пáра тутъ ёсть?« — »Ёсть«», каже: »ось де« та ї, »звязавъ и повесивъ на кілóчку. »Якъ же мнѣ пізнати свою »пáру?« — »А ось якъ: Якъ пійдешъ ти на святка́хъ у корчму »та заграють музїки, то вона пѣрша пійде въ танецъ, бо вона »охóча до музїкъ: отó жъ твóя ї пáра.« А я, грішний, и по- »дúмавъ: »Коли жъ буде хорóша, то буду свáтати, а якъ-жѣ по- »гáна, то візьму каменя зъ собою та и вбю.« Узявъ каме- »ня и пішовъ до корчмї. Коли жъ, скóро заграли музїки, ажъ и »війшла, та така жъ нечумáзна! Я якъ хряпну ї каменемъ по го- »віло, а самъ навтікача! Та якъ пішовъ, то волочивсь рóківъ,

»може зò два, и вже дè не свáтавсь? нiхтò не йдè та й не йдè за мéне. То я собi й дúмаю: »Пiйдú ще вь iнше селò, та зачнú »свáтатьця сь крайнiей хáти, не мивáючи жòднои; мòже, чи не »оддáсть хто.« Пiдú, ажь стоить сельцé. Оть я вь крайню хá-»ту. Дивлюсь — дiвчи́на гáрна, чи вже, мòже, такь минi тогдi »здáлось. Ставь свáтать — оддалi. Отò жь и стáвь я жить изь »нiею. Та разь у свáто зiбрáлись жiнки до-кúпи пообiдавши, та »й ськáютьця собi пiдъ хáтою у холодкú, А однá ськáе моiй жiн-»ци вь головi та й питае, а я й чúю: »Чогò се«», кáже, вь тебé »шрáмь у головi?« — »Се я«», кáже, »ще дiвкою гуляла »разь на святкáхь у корчми; а одiнъ врáжий синъ здурiвъ, чи »впiвся, — ухопiвъ каменiюгу та менé пò головi; то трéхи не вмёр-»ла; та вже якось одхáяли.« А я слúхаю та й догадáвсь, що се »та самá, що звязáв минi Богъ у пáру!... Оть за те-то я тепérъ »у жару по пòясъ стою, що пiшòвъ протiвъ Бòжоi вòли.«

»Идемò«, кáже, »щé дальшь, ажь гайдáмака, такiй старiй та здоровéнний, гáдъ рука́ми зь я́ми до я́ми нòсить, а чéрти óстами ёгò поганяють. Дiдъ и кáже: »Сей«», кáже, »багáцько натворiвъ »грiхiвъ на тiмъ свiтi, и покúту великú вiдержавъ, — и покú-»та ёгò не слобони́ла. Тяжко великi грiхи ёгò! за те вiнъ и мý-»читця гiршь надъ усi грiшнi дúши. Дòвго розбивáв вiнъ на-»рòдъ, рiзавъ старòго й малòго, дáли одúмавсь та й пiшòвъ спо-»вiдáтьця. Прийшòвъ до одного попá: »Вiсповiдай менé, па-»но́че, та накiнь якú покúту« — »Якi жь твоi грiхи?« — »Оттакi й такi: багáцько я дúшь изь свiта зогнáвъ, и отця й ма-»тиръ убiвъ.« — »Э, на такi грiхи немá вь менé покúти!« »Вiнъ узiявъ та и вбiвъ тогò попá. Пiдé до дрúгого: »Вiсповi-»дай менé, панóче, та накiнь покúту.« — »Якi жь твоi грi-»хи?« — »Оттакi й такi.« И тòй кáже: »Немá на iх »покúти.« Вiнъ и тогò вбiвъ. Дáли бáчить, що нiхтò ёгò не »вiсповiдае, почúвъ, що есть десь такiй пiшъ, що ще малèнь-»кимъ бáтько продáв ёгò нечiстому, за те, що помiгъ у дорòзi »вiрятовати вòза сь калю́жи; такь вiнъ и вь пèклi вже бувъ, та

»якось विकрутивсь звідти и зробивсь попómъ. «Пйду жъ», каже,
 »я шукать сёго попа: сей ужé певне пакине на мене покúту.«
 »Иде, ажъ той ппъ и иде ёму назúстрíчь. Питаётця: «Чи ти бúвъ
 »у пёклí?» — «Бувъ.» — «А чи бачивъ же ти тамъ мйй па-
 »трётъ, мою дúшу?» — «Бачивъ.» — «Що́жъ вона тамъ
 »рóбить?» — «Гадъ», каже, »рукáми зъ ями до ями нó-
 »сить, а чортí óстями и поганяють.» (¹) — «Ну», каже, »бо-
 »лй ти вже и съ того свítу вернúвь, то ти на мене накинешъ
 »покúту.» — «Якí жъ твоí грíхí?» — «Оттакí и такí: ба-
 »гацько я дúшъ изъ свítа зогнавъ и отця и матёръ убивъ.»
 — «Э, тяжкй», каже, »твоí грíхí!» Та повивъ ёго на го-
 »ру, на могилкй, та и каже: «Взьмй жъ», каже, »ти оцю яблу-
 »нёву пáлку; вона мнй ще одъ мого дйда достáлась; та по садí
 »и оттúтъ на могилкáхъ, та чи бачишь генъ-генъ у полí крини-
 »ця? Ходй ти рáно и вёчёръ до тй криници, носй вóду рóтомъ
 »и поливай сю пáлку. Коли вона прийметця и вйросте зъ неí
 »яблуня, и поснйють яблука, и ти ихъ усй стрúсишь, тогдй спа-
 »дúтъ съ тебе и всй грíхí твоí.» Сказавъ та и похавъ собí.
 »Отó жъ, рóкíвъ, мóже, черезъ тридцять, иде зновъ той ппъ черезъ
 »той лёсъ, мймо тихъ могилóкъ, иде, та такъ ёму звиднись запахли
 »яблука! Гляне, ажъ на могилкáхъ така хорóша та рясиá яблуня
 »стоить! а на яблунí яблучка все срйбнй, тилько двое золотйхъ; а
 »пидъ яблунею сидить дйдъ, сйвий, сйвий, якъ молоко. Побачивъ
 »попá, пзнáвъ, да тилько рукóю на яблуню скйнувъ: вже и слóва не
 »промóвить. Тогдй ппъ: «Эгé! та се жъ», каже, »той гай-
 »дамака, що я покúту накинувъ?...» «Ну», каже, »трусй.»

(¹) См. Давтовъ «Адъ», пёсьнь XXXIII: «Какъ сказалъ я: ты уже умеръ?—Онъ же въ отвётъ: Я не знаю, какимъ образомъ тёло мое еще живетъ на землй. Эта Птолемея отличается тёмъ, что часто душа падаетъ въ нее, прежде нежели Атропосъ дастъ ей толчокъ. Чтобы ты охотнйе освободилъ глаза мои отъ застывшихъ слезъ, знай, что лишь только душа согръшитъ предательствомъ, въ чемъ виновень и я, тёло ея дёлается немедленно добычею демона, который управляетъ имъ до послёдняго дня жизни, а душа падаетъ въ этотъ ужасный ледникъ и, можетъ быть, тамъ на верху еще кажется въ живыхъ тёло души, которая дрожитъ позади меня.»

»Струснѣвъ дідь яблуню, — усі серібні яблуска обесипались, а
»двоє золотіхъ висіть. Чого вже не робивъ вінъ? якъ не збивавъ?
»висіять та й висіять!... »Оце жъ« , каже, »твої два гріхі ви
»сїть, що ти отця й матірѣ убивъ.« Та, набравши въ хусточку
»яблукъ, и поїхавъ собі. А гайдамака тамъ и сконавъ. И мұ-
»читця отгуть вінъ гірше надъ усіхъ грішниківъ, и ніколи не
»бўде ємў пільги. Усімъ бўде колись пільга, а ємў не бўде.«

»Идемó« , каже, »дальшъ, ажъ лежить черезъ провалле клá-
дочка така хистка, що вся такъ и колишетця. А провалле таке
глибоченне, що й дна не видно, — тїлько щось гудє, такъ якъ
у котлі кипїть. Якъ ступила я на ту кладочку, якъ хитнўсь, то
трóхи, трóхи не впала. И впала бъ така, колибъ дідь не вхопивъ
за рукавъ. »Э, ні!« каже, »ще тобі не порá тудї: ще ти вєр-
»неся на той свїть. Багато тамъ людєй погубля свої дўши то
»лаїкою, то бїйкою, то сєнáростю, то кражею, то душоуб-
»ствомъ безбóжнимъ. Отъ же, якъ вєрнеся,« каже, »то глядї
»минї, розкажі людямъ про все, щó тутъ бачила; нехай вони зна-
»ють, щó то за мўки пекельні, нехай памятають на праведний
»судъ Бóжий; бо вже« , каже, »мўченикъ Иванъ у Києві, въ пе-
»чєрахъ, по шїю въ землі стоїть; а якъ увїйде зовсімъ у зємлю,
»тогдї ніколи бўде кáтьця.«

И багато, багато розказувала про той свїть старá Дубїниха.
Не мóжна всєго того жáднимъ рóзумомъ збагнути. А панї слўхає-
слўхає, да зновъ: »Бабўсю-голўбоньго! а дїтóкъ же моїхъ якъ ти
бачила?« А вона: »Да я жъ кажў тобі, моя добродїйко, що бá-
чила я їхъ вїсоко, вїсоко въ раю Бóжому. Мáти Бóжа панчїшку
плетє, а вони передъ нею золотїї клубóчки держáть.«

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ВІСНИК

книжка
Олександра
Губришова
Аліоша
(А.Г. Аліош)

I.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ О РАЗОРЕНІИ КІЕВА БАТЬМЕМЪ.

Да не славнѣйшій гóродъ Медвѣдівка изъ своїми городáми,
Якъ славнѣйшій Пиліпъ Орлівъ зъ двомá козака́ми:
Одінъ Грицьбó, другій Андрій, на віру гонитель,
Веімъ городáмъ Українськимъ вінъ бувъ розоритель.

Въ неділю рáно-пораненьку у всі дзвони дзвонять,
И старіи, и маліи въ весь гóлосъ голóсять,
На коліна упадають и Бóга просять:
»Поможі намъ, Бóже, Кієвъ гóродъ бороніти,
Дождемо Пёршої Пречисто́и, бóдемъ обідь становіти.«

Въ неділю рáно-пораненьку гóрода достáли,
Веімъ церквámъ Українськимъ верхі позбивáли,
Полотніни образі підъ кульбáки кла́ли,
Дзвóнами спижóвими кóни наповáли,
Въ святіхъ церквáхъ кóни становіли.

Примльчаніє. Пѣсня эта записана Э. О. Руликовскимъ въ Васильковскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи и помѣщена въ его прекрасной книгѣ »Opis Powiatu Wasylkowskiego« (стр. 181).

Онъ объясняетъ ее такъ :

»Думу эту надобно отнести ко времени нашествія хана Батые на Русь и Кієвъ. Хотя въ ея складѣ замѣтно недавнее происхож-

деніе (¹), однакожъ она выразительно проникнута этимъ воспоминаніемъ. — О разореніи Кіева, и именно церковей его, Синопсисъ говорить такъ: »Крестъ съ главы церковныя золотокovaný сняша, а верхъ до полу-церкве по окна повелѣніемъ »проклятого Батыя испровергоша, такожде и верхъ олтаря великого по перси иконы Пресвятой Богородицы избиша«. Изъ этого ясно, что нынѣшняя пѣсня согласна съ историческимъ преданіемъ, ибо упоминаніе о Пилипѣ Орливѣ и его двоихъ товарищахъ ни сколько тому не противорѣчить, такъ какъ извѣстно, что народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми. Народъ не заботится о томъ, такъ, или иначе, назывался богатырь пѣсни: для него важень характеръ, выражаемый воспѣтою личностью, важны мысль и слово, которыми запечатлѣна эта личность. Поэтому Пилипомъ Орливомъ (Филиппъ Орликъ) можетъ быть у него здѣсь Батый, а два его товарища суть Манкѹ и Пета.«

II.

СТИХИ НА КАРТИНѢ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩЕЙ ЗАПОРОЖЦА-КОБЗАРЯ.

Надъ бандурою:

Струни моі, струни золотіі! заграйте мнѣ стіха,
Ачѣй (²) козакъ нетяжище позабуде ліха!

Надъ ковшемъ:

Въ насъ у Січі то и норовъ, хто *Отче нашъ* знає,
Якъ умівся, вставши вранці, то чарки шукає.

(¹) Почтенный авторъ ошибается, думая, что народъ способенъ складывать пѣсни о временахъ давно прошедшихъ: это свойственно однимъ писателямъ. *Медведовка*, прославившаяся гайдамачествомъ, и *Пилипъ Орликъ* показываютъ только смѣсь пѣсенныхъ воспоминаній, просходящую отъ забвенія старины. Примѣръ нерѣдкій. — (²) *Ачѣй* — авось-либо.

Чи чарка то, чи ківшъ бѣде, не глядѣть перемѣни;
Гладко п'ють, якъ зъ лѹка б'ють до ночної тѣни.

Внизу картишы:

Дивися та гадай, та ба, не вгадаешъ,
Відкіль рѣдомъ и якъ зовуть, нѣ чичѣркѣ не визнаешъ.
Кому трашилось хотъ разъ у степу гуляти,
То мѣже той и прѣзвище моѣ угадаѣти.
Въ мене им'я не однѣ, а есть ихъ до к'ата:
Такъ зовуть, якъ набѣжишь на якого св'ата.
Жидъ зъ бѣди за рѣдного б'атька почитае,
Милостивимъ добродѣемъ Ляхъ називае;
А ти якъ хочъ назовѣ, на все дозволяю,
Аби тѣлько не крамаремъ, бо за те й полаю.

Відкіль я рѣдомъ взявся на свѣтѣ,
Всякий зъ васъ хоче знати примѣти.

Жѣнокъ въ Сѣчѣ немае,

Всякъ те добре знае.

Хѣба скажешъ — п'зъ рѣбѣ рѣдомъ,

Абѣ съ пѣгача дѣдъ мѣй плодомъ.

Но въ томъ себѣ мѣлишь

И на-криво цѣлишь.

У насъ сугакѣ тѣлько слѣди,

А дѣкѣ кѣни намъ сусѣди;

А Дѣпрѣве стрѣмя —

Тѣ наше плѣмя.

Трѣхи Ляхв'а угадаѣла,

Щѣ лошак'а дароваѣла.

Глянь на гербъ сей знаменѣтый, —

Вѣнь висѣть на дубу обвѣтѣй.

Правда, якъ кѣнь въ степовѣй волѣ,

То такъ козакъ на безъ долѣ:

Кудѣ схѣче, тудѣ ск'аче,

За козакѣмъ нѣхтѣ не запл'аче.

Гай-гай! якъ я бувъ мѣлодъ, щѣ въ минѣ бул'а за сѣла!

Ляхів нещадно б'ючи, рука її разь не зомліла.
А теперь и вощь дужча відь Ляха здаєтця :
Плечи и шги болять, якь день пообв'єсея.
Така-то, бачу, недовга лігть нашихь година:
Своро цвітє, скоро и віанє, якь у полі биліна,
Хоча мни й не страшно на степу вмирати,
Тільки жалко, що нікому буде поховати:
Татаринь пураетця, а Лях не приступить,
Хибá яка звірюка за ногу у байракъ поцупить.
Та вже жь пристарівшись на Русь пийти мушу,
Ачєй такі одоминяють попи мою душу.
Тільки жь мни негдєже на лаві вмирати,
Бо щє менє берє охота зь Ляхами гуляти.
Хоча вже трюхи й зледацівь, да щє чують плечи —
Кажетця, поборовся бь щє зь Ляхами гь рєчи,
Ачєй би що-небудь перекинули для смєрти...
Або Жиду, або Ляху мушу носа втерти.
Ищє бь прогнавь Ляхви хорюговь за Вієлу не трюхи,
Розлетились би вони всі, якь одь ножару блюхи.
Лучалось мни на степу варити пиво :
Пивь Тўрчинь, пивь Татаринь, пивь и Лях на-диво.
Багато й теперь лежить на степу сь похмілля
Мєртвихь голівь и кїстокъ одь того весїлля.
Надія вь менє певна — мушкєть-сіромаха,
Ищє не заржавіла и шабля, мой свáха.
Хоть ужє не разь пасокою вмілаєсь,
Таки вона й теперь якь-би розозлилась,
То не одїнь кателїкь лобомь догорї етанє,
Коли жь поквáпитця втїкати, на спису застрáнє.
Та якь и лўкь натягнуь, брязну тативдю,
То мусить утикати хань Крїмєський зь ордою.

Эй нуте лишь, степї, горїть пожарами,
Бо вже чась кожухь мїняти на жупань зь Ляхами.
Та якь ярмарокь добрий удача покаже,
То вь бариші Жидь зь Ляхомь не одїнь поляже.

Пекъ імъ! якъ намóжуться, то мўсишь уступити:
За шкатулу червонихъ и за рондикъ ⁽¹⁾, зóлотоь шитїй,
Кожухъ скрупїлий скинешъ імъ до кáта,
Абї якъ сцурáтися упрїмого свáта.
Да вже бїжї чимъ дужъ до Сїчи могорїчю пїти...
Цўрь імъ бодáй! якъ звїкли насъ Ляхї дурїти!

III.

МѢСТА ИЗЪ ДУМЫ РИГОРѢНКА О ФЕСЬКѢ ДЕНДЕБѢРѢ, НЕВОШЕДШІЯ ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ
ДУМЫ АНДРЕЯ ШУТА О ТОМЪ ЖЕ ГЕРОѢ.

»Гей Нáсте Горовáя,
Шникáрко молодáя,
Кабáшнице степовáя!

Не велю я тобї сѣго козакá съ хáти виганáти,
Хочъ я свїй осьмáкъ на пїво викидáю,
А ти ёго съ хáти не вибївай.»

Ись-підъ полї позлотїстїй недолимокъ ⁽²⁾ вишьмáе,
По столу три рáзи затинáе,
Козáцьку пїсню спївáе:
»Ой рїко козáцькая!
Тепѣрь мѣне абó зодягай,
Абó до себѣ приньмáй.»

Тодї де взяліся три джўри малїхъ-невелїкихъ:
Що пѣрвий джўра идѣ,
Пáру жупáнїв ѣмў несѣ;
Дрўгий джўра идѣ,
Жóвті сáньгáнци ѣмў несѣ,
А трѣтїй джўра идѣ,

Ширóкїи, що й слїдъ замїтають червонї шаровáри несѣ,

(1) Конскїй уборъ.

(2) Келепѣць. *Пр. п.*

И оксамітну шапку на голову ёму несé.
Вони ёму приношáли
И до ёго промовля́ли :
»Гей Феськó Дендебéре ,
Бáтьку козацький , славний лицáре!
Дóки тобі тóта пуствовáти?
Чась-пора йти на Вкраїну бaтькувáти.«
Тоді Феськó Дендебéря полáтану , подрáту , узловáту одéжу скидáє ,
Пáру жуванів надівáє ;
Постолі бобрóві ,
Личані , вазóві ,
Знімáє ,
Жóвті сап'я́нці обувáє ,
И на своїх джурь покликáє :
»Гей , джурі ви мої малі-невелікі!
Дóбре ви дбáйте ,
Сихь Ляхів ,
Ду́ків - срібляників ,
По одінцю сь хáти вивождáйте ,
Та середь оболóння їх покладáйте ,
Хорошéнько вь три берéзи по дúпахь затинáйте.«

Тоді ті Ляхи ,
Дуки - срібляники ,
Тéе зачувáли ,
Дóбре дбáли ,
Зь шинку утікáли ;
А опісля до ёго приходжáли ,
Соболёвими шубами ёго дарувáли ,
Словáми до ёго промовля́ли :
»Гей Феськó Дендебéря!
Колибь ми тебе бу́ли знáли ,
Садили бь бу́ли тебе , не займáли.«
Тоді Феськó Дендебéря на шинка́рку покликáє :
»Гей , шинка́рко Горовáя ,
Нáсте молодáя ,

Кабáшнице степова́я!
Гей, кадуки́ бѣ тоби́ въ м.....!
Тепе́рь мені́ це́беръ ме́ду, а дру́гий горі́лки насипа́й,
Велю́ тоби́ їх на скам'ї́ станові́ти;
А я, якъ не могу́ тоби́ запла́тити,
То ста́ну до тебе́ на три го́ди гру́би то́пити.«
Шинка́рка Горова́я,
На́стя молодя́я,
Кабáшница степова́я,
Тее́ зачува́е,
Це́беръ ме́ду, дру́гий горі́лки насипа́е,
На скам'ї́ постано́вляє,
До є́го слова́ми промовля́е:
»Гей, Фесько́ Дендебе́ря,
Гетьма́нъ Запоро́зький, Черка́ський,
Това́ришу на́ський,
Якъ-би́ я тебе́ бу́ла зна́ла,
То я бѣ́ тебе́ съ ха́ти въ поті́лицю не вибива́ла
А тепе́рь, коли хо́чъ щі́е въ мене́ до́вше погуля́ти,
Я тоби́ могу́ щі́е въ ма́слі каплу́нівъ зготува́ти.«

Якъ погуля́въ Фесько́ Дендебе́ря тамъ ще́ чоти́ри неді́лі,
То отта́мъ усі́ є́го бі́ти тала́ря засі́ли.

IV.

ПѢСНЯ О КОЗАКѢ ВАСЮРИНСКОМЪ.

Да встань, ба́тьку съ того́ світу, вели́кий гетьма́не! (1)
Якъ поіде́мъ до Цари́ці — по пре́жньому́ ста́не.
»Ой Цари́це, на́ша ма́ти! змі́луйся надъ на́ми,
Одда́й же намъ на́ші зе́млі съ те́мними луга́ми.«
»Не на те́е, ми́ле бра́тте, я Сі́чъ руїно́вала,

(1) Не помню, гдѣ-то замѣчено, что этотъ стихъ относится къ Потемкину. Но Потемкинъ умеръ спустя много лѣтъ по разореніи Сѣчи, которое, по своему народнаго вдохновенія, не могло быть воспѣто такъ поздно. Здѣсь разумѣется Богданъ Хмельницкій.

Ой щобъ я вамъ вѣші зѣмлі, клейноди вертала.«
Течѣ рѣчка невелічка, підмиває кручи:
Заплакали Запорозці, одъ Царіці йдучи.
Васюринський козарлюга все пѣе та гуляє,
Отамана кошового бѣтькомъ називає:
»Позволь, бѣтьку отамане, намъ на баштѣ стѣти:
Якъ не стѣдно а Царіці та Січъ руйновати!
Не позволиши съ шабелькѣми, позволъ съ кулакѣми:
Нехай наша слава не гине поміжъ козакамі!«

V.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПѢСНИ, ПРОКЛИНАЮЩЕЙ БОГДАНА ХМѢЛЬНИЦКАГО ЗА ПРЕДЕТЕЛЬСТВО ТАТАРАМЪ УКРАИНСКИХЪ ПОСЕЛЯНЪ ВЪ НЕВОЛЮ.

Кондрать Тарануха, рассказавъ легенду о Хмѣльницкомъ (см. выше, стр. 114), прибавилъ, что Хмѣльницкій продавалъ Татарамъ *на ясырь*, т. е. въ неволю, цѣлыя села, и, въ доказательство, припомнилъ слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ забытой имъ пѣсни:

Ой бодай Хмеля Хмельницького
Перва кўля не минула,
Що велівъ брати парубкї й дївкї
И молодїї молодїцї.
Парубкї йдуть спїваючи,
А дївчата рїдаючи,
А молодїї молодїцї
Старого Хмеля проклинаячи:
»Ой бодай Хмеля Хмельницького
Перва кўля не минула.....

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

мнискі

Олександр

Гавриловича

Аліоша

(А. Г. Агаш.)

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛѢДУЕТЪ:
XII	9	<i>съ войнати</i>	<i>съ войнами</i>
XIII	27	<i>пльсь.</i>	<i>пльсь.</i>
XVII	8	Вовчкѣ.	Вовчкѣ.
XVIII	5	Щѣрба.	Щѣрба.
—	23	<i>Каливщичи.</i>	<i>Каливщичи.</i>
XXII	9	Стр.	Стр. 315
XXV	1	не съ козаками,	не съ козаками,
—	19	Запрожцевъ	Запорожцевъ
—	23	къ покойному	къ покойному
55	22	не я втѣрплю	я не втѣрплю
68	2	еказавъ	сказавъ
75	5	толпята	толпята
88	4	Александръ и Казиміръ	Казимиръ Ягелмонъ и
		Ягелмонъ	Александръ.
95	7	напѣвшисъ	напѣвшисъ
116	9	іхаті	іхати
117	19	не давятъ	не давятъ
147	1	сѣме ро	сѣмеро
156	7	сказа въ, той	сказавъ, то й
162	18	А вон якѣй	А воні, якъ
163	22	Запорожцевъ	Запорожець.
164	30—31	продолжнікее	продолженіе.
244	32—33	людиі убра лисъ	людей и убрались
246	4	бесознательно	бесознательно
247	32	А я — говоритъ	А я — говоритъ —
250	9	й жупанъ, добувъ.	й жупанъ добувъ.
252	11	побѣжимъ,	побѣжимъ,
253	10	каже:	каже:
258	21—22	<i>постолаѣ</i> (1).	<i>постолаѣ</i> (2).
261	30	въ Троицко	въ Троицкой
265	1	думавъ,	думавъ,
—	25—26	плотника	плотника
268	26	Смилянскому	Смилянскому
272	17	поставлятъ	поставлятъ
—	29	козаківъ	козаківъ
278	6	ганчарѣ	гончарѣ
280	4	казанъ,	казанъ,
—	8	заразъ	заразъ
281	17	и зъ	изъ
285	28	Жидинять	Жиденять
289	7	давниі	давній
296	31	оттуда	откуда

СТРАН.	СТРОКА:	НАПЕЧАТАНО:	СЛІДУЄТЬ:
300	32	бросиъ	бросиъ
303	15	кращихъ-дітокъ,	кращихъ дітокъ,
306	14	Лизь!	Лизь!
307	17	вивізь!	вивізь!
—	28—29	паніматко,	паніматко,
308	32—33	по говіло, а самъ навті- кача!	по голові, а самъ навті- кача!
309	8	у холодкѹ,	у холодкѹ.
—	29	на їх	на їх
—	33	йв« рятовати	»вирятовати
310	2	пакіне	накіне
—	13	по садѹ	посадѹ
316	28	просходящюю	просходящюю
317	31	на безъ долі:	не безъ долі:
318	29	поквѣнитця	поквѣнитця

